

СЕКЦИЯ «*Политические науки*»Подсекция «*Истории и теории политики*»Легитимность института парламентаризма в современной России¹Алешина М.В.²

*Магистрант гуманитарного факультета
Тульский государственный университет, Тула, Россия
E-mail: wintersun85@mail.ru*

В условиях общественной трансформации, которую переживает Россия последние два десятилетия, пожалуй, ни одна из структур высшей государственной власти не вызывала столь различные, а часто диаметрально противоположные мнения о себе, как представительные, законодательные органы. И хотя на официальном уровне можно услышать заключения о том, что «нам удалось преодолеть синдром недоверия к парламентаризму», социологические данные не столь оптимистичны: относительное большинство граждан (35 процентов) заявили, что «в современной России без парламента можно обойтись». Такая ситуация ставит высший законодательный орган страны в непростое, а то и крайне уязвимое положение. Спорная легитимность нынешнего российского парламента является «ахиллесовой пятой» всей системы государственной власти, сложившейся после крушения СССР.

В целом за период деятельности Государственной Думы с 1994 по 2005 год можно выделить 18 случаев, когда возникала потенциальная возможность досрочного прекращения деятельности Государственной Думы. И во всех случаях угрозы роспуска Государственной Думы оказывали сильнейшее воздействие на легитимность российского парламента.

Легитимность власти, по мнению некоторых исследователей, обеспечивается в конечном счете ее эффективностью. Но и нелегитимная власть в долгосрочном отношении эффективной быть не может. В этом — диалектика эффективности и легитимности, оставляющая политической элите, преследующей собственные цели, относительно небольшое пространство для маневра в пределах стабильности. Эффективность деятельности есть главный критерий оценки власти на начальном этапе демократического развития.

В исследовании автор ставит цель изучить процесс институционализации парламентаризма в современной российской политической системе и выявить причины, оказывающие влияние на уровень его легитимности.

Чтобы выяснить, с чем связана низкая легитимность парламента как важнейшего политического института страны, каковы основные барьеры становления парламентаризма в России и каковы его перспективы, автор обратилась к экспертам в данной области – депутатам Тульской областной думы и к специалистам-политологам. В результате проведенных исследований были сделаны следующие выводы:

1. Эксперты-политики обозначили следующие факторы, оказывающие влияние на процесс легитимации парламентаризма: уровень политической культуры населения и низкая степень заинтересованности населения политикой. Это внешние факторы, связанные напрямую с отношением населения к парламенту.

2. Специалисты-политологи, подчеркнули, однако, что не только от населения зависит развитие политических институтов в стране. Органы государственной власти

¹ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных автором на базе Тульского государственного университета.

² Автор выражает признательность профессору, д. п. н. Батаниной И.А. за помощь в подготовке тезисов.

также играют существенную роль в данном процессе. При рассмотрении факторов, влияющих на легитимность института парламентаризма в России, политологи назвали внешние факторы сопутствующими, внутренние – доминирующими. Специалисты особо выделили такие внутренние факторы как законопроекты, принимаемые парламентом, и бикамеральная структура Федерального Собрания, в частности, значение Совета Федерации как верхней палаты. Своей деятельностью, по мнению политологов, высшие законодательные органы власти формируют отношение к себе. Насколько эффективным будет их функционирование, настолько выше станет легитимность. Так, важнейшей реформой за последнее время стала реформа по изменению избирательного законодательства. Ее противоречивая оценка и у населения и у экспертов вызывает противоречивое отношение к самому парламенту и оказывает существенное влияние на степень его легитимности.

3. В последние годы выборы в России фактически превратились в формальный процесс легитимизации власти. Большинство экспертов подчеркнули, что уровень легитимности парламента после выборов 2007 года не изменится, 4 человека отметили, что легитимность парламента значительно увеличится. Ряд известных политологов, а также экс-президент Владимир Путин говорят о том, что легитимность парламента после выборов 2007 года увеличивается. Однако население, по данным всероссийских исследований, не собирается считать вновь избранную Думу легитимным органом. Кто окажется прав в данном вопросе покажет время.

Литература

1. Авакьян С. А. Парламентаризм в России: идеи и решение // Вестник Московского Университета. Сер. 11, Право. – 2006. - №2. – С. 3-19.
2. Баранов Н.А. Легитимность власти: политический опыт России // Социально-гуманитарные знания. - 2008. - №1. – С. 12-14.
3. Беляева Н. Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. – 2007. – №1. – С. 22-32.
4. Иванников И. Легитимность и эффективность государственной власти // Власть. – 2005. - №11. – С. 17-22.
5. Обухов С. П. Семь угроз роспуска Думы (1994-2005). Общественное мнение о необходимости парламента в стране и возможности его досрочного роспуска [Электронный ресурс] / С. П. Обухов. – Режим доступа: <http://www.cipkr.ru/index.html>
6. Хутинаев И. Д. Парламентаризм в России: некоторые вопросы институционализации // Современное право. – 2006. - №3. – С. 20-24.
7. <http://bd.fom.ru/> (фонд «Общественное мнение»)

Политика СССР по созданию наций в Средней Азии 1920-х – 1930-х годов

Алтухов Андрей Сергеевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: andalt1@gmail.com

Регион, который сегодня именуется «Средняя Азия» или «Центральная Азия» и в который, как правило, включают пять стран: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизстан и Казахстан, до 1924 года представлял собой крайне фрагментированное пространство, состоящее из множества мелких этносов, которые зачастую объединялись в коалиции. Возникнув, такие коалиции не только боролись за собственное выживание, но и начинали активное соперничество между собой. В таком соперничестве они часто погибали, исчезая в конкуренции, или подчинялись друг другу. В регионе не

наблюдалось никаких признаков, позволяющих говорить о наличии хотя бы одной нации: не было социально-экономического и культурно-политического единства, отсутствовал общий язык, народные массы в большинстве своем были малограмотные, а интеллектуальные элиты, даже, чтобы взаимодействовать друг с другом, не говоря уже о внешних отношениях, выходящих за рамки региона, должны были знать три-четыре языка, основными из которых были тюркский и арабский. Кроме того, существовало большое количество местных диалектов.

Существующие же в настоящее время на территории среднеазиатского региона нации являются искусственно созданным продуктом, результатом национальной политики большевиков 1920-х – 1930-х годов. При создании наций в Центральной Азии советское руководство преследовало определенные цели. Прежде всего, национализм был определен как один из основных противников советской власти и коммунистических идей, так как на его основе происходит сплочение народа против мировой революции. Следовательно, национализмы необходимо было всячески нейтрализовать, а затем использовать их в своих интересах. Сделать это можно было следующим путем: для начала, необходимо было расколоть общий региональный национализм на более мелкие национализмы, затем заключить с ними союз, взамен некоторых культурных уступок, которые необходимы для того, чтобы эти национализмы не выдвигали никаких политических требований. Следующим этапом являлось создание национальных элит из титульных национальностей для управления автономией. Кроме того, появление наций рассматривались большевиками как необходимый этап развития и перехода к новому социальному строю. Предполагалось, что вначале будут созданы крупные нации, которые в последующем отомрут вместе с государством.

Важной особенностью национального строительства большевиков являлась, так называемая, политика экономического выравнивая. В основе этой политики лежал тезис о том, что многие нации безнадежно отстали от РСФСР как в экономическом так и в культурном плане, это явилось следствием угнетения их царским режимом. Предполагалось перекачивать ресурсы из РСФСР в союзные республики. Такое национальное строительство в значительной степени дополнялось политикой «коренизации». Она заключалась в вытеснении русского языка из государственной и общественной жизни (в особенности из сферы образования), за счет замещения его языками национальных меньшинств СССР. Предполагалось, что такая политика поможет укрепить советскую власть на национальных окраинах путем активного привлечения местных жителей в сферу управления и культуры.

Дав национальным республикам огромную свободу действия и ресурсы, большевикам удалось на время заручиться поддержкой национальных элит, но вместе с тем они фактически выполнили работу за все местные национализмы, и к концу двадцатых годов XX века все очевиднее становилось то, что такая политика себя исчерпала. Национальные республики на словах соглашались с тезисами Ленина, но на деле старались максимально дистанцироваться от центральной власти. Все чаще звучали идеи, что отныне власть в республиках принадлежит национальным коммунистическим элитам и сложились все предпосылки для их независимости.

К концу 1920-х годов такие цели национального строительства в Центральной Азии, как: борьба с имперским национализмом путем создания более мелких национализмов, а также ликвидация пантюркистских настроений и идей, были весьма успешно реализованы. Другие, будь то: распространение идеи мировой революции через среднеазиатский регион в Афганистан, Иран, Индию, или привлечение симпатии населения приграничных территорий успехом не увенчались. Более того, политика экономического выравнивания и ущемления русской нации, вызванная борьбой с так называемым «великорусским шовинизмом» привела к возрастанию активности и влияния местных национализмов на территории Средней Азии, дала им возможность

дистанцироваться от центра и заявить о праве на независимость, что ставило под угрозу существование СССР.

В связи с возникновением подобной проблемы, в период правления Иосифа Сталина наметилось изменение курса национальной политики. После проведения ряда кардинальных мер, включающих чистку управленческих кадров в центрально-азиатском регионе, местные национализмы были нейтрализованы, а русская нация была реабилитирована, провозглашена «старшим братом» по отношению к другим нациям и положена в основу советского государства. В вопросах распределения власти национальные элиты среднеазиатских республик были поставлены в жесткую зависимость от центральной власти, что привело в конечном итоге к демонстрации этими элитами полной преданности советскому руководству, в связи с чем, центрально-азиатские республики считались одними из самых лояльных среди всех республик, входящих в состав СССР.

Завершение процесса строительства наций ознаменовало зафиксированное в конституции 1936 года существование на территории Центральной Азии Узбекской, Туркменской, Таджикской, Киргизской и Казахской советских социалистических республик, которые после распада СССР в 1991 году, существуют и по сей день, что дает основание признать политику большевиков по строительству наций в Средней Азии весьма успешной.

Литература

1. Martin T. The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca, L.: Cornell UP, 2001
2. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб. 2007.
3. Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918-1930 годы // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ. М.: Весь Мир, 1997.
4. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917-2004: Учеб. пособие для студентов вузов. М. 2005.
5. Кульчик Ю.Г. Центральная Азия после империи: этносы, общества, проблемы. М. 1995.
6. Раджабов С. А. Развитие советской национальной государственности в республиках Средней Азии. М. 1968.
7. Штейнберг Е. Среднеазиатское размежевание и процесс национальной консолидации. // Революция и национальности №12. М. 1934.

Информационная безопасность как фактор влияния на политическую стабильность в современном государстве

Анисимова А.В.

студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: anisimova.anna@gmail.com

Одной из основных целей государства, как любой социальной системы, является стремление к самосохранению и самовоспроизводству. С этой точки зрения политическая стабильность является одним из важнейших инструментов для достижения слаженной работы всех элементов политической системы общества, «ведь именно это состояние политических связей и отношений дает возможность властям не

только воспроизводить свои лидирующие позиции, сохраняя должную легитимность и повышая управляемость социальными процессами, но также и обеспечивать положение дел, при котором рядовые граждане имеют возможность широко пользоваться позитивными последствиями государственного порядка, безопасного жизнепроектирования».

В сущности, стабильность означает состояние системы, при котором достигается устойчивое и равновесное положение всех составляющих элементов структуры, позволяющее ей эффективно функционировать в условиях изменяющейся внешней среды, а также происходящих внутренних процессов. При этом факторы и механизм достижения данного состояния будут отличаться в различных политических системах, то есть зависеть от политического режима, социокультурных особенностей, формы правления, уровня политической культуры и т.п., в том числе и от исторического времени.

На данном этапе общественного развития (здесь мы имеем в виду, прежде всего, те страны, которые принято называть развитыми и развивающимися) с распространением информационных технологий, продолжающемся техническим прогрессом и ростом коммуникативных возможностей одним из важнейших факторов, влияющих на функционирование современного государства, стала информация. Фактически сегодня информация является одним из стратегических ресурсов, а воздействие на информационные потоки и контроль над их качественным наполнением (т.е. непосредственно их смысловым содержанием) может обеспечить возможности существенного влияния на акторов практически любого уровня политической системы, что может оказывать непосредственное воздействие на политическую стабильность государства.

Это означает, что в контексте современного развития страны для сохранения стабильности и качественного функционирования политической структуры необходим эффективный метод мониторинга, оценки и обработки, оценки, контроля и передачи циркулирующей информации, то есть создание такого инструмента, который бы мог обеспечить данной политической системе информационную безопасность. Под этим термином мы будем подразумевать состояние системы государства, при котором отсутствует или минимальна возможность негативного влияния на жизнедеятельность данной системы со стороны внутренних или внешних информационных потоков.

Фактически в этой работе нас интересует создание некоторой концептуальной модели, которая позволит наглядно представить взаимозависимость двух состояний политической системы (политической стабильности и информационной безопасности), а также выработать методологию, которая в перспективе позволит на прикладном уровне сформировать инструментарий по обеспечению информационной безопасности политической системы.

Сегодня изучение предложенной проблемы является актуальным, поскольку значимость информационного фактора в современном мире возрастает практически во всех областях жизнедеятельности человека, в том числе в политической сфере и государственном управлении, что, несомненно, создает новые вызовы существующим политическим и социальным институтам, а значит, требует адекватных качественных изменений для сохранения стабильности и устойчивости функционирования основных общественных структур. Кроме того, эффективное использование информации сегодня становится одним из факторов выживания в конкурентной среде и защиты существующих ресурсов.

Тем не менее, проблема информационной безопасности является недостаточно исследованной в отечественной политологии, особенно в плане теоретического осмысления, что делает затруднительным использование прикладных методов в данной сфере, поскольку до сих пор не существует серьезной концептуальной основы для

создания целостной системной модели обеспечения информационной безопасности государства.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: "Медиум", 1995.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.Путиным 9 сентября 2000 г., № Пр-1895). <http://www.scrf.gov.ru/documents/5.html>.
3. Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации. // Государственное управление. Электронный вестник. №1. 2003.
4. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. – М.: Логос, 2001.

Политическая культура российского общества и перспективы гражданской политической культуры в России

Арефьев Е.С.

*Аспирант кафедры истории и теории политики
Волгоградская Академия Государственной Службы,
arefev_evgenii@mail.ru*

Политическая культура неразрывно связана с политической системой общества и является ее неотъемлемым компонентом. Многие западные и отечественные политологи считают, что политическая культура - один из основных элементов политической системы (Г. Алмонд, П. Шаран, В.Ф. Пеньков).

Что же за феномен «политическая культура»? В настоящее время в политологии нет единого мнения относительно сферы понятия «политическая культура», вместе с тем, большинство политологов разделилось на два лагеря, одни ограничивают «политическую культуру» субъективными ориентациями на политическую систему; другие помимо этих ориентаций включают в это понятие еще и отчетливо выраженное политическое поведение. По мнению автора целесообразнее рассматривать политическую культуру как некий синтез политических ориентаций, знания и поведения, так как одно неразрывно связано с другим. В данной связи мы согласны с польским аналитиком Е. Вятром: «нельзя сводить понятие политической культуры исключительно к психическим состояниям. Нужно включить в него также определенные образцы поведения».

Для того, чтобы говорить о политической культуре российского общества, необходимо сначала определиться с тем, какие типы политической культуры выделяются политологами.

Рассмотрим в контексте сказанного классическую типологию Г. Алмонда и С. Вербы. На основе проведенных исследований они выделили 3 идеальных типа политической культуры: традиционная политическая культура; подданническая политическая культура и политическая культура участия. Позже в рамках этой типологии появилась гражданская культура – это смешанная политическая культура, в которой большая часть граждан может быть активной в политике, однако не меньшая часть играет более пассивную роль подданных.

Акцентированная типология позволяет нам перейти к анализу и такого феномена как политическая культура российских граждан. Общепризнанными ценностями доминирующей политической культуры России всегда были ценности «коммунитаризма» (восходящие к общинному коллективизму и обуславливающие не только приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной

свободы личности, но и, в конечном счете – ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни), а также персонализированного восприятия власти, постоянно обращающегося к поиску сильного лидера, способного вывести страну из кризиса. Существенно и то, что ведущей политической идеей в отечественных массовых политических ориентациях остается социальная справедливость, обуславливающая по преимуществу морально-нравственные оценки межгрупповой политической конкуренции [Бондар, Динес 2008: 3]. Соответственно для таких культурных ориентаций характерно: непонимание роли представительных органов власти, органов власти местного самоуправления, незаинтересованность в систематическом контроле за властями, отрицание высокого значения кодифицированной законности. В общем, по мнению автора, в России доминирует «подданнический тип» политической культуры, тогда как классики политической науки Г. Алмонд и С. Верба считали, что наиболее благоприятствующей для демократического развития государства является гражданская политическая культура.

В 1993 году была принята Конституция РФ, в которой закрепились ценности демократического государства, но на данный момент приходится констатировать: эти ценности все еще выступают для основной массы населения скорее как некие ориентиры, требующие конкретного освоения. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, следующие ценности: а) справедливость, понимаемую как честность судов, реализуемую как социальные гарантии (доступность образования, системы здравоохранения, безопасность граждан), и неотделимую от преодоления коррупции; б) свобода предпринимательства; в) свобода слова, вероисповедания, т.е. ценности характерные для демократического государства и достаточно развитого гражданского общества. Возникает вопрос, почему за прошедшие полтора десятилетия, как показывают социологические опросы, изменения российского национального самосознания, политической культуры российского человека не столь велики?

На наш взгляд, это связано, во-первых, с тем, что 15 лет для изменения сознания общества, его политических ориентаций, а также укоренения новых политических институтов – срок действительно небольшой, особенно, если учесть, что в Западных странах формирование гражданской политической культуры происходило на протяжении нескольких столетий.

Во-вторых, развитию гражданской культуры благоприятствует медленное политическое развитие с постепенным решением различных политических проблем, тогда как в любой стране, переживающей радикальную модернизацию политической системы в краткий исторический срок, как в России, все проблемы, обусловленные социальными изменениями, приходится решать одновременно.

Процесс формирования гражданской политической культуры – процесс длительный и трудоемкий. По мнению американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы наиболее очевидным заменителем времени могло бы быть обучение. Людей можно научить тому, как получать информацию; им можно дать знания о формальных политических структурах, равно как о значении правительственных и политических институтов; посредством обучения можно передавать и сформулированные нормы демократического участия и ответственности [Алмонд, Верба 1992: 137]. Однако, как показывает практика формальное обучение неспособно в полной мере привить гражданам социальное доверие и уважение друг к другу, познавательных навыков недостаточно, поэтому они должны дополняться политической социализацией через такие институты как семья, рабочее место, добровольные ассоциации. Если формальное обучение в России еще достаточно развито, несмотря на критику современной системы образования многими деятелями науки и образования, то политическая социализация через вышеперечисленные институты переживает серьезный кризис, так как в кризисе находятся и институт семьи, и институт добровольных ассоциаций.

В сложившейся ситуации, как представляется автору, имеется два возможных пути развития: либо переложить все функции по формированию гражданской политической культуры на образовательные учреждения, что сейчас по сути и происходит; либо в серьез, на государственном уровне заниматься поддержкой семьи и добровольных ассоциаций с подключением СМИ и существенным увеличением финансирования. Но есть еще один вариант, когда второй путь берется за основу, а функции политической социализации и формирования гражданской политической культуры разделяются между семьей, системой образования и добровольными ассоциациями, и такой вариант, по мнению автора, является наиболее эффективным.

Список литературы:

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии /Г. Алмонд, С. Верба/ Полис. – 1992. - №4.
2. Бондар А., Динес В. Российские политические традиции и российская государственность/ А. Бондар, В. Динес // Власть. - 2008. - №4.

Конфедерация и конссоциация Афанасьева М.А.

*магистрантка факультета международных отношений
Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия
E-mail: lazerson@inbox.ru*

Политологам давно стало очевидным, что классические теории демократии имеют границы применимости, когда речь заходит о конкретных примерах демократического строительства. Новым вызовом политологам всего мира стала возможность создания Европейского Союза - демократического объединения на наднациональном уровне на основе интеграции. В политологии и теории интеграции существует множество моделей, способных описать подобное объединение, весьма продуктивной представляется и идея Д. Криссочу - определить ЕС как «конфедеративную конссоциацию» или «сообщественную конфедерацию». Отметим, что теория «сообщественной модели демократии» ранее не применялась к описанию интеграционных группировок и являлась одной из государство-центристских сравнительно-политологических теорий. Впервые термин «конссоциация» был применен голландскими учеными для определения формы правления, утвердившейся в Нидерландах и характеризовавшейся «отсутствием четко кристаллизованного правительственного аппарата и единой национальной идентичности».

К середине XX века западные политологи на примерах конфедераций Средневековой Европы и Европы Нового Времени выявили основные черты конссоциативной модели. Наиболее четко они сформулированы в работе известного американского политолога Д. Аптера «Политика модернизации»: наличие дисперсии власти, плюрализма, необходимости достижения компромисса при принятии решений, разобщенности общества в идеологическом плане, причем данная модель демократии может утверждаться и функционировать при любых типах государственного устройства, от очень слабой конфедерации до федерации с достаточно сильной централизацией.

Работы британского политолога «алмондовского поколения» А. Лайпхарта в этом смысле не новы: автор не отходит от данных до него интерпретаций общественной модели демократии. Однако именно Лайпхарту удалось развить теорию общности и дать множество примеров стран, организованных именно таким образом, сфокусировать внимание на специфических феноменах многосоставных обществ, а главное, - на практике принять участие в построении общественных моделей в ряде стран, в том числе в ЮАР после падения режима апартеида.

А. Лайпхарт дополнил и уточнил минимальный набор условий, необходимых для установления общественной демократии в стране. Во-первых, необходимо, чтобы в стране была сформирована широкая коалиция, включающая представителей всего спектра политических сил. Это может осуществляться несколькими способами: прямой договоренностью элит, как в Чехословакии после 89-го года; утверждением пропорциональной системы выборов с минимальным избирательным порогом для прохождения партий в Законодательный орган, как в ЮАР по конституции 94-го года; даже просто негласным соглашением элит или учредившейся практикой, как в Индии. При этом вовсе не обязательно, чтобы состав коалиции был постоянным: Бельгия, например, являет собой удачный пример функционирования конссоциативной модели в условиях ротационной коалиции. Во-вторых, необходимо наличие федеративного типа государственного устройства с широкими автономиями частей федерации, закреплением прав меньшинств и т.д. Третьим важным условием функционирования общественной модели по А. Лайпхарту является не просто активное участие меньшинств в управлении посредством их прямого представительства через пропорциональную избирательную систему, но и право меньшинства на вето, формальное или неформальное. Неформальное вето предполагает молчаливое согласие элит на достижение консенсуса кулуарно, путем пакетных голосований и практики *log-rolling*.

Мы полагаем, что модель общественной демократии подходит как для описания *status quo* в ЕС, так и для определения стратегий выработки политических решений. Очевидно, что Союз отвечает всем требованиям, необходимым для успешного функционирования конссоциативной демократии. Даже после расширения круга вопросов, по которым в Совете предполагается голосование большинством голосов, представители стран-членов Союза предпочитают договариваться между собой, что свидетельствует о наличии института «неформального вето». Этому способствует и разветвленная система сетей в сферах «низкой политики» (*low politics*), позволяющих достигать наиболее широкого консенсуса не только среди элит, но и среди масс.

Своеобразная форма европейской конфедерации позволяет соблюдать принципы федерализма и автономности составных частей союза - национальных государств. Совет же предстает в качестве широкой коалиции и функционирует так, чтоб интересы всех входящих в него единиц были максимально учтены. Очевидно, что в рамках ЕС конфедеративная модель становится особенно громоздкой и неповоротливой. Действие любой страны в направлении против «мэйнстрима» мгновенно парализуют всю систему, что стало особенно заметно после последних расширений ЕС, когда интересы новых членов союза стали противоречить интересам старых членов, а влияние новых членов на политику Союза усилилось. И если в плюралистических обществах с большим количеством этнических и религиозных групп, которые хотят влиять на политику, конссоциативная модель иногда бывает единственно эффективной то в условиях, когда поступаться своими интересами не собираются более двадцати национальных государств, она представляется единственно возможной.

Конссоциация - очень нестабильная форма правления, многие попытки конссоциативного правления, в лучшем случае, заканчивались ассимиляцией и унитаризацией государства (как в США), в худшем - сепаратистскими движениями и распадом (в настоящее время близки к этому Колумбия, Ливан, Кипр). Более того, при подробном рассмотрении модели конссоциативной демократии, становится очевидным, что существует не только оптимум, но и предел функционирования широкой коалиции. Другими словами, коалиция не должна быть слишком широкой, в противном случае она становится неустойчивой. Невозможность же бесконечного расширения коалиции в конечном итоге означает невозможность бесконечного расширения самого Союза. Пройдена ли точка невозврата или ЕС еще сможет функционировать после последнего расширения – вот тот вопрос, который должен волновать специалистов по евроинтеграции. С нашей точки зрения, руководству ЕС важно осознать, что хотя бы на

время Союзу следует прекратить расширяться, и вместо этого попытаться построить конструктивные отношения в рамках тех структур, того состава и с учетом тех проблем, которые существуют на сегодняшний день.

Литература:

1. Лайпхарт А. Демократия в сложносоставных обществах. М.: "Аспект – пресс", 1997.
2. Apter D.. Comparative Government Developing new nations.// Science: Advance of the discipline. N.-Y., 82. P.126.
3. Chrysochoou D.N. Thoeizing the Eroepean integration. London University Press. L., 2001.
4. Lijphart A.. Patterns of Democracy. L.: London University Press, 1999.
5. Sartori J. «Political development and Political Engeneering». Cambridge: Harvard University press,. 1968.

Политико-проективистский дискурс и идеология в современной России

Бутина А.В.

студент

*Алтайский государственный университет,
факультет политических наук, Барнаул, Россия
E-mail: anabutina@yandex.ru*

Ощущение современности как эпохи «конца истории», «конца идеологии», наконец, как «постмодерности» подталкивает к поиску иного кода окружающей действительности. В рамках современной парадигмы общественной науки социальный мир часто трактуется как своеобразный «Текст», как конструкция, структура или карта различных дискурсов. Исследуя знаково-символическое и семантическое единство текста и контекста политики, присущие конкретному обществу в конкретное время, можно отчасти предвидеть направление трансформаций, которые в этом обществе происходят, и еще будут происходить. Феноменология современного политического дискурса проявляется в ряде ведущих концептов: «программа», «стратегия», «направление», «курс», «план», «проект». Термины, которые описывают политическое, все чаще заимствуются из области экономики и техники. Трендом бизнеса и политики сегодня является «project management», а опиумом для интеллектуалов становится создание модернизационного проекта.

К.М. Кантор, обнаружив в России черты «проектных» политических культур, утверждал, что проектирование принадлежит самой управляющей системе, включающей некоторые разделы институционализированной науки, философии, аппарат массовой культуры. Более того, политический «проективизм» в целом используется правящей элитой в качестве эффективного механизма обслуживания официальной идеологии. И сегодня это отнюдь не способ сознательного обмана, но способ бессознательного самообмана. Идеология представляет собой такой путь изображения мира, который истолковывает действительность не с целью ее объективного познания, а с целью оправдания интересов тех или иных социальных групп. Анализ взаимосвязи «дискурс – идеология» через призму феномена коннотации в интерпретации Р. Барта позволяет утверждать, что в российском политическом дискурсе денотативное значение концепта «проект» на поверку обладает немалой долей идеологического пафоса. В работе «S/Z» Барт оперирует определением, согласно которому «коннотативное значение – это вторичное значение, означающее которого само представляет какой-то знак или первичную – денотативную – знаковую систему». По мнению Р. Барта, «со структурной точки зрения, существование денотации и коннотации, двух систем, считающихся раздельными, позволяет тексту функционировать по игровым правилам, когда каждая из этих систем отсылает к другой в соответствии с требованиями той или иной *иллюзии*. Наконец, с идеологической точки зрения, такая игра обеспечивает классическому тексту

известную привилегию — привилегию *безгрешности*: первая из двух систем, а именно денотативная, сама к себе оборачивается и сама себя маркирует; не будучи первичным, денотативный смысл прикидывается таковым; под воздействием подобной иллюзии денотация на поверку оказывается лишь *последней* из возможных коннотаций, верховным мифом, позволяющим тексту притворно разыгрывать возвращение к природе языка, к языку как к природе».

Схожим образом дело обстоит и с такой рефлексивной лексемой политического дискурса, как «проект». Объективно само понятие «проект» кажется оценочно-нейтральным, денотативным, но, тем не менее, оно несет огромную смысловую нагрузку. В контексте общего употребления концепт «проект» служит определением, как привычных программ преобразований, так и почти утопичных описаний будущего. В речах политических деятелей «проективизм» выступает одной из господствующих метафор национальной модернизации и внутренней политики в целом. Данная метафора носит артефактный характер и сохраняет элементы научного экспериментирования, что свидетельствует об искусственности и контролируемости изменений. Политический проект для современной России, как и исторически предшествующие («пятилетки», программа Греча 2000 года и т.д.) обладает темпоральностью и даже терминальностью.

Функционированию «проективизма» присущ ряд противоречий. Прежде всего, у политического «проекта» нет Автора, но есть Адрес. Политический «проект» – это и «черновик» реформ. В данном аспекте представляет интерес позиция К.М. Кантора, который рассматривал варианты «распределения» культур по модели деятельности и пришел к выводу, что «одни воплощают в себе единство проектирования и его предметной реализации, другие – по преимуществу беспроектную деятельность, третьи, напротив, бездеятельное проектирование». Безусловно, одна и та же политическая культура на протяжении своего существования может не раз поменять свое место в этой модели. Но для «проектной» культуры наличие нереализованных проектов не менее важно, чем реализованных. Использование «проективизма» для обозначения политических преобразований национального масштаба также опасно превращением в «пустое» означающее, ввиду отсутствия окончательной определенности в значении понятия «нация». Интеллектуальная конструкция «приоритетный национальный проект» обслуживает архитектуру российского идеологического концепта, обнажая такие его аспекты, как: *претензия на универсальность*; *принципиальная неполнота* – ведь даже «национальный проект» выражает интересы отдельных групп; *агрессивность* – борьба «проектов» политических сил; *стереотипность* и *иммобилизм* – «проективизм» как конвенционально-легальная форма социального творчества человека, который из субъекта собственной истории и культуры превращается в объекта влияния.

В трактовке С. Жижека идеология обладает «возвышенным» объектом; «возвышенным» означает непостижимым, бесформенным, безграничным, недостижимым. И смысл интеллектуального труда исследователя идеологии заключается не в том, чтобы обнаружить содержание «тайны», стоящей за формой, а в том, чтобы постичь «тайну самой формы» - процесс, посредством которого смысл маркирует себя именно так. Пожалуй, один из вариантов решения поставленной задачи предложен в уже упоминавшейся концепции К.М. Кантора, которую сам ученый определил как «историософию проективизма». Обращаясь к понятию «проект» как центральному во всей концепции, К. М. Кантор выделяет такой его дериват, как «паттерн». И именно «паттерн» есть «проект, обеспечивающий наследственность, устойчивость, неизменность специфической социокультуры, на которые распадается социокультурная эволюция во всех своих качественных подразделениях».

Сегодняшняя элита оправдывает свое положение с помощью экспертного знания – формально государством управляют профессионалы, задающие тембр и темп политической речи. «Проективизм» суть способ разработки социально-значимых программ и форма демонстрации мнимых или подлинных результатов, призванных

обеспечить элите кредит доверия электората. Но нельзя забывать, что осознание недостижимости целей «проектов» может запустить механизмы социальной депривации, способной нарушить существующее политическое равновесие и лишить поддержки политическое руководство.

Литература

1. Барт Р. (2001) S/Z. М.: УРСС.
2. Жижек С. (1999) Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал.
3. Кантор К.М. (2002) Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т.1: Общие проблемы. М.: Языки славянской культуры.
4. Фишман Л.Г. (2007) Политические дискурсы постсоветской России: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... док. полит. наук: 23.00.01.Екатеринбург. Институт философии и права Уральского отделения РАН.

Риск vs опасность: политологический аспект

Горбняк О.В.

Аспирант

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченка, Украина

E-mail: oljahorbnyak@mail.ru

Значение термина «политический риск» достаточно широко от прогнозирования политической стабильности до оценки всех некоммерческих рисков, связанных с деятельностью в различных социально-политических средах.

Последователи реалистического подхода риск трактуют как объективный и познаваемый факт, потенциальная опасность или уже причиненный вред, который может быть измерен независимо от социальных процессов и культурной среды [Яницкий, 1996]. Тем не менее, адепты данного подхода признают, что риск может быть ошибочно оценен в рамках того или иного способа социальной интерпретации, поскольку, как верно заметила М. Дуглас, опасности трактуются как независимые переменные, а реакция людей на них – как зависимая. [Дуглас, 1994, С. 249.]

Немецкий философ Никлас Луман у своей работе «Социология риска» предложил заменить схему «риск / надежность» схемой «риск / опасность» [5, С.149]. Нужно отметить, что именно путем исследования социальных условий, при которых та или иная ситуация считается рискованной или надежной, можно утверждать предыдущий факт. Так, получается, что риск – это не всегда угроза. Н. Луман вводит различие риска и опасности [Луман, 2006, С.237]. Если потенциальная угроза рассматривается как последствие, тогда мы говорим о риске решения. Если же риск обусловленный внешними факторами, то есть привязывается к окружающей среде, тогда мы говорим об опасности.

Немецкий исследователь У.Бек предлагает более простую концепцию, сосредотачивая свое внимание на риске как опасности. Ученый утверждает, что в обществе риска не столь важны различия между людьми в зависимости от дохода, образования, местожительства [Бек, 2000, С. 375], что противоречит теории «дифференциации» Н.Лумана. С точки зрения «нового индивидуализма» не так важны даже различия между полами в их традиционном смысле.

Выводы

Помимо того, риски и опасности зависимы немалой частью от ценностей, ценностных ориентаций присущих обществу. Поэтому, в меру глобальных изменений XXI века, должны измениться отношения системы с обществом. По нашему мнению, подобная ирритация будет способствовать развитию общества, поможет избежать появлению «новых» рисков и опасностей.

И так, риски в обществе связаны с выбором отдельных альтернатив, расчетом возможности их реализации, в чем состоит их субъективная сторона. Объективность риска, как и опасности в обществе проявляется в том, что это понятия отображает реально существующие процессы, стороны деятельности. Риск и опасность существуют независимо от того, осознают их наличие, учитывают или игнорируют их.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 379.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 121-134.
3. Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 244-265.
4. Луман Н. [Дифференциация. / пер. с нем. Б.Скуратова. – М.: Издательство «Логос», [2006]. – 305с.
5. Луман Н. Понятия риска / Н. Луман // пер. А.Ф. Филипова. – THESIS. – 1994. – №5 – С.144-157.
6. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи – Режим доступа: <http://www.socio.ru/wr/1-03/ynizky.htm>.

Политические изменения и стабильность политических институтов в условиях кризиса

Долгов Александр Юрьевич

Студент

*Сыктывкарский государственный университет,
гуманитарный факультет, Сыктывкар, Россия*

E-mail: dolgovalexandr@yandex.ru

Политические изменения с позиции институтов представляют собой трансформацию институциональных структур, которые приспособляются к изменениям социальной среды. Экономический и последующий за ним социальный кризис создадут предпосылки для институциональных изменений, которые должны будут способствовать модернизации политической системы страны.

Институциональные изменения являются сознательным действием тех или иных социальных групп. Особенность российских политических институтов заключается в том, что они создавались и изменялись в интересах элитных групп, стоящих у власти. Политические изменения в России зачастую не являлись реакцией на качественные изменения в обществе, а происходили исходя из логики политической борьбы. Характер и успех социальных изменений, прежде всего, зависят от уровня политической институционализации страны. Слабость институтов приводила к тому, что в России попытки реформ сталкивались с дефектным механизмом управления.

Хотя формально формирования современной российской политической системы закончилось с импортом политических институтов, её трансформация в условиях изменяющейся среды продолжается. Так, например, порядок формирования Совета Федерации изменялся уже четыре раза, Государственной Думы два раза, система формирования губернаторского корпуса три раза. Подобная ситуация свидетельствует о доминирующем положении центральной исполнительной власти и «вторичности» всех остальных центров власти. Политик, сумевший сконцентрировать в своих руках властные ресурсы, способен изменять «правила игры» в своих интересах.

Эффективность политических институтов по аналогии с экономическими измеряется величиной транзакционных издержек, возникающих при взаимодействии акторов. Отсутствие подобного взаимодействия («свёртывание» сферы публичной политики) приводит к замещению государства различными агентами и преобладанию неформальных институтов. Глубоко укоренённые неформальные институты формируют

отсутствие спроса на право (Гельман, 2003), что в свою очередь подрывает стабильность существующих институтов.

Стабильность политических институтов зависит от уровня консенсуса между властью и обществом, а также от единства в элитных группах. Причём отсутствие стабильности в одной связке может повлиять на стабильность другой. Стабильность была обеспечена высокими ценами на энергоресурсы, что в свою очередь обеспечивало видимость благополучия. Наличие «партии власти» обеспечивало единство элиты, что в целом позволяло «консервировать» институциональные проблемы.

В условиях кризиса в центре внимания будут находиться два института: институт президента и институт премьер-министра. Институт президента имеет большие полномочия по конституции (то есть формально), но реальная власть сконцентрирована в руках премьер-министра. Подобная ситуация приводит к тому, что любая несогласованность действий или разночтения во взглядах могут привести к серьёзному политическому кризису.

Кризисная ситуация в экономике может привести к изменению механизма принятия политических решений, поскольку президент обладает формальными полномочиями и при этом стоит в центре колоссального давления со стороны общества и элиты. При этом он не может воспользоваться своими формальными полномочиями в полной мере, поскольку это заложит предпосылки политического конфликта. В такой ситуации формальные полномочия президента могут столкнуться с неформальным лидерством премьер-министра.

Поскольку почти все каналы попадания в политическую элиту перекрыты, импульсом к политическим изменениям может стать раскол элиты, вызванный экзогенными или эндогенными факторами. Раскол в элите будет связан с опорой на один из существующих институтов власти. Вопрос, каким будет этот институт, формальным или неформальным, остаётся открытым. Для установления нового равновесия потребуется новая политическая реформа институтов, закрепляющая новое равновесие общественно-политических сил.

Литература

1. Ротстайн Б. политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
2. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.
3. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2003. № 4.

Логика фундаментальных исследований политики

Донская А.Г.

студентка философского факультета

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

anastazij@gmail.com

В современном мире широко распространены различные общенаучные концепции и междисциплинарные исследования, которые определяют средства, способы и методы изучения как мира в целом, так и отдельных политических процессов и явлений.

С одной стороны, оправданным является сбор эмпирических фактов, фиксация определенных событий и построение на их основе разного рода теорий (например, с помощью метода case study). Таким образом, ученый может в полной мере проявить свои творческие способности, инициативу, таланты, которые основаны на внутреннем переживании науки как высшей жизненной ценности (за М. Полани). Основываясь на концепции «эпистемологического анархизма» Пола Фейерабенда (anything goes) ученый

сам может выбрать целесообразные способы для выдвижения и обоснования теорий, так как для проведения исследования в науке дозволены любые методы.

Однако такой подход к изучению политических процессов чреват некоторыми негативными последствиями для развития политической науки. Возникает опасность нагромождения большого количества фактов и гипотез, которые будут основаны на логически неверных умозаключениях. Ученый сам может конструировать теории, которые будут лишь плодом его вымысла и никак не отвечать действительности. В то же время, изучение политики требует комплексного и определенного подхода в анализе данных, ведь выводы, сделанные в ходе политологических исследований могут повлиять на развитие как отдельного политического института, так и политической, экономической, духовно-культурной жизни страны или целого региона.

С другой стороны, при изучении политических процессов можно придерживаться определенной модели научного исследования – парадигмы, «дисциплинарной матрицы», научно-исследовательской программы. Томас Кун определяет парадигму как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [3, с. 11].

Каркас любой научно-исследовательской программы составляет ее методология – система принципов и способов организации теоретической и практической деятельности, понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования. Методологическая ориентация в политической науке является основой для выбора адекватных подходов к постановке и решению определенных общественно-политических проблем, определяет совокупность конкретных операций и процедур по выходу из кризисных ситуаций.

Особо важным является изучение не отдельных политических процессов и институтов, а их целостную систему с различными типами взаимосвязей, структур и организаций, иерархизацией и целенаправленным управлением на различных уровнях. Это становится возможным с помощью системного подхода, который получил развитие в большинстве естественных и гуманитарных наук.

Основным условно конструируемым объектом изучения для политологии в рамках данной программы является политическая система – «совокупность институтов и органов, формулирующих и воплощающих в жизнь коллективные цели общества или составляющих его групп» [1, с. 74]. Она характеризуется самоорганизованностью ее элементов, открытостью для обмена энергией и информацией с другими системами, наличием альтернативных способов принятия решений. Также необходимо учитывать, что институты политической системы подвержены действию случайностей, флуктуаций, которые определяют ее нелинейный ход развития в кризисных ситуациях.

Данный подход дает возможность построить теоретические модели политической системы, определить составляющие ее элементы, их характеристики и способы взаимодействия, обозначить осуществляемые ею функции, а также установить типы внутренних и внешних взаимосвязей. Это, в свою очередь, позволяет охарактеризовать существующее состояние политической системы общества и построить долгосрочные прогнозы его развития.

Таким образом, разработка теорий в политологии является необходимым условием создания адекватного образа политических процессов, установления норм и критериев оценки легитимности власти и деятельности политических институтов.

Литература

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие. – М.: 2002. – 537 с.
2. Дегтярев А.А. Основы политической теории: Учебное пособие. - М.: 1998. - 239 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: 1977. – 304 с.
4. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: 1986. – 542 с
5. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: 1997. – 450 с.

6. Mainzer K. Thinking in Complexity: The Complex Dynamics of Matter, Mind, and Mankind.- New York: Springer, 1996.

Методология исследования понятий "политического" и "правового" в общественно-политических науках (историческое измерение)

Дудка Сергей Владимирович

Бакалавр

Киевский национальный университет имени Т.Шевченко, Киев, Украина

E – mail: Dudka.Industry@gmail.com

За последние годы в отечественной политологии удалось достигнуть многого. Был получен немалый багаж знаний в области политической теории. Но надо подчеркнуть, что были обработаны только результаты исследований ученых, а не методология, методика и общая стратегия политического анализа.

Одним из аспектов в разработке методологии является неопределенность методов, которые нужно использовать на стыках наук между политологией и экономикой, политологией и историей, политологией и управлением, а также между политологией и правом. К анализу понятий и подходов, в определении этих понятий нас привлекает временами некорректное употребление понятий «политического» и «правового» в научной литературе, в прессе и в том числе, употребление их при полном непонимании масштабов, которые обозначают эти понятия. В связи с этим, в политических науках нужно углубить понимание специфики понятий «политического» и «правового», в первую очередь поиска линии взаимовлияния, взаимопонимания та разницы в толковании этих понятий, их влияние на качество принятия политических решений, в целом усовершенствования механизмов организации политической жизни.

Надо подчеркнуть, что среди рассмотренных подходов наше внимание привлекают самые ранние методы исследования от их создания, становления и развития до наших дней. Это – исторический и институциональный подходы. В историческом плане изучение политики и права включает в себя формулирование представлений о государстве, власти и законах сквозь призму исторических событий. В институциональном – смысловая эволюция этих понятий, их наполнение новым смыслом на каждом этапе общественно-политического развития.

Проанализировав работы известных мыслителей от античности к нашему времени, мы можем дать определение понятиям «политического» и «правового». «Политическое» охватывает широкий диапазон институтов, процессов, явлений, отношений. В свою очередь понятие «правового» представляет собой нормативную ценность и усвоение та реализация этой нормы.

Таким образом, проанализировав общественно-политические процессы в их историческом измерении и выяснив смысл их сути в работах мыслителей, можно сделать заключение о том, что все они используют самые разные подходы в исследовании понять «правового» и «политического» и их взаимодействия. Такие подходы как естественно-правовой, нормативно-системный, морально-этический, теологический, светский, общественно-договорной, гражданско-правовой и марксистский стали составляющими элементами формирования общенаучных и специальных методов исследования в политической науке.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Перевод с немецкого Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
2. Енгельс Ф. Походження сім'ї, приватної власності і держави. У зв'язку з дослідженням Льюїса Г. Моргана // Маркс К., Енгельс Ф. Твори. Т. 21. – К.: Політвидав України, 1964. – с. 23-201

3. Кант Иммануил. К вечному миру // Кант Иммануил. Сочинения: В 6-и т. – Т.6.- С. 257-309.

Специфика взаимодействия института президентализма и демократии

Жабров А.В.

студент

*Тульский государственный университет, гуманитарный факультет, кафедра социологии и политологии, Тула, Россия
E-mail: scsa3-16@yandex.ru*

Институт президентализма встречается сегодня во многих странах мира. Одна из проблем, к которой часто обращаются при исследовании этого института связана со спецификой его взаимодействия с демократическим политическим режимом. Мы трактуем категорию «институт президентализма» как совокупность норм, правил и принципов, на основании которых президент в процессе осуществления своих полномочий и взаимодействия с другими элементами политической системы обладает способностью оказывать на них определяющее воздействие и занимать главенствующее положение по отношению к системе государственной власти в целом, при сохранении (по крайней мере, формальном) демократических институтов и принципов организации политической системы. К важнейшим демократическим институтам следует относить: организационно-правовые основы реализации прав гражданина; альтернативные и периодические выборы членов представительных органов власти и должностных лиц государства; законодательно закрепленную возможность проведения референдумов и плебисцитов по определённым вопросам и прописанной процедуре; реализацию принципа «разделения властей»; независимость судебной системы; наличие и автономию политических партий, общественных объединений и групп интересов; наличие альтернативных источников информации и т.д. Исходя из этого, существование института президентализма само по себе не угроза существованию демократии.

Г. Хейл для описания принципов на основании которых утверждался в большинстве постсоветских стран пост президента использует термин «patronal presidentialism»[4; 135]. «Патрональный президентализм» по мнению автора означает, что демократические процедуры сохраняются, но выполняются под своего рода «патронажем» президента, которому удается контролировать большинство процессов в политической системе не только за счет наличия больших полномочий отнесенных к его ведению нормативно-правовыми основаниями, но и из-за наличия неформальных полномочий, основанных на отношениях «патрон-клиент» на стыке государственной власти с экономикой, социумом и т.д. Важно отметить, что с точки зрения Г. Хейла такое положение дел не останавливает эволюции политической системы и может быть преодолено.

Другой исследователь Х. Линц в статье «Угрозы президентализма»[5], отмечал, что основанное на этом институте устройство политической системы в условиях демократии сочетается с частыми кризисами и конфликтами, в силу наличия проблемы «двойной легитимности», когда президент и парламент имеют подтвержденные в ходе выборов права на власть; ввиду негибкости системы государственной власти из-за фиксированного срока президентской легислатуры, для изменения которого парламенту необходимо затратить огромные усилия; потому, что у президента имеются возможности при желании действовать самостоятельно и бесконтрольно. То есть притом, что институт президентализма может существовать в условиях демократии, в таком случае для его функционирования имеются определённые препятствия, и эффективность института снижается.

Именно поэтому, политическая система зачастую приобретает некоторые «не-демократические» черты, например: «...сильные президенты маргинализуют законодателей... парламенты являются все более пропорциональными, а не

мажоритарными. Они все менее способны выступить против исполнительной власти. Мы полагаем, что законодатели в таких системах больше озабочены созданием видимости своей важности в политике, чем ее сутью. Политика остается за президентом»[1]. Последний тезис подтверждают не только западные, но и отечественные исследователи: «Мы имеем дело с ситуацией, когда политическое действие следует ожидать только от института президентства при резком сокращении политических решений и действий другими акторами российского политического процесса... политика становится исключительно президентским делом»[3; 128].

По поводу соотношения института президентализма и демократии в современной России, можно сказать следующее: в условиях президентализма для повышения его эффективности существует потребность в некотором «ограничении» демократических институтов, такая потребность реализуется в форме: «навязанной» консолидации политической элиты; создания «дисциплинированной» партийной системы, в которой максимально снижена роль политической оппозиции; строительства единой подконтрольной Президенту властной вертикали, в которую, в ущерб принципу «разделения властей», могут включаться институты, находящиеся вне структуры исполнительной ветви государственной власти и т.д. Подобные процессы происходили не только в России, но и во многих странах мира, в которых демократия (при наличии института президентализма) существует, но в особой форме, например в форме «плебисцитарной вождистской демократии» М. Вебера

Следовательно, наличие института президентализма не фатально для демократического характера политической системы, в том числе и потому, что её эволюция не прекращается, а президентализм не перестает быть всего лишь одним из политических институтов, который может существенно преобразоваться в ходе изменений политической системы в условиях: кризисов; достижения консенсуса между представителями различных элитных групп; существенных изменений уровня легитимности государственной власти вообще и президентской власти в частности и пр. Однако, опасность того, что институт президентализма станет фундаментом для становления особого рода автократии существует и она довольно велика. Чтобы этого не происходило, необходимо внедрение в политическую систему демократических процедур и институтов, развитие гражданского общества, снижение уровня персонификации власти, с одновременным повышением уровня доверия её органам, а не личностям их олицетворяющим, налаживание двусторонней «субъектно-субъектной» модели коммуникации власти и граждан, причем все это должна гарантировать не воля отдельных акторов политики, а нормативные, институциональные и социокультурные основания функционирования политической системы общества.

Литература

1. Кларк, Т. Роль президента и избирательного закона в посткоммунистических странах [Электронный ресурс] /Т. Кларк, Д. Уитрок; пер. А. Маклаков //Сравнительные исследования. – 2005. – Режим доступа: http://dialogs.org.ua/ua/crossroad_full.php?m_id=5594.
2. М. Вебер. Избранные произведения [Текст] /М.. Вебер; Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. – М.: «Прогресс», 1990. – 608 с.
3. Мизулин, М.Ю. Генезис, место и роль института президентства Российской Федерации в современном политическом процессе [Текст] / М.Ю. Мизулин // Политика и политология: актуальный ракурс; под общ. ред. И.А. Батаниной, М.Ю. Мизулина. – Москва–Тула: Изд-во ТулГУ, 2005. – С. 126 - 137.
4. Hale, H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia [Text] /H. Hale //World Politics. – 2005. – Vol. 58. – No 1, Oct. – P. 133-165.
5. Linz, J. The Perils of Presidentialism [Text] /J. Linz //Journal of Democracy. – 1990. – Vol. 1. – №1. – P. 51-69.

**Политологический аспект чина патриаршей интронизации
(история и современное состояние)**

Жосул Елена Викторовна

Преподаватель, кандидат политических наук

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: elenazhosul@mail.ru

Чинопоследование интронизации православных патриархов было сформировано в результате значительных заимствований из чина поставления на престол императоров. В нем отразилась цезаропапистская модель отношений Церкви и светской власти, рожденная в Византийской империи и унаследованная Московской Русью. Характерная для этой модели сакрализация роли императора в управлении Церковью была закреплена в особенностях литургического строя и символических деталях.

Не только внешний обряд настолования, но само избрание нового патриарха в Византии зависело от воли императора. Созванный по его указанию Архиерейский Собор выбирал трех кандидатов, на одном из которых останавливался выбор помазанника Божия. Решение императора закреплялось в акте малого наречения от него лично и от имени Собора. В тронном зале Большого дворца императором совершалась церемония возведения новонареченного в звание Константинопольского патриарха и вручения ему первосвятительского жезла. Императоры, начиная с Константина Великого, подчеркивали "служебный" характер своего участия в жизни Церкви.

Главные элементы современного патриаршего облачения при интронизации (как и многие детали архиерейского облачения в целом) являются трансформированной копией царских одеяний. При своем введении в литургический обиход они символизировали "дар" монархической власти, который та оказывала церковной иерархии в виде внешних почестей и знаков отличия (Голубцов, 1911). Саккос первоначально был одеждой только императоров, а в обиход константинопольских патриархов вошел одновременно с распространением в среде византийских вельмож. Светское происхождение имеет и омофор, знак епископского достоинства, – модификация лора в одеянии еще сенаторов и консулов Рима, затем – византийских императоров. История белого патриаршего куколя также уходит корнями в империю. Согласно полуапокрифической "Повести о белом клобуке", этот головной убор был даром Константина Великого папе Сильвестру. На Руси белые клобуки в обиход архиереев ввел царь Иван IV. Другой головной убор архиереев – митра – по наблюдению исследователей, по своему происхождению родственна царскому венцу. Наконец, первосвятительский жезл, главный символ высшей церковной власти, патриархи при интронизации и в Византии, и на Руси получали из рук императоров и великих князей соответственно.

Чин интронизации патриархов на Руси оставался неизменным все годы патриаршего управления Русской церковью, являясь символическим маркером византийской специфики диалога предстоятеля и московского царя. Ритуал власти, как церковной, так и светской, пришел в Россию уже в готовом виде, сформировав на местной почве "новый культурный концепт" (Успенский, 1998). При этом на Руси цезаропапистский аспект в утверждении нового церковного главы был еще более заострен, чем в Византии, – великий князь сам выбирал кандидата из круга епископов, пренебрегая принципом совещательности в виде созыва Собора (поставление патриархов Иова, Гермогена, Филарета, Иоасафа I). Поставление Иова прошло вне богослужения, в царском дворце как светски церемониальное утверждение государем своей воли (Кириллин, 2009).

После синодального периода интронизационный чин был в 1917 году возрожден Поместным Собором на богослужебной основе древней Константинопольской церкви и

использован при возведении на Московскую кафедру патриархов Тихона, Пимена Алексия II и Кирилла. Семиотическая нагрузка чина патриаршей интронизации, совершенного 1 февраля 2009 года в храме Христа Спасителя в присутствии первых лиц государства, актуальна для новейшего этапа государственно-церковных отношений в РФ. Византийская модель сегодня находит себя в зависимости перспектив развития церковных институтов от государственной политики и волеизъявления представителей властной элиты. С другой стороны, государственно-церковные отношения приобретают новый формат – гражданско-социального партнерства.

Литература

1. Голубцов А.П. (1911) Сборник статей по литургике и церковной археологии. Сергиев Посад.
2. Желтов М.С., свящ. (2009) Чин интронизации Патриарха Московского и всея Руси: история и современность // Научный богословский портал "Богослов.Ru".
3. Кириллин В.М. (2009) Как избирались патриархи в досинодальный период Русской Православной Церкви. Поставление Патриарха на Руси // Научный богословский портал "Богослов.Ru".
4. Успенский Б.А. (1998) Царь и патриарх. М.: 1998.
5. Ченцова В.Г. (2004) Митра Паисия Иерусалимского - не присланный русскому государю венец "царя Константина" // Патриарх Никон и его время: сборник научных трудов. М.: Труды ГИМ, вып. 139. С. 11-39.
6. Чичуров И.С. (1991) Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: 1991.

Политическая традиция Древней Индии

Ивченко Е.В.

Студент

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, Москва, Россия
E-mail: e-ivchenko@yandex.ru*

Одним из наиболее ценных источников изучения древнеиндийской политической традиции, несомненно, является «Артхашастра», или «Наука политики», дату создания которой относят к концу IV – началу III века до н.э. Это произведение представляет собой политико-экономический трактат, в котором мы находим важнейшие сведения о государственном, политическом и хозяйственном устройстве древнего индийского общества, а также интересные указания на то, как нужно действовать в той или иной практической ситуации. Будучи наполненной мудростью вековых традиций, «Артхашастра» признана выдающимся памятником политической, экономической, дипломатической, юридической, философской и военной мысли Древней Индии.

Впервые этот памятник стал известен мировому научному сообществу только в 1905 году. В России же широкой общественности он был представлен лишь в 1959 году, после чего подвергся глубокому изучению, как один из ценнейших источников знания о Древней Индии и вообще о Древнем Востоке.

Значение изучения данного трактата становится ясным, если учитывать тот факт, что «Артхашастра», в том числе благодаря своему методологическому построению, оказала большое влияние на последующие произведения индийских мыслителей, зачастую даже не относящихся к политической сфере жизни общества (например, «Камасутра» Ватсьяяны, III – IV века н.э.). Для более же поздних текстов, относящихся к «науке политики», она стала, своего рода, образцом: «Нитисара» Камандаки, «Шукра-

нитисара» и т.д. Более того, ссылки на данное произведение присутствуют в значительной массе работ, имеющих отношение к государственному устройству древней Индии.

Нами был исследован текст «Артхашастры», изданный в 1993 году под редакцией В.И. Кальянова. Русский перевод данного издания основывается на тексте памятника, изданного в 1924-1925 гг. в Тривандруме Ганапати Шастри, с учетом его комментария и других изданий текста, а также двух переводов этого памятника: английского (Р. Шамашастри) и немецкого (И.Я. Мейера).

В результате мы выявили ключевые моменты, характеризующие международные отношения, социальное и государственное устройство Древней Индии. Кроме того, мы пришли к выводу, что изучение «Артхашастры» - это один из первых шагов к пониманию политической традиции современной Индии, изучение которой, на наш взгляд, является весьма перспективным и актуальным направлением научной исследований в настоящее время.

Литература

1. «Артхашастра» В. И. Кальянов, 1993.
2. «Древо индуизма». – М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
3. Индия: общество, власть, реформы: Памяти Г.Г. Котовского/ Отв. ред. Е.Ю. Ванина, В.П. Кашин; Ин-т востоковедения. – М.: Вост. Лит., 2003.
4. В.И. Шамшури «Политическая традиция в древней Индии». Вестник Московского Университета, сер. 12, политические науки. 1996. №4.
5. Государство на Древнем Востоке: Сб. ст. / Ин-т востоковедения. – М.: Вост. Лит., 2004.
6. С.Ф. Ольденбург. О документе в феодальной Индии.
7. Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
8. Лелюхин Д.Н. «Артхашастра» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства. – Государство в истории общества. М., 1988.

Некоторые особенности депутатских выборов в Сенат Парламента Республики Казахстан

Канапьянов Т.Е.

Магистрант

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Кафедра политологии,
Астана, Казахстан*

Институт истории государства КН МОН РК, эксперт

E-mail: Tima-bolawak@mail.ru

В современном мире «парламентаризм», казалось бы, очень часто употребляемое слово и каждый человек, имеющий как минимум среднее образование знаком с ним. Но не каждый знает, чем на самом деле должен заниматься Парламент, какие у него функциональные обязанности, какие имеет ресурсы воздействия на государственную политику и каким образом проводятся выборы народных избранников.

Цель данного исследования систематизировать избирательный процесс депутатов Сената Парламента Республики Казахстан и дать краткий обзор о значимости Сената, о некоторых особенностях деятельности сенаторов в рамках законодательной базы Республики Казахстан.

Актуальность темы подтверждается увеличением роли Парламента Республики Казахстан в рамках административно-правовых изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан от 21 мая 2007 года.

Парламент - общее название высшего представительного и законодательного органа в демократических государствах (от *parler* — говорить).

Самыми древними парламентами в мире считаются парламенты Острова Мэн (Тинвальд) и Исландии, (Альтинг), созданные в X веке. Тинвальд, созданный в 979 году, на протяжении своей истории действовал непрерывно, альтинг же, возникший около 930 года, официально не работал в 1801—1845 (хотя неофициальные собрания были).

В современном понимании этого слова парламент появился в Англии в XIII веке как орган сословного представительства при короле Иоанне Безземельном (1167-1216).

Парламент как собственное наименование для обозначения высшего представительного органа применяется во многих государствах, в том числе в Республике Казахстан, Итальянской Республике, Канаде, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии.

Используются и другие названия парламентов: Российская Федерация – Федеральное собрание, США – Конгресс Соединенных Штатов Америки, Федеративная Республика Германия - Бундестаг, Французская Республика - Национальное Собрание, Япония – Коккай.

В пользу двухпалатной системы зарубежная наука конституционного права выдвигает два аргумента:

во-первых, такая система обеспечивает стремление к более устойчивому равновесию сил между исполнительной и законодательной властями, при котором ничем не ограниченная власть одной палаты сдерживается второй, формируемой на иной основе;

во-вторых, в обязанность верхней палаты входит осуществление тщательной проверки решений нижней палаты.

Порядок формирования верхних палат существенно отличается, от того, который применяется для нижних палат. Верхние палаты парламента формируются на основе назначения, прямых или косвенных выборов. Используются и смешанные формы образования палат парламента. [1]

Парламент является высшим представительным органом Республики Казахстан, осуществляющим законодательные функции. Парламент состоит из двух Палат: Сената и Мажилиса, действующих на постоянной основе.

Сенат образуют депутаты, представляющие в порядке, установленном Конституционным законом о выборах, по два человека от каждой области, города республиканского значения и столицы Республики Казахстан. Пятнадцать депутатов Сената назначаются Президентом Республики с учетом необходимости обеспечения представительства в Сенате национально-культурных и иных значимых интересов общества. Депутат Парламента не может быть одновременно членом обеих Палат.

Срок полномочий депутатов Сената - шесть лет. До октября 1998 срок полномочий депутатов Сената был четыре года.

Избрание депутатов Сената осуществляется на основе косвенного избирательного права при тайном голосовании. Половина избираемых депутатов Сената переизбирается каждые три года. При этом очередные выборы депутатов Сената проводятся не позднее чем за два месяца до окончания срока их полномочий.

Основаниями для назначения очередных выборов является окончание конституционного срока полномочий депутатов Сената. В соответствии с пп.2) статьи 44 Конституции Республики Казахстан Президент Республики Казахстан назначает очередные выборы в Парламент Республики и его Палаты.

При этом очередные выборы депутатов Сената назначаются не менее чем за четыре месяца до окончания конституционного срока полномочий депутатов Сената и проводятся не менее чем за два месяца до окончания конституционного срока их

полномочий и не должны совпадать по срокам с выборами депутатов Мажилиса Парламента (пункт 2 статья 51 Конституции Республики Казахстан, пп.1) пункт 1, пункт 2,5 статья 69 Конституционного закона о выборах). [2]

В ходе данного исследования мы попытались проанализировать деятельность Сената и механизм избирательного процесса народных избранников.

1. Информационно - справочный материал для участников избирательного процесса подготовлен в рамках реализации совместного Проекта Центризбиркома и ПРООН в Казахстане: «Развитие электоральной культуры населения» // Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан. – Астана. – 2008.
2. Конституция Республики Казахстан. – Астана. – 2007.

Концепция партийной кооптации Б. Диксона в КПК: угрозы и перспективы существующей кадровой политики

Козырев Янис Викторович³
студент

Кемеровский государственный университет, факультет политических наук и социологии, Кемерово, Россия

E-mail: Yanisk@rambler.ru

Начиная с эпохи реформ, Коммунистическая партия Китая (далее - КПК) была вынуждена реагировать на изменения, которые стали зарождаться как внутри самой партии, так и в обществе в целом. Это произошло вследствие смены приоритетов у высшего партийного руководства и отхода на второй план идей классовой борьбы в пользу экономической модернизации. Такая метаморфоза традиционных постулатов коммунистических идей выразилась в партийной диверсификации: рекрутировании технократов и предпринимателей с новыми возможностями, что, в свою очередь, повлияло на создание КПК институтов и организаций для связи ее с эволюционирующей параллельно политической системой, социальным и экономическим окружением. Смена критериев в партийном рекрутировании в новейшей истории КНР возносится к более концептуальному пониманию кооптации, поскольку данный феномен нашел свое отражение также и в правительстве на всех уровнях.

В данном случае речь идет о концепции кооптации и ее последствиях для КПК. Профессор Б. Диксон дает следующее определение названного феномена: «Кооптация новых членов — ключевой аспект политики включения, которая позволяет партиям ленинского типа адаптироваться к происходящим переменам, а также важный фактор, способствующий проведению изменений в структуре многих организаций» (Диксон, 2005, 136).

Концепция кооптации имеет двойственную природу. С одной стороны, она способствует появлению членов с новыми способностями, опытом и доступом к ресурсам, таким как политическая поддержка, - все это дает возможность для развития эффективности организации и увеличивает ее жизнеспособность, заставляя ее качественно эволюционировать. С другой – кооптирование новых членов представляет собой угрозу консервативным организациям и Коммунистической партии Китая в том числе. Опасность для них может возникнуть в случае, даже если они получают

³ Автор выражает признательность к. полит. н. Вострикову К. В. за помощь в подготовке тезисов.

необходимую поддержку, а новые члены со временем перестанут разделять их изначально поставленные цели (Pfeffer, 1978, 164).

Опираясь на теорию кооптации Диксона, мы произвели анализ перспектив последствий для КПК проведения такой кадровой политики. Ее угроза представляется в том, что в самой организации постепенно возникают вопросы о самосохранении и самовоспроизводстве, эти факторы, как показывает практика, существенно ограничивают способность организации к успешной адаптации (Hannan, 1991, 82).

В результате изучения опыта партий ленинского типа ясной представляется модель предложенной теории Диксона и перспектив ее для КПК: вследствие смены приоритетов руководства партии и отказа от классовой борьбы в пользу модернизации экономики, наблюдается переход от исключительной к включительной политике, то есть к политике кооптации. Организация постепенно начинает принимать в свои ряды тех, от кого она зависит, тех, кто обладает необходимыми ресурсами, или тех, кто представляет угрозу ее существованию.

В постмаоистский период КПК стала зависимой от предпринимателей (красных капиталистов), благодаря которым и произошел экономический рост. Бывших классовых врагов и контрреволюционеров теперь принимают в партию, поскольку они обладают необходимыми навыками и ресурсами и выступают своего рода инструментом реализации поставленных партией задач. Такая кадровая политика поспособствовала обновлению партии, но в корне противоречит существующим традициям данной организации и создает угрозу существующему политическому режиму в целом. Угроза исходит из диверсификации элиты вследствие появления новых групп в партии, контролируемых автономными источниками экономической власти, то есть вследствие развития богатого и независимого коммерческого и промышленного среднего класса (Хантингтон, 1970, 20).

Проводимые экономические реформы создали альтернативные способы карьерного роста и обогащения (посредством образования и предпринимательства), поэтому зависимость общества от государства уменьшается и одновременно с этим уменьшается власть государства и его правящей партии.

Литература

1. Б. Диксон (2005) Красные капиталисты в Китае. Партия, частные предприниматели и перспективы политических перемен, с. 136-139. Олимп-Бизнес.
2. С. Хантингтон (1970) Социальная и институциональная динамика в однопартийных системах // Авторитарная политика в современном обществе: динамика установленных однопартийных систем. Нью-Йорк, Basic Books.
3. Michael T. Hannan, John Freeman (1991) *Organizational Ecology*. Cambridge: Harvard University Press, p. 67-68.
4. Jeffrey Pfeffer, Gerald B. Salancik (1978) *The External Control of Organizations: A Resort Dependence Perspective*. New York: Harper and Row, 1978, p. 164-165.

Идея консерватизма Эдмунда Бёрка***Кострубицкая А.В.******Студент***

Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, философского факультета, Киев, Украина
alina_net@mail.ru

Первое теоретическое обоснование консерватизма? как политической идеологии и практики общественно-политической жизни, что ориентируется на сохранение и поддержание существующих форм социальной структуры, традиционных ценностей и морально-правовых базисов, принадлежит английскому политическому деятелю Эдмунду Бёрку.

Главной идеей, которая присуща всем его работам, в том числе и «Размышлениям о революции во Франции» есть идея консерватизма. Рассматривая государственные устройства Англии и Франции, Бёрк проводит между ними параллели и предлагает антитезу Франция – Англия, что расшифровывается буквально как Революция – Традиция. Таким образом, Франции приписывалась роль «источника болезни», Англии – образцового примера, дающего Европе шансы на спасение.

Традиция выступает центральной ценностью в политической теории Бёрка. А конституция Британии и позитивный опыт – идеальным государственным устройством. Эдмунд Бёрк предлагает сохранять старое, точнее его базовые и жизненно важные основы в государстве и одновременно реформировать, вносить поправки и изменения. Для этого автор вводит формулу «сохранять и реформировать», потому что считает, что «сохраняя природное устройство ведения наших государственных дел, мы никогда не бываем целиком новыми, а в том, что мы сохраняем, никогда не бываем полностью устарелыми».

Все реформы в государстве должны базироваться на принципе давности. Этому принципу должны соответствовать Конституция страны и, соответственно, парламент. Таким образом, руководствуясь конституцией, основанной на законах природы, народ будет получать от своих предков способ управления государством, пользоваться им и передавать следующим поколениям.

Считая, что на земле не может существовать идеального устройства, который был бы полностью свободен от каких-либо изъянов, Бёрк осуждает и резко критикует ход революционных событий во Франции. Он подчеркивает, что она была призвана погубить уже сформированное политическое устройство государства. События во Франции Бёрк называет антидемократическими. Идеологи революции подорвали историческое устройство, скинули монархию, но в результате не получили свободу.

Под понятием «свобода» Бёрк понимает социальную свободу, которая может стать властью, в случае, когда ее воспользуется сплоченный общими интересами народ.

Идея народа – это идея объединения. Именно народ должен стать силой, которая и приведет к демократическим реформам. Народ должен стать большинством или выбрать того, кто будет представлять интересы народного единства, и который, как истинный политик и настоящий патриот задумается над тем, как лучшим образом использовать все, что уже есть в государстве, а не начнет все с нуля.

Действительно, одна форма правления может быть лучше другой. И это основательный повод, чтобы за нее бороться, но следует помнить, что, изменив название, мы не изменим суть. Поэтому только путем глубокого анализа, политика может изменить государство. Дух полной новизны характерен для эгоистических и слабохарактерных правителей.

Наше исследование показало, что идея консерватизма Эдмунда Бёрка очень актуальна в наше время. Его предложения есть не только хорошей моделью развития государства, но и динамической перспективой его будущего. Многим странам сейчас не

хватает умения, создавая что-то новое, учиться на своих прежних ошибках. Ведь история – закономерна. И в ней всегда можно провести аналогию. Путем компаративного анализа, найти истинно верный выход из сложившейся ситуации.

Научившись уважать прошлое, мы научимся уважать самих себя. Поэтому следует объединять устоявшиеся порядки с нововведениями. Так как, «государство, которое не в силах ничего изменить, не способно себя сохранить». Это рациональный курс, направленный на благо государства.

Литература

1. Берк Е. Тривалість держави: збереження та зміни// О.Проценко, В.Лісовий. Консерватизм. Антологія. – К.: ВД «Простір», «Смолоскип», 2008. – 788 с.

2. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции.// <http://liberte.newmail.ru/Books/Burke1.html>

3. Дегтярева М.И. Традиция: модель или перспектива? Жозеф де Местр и Эдмунд Бёрк //Полис. – 2003. - №5.

4. Чудинов А.В. Эдмунд Бёрк – критик Французской революции.// http://www.liberte.newmail.ru/Tchoud_Burke1.html

Общая характеристика групп интересов в Украине на современном этапе

Краснопольская Татьяна Николаевна

Соискатель

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина

E-mail: Tata_Kras@ukr.net

Интерес (от лат. interest– имеет значение, важно) – ключевая категория политики и политологии, обозначающая движущую силу истории, внутренний определитель любой политики.[5] В целом интерес - стремление субъекта изменить, улучшить или сохранить, укрепить свои жизненные условия и положение с помощью социальных средств.

Под группами интересов обычно понимают преимущественно добровольные объединения людей, приспособленные или специально созданные для выражения и отстаивания своих властно-значимых интересов в отношениях с государством, а также другими политическими институтами.[4,238]

В политической науке и политической мысли существуют два основных подхода, по-разному трактующих роль групп интересов в политической жизни.

Представители первого подхода считают их существование явлением отрицательным, оказывающим негативное воздействие на функционирование демократической политической системы в силу того, они служат проводниками частного влияния на принятие политических решений.

Представители другого направления признают объективный характер существования заинтересованных групп и отмечают их положительную роль в политическом процессе.[3,6] В частности, «родоначальник» теории групп интересов А. Бентли в своей работе 1908 г. «Процесс правления. Изучение общественных давлений» отмечает, что все явления государственного управления есть результат деятельности групп, давящих друг на друга и выделяющих новые группы и групповых представителей для посредничества в общественном соглашении.[1]

Группы интересов очень разнообразны, к ним относятся различные объединения, ассоциации, союзы, организации, клубы, движения, комитеты, кружки и т.д.

Сложившиеся группы интересов в Украине можно охарактеризовать как институциональные, ассоциативные, многоцелевые. В большинстве своем это лоббистские организации, стремящиеся реализовать свои интересы через влияние на депутатов, членов правительства или административные органы. Но на современном

этапе в Украине начался процесс формирования новых групп интересов, которые характеризуются как ассоциативные, одноцелевые гражданские инициативы.

Важнейшую роль в государстве с рыночной экономикой выполняют такие группы интересов как предпринимательские союзы и объединения. Они занимаются выработкой рекомендаций правительственным органам по вопросам развития национальной обороны, развития ядерной энергетики, борьбы с безработицей и бездомностью, инфляцией и др. По всей территории Украины в период после начала кризиса проводятся собрания предпринимателей и организация всеукраинского движения в защиту малого и среднего бизнеса, который больше всего пострадал в результате постоянных скачков доллара и повышения процентных ставок по долларovým кредитам. Если эта ситуация продолжится, то на Украине просто перестанет существовать малый и средний бизнес. Основными требованиями, выдвигаемыми в рамках данного движения являются: предоставление налоговых льгот или каникул, разрешение возврата кредитов по курсу, установленному в договоре, запрет ареста имущества за долги по кредитам, кроме заложенного имущества, недопущение повышения процентной ставки по кредитам, признание кризиса в стране и пересмотр кредитных договоров в связи с форс-мажором и другое. В случае невыполнения выдвинутых участниками данного движения (а это большая часть мелкого и среднего бизнеса Украины) требований, они обещают отказаться от выплаты налогов в течение двух месяцев – а с этим уже нужно считаться. Таким образом, видно насколько велико влияние групп интересов этого вида.

Значительную роль в политической системе выполняют благотворительные фонды, осуществляющие финансовую поддержку программ защиты национальных меньшинств, борьбу с наркоманией, оказание помощи фермерам и пр. Следует отметить, что в Украине, к сожалению, они работают недостаточно эффективно, взять к примеру не совсем удачный опыт строительства в Киеве «Клиники будущего» для детей – средства были собраны, составлен архитектурный проект. В результате выяснилось, что земля, на которой предполагалось строительство клиники, является заповедной территорией, соответственно нужно искать новый участок земли, составлять новый проект, а все это займет много времени и денежных средств.

Важную роль в обществе занимают профсоюзы, которые призваны защищать экономические и социальные интересы трудящихся и их семей. На сегодняшний день серьезным примером влияния профсоюзов является акция протеста дальнотойщиков, организованная Ассоциацией международных автоперевозчиков Украины и проводимая в Киеве. Следует отметить, что правительство вынуждено было принять во внимание требования ассоциации и рассмотреть выдвигаемые требования. К сожалению, пока этот вопрос полностью не решен, но, по моему мнению, ситуация разрешиться в пользу протестующих и хотя бы часть их требований будет выполнена.

Функционирование разнообразных групп интересов способствует усложнению строения политической системы. Это происходит за счет увеличения предпосылок возникновения партий и нарастания фракционности в различных политических институтах, стимулирования формирования многопартийных систем и др. В Украине на данном этапе, в период кризиса, по моему мнению, просто необходимо существование этого института, так как только объединение сил может вывести страну из кризиса. Следует отметить, что он только формируется и еще не достаточно развит и распространен, но это только к лучшему, ведь есть к чему стремиться. Ярким примером тому может служить опыт Германии после поражения во Второй мировой войне – уже к началу 1960-х годов она обошла по всем экономическим показателям такую страну-победительницу, как Великобритания.[2] Все дело в группах интересов и благоприятствующей им среде. Проблема в том, что развитые группы интересов тратят ресурсы ради того, чтобы перераспределить национальный продукт в свою пользу (что, кстати, происходит последние лет 10 и в Украине). Эта деятельность не создает богатств, а растрчивает имеющиеся.

Отсюда можно сделать вывод что, чем более укоренившимися являются группы интересов, чем сильнее влияние и чем их больше – тем хуже для экономики, куда более полезными являются вновь созданные ассоциативные многоцелевые группы интересов.

В нашей стране, как и в послевоенной Германии, старые группы интересов почти уничтожены из-за кризиса и разочарования в правящей коалиции, а новые формируются (проходят стадии артикуляции и агрегации интересов, а некоторые – уже информирования органов власти), т.е. формулируют подсказки для власти по тем или иным экономическим вопросам и по вопросу выхода из кризиса в целом.

Литература

1. Бакун Л. А. Группы в политике. К истории развития американских теорий // <http://exsolver.narod.ru/Artical/Govertheory/polgroup.html>
2. Заостровцев А. Экономисты о политике. Интересы против прогресса? // Дело – 2008 - 25 августа.
3. Золотарева Е.В. Группы интересов в политике // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 1999. – № 1. – С. 63–75.
4. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2000.
5. <http://mirslovarei.com>
6. <http://nicbar.narod.ru>

Режимная консолидация в современной России: факторы, особенности, перспективы

Малахова Екатерина Дмитриевна

Магистрант

Тульский государственный университет, гуманитарный факультет, Тула,

Российская Федерация

darya-malahova@mail.ru

Процесс режимной консолидации можно рассматривать и как результат трансформации политической системы, представляющий собой создание условий воспроизводства структур политического режима, имеющего гибридный характер, и как одну из стадий демократического перехода, включающую в себя стабилизацию формально демократических институтов. Таким образом, режимная консолидация представляет собой стабилизацию системы, но не является условием прекращения режимных изменений, способных привести к консолидации либеральной демократии. Консолидация является многоуровневым процессом и, наряду с институциональной стабилизацией, включает в себя консолидацию общества, связанную с унификацией ценностей и норм поведения граждан, поэтому при сохранении демократического вектора развития режимная консолидация может стать основой движения к демократической консолидации.

Процесс перехода к демократии в посткоммунистических странах был инициирован политической элитой и представлял собой совокупность одновременно протекающими во всех сферах трансформационных процессов, сопряжённых с поляризацией и дефрагментацией общества, многочисленными межэлитными конфликтами, что являлось негативным фактором дальнейшего развития государства. В таких условиях режимная консолидация стала результатом разрешения внутриэлитных конфликтов, но не путём заключения пакта между элитными группами о правилах участия в политическом процессе, что является возможным условием полноценного демократического транзита, а в результате подавления и

вытеснения одними политическими акторами других из процесса принятия государственных решений, приведшего к стабилизации политической системы, но вместе с тем, к приостановке процесса перехода к демократии.

Процесс политической трансформации современной России представляет собой пример режимной консолидации и как стадии демократического транзита, и как его возможного результата. Стабилизация гибридного политического режима, сочетающего черты демократии и авторитаризма, стала результатом разрешения межэлитных конфликтов путём подавления доминирующим актором, основным ресурсом которого стал высокий уровень легитимности, противоборствующих элитных групп. Достижение внутриэлитной консолидации путём институциональных изменений, направленных на стабилизацию политической системы, способствовало повышению устойчивости демократических институтов, выбранных правящей элитой в качестве рамок функционирования российского политического процесса. Недостаточная стабильность российской политической системы обусловлена низкой легитимностью органов власти, базирующейся только на демонстрируемой этими структурами принадлежности к доминирующему актору. Создание «партии власти», направленное на формирование более устойчивого режима с доминирующей партией, не привело к существенному повышению стабильности политической системы, так как партия не воспринимается обществом как самостоятельный и эффективный институт общенационального представительства, что также обусловлено использованием «партией власти» в качестве основного ресурса общественное доверие лидеру государства.

Процесс режимной консолидации в субъектах федерации, выражающийся в реформировании системы отношений между федеральной и региональной элитой и использовании в качестве интегрирующего фактора доминирующей партии, привёл к устранению одной из основных особенностей асимметричной федерации – существенной вариативности развития региональных политических режимов, которая обеспечивалась спецификой распределения полномочий между региональными органами власти и взаимодействием региональных политических и экономических элит. В результате изменения регионального, партийного и избирательного законодательства в пользу правящей элиты в субъектах федерации стали складываться региональные модели российского политического режима, спецификой которого является сплочение элитных групп вокруг доминирующего актора и фактическое перераспределение полномочий в пользу исполнительной власти.

Результатом политической трансформации страны является достижение обществом минимального уровня консолидации, выраженного в осознании невозможности возвращения к старой политической системе и необходимости дальнейшего развития в рамках существующих демократических институтов. Однако признание необходимости демократического развития не привело к изменению ценностной системы и моделей поведения российских граждан. Эта проблема находит своё отражение в преобладании ценностей стабильности и порядка над демократическими правами и свободами, в потребности граждан страны в сильной государственной власти, активно воздействующей на процесс общественного развития. Признание российскими гражданами приоритетной роли правящей элиты в процессе развития страны происходит наряду с низкой способностью общества к самоорганизации, что выражается в отсутствии готовности реализовывать и отстаивать свои конституционные права, воздействовать на работу институтов политического представительства, в которых граждане страны также не испытывают необходимости. Всё это позволяет говорить о преобладании в российском обществе подданнического типа политической культуры.

Оценивая процесс трансформации политической системы страны, правящая элита достаточно чётко разграничивает сферу общественных и властных интересов и потребностей, объясняя этот факт ведущей ролью политической элиты, как наиболее адаптированной к системе и прогрессивной части общества, в процессе демократического развития страны. Представители региональной политической элиты не видят необходимости в повышении уровня легитимности властных институтов, так как основным ресурсом доверия является принадлежность к Президенту страны, который воспринимается элитой не только как центр власти, но и как легитимирующий фактор, оказывающий определяющее влияние на сознание граждан страны. Признавая необходимость объединяющей идеологии, представители региональной элиты выделили в качестве её основ идеи, соответствующие потребностям только граждан страны, то есть элитой не рассматривается возможность объединения граждан и представителей власти на основе общих ценностей. Это свидетельствует о том, что элита воспринимает процесс консолидации общества как «навязанный», сутью которого является не поиск связующего звена между правящей элитой и гражданами, а нахождение новых способов управления обществом как объектом манипулятивных технологий, что, тем не менее, вполне соответствует потребности общества в активизации роли государства в процессе развития страны.

Литература

1. Гельман, В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории [Текст] /В.Я. Гельман // *Общественные науки и современность*.-2001.-№ 1. - С. 55–69.
2. Мельвиль, А.Ю. О траекториях посткоммунистической трансформации [Текст] / А.Ю. Мельвиль// *Полис*.-2004.-№2.- С. 64-75.

Антидемократические политические режимы как историко-правовое явление XX века

Минаев Е.А.

Студент

*Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого,
факультет истории и права, Тула, Россия*

E-mail: Ewgesha11@yandex.ru

В последние десятилетия возрос интерес научной общественности к проблемам антидемократических политических режимов. Это обусловлено как необходимостью осмысления уроков XX века, накоплением фактического материала, так и противоречиями современного мира. К сожалению, в силу различных причин, многие работы носят поверхностный, а нередко демагогический характер. В первую очередь это касается отечественных исследований, посвященных проблемам тоталитаризма. В данной работе проведен анализ различных сторон режимов, которые принято относить к антидемократическим. Такое исследование представляет несомненный теоретический и практический интерес для современного мира. Достижение цели затруднено как сложностью объекта исследования, так и естественной политизацией проблемы.

Проблемам антидемократических режимов посвящено большое количество исследований. Концепция тоталитаризма складывается на Западе в 30-е – 40-е годы XX века. Определенный вклад в её становление и развитие внесли Ф. Боркена, И.А. Ильин, В. Райх, Э. Фромм, К. Поппер, Ф. Хайек, Х. Арендт, К. Фридрих, З. Бжезинский, Р. Арон. Из современных исследователей тоталитаризма представляется справедливым назвать Ю.Р. Сумботяна, Г.И. Мирского, Э.Р. Соловьева, С.Л. Агеева, Г.Ю. Курскову,

П.Е. Студникова, В.С. Толстикова, В. Дахина и целый ряд других. Традиционная западная концепция тоталитаризма переживает идейный кризис. Слабо изучены правовые основы тоталитаризма.

Существует большое количество определений понятия «политический режим» - в зависимости от смысла, который вкладывает в него исследователь. Обычно выделяют два подхода: институционный и социологический.

Мы под политическим режимом понимаем способ взаимодействия государства и общества. Такое понятие позволяет избежать формального подхода к проблеме и проследить двусторонние связи между государством и обществом. Наши основные «переменные величины» - цели, которые стоят перед системой в данных конкретно-исторических условиях, и средства, используемые государством для их достижения. Такой подход представляется особенно плодотворным при рассмотрении различных чрезвычайных режимов.

Простейшая классификация заключается в делении всех политических режимов на демократические и антидемократические. Не являясь принципиальными сторонниками такого подхода, мы, тем не менее, вынуждены его использовать, что зафиксировано в названии работы.

Определение и классификация политических режимов всегда условны и зависят от взгляда исследователя. Использование альтернативной классификации способствует более широкому глубокому изучению объекта.

Любая модель политического режима успешно функционирует до тех пор, пока отвечает задачам, стоящим перед обществом. Исходя из этого, мы выделили несколько моделей, существовавших в XX веке. Наша классификация не может претендовать на статус полной или единственно верной. Но в данном исследовании она показала свою полезность.

1. Традиционная модель.
2. Революционная модель.
3. Мобилизационная модель.

Согласно нашей классификации традиционная модель политического режима соответствует традиционному обществу, революционная – периоду слома старого строя и становлению нового; мобилизационный должен служить способом вывода страны из глубокого кризиса и модернизации. Можно выделить и другие модели политического режима, в традиционной классификации соответствующие авторитаризму.

В то же время некорректно на основании сходства только политического режима игнорировать глубокие различия в социально-экономическом и культурно-историческом плане. К сожалению, концепция тоталитаризма часто использовалась и используется в качестве инструмента антисоветской пропаганды.

Тоталитарное государство подобно живому организму в экстремальных условиях. Он должен перестроиться, чтобы выжить. Прочность и мобилизационные возможности тоталитарной системы огромны – это видно на примере СССР и КНР. Но режим, функционирующий за счет предельного напряжения всех ресурсов, не может существовать длительное время. В итоге неизбежно происходит его размывание и либерализация. Любая мобилизационная модель в исторической перспективе обречена.

Различие типов правопонимания дает разную оценку антидемократическим политическим режимам. Если легизм отождествляет волю государства (закон) и право, то юстнатуралисты признают все антидемократические режимы незаконными. Наиболее объективным представляется рассмотрение проблемы на основе марксистской концепции права. Наряду с законодательством нужно уделять большое внимание анализу процессуального права. Исходя из этого, можно указать, что правовую систему составляют не только материальные нормы, устанавливающие права и обязанности, но и механизмы их осуществления, прежде всего, процессуальные нормы. Эти черты заключают в себе важные характеристики правовых систем антидемократических

режимов. Все это четко указывает на невозможность адекватной оценки правового режима государства на основе только законодательства.

Таким образом, право при антидемократических режимах является, как бы «урезанным», «неполным». При антидемократических режимах право зачастую является инструментом в руках всесильного государства.

XX век – это очередной этап в развитии антидемократических режимов. Если традиционная модель закономерно уходит в историю, то тоталитаризм вышел на сцены впервые. И нет никаких оснований полагать, что в условиях XXI века не возникнут новые мобилизационные модели. Фашизм возник из массовой, формальной демократии, из нерешенных её проблем и кризисов. В «группе риска» оказывается целый ряд государств, включая Россию.

Литература

1. Агаев С.Л. (1995) Гитлеризм, сталинизм, тоталитаризм: реальность и понятия // Полис. № 3.
2. Арндт Х. (2006) Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом.
3. Арон, А. (1993) Демократия и тоталитаризм. М.: Текст.
4. Истягин Л.Г. (1997) Исследования по тоталитаризму: в поисках новой концепции // Полис. № 2.
5. Студников П.Е. (1999) Теоретические проблемы тоталитаризма // Социально-гуманитарные знания. № 2.
6. Сумбатян Ю.Г. (1995) Исторический генезис и сущность политических режимов // Вестник МГУ. №6.

Доверие как фактор легитимации власти

Мищенко А.Б.

аспирант

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

философский факультет, Киев, Украина

e-mail: mishenko.ab@gmail.com

Каждое проявление власти сопровождается явным или неявным запросом: по какому праву эта власть осуществляется? Доверие выступает основным фактором оправдания права власти на ее осуществление, на насилие, то есть легитимацию власти, которая совмещает в себе рациональные и иррациональные убеждения.

Власть является легитимной, если она отвечает ценностным преимуществам граждан, другими словами, если подчиненные не сомневаются в происхождении власти и оказывают ей определенную поддержку своими действиями (заклучают общественный договор, участие в выборах, референдумах, демонстрациях, и т.д.).

Граждане, оказывая поддержку политической власти, практически доверяют ей свое будущее, свое право на счастье, благополучие и тем самым соглашаются с ее представлениями о справедливости, законности, свободе.

Доверие, таким образом, есть совокупностью рациональных и иррациональных убеждений индивида, которые позволяют делать ставку на будущие действия другого человека, которому мы добровольно передали ряд своих полномочий.

Как подтверждение вышеупомянутому положению: если легитимность отображает соответствие политического режима господствующим в обществе ценностям и нормам, то доверие отображает ожидание граждан соответственно того, что политическая система будет производить предсказуемые результаты, которые отвечают их интересам.

Пьер Бурдьё писал по этому поводу, что граждане или структура гражданского общества предоставляют представителям власти определенный кредит доверия и они, таким образом, приобретают определенный политический капитал. Этот неустойчивый

капитал может быть сохранен лишь ценой непрерывного труда, что необходимый как для нагромождения кредита, так и для того, чтобы избежать его потери.

На сегодня реальное содержание легитимности очерчено теологическим понятием „спрятанная верность”. Это – „негласное доверие, молчаливая самоотдача, когда выбирают свое мнение через выбор своего официального выразителя”. [4; с. 209]

Как доказательство: в основе доверия граждан современной западной демократии к власти лежит, в сущности, их наивная вера в равенство перед политикой, которая допускает покорную сдачу позиций и обеспечивает неограниченный кредит для партий и чиновников.

Но со стороны государства легитимация как процесс требует определенных условий, главные из которых, – условие публичности, обнародованности, общественного дискурса. Однако рядом с этим существует реальная угроза перехода такой открытости в банальный популизм.

Отсюда, напрашивается вывод, что основным механизмом легитимации власти и формирования доверия в обществе, который имеет государство, есть так называемый институт демократии и социальной защиты, который „обменивается” на лояльность и благосклонность масс.

Эффективность политического режима состоит из ряда временных, непродолжительных событий, которые могут влиять на уровень доверия граждан. Однако стоит отметить, что существует угроза перерастания временных событий и действий власти, которые вызывают отрицание в население, в долговременную перспективу. Как следствие, каждый гражданин ставит вопрос: нужна ли мне именно такая власть, если я не верю в справедливость ее действий и не доверяю ее представителям, которые способствуют воплощению такой политики?

Невозможность власти преодолеть полное недоверие граждан относительно легитимности своего существования и действий, приводит к кризису в общественном сознании и разочарованию такой формой организации власти, таким взаимодействием между участниками политического процесса, невозможностью организации эффективного дискурса между гражданским обществом и институтами власти и ряд других социально-политических и психологических факторов, – все это становится поводом для переоценки формата поддержки и необходимости власти, порождая ее делегитимацию.

Именно поэтому стоит считаться с примерами, когда во многих странах испытали кризисы основные принципы демократии, ее главные институты и страны вернулись к более радикальным политическим режимам, основываясь на высокой поддержке и доверии населения, на беспрекословной вере граждан в большую эффективность и справедливость именно такой организации политической жизни страны.

Литература

1. Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом Российском обществе. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – С. 32-57;
2. Бурдые П. Политическое представление: Элементы теории политического поля. / Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. Е.Д.Вознесенская/ Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко./ - М.: Socio-Logos, 1993. – С. 179-230;
3. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН, серия Социология. – 2003. - № 1 (4). – С. 67-73;
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма. / Социологические исследования. – 2001. - №1. – С. 6-16.

Политическая активность субъектов в условиях идеологической трансформации**Моисеенко А.А.***Студент**Южно-Уральский государственный университет, исторический факультет,
Челябинск, Россия**E-mail: alexm05@inbox.ru*

Политическая активность характеризует интенсивность властных отношений между субъектами и объектами власти. Субъектами политической активности являются различные социально-политические общности (государство, социальные слои, партии, различные общественные организации, коллективы) и личность, прежде всего.

Активность, как свойство личности или социальных групп, обеспечивающее реализацию и функционирование идей, ограничивается не только институциональными способами подавления, но и неинституциональными образованиями политической системы, являющимися частью нормативно-символической сферы.

Идеология является важным инструментом социальной и политической организации: выступая катализатором политической активности, идеология «контролирует» индивидов и их деятельность с помощью специально сконструированных образов. В идеях человек видит отображение силы и ресурсов государственной власти и потенциальной угрозы применения к нему насилия в определенных случаях. Таким образом, в общественном сознании создается иерархия социальных целей и значений в политике, что способствует уточнению позиций конкретного индивида по отношению к власти.

Идеологическое пространство в СССР на протяжении десятилетий являлось цельным и системным образованием. Активность субъектов в монолитном идеологическом дискурсе была направлена на удержание статусных позиций и реагирование на изменение ситуации. В этой связи, представляется возможным говорить о феномене моносубъектности, включающем в себя партийно-государственный аппарат, социальные слои, личность и др. Моносубъект, опирающийся на монолитный идеологический дискурс, в большей степени обладал внутренней, чем внешней, политической активностью. Внутренняя иерархическая активность определяла в советском моносубъекте степень политической напряженности.

С распадом СССР в российском идеологическом пространстве вместе с действительными признаками дискурсивности (поиск «национальной идеи», конструирование интегративной идеологии, развитие концепции «Третьего пути России» и т.д.) появляются и признаки кризиса идей.

Во время структурных идеологических изменений бессознательное начало субъекта выходит на первый план, поэтому при исследовании политической активности в данных условиях следует обратить особое внимание на личность как субъект. Идеиный кризис не подавляет политическую активность личности, наоборот, повышается рост политизированного бессознательного.

Как внешняя, так и внутренняя политическая активность личности определяются архетипами, существующими в бессознательном. Снижение эмоционального напряжения через переключение на символических врагов наделяет индивида дополнительной политически направленной энергией, что ведет к повышению его политической активности. Дискурс «свой-чужой» становится неотъемлемой частью постсоветского идеологического пространства, что формирует деструктивную политическую активность.

В различных идеологических условиях, политическая активность субъектов различается степенью интенсивности и направленностью. Трансформация идеологии влияет на уровень массовой политической активности, что требует от людей, помимо удовлетворения их базовых интересов, определенного понимания целей власти.

Литература

1. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 560 с. (Серия «Культурология. XX век»)
2. Ключев А.В. Политическая активность личности при социализме. Сущность и факторы ее повышения. Л: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1980.
3. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. №2
4. Хвощев В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвощев — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. - 168 с.

Политическая традиция: основные механизмы институционализации

Мушнин Сергей Владимирович

студент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: msvmsu@gmail.com

Традиция - неотъемлемая характеристика любой общественной системы, ее социальной организации, функционирования во всех областях общественной жизни, в том числе политической. Она формирует менталитет общества, что определяет то или иное восприятие этим обществом политики, наряду с другими феноменами общественного развития, является важным фактором выработки и принятия политических решений, определяют характерные способы и средства достижения политических целей, представляют собой инструмент организации политической жизни. Политическая традиция – это одна из составляющих традиции в целом как системы различных ценностей, присущих культурным общностям на протяжении длительного периода времени.

Основная цель исследования – определение способов реализации традиции в политическом процессе. Причем, необходимо выделять влияние на политический процесс «властных» политических установок и менталитета населения той или иной страны. Степень идентичности этих видов политической традиции или, наоборот, их разделенность, в свою очередь, являются особенностью политической традиции каждого конкретного государства.

Очевидно, что многообразие политического процесса на протяжении истории сформировало огромное количество способов и форм влияния на закрепление тех или иных политических норм как в правовом поле, так и в общественном сознании. Нас интересует не только механизмы институционализации политической традиции, но и степень этой институционализации в разных странах. Впрочем, вероятнее всего, две стороны данного процесса находятся в большой взаимозависимости. Можно выделить некоторые механизмы институционализации политической традиции: государство, политические партии, правовые нормы, политические элиты, общественные организации. Попытаемся рассмотреть первые два из них.

Политическая традиция имеет важнейшее значение для формирования того или иного типа государственного устройства. Самосознание народа, общественные настроения не только влияют на текущую политическую ситуацию в каждый исторический момент, но и определяют фундаментальные основы государственного устройства. В то же время, государство, проводя свою политику, так или иначе, закрепляет в общественном сознании политические нормы. Этот процесс взаимного влияния государства и общества приводит, с одной стороны, к выработке политической традиции в долгосрочной перспективе и, с другой стороны, влиянию этой политической традиции на государство, т.е. к ее институционализации.

Европейские государства активно впитывали в себя влияния общественных течений, что зачастую приводило к значительным изменениям основного политического института. В тип политического устройства приносились традиции различных слоев

населения, религиозных или антирелигиозных групп, общественных течений, что придавало западной политической системе плюралистичный и модернизационный характер. Если же рассматривать отечественную политическую традицию с точки зрения институционализации, то можно проследить процесс преобладания одной из ее составляющих, а именно «властной» политической традиции. Доминантой общественного процесса в России является государство, сфера политических и правовых отношений. Такая роль государства в национальном развитии при этом рассматривалась не только как характерная, определяющая, но и как специфическая, отличительная черта России, как основание, которое отличает ее от многих других стран.

Влияние политической культуры на развитие партийной системы в той или иной стране имеет огромное влияние. Она определяет такие важнейшие факторы интенсивности появления и качества партий как характер и степень участия населения в политическом процессе. Без учета политической традиции не может быть сформулирована достаточно успешная и популярная политическая идеология. В конце концов, только с учетом влияния политической традиции можно сделать вывод о возможности возникновения в рамках той или иной политической системы института многопартийности, как результата развития плюрализма мнений в области политики.

В Европе и США в XIX веке историческое развитие, шедшее по пути раскрепощения личности, более активного участия человека в политической деятельности, рассмотрения многообразия в политике как основного фактора прогрессивного развития государства и общества, подготовило условия для институционализации политических настроений в виде появления политических партий. Российский опыт партийного строительства последних 15 лет красноречиво доказывает: усиление роли партий в общественно-политической жизни страны, расширение их кадровых прерогатив и возможности участия в политической жизни могут происходить и в условиях укрепления института президентской власти, когда такое усиление – один из элементов внутривнутриполитического курса, обеспечиваемого политическим ресурсом главы государства. Одним из самых ярких явлений партийной системы России можно признать феномен «партии власти», сутью которого является отражение достаточно серьезного влияния государства на становление партийной системы.

Политическая традиция всегда является, так или иначе, институционализирована. Она выражена в правовых нормах каждого государства, формах взаимодействия власти и гражданина и т.д. Можно сказать, что разнообразие политического устройства каждого конкретного государства во многом и есть результат институционализации политической традиции.

Если рассматривать на протяжении всего исторического процесса существования каждого государства две основные силы взаимодействия – «власть» и «народ», то можно проследить характер и степень их влияния в различных странах. В Западной Европе влияние «снизу» всегда было существенным и политической элите приходилось испытывать давление народных сил, поэтому степень институционализации политических традиций данного типа достигла существенного уровня. Если человек западного менталитета активно воздействует на политическую ситуацию в государстве и на свое положение в политической системе, то русский человек рассматривает сложившуюся ситуацию как данность, на которую невозможно оказать серьезного влияния. Можно сказать, что и сегодня восприятие власти остается столь же нерациональным, что не дает возможности для большей институционализации «низовой» отечественной политической традиции, результатом чего является формирование устойчивой дихотомии «власть - общество», жесткое разделение политической традиции на «властную» и «народную».

Литература.

1. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
2. Кочетков А.П. Россия на пороге XXI века. М., 1998.

3. Мошелков Е.Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996.

4. Основы теории политических партий. М., 2007.

Трансформация российской избирательной системы как этап укрепления «вертикали власти»

Носкова Е.Ю.

Аспирантка факультета политологии

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: ekateryna_golos@list.ru

Преобразование системы государственного управления, вошедшее в историю как процесс «укрепления вертикали власти», по нашему мнению следует считать многоэтапным процессом. На первом этапе, цель которого сводилась к обозначению основных «контуров» властной модели будущего, была значительно ослаблена субъектность региональных руководителей, введен институт представителей Президента в специально созданных семи федеральных округах, и, наконец, утверждение новой процедуры выборов глав субъектов Российской Федерации по сути поставило власть в регионах под прямой контроль федерального центра. Поэтому вполне закономерным нам видится и второй этап «укрепления властной вертикали», а именно - трансформация избирательной системы.

Закрепленная в новом Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» *пропорциональная избирательная система* сохранила большую часть характерных признаков пропорциональной составляющей *смешанной избирательной системы*, применявшейся в прежних четырех избирательных кампаниях по выборам депутатов Государственной Думы, в Российской Федерации. Однако в законе были предприняты и определенные корректировки с целью преодоления некоторых недостатков.

Во-первых, многими совершенно справедливо отмечался существенный недостаток пропорциональной избирательной системы, применявшейся в течение четырех созывов на выборах 225 депутатов Государственной Думы, а именно — слабая связь депутатов со своими избирателями в регионах.

Во-вторых, значительная общедофедеральная часть федерального списка кандидатов (до 18 кандидатов), крупные региональные группы кандидатов, допускаясь прежним Федеральным законом, «закрывали» от избирателей большую часть федерального списка кандидатов. При таком положении избиратели фактически голосовали лишь за лидеров политических партий, как правило, хорошо известных или «раскрученных» в ходе предвыборной агитации.

Исследование и анализ избирательных новелл показали двойственность современной избирательной системы: с одной стороны, новые нормы избирательного законодательства направлены на развитие демократических начал в стране, на демократизацию процесса управления, на повышение партийной и общественной активности, с другой – на формирование монопольного рынка оказания политических услуг, когда реально и потенциально общественные интересы будет представлять лишь несколько политических партий, отвечающих жёстким критериям представительности.

Изменения в избирательном законодательстве отражают объективные политические процессы, происходящие в российской политической системе – в условиях формирования жесткой системы «вертикали власти» вполне оправдано и выглядит целесообразным формирование избирательной системы, направленной на укрупнение партийных структур, но в то же время идёт недооценка такого немаловажного фактора как политической культуры общества. В условиях нынешнего развития политические

партии ещё не готовы адекватно представлять интересы всех слоёв населения, а российское общество не готово к тому, что придётся выбирать лишь между несколькими партиями.

На наш взгляд, трансформация избирательной системы – это не только шаг по устранению «недостатков» старой избирательной системы, это ещё и важный этап в укреплении «властной вертикали». Причем изменение избирательного законодательства по выборам в Государственную Думу РФ – лишь составная часть данного этапа. Трансформационные «потенциалы» избирательной системы современного российского общества далеко ещё не исчерпаны и представляют собой совокупность связей, отношений и деятельности социальных субъектов избирательной системы в их влиянии на общественные процессы.

Проведенное исследование показало, что основными направлениями совершенствования избирательной системы как фактора трансформации вертикали власти выступают следующие:

- переход от смешанной системы выборов (мажоритарно-пропорциональной) к системе пропорционального представительства;
- изменение механизма формирования представительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и системы формирования представительных органов местного самоуправления;
- совершенствование механизма избирательных технологий, дающих преимущества наиболее крупным политическим партиям;
- дальнейшее возрастание роли и значения избирательной системы как фактора, влияющего на развитие политической системы современной России.

Литература

1. Горбачев М. Выборы, которые мы выбираем // Российская газета. №4121 от 19 июля 2006.
2. Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России. История, современное состояние, перспективы. – М.: Аспект Пресс, 2005.-333с.
3. Медведева В.К. Проблемы становления института выборов в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2004. № 1.С.24–28.
4. Новеллы избирательного законодательства и участие политических партий в избирательных кампаниях. Материалы семинара с участием представителей политических партий (Москва, 29 сентября 2005 года) / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. — М., 2005. – 60с.
5. Федеральный закон от 18 мая 2005 года № 51 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 21. Ст. 1919; 2006.№ 29. Ст.3124, 3125, № 31. Ч. I. Ст. 3427; 2007. № 1. Ч. I. Ст. 37, № 18. Ст. 2118.
6. Слизовский Д.Е. Политическое лидерство в контексте укрепления вертикали власти. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001.№ 3.С.124–138.

Терминологические и методологические проблемы теории сецессии**Нуруллин Р.М.***аспирант**Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина,
философский факультет, Казань, Россия**E-mail: messagetorinat@mail.ru*

Импульс к получению политической независимости через сецессию, распространяющийся по всему мировому геополитическому пространству, – яркий признак современных международных отношений. Волна сепаратистских устремлений групп то и дело проявляется, а порой даже увеличивается в масштабах практически на всех континентах. Кроме этого, растёт список непризнанных и частично признанных государств. Однако до сих пор сецессия остаётся одним из наименее изученных и наименее понятых политических феноменов.

Как следует из приведённого определения сецессии, отделение региона от государства предполагает потерю центральной властью части суверенитета на осуществление властных полномочий. Кроме этого, изменение государственных границ и споры из-за перераспределения территорий представляют собой наиболее сложные проблемы мирного урегулирования сложившейся ситуации. Исходя из логики политической жизни, можно с уверенностью утверждать, что подобный процесс, как правило, предполагает острый, ожесточённый конфликт между сторонами, который ведёт не только к кардинальным институционально-политическим изменениям, но и серьёзным людским потерям. Именно поэтому подавляющее большинство действующих федеральных конституций не признаёт за субъектами федераций права на сецессию. Что же касается попыток сепаратистских групп отмежевать часть территории от государства, то они жестоко подавляются.

Сложность изучения сецессии состоит в том, что это явление достаточно трудно поддается однозначной интерпретации. С одной стороны, сецессия может быть рассмотрена как угроза целостности государственного строя и даже как дестабилизатор политических процессов в рамках целого региона. С другой стороны, рядом исследователей сецессионистские конфликты рассматриваются как способ реализации права народов на самоопределение, которое является демократической нормой. Получается, что противоречие принципа территориальной целостности государства и права народов на самоопределение – сложная дилемма, которая требует тщательной политико-философской трактовки.

Таким образом, представляется оправданным повышенный интерес политической науки к поиску теоретических концепций, объясняющих суть и причины сецессии как формы политического сепаратизма.

На сегодняшний день перед исследователем встают две ключевые проблемы изучения сецессии – терминологическая и методологическая. Терминологическая проблема заключается в неточностях и многочисленных условностях при определении основных понятий теории сецессии.

К примеру, существуют публикации, в которых утверждается, что сецессия может существовать в двух основных формах: сепаратистской, если деятельность оппозиционной группировки связана с достижением полной политической независимости, и ирредентистской, когда сецессионисты добиваются вхождения в состав уже существующего государства». Следуя данному определению, у нас может сложиться ложное впечатление о том, что сецессия обладает сепаратистским потенциалом, а ирредентизм им не обладает, что сецессия проявляется в форме сепаратизма или ирредентизма, а сепаратизм в форме сецессии выразен быть не может.

Как представляется, подобная точка зрения вызывает серьёзные возражения. Сепаратизм – более широкое и менее определённое понятие. Это и стремление, и

движение, и требование, и целая идеология за отделение части государства. Поэтому сепаратизм не может быть формой сецессии, наоборот – сецессия является одной из форм политического сепаратизма, которая представляет собой процесс отделения и выхода из состава государства какой-либо ее части, что предполагает создание нового государства.

Другими формами сепаратизма можно назвать, к примеру, ирредентизм и энозис. Под ирредентизмом, как правило, понимают отделение части территории государства с целью присоединения к соседнему государству. Например, заявление абхазских лидеров начала 90-х гг. о стремлении Абхазии отделиться от Грузии и войти в состав России может быть квалифицировано как ирредентистская тенденция. Энозис – это отделение территории с целью присоединения к государству с одноэтничным населением, т.е. своеобразное воссоединение этнического меньшинства с государственно организованным одноэтничным большинством. Примером попытки энозиса может быть требование армянского населения Нагорного Карабаха об отделении этой территории от Азербайджана и присоединении к Армении, осетинского населения Южной Осетии – отделения от Грузии и присоединения к Северной Осетии и другие.

Таким образом, получается, что сецессия, ирредентизм и энозис как формы сепаратизма с логической точки зрения являются более узкими понятиями, а сепаратизм как понятие по объему гораздо шире.

Методологическая проблема заключается в сложностях выбора концептуальной парадигмы для анализа сепаратистских процессов. Здесь следует отметить, что современная тенденция в исследованиях сепаратизма заключается в том, что сами формы снижения деструктивных процессов в ходе реализации идеологии этнополитического сепаратизма всё чаще исследуются в современной теории разрешения конфликтов, которая представлена такими исследователями, как Дж. Бертон, К. Митчелл, Х. Корнелиус, Ш. Фэйр, Р. Фишер, У. Юри.

Действительно, этнополитический сепаратизм довольно часто выражается в ситуации открытого конфликтного противостояния как минимум двух потенциально антагонистических групп: одна стремится отделиться, другая противится такому отделению. Что же касается дефицитного ресурса, из-за которого и начинается этнополитический конфликт, то он здесь также налицо, так как путем получения определенной степени политического суверенитета конфликтная группа приобретает большую политическую самостоятельность. В такой ситуации действия одной стороны, столкнувшись с противодействием другой, препятствуют реализации её целей и интересов, в результате чего и возникает конфликтная напряженность. Из этого следует, что если модели этнополитического сепаратизма принимают форму действий участников этнополитического конфликта, то теория завершения конфликтов может послужить необходимой методологической базой для выработки механизмов сглаживания негативных последствий этнополитического сепаратизма.

Таким образом, в терминологической и методологической областях теории сецессии существует масса неточностей при определении самого феномена сецессии и выборе теоретических подходов к ее исследованию, что, в свою очередь, подчёркивает актуальность теоретического осмысления сецессии.

Влияние СМИ на электоральный процесс в современной России

Скуратовская Кристина Генриховна

Студент

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия*

E-mail: skuratovskayak@yandex.ru

Сейчас можно с уверенностью говорить о монополизации и коммерциализации российских СМИ: возросла ангажированная зависимость журналистов, во-первых, от бизнеса, во-вторых, от властных чиновничьих структур, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Через установление повестки дня СМИ конструируют особую «медиа-реальность» и, в конечном счете, формируют общественное мнение – «состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение различных социальных общностей к проблемам, событиям действительности».[2]

Без сомнения, Электоральный выбор, заранее предполагает определённую степень информированности субъекта о выбираемом политическом акторе. Для большинства российских граждан, СМИ являются единственным доступным источником информации, лишь немногим «избранным» дано знать, что же происходит в кулуарах. Следовательно, выбирая между тем или иным кандидатом, той или иной политической партией, избиратели основывают свой выбор, на сведениях полученных большей частью из СМИ.

Для того чтобы понять, влияют ли СМИ на электоральные предпочтения аудитории и если влияют, то каково это влияние, необходимо в первую очередь определить основную "направленность" и характер потока сообщений о том или ином политическом акторе, для этого необходимо зафиксировать характер представления данного политического игрока (конкретного политического деятеля или партии) в интересующем нас СМИ (положительно ориентированное представление, отрицательно ориентированное или нейтральное). Грубо говоря, необходимо определить «имидж» политических акторов, формируемый ведущими российскими СМИ, для этого необходимо провести детальный контент-анализ сообщений СМИ, включающих негативные, позитивные или нейтральные упоминания об определенном политическом деятеле или партии.

Влияние СМИ на электоральный процесс может выражаться в определённой взаимозависимости между общим характером сообщений о том или ином политическом субъекте и электоральными предпочтениями аудитории данных СМИ. Целью данного исследования является установление наличия или отсутствия взаимозависимости между данными переменными и определение её характера в том случае, если наличие определённой корреляции будет доказано.

Итак, властные структуры и бизнес контролируют СМИ, СМИ влияют на электоральный выбор, избиратели через свой выбор формируют властные структуры, которые в свою очередь контролируют СМИ.

С точки зрения подверженности воздействию со стороны СМИ всю совокупность российского электората можно разделить на следующие классы: 1) избиратели подверженные прямому воздействию СМИ, то есть электоральные предпочтения аудитории конкретного СМИ и позитивные или негативные представления некоторого политического актора в данном СМИ находятся в отношениях прямой зависимости, 2) избиратели не подверженные воздействию СМИ (нулевое воздействие) и 3) избиратели подверженные обратному воздействию СМИ, то есть, между электоральными предпочтениями аудитории конкретного СМИ и позитивными или негативными представлениями некоторого политического актора в данном СМИ существует обратная зависимость. В последнем случае, не смотря на явно протестное поведение электората, можно говорить о достаточно сильном воздействии со стороны СМИ поэтому, при разработке стратегии предвыборной кампании данную группу избирателей необходимо специально учитывать.

По данным Левада-Центра за 2008 год 28% населения России полностью доверяют СМИ, 40% не вполне доверяют, 18% не доверяют вовсе и 14% затруднились ответить. Как мужчины, так и женщины демонстрируют примерно одинаковую степень доверия СМИ. Что же касается возраста, то наибольшим доверием СМИ пользуются в

возрастной группе от 45 до 59 и старше - 51-52%, а наименьшим в группе от 18 до 24 лет. Респонденты, имеющие высшее образование, доверяют СМИ несколько меньше (47%), чем те, которые имеют только среднее образование-(51%).

54% опрошенных, от числа одобряющих деятельность Д. Медведева, больше доверяют СМИ, чем любым другим источникам. Всего же, по данным опроса проведённого ВЦИОМом в последнюю неделю февраля 2009 года, о доверии Д. Медведеву высказалось 45% респондентов. 53% респондентов одобряющих деятельность В. Путина больше доверяют СМИ, чем любым другим источникам. Всего о доверии В. Путину высказались 56% всех опрошенных. Из этих 56% большая часть респондентов всем прочим СМИ предпочитает центральные телеканалы (ОРТ и РТР), то же можно сказать и о группе респондентов одновременно доверяющих СМИ и одобряющих деятельность Д. Медведева.

Литература

1. Задорин И., Бурова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость // *Российское общество: становление демократических ценностей?* / Под. ред. М. Макфола и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 1999.
2. Грушин Б.А. «Мнение о мире и мир мнений. М:Политиздат,1967.
3. Mazzoleni G. Towards a "Videocracy" // *European j. of communication. L. 1995. Vol.10. No.3.*
4. Lasarsfeld P.F. Public opinion and the Classical Traditions // *Public Opinion Quaterly, 1957*
5. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The People's Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y., 1948.*
6. Мейер М.М. Механизмы и технологии формирования информационно-политической повестки дня в российских СМИ в 1996-2000 г.г . М. 2001.
7. Грачев М.Н. Средства массовой информации в социально-политическом поле // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2000. № 2.*
8. Левада Н. *От мнения к пониманию. М., 1999.*
9. Бурдые П. *О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002.*
10. Засурский И.И. «Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы». – М.: Издательство МГУ, 2001.
11. Fairhurst, G., Saar, R. *The art of Framing. San Francisco: Jossey-Bass, 1996.*

Военно-политическая элита как субъект формирования государственной политики

Тарусин П.В.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет государственного управления, Москва, Россия

E-mail: lemarais@mail.ru

Формирование военной политики, как комплекса управленческих стратегий, представляет собой разорванный в политическом пространственно-временном континууме процесс оптимального интегрирования и увязывания интересов, целей и задач государственных институтов, основных социальных групп в области обороны при ведущей роли политической элиты.

В связи с высокой степенью неопределенности ситуации содержательная (нормативная) часть военной политики должна представлять, по словам Д.А.Медведева, "серьёзный

документ, в то же время не отягощённый какими-то абсолютно конкретными вещами. Это в большей степени должна быть рамочная конструкция, которая задает основные позиции развития". Подобная рамочная конструкция, выражающая стабильные ценностные основания и долгосрочные приоритеты политического руководства в области обороны, по мере необходимости насыщается управленческим содержанием, соответствующим конкретной ситуации. За адекватность и аутентичность управленческого содержания заданному политическому формату, за соответствие результатов поставленным целям и лояльность вооруженных сил политическому руководству отвечает военно-политическая элита.

Политический формат задает в основном качественные параметры состояния национальной обороны, фиксирует лишь общий объем ресурсов, выделяемых на нее, без привязки к их конкретному распределению внутри оборонного ведомства. Появляющаяся в его рамках управленческая свобода создает возможности приоритетного развития и ресурсного обеспечения отдельных военных структур, как правило, в ущерб другим, что вызывает принципиальную конкуренцию и разногласия групп ВПЭ за сохранение и усиление своего места и влияния.

Профессиональные позиции групп ВПЭ, пусть и всесторонне обоснованные, рассматриваются только в рамках политически заданных форматов. При этом не допускается перевод обсуждения вопросов управления в политическую плоскость. Тем самым предложения, опирающиеся не на интересы крупных социальных аудиторий или влиятельных элитных групп, а лишь на абстрактные военные соображения, никогда не найдут поддержки.

Политические рамки военных стратегий определяются узкой группой политиков, но их легализация осуществляется через государственные институты, которым данный формат еще надо навязать. Как правило, заданный сверху формат решения и взгляды руководства на методы его реализации слабо восприимчивы к воздействию разумных аргументов, особенно при наличии идеологических мотивов его принятия. Тем не менее, в процессе политического торга появляются возможности оптимизировать принятые из соображений политической целесообразности рамочные контуры в соответствии с критериями оборонной эффективности. И чем более ВПЭ интегрирована в элитные сетевые структуры, тем успешнее окончательный вариант решения с точки зрения ресурсной и управленческой эффективности.

В МО доминирует "вертикально-субординационная" форма разработки и утверждения ведомственных решений и стратегий (программ). В рамках предписанного формата "вниз" спускаются поручения по разработке конкретных элементов решения, которые, проходя "снизу-вверх" по инстанциям внутриведомственного согласования, испытывают давление как разнообразных подходов и точек зрения, так и влияния интересов различных групп ВПЭ.

Еще более выраженный "вертикальный" характер деятельности ВПЭ приобретает при формировании и обсуждения самого политического формата решения, а также в ходе межведомственного взаимодействия. Данный механизм приобретает вид пирамидальной (вершина в сторону ЛПР) функционально-дивизиональной (селектированной по конкретным функциям и ведомствам) структуры, содержащей различные уровни межведомственных и внутриведомственных согласований, выступающих в качестве инструментов фильтрации и блокирования конкретных вариантов и стоящих за ними групповых (ведомственных) интересов. В процессе продвижения "вверх" происходит согласование и достижение общей "формулы интересов" на основе уточненного баланса сил. Но конечное решение по представляемому варианту принадлежит ЛПР, который свободен в выборе, вплоть до переформатирования рамок и содержания политических установок.

Сущностные изменения характера национального государства трансформируют сферу деятельности отраслевых элит, вызывая соответствующие изменения моделей их

участия в управлении, механизмы реализации групповых и общесоциальных интересов. В условиях глобализации национальный суверенитет перестает быть главным источником легитимности власти элиты. Ее целевые установки, политический формат принимаемых решений все более формулируются под влиянием внешних структур и наднациональных групп интересов. В то же время структуры, функционально отвечающие за сохранение незыблемости национального суверенитета, действуют исходя исключительно из внутренних, сугубо узко понимаемых национальных интересов. Сказываются различные возможности субэлит по реализации собственных интересов вне национальной территории. Возникает объективное, трудно устранимое противоречие между мотивациями большинства элитных групп и субэлитами, ориентированными на обеспечение национальной безопасности. В данном ракурсе ВПЭ выступает как консервативный элемент элиты, противовес, препятствующий реализации тенденций и проектов, не отвечающих потребностям общественной системы в обороне, приводящих ее в состояние нестабильности.

Оборона, как сфера обеспечения исключительно внутренних потребностей, наиболее консервативна к внешним воздействиям, становясь пунктом пересечения противоречивых трендов развития. Динамика ВПЭ, в силу присущих ей функций и сферы регулирования, отстает от общих трендов развития национальных элит. Сама сфера ответственности не способствует проникновению в деятельность ВПЭ таких тенденций, как рыночные отношения, информационная открытость, усиление горизонтальных связей и межведомственной кооперации, делегирование полномочий на нижние уровни. Качественные изменения ВПЭ становятся возможны лишь после изменения как внешней среды функционирования: создание глобальной или региональной системы безопасности, изменение модели и методов защиты национальных интересов во внешнем пространстве с переходом от доминирующих силовых к политико-экономическим; так и внутренней: изменение доминирующих элитного взаимодействия, моделей взаимоотношения власти и общества и т.п.

Литература

1. Г.К.Ашин. (2005) Элитология. - М.: МГИМО-Университет.
2. О.В. Гаман-Голутвина. (1998) Политическая элита России. Вехи исторической эволюции. - М.: Интеллект,.
- О. Крыштановская. Анатомия российской элиты. - М.: Захаров, 2005
3. А.А. Кокошин. (2003) Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. - М.: Росспэн.
4. Huntington, Samuel P. (1995) *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations.*The Belknap press of Harvard university press.
5. www.kremlin.ru (Президент Российской Федерации).
6. www.mil.ru (Министерство обороны Российской Федерации).

Центр-периферийная полярность в концепции государствообразования

Стейна Роккана

Тимошик Я.М.

Аспирант

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

философский факультет, Киев, Украина

E-mail: bobo7@ukr.net

Постоянное обострение межэтнических противоречий в современном глобализированном мире иногда имеет скрытое содержание, связанное с так называемой полярностью „центр-периферия”, которая имеет четко выраженный политический характер. Достаточно вспомнить недавний военный конфликт между Грузией и Россией, главной причиной

которого были как геополитические интересы этих государств в Кавказском регионе, так и наличие на территории Грузии этнического сообщества, которое идентифицирует себя в пределах исключительно своего „места развития” и стремится к политической независимости, апеллируя к праву наций на самоопределение. Такое сообщество, обычно, оппозиционирует себя к властному центру, в результате чего конфликт приобретает не только этнический, но и политический характер. При таких условиях достаточно актуальной можно считать концепцию государствообразования норвежского политолога Стейна Роккана. Ведь в ней значительное внимание уделено объяснению закономерностей взаимодействия между властным центром и регионами в пределах одного государства.

С. Роккан отмечает, что для осознания отличий между политическими системами сначала необходимо изучить центры этих политических систем (места, где принимаются важнейшие для государства решения, где основные актеры политической жизни страны и их союзники взаимодействуют между собой), исследовать периферии (территории, которые так или иначе зависят от решений, которые принимаются во властном центре) и проследить взаимосвязь между разными государственно-территориальными центрами, а также между центрами и перифериями.

Согласно Роккану, центр контролирует основную массу взаимодействий между владельцами ресурсов в пределах всей территории государства, осуществляет контроль над ее информационно-коммуникативными потоками путем стандартизации средств общения и за счет сосредоточенности в нем консультативных и представительских институтов. Противопоставляя центру периферию, ученый отмечает то, что периферийность, или периферийное положение территории, имеет политическое, экономическое и культурное измерения и характеризуется зависимостью от центра.

Трем основным центрам государственной территории – военно-административному, экономическому и культурному – у Роккана отвечают три формы периферизации. Первая осуществляется путем завоевания и административного подчинения. Вторая – путем установления и поддержания экономической зависимости. Третья – путем культурной экспансии. Во всех трех случаях важной составляющей периферизации является территориальная унификация, которая реализуется с помощью двух стратегий, – централизующей и стратегии федерального согласия.

По мнению Роккана, одной из причин противостояния центров и периферий (регионов) есть давление со стороны последних на „национальное государство”, представленное властным центром. Это давление предопределено, прежде всего, формированием региональной идентичности и, как следствие, желанием региона влиять на принятые центром решения.

Поскольку региональные политические движения, согласно Роккану, всегда идентифицируют себя с соответствующей территорией и группой населения, необходимо детальнее остановиться на типах пространства, что их выделяет Роккан. Речь идет о „территориальном пространстве” и о „пространстве членства (принадлежности)”.

„Территориальное пространство”, считает Роккан, целесообразно связывать с династической экспансией, при которой отдельный центр и его элита в результате завоеваний получают возможность осуществлять контроль над большими территориями. Благодаря эффективной системе административного контроля и политике культурной стандартизации центр обеспечивает себе политическое и экономическое доминирование в пределах захваченной и контролируемой им территории.

„Пространство членства” Роккан определяет с помощью веберовского понятия „politische Verband”, а именно как „совокупность отдельных групп, каждая из которых владеет особенной культурной идентичностью и использует ее ради собственных политических и экономических целей” [2, с. 124]. На основании взаимного согласия эти группы заключают договоренности об обоюдной терпимости и защите друг друга.

Используя понятия „территориального пространства” и „пространства членства”, Роккан строит своеобразные „идеальные конструкции”, в пределах которых полярность „центр – периферия” может быть легко устранена. Так, при доминировании „территориального

пространства», невзирая на сохранение экономических отличий между центром и периферией, будут происходить процессы политической централизации и культурной стандартизации. В случае же доминирования „пространства членства” будет существовать не какой-то один центр, а, скорее, ряд экономических и политических центров, которые отличаются друг от друга своей культурной идентичностью.

Кроме этого, оперируя отмеченными понятиями, Роккан предлагает выделять четыре модели государственного строительства. Первая – „преимущественно территориальное пространство”. При этой модели существует четко выраженный центральный пункт контроля, который, однако, учитывает культурную, экономическую и политическую дифференциацию государственной территории. Этой модели соответствует унитарное государство.

Вторая модель государственного строительства – „преимущественно территориальное пространство, с сильными признаками пространства членства”. Эта модель не исключает существования в пределах территории государства отдельных областей, идентичность которых определяется принадлежностью к региону, а не к государству как территориальному целому. Такой модели соответствует „союзное государство”.

Третья модель государственного строительства – „преимущественно пространство членства”. Эта модель обеспечивает отсутствие или же малое количество конфликтов между несколькими региональными единицами, каждая из которых имеет свой центр принятия политических решений. Даная модель существует в виде „органического федерализма”.

И, наконец, четвертая модель государственного строительства – „преимущественное пространство членства с выразительными признаками территориального пространства”. Эта модель предусматривает существование разнообразной региональной идентичности, с одной стороны, и одного или нескольких конкурирующих центров, которые имеют собственные амбиции по поводу территориальной стандартизации, – с другой. Такая модель может быть представлена в виде „механического федерализма”.

Таким образом, полярность „центр-периферия” у Роккана является своеобразной движущей силой государствообразования. Ведь, согласно выводам ученого, она влияет и на формирование региональной политики, и на политическое поведение как населения определенного региона, так и населения государства в целом. Кроме этого, Роккан указал на существование достаточно интересной зависимости между выясненными им типами пространства и формами государственного строя. Ее суть заключается в том, что „территориальное пространство” и „пространство членства” нуждаются в аутентичной модели государственного строительства. В свою очередь, каждой из этих моделей, опосредствованно, через стратегии территориальной унификации, отвечает определенная форма государственного строя. Такой подход является интересным и актуальным, поскольку позволяет прогнозировать тенденции развития новых государств, исходя из особенностей пространства, на поприще которого они формируются.

Литература

1. Роккан. С. Центр-периферийная полярность. (Перевод) / С. Роккан Научное наследие Стейна Роккана : сборник научных трудов. / Ред. и сост. М. В. Ильин. - М.// Политическая наука.-2006-. №4. - С .73 –102.
2. С. Роккан, Дерек В. Урвин. Политика территориальной идентичности: исследования по европейскому регионализму // Логос.- 2003.-№6.- С.117-132.

Моделирование политической реальности в концепции Майкла Оукшотта

Чамаева Наталья Александровна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, философский факультет, Москва, Россия

E-mail: nchamayeva@gmail.com

Майкл Джозеф Оукшотт (1901–1990) – профессор кафедры политических наук Лондонской школы экономики и политической науки (1951–1969), один из авторитетных представителей британской политической философии, интерес к которому усилился в последние годы, особенно в связи с поиском оснований для либерально-консервативного синтеза, основу которого способна заложить методологическая позиция мыслителя.

Оригинальная теоретико-методологическая позиция позволяет Оукшотту выработать собственный подход к моделированию различных миров человеческого опыта, таких как деятельность политиков или развитие дискурса о легитимности государственной власти, и противопоставить свои взгляды на политическую реальность сциентистским моделям, господствовавшим в западной политической науке второй половины XX века и оказывающим существенное влияние на внешне- и внутривнутриполитический курс Великобритании.

Редукционизм декартовско-ньютоновской картины мира и инструментально-рационалистической методологии Оукшотт преодолевает путем создания бинарных моделей политической реальности, которые сначала тщательно выстраиваются со скептических позиций (определяющее значение приобретает принцип «бритвы Оккама»), потом критически отсмываются (проверяется их логическая непротиворечивость, обоснованность, достаточность), а затем проходят через диалектическое «снятие», позволяющее придать модели жизнеспособность и выйти за ее пределы, обратившись к исследованию «почвы», сделавшей возможным построение некоторой модели.

Классическому проекту западноевропейского рационализма Оукшотт противопоставляет собственную модель общественного устройства, где континуум возможных типов организации общества располагается между двумя условными полюсами: ассоциацией граждан (как политической организации свободного общества) и ассоциацией предпринимателей (где развитие социальной системы подчинено четко выраженным целям немногих, навязанным всем).

Тот же разграничительный принцип Оукшотт кладет в основу своего различения двух видений политики, которая может принимать форму «войны идеологий» или «беседы традиций». Разумеется, симпатии Оукшотта на стороне свободного общества, где различие точек зрения, многообразие видов деятельности и конфликтная природа человеческих отношений воспринимаются как вполне закономерное и конструктивное явление, а не источник угрозы и повод для усиления репрессивной функции власти, которые в конце концов приведут социальный организм к распаду.

Описанные Оукшоттом модели анализа общества, политики и власти строятся по единому принципу, суть которого – в стремлении избежать фиксированного различения понятий, проведения нерушимых границ между мирами человеческого опыта, а в конечном итоге – возведения непреодолимых стен между людьми. Такой методологический подход к анализу типов общественного устройства позволяет говорить об Оукшотте как о представителе особого направления в истории социально-политической мысли, который получил название либерально-консервативного синтеза (Шамшурин, 2003).

Таким образом, принципы построения моделей и синтетическая методология М. Оукшотта служат одной цели – созданию такого способа анализа некоторой реальности, при котором ее модель не становится (а если становится, то откровенно, без лицемерия) элементом идеологии, не редуцируется к какой-либо иной реальности (например, политика не сводится к экономике) и сохраняет связь с другими моделями реальности, т.е. остается гибкой и открытой для других возможностей.

Литература

1. Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002.
2. Шамшури В.И. Консерватизм и свобода. Краснодар, 2003.
3. Чамаева Н.А. Консерватизм в политической философии Майкла Оукшотта // «Вестник Московского Университета» сер.12. (Политические науки), №5, 2005.
4. Чамаева Н.А. Консерватизм в политической философии Майкла Оукшотта // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24 - 28 мая 2005 г.): в 5 т. Т. 5. – М., 2005.
5. Чамаева Н.А. Спор о рациональности: Оукшотт versus Поппер // Гуманитарные науки: в поиске нового (Межвуз. сборник научных трудов). Вып. IV. Саранск, 2005.
6. Чамаева Н.А. Политика как объект анализа в политической философии Майкла Оукшотта // SCHOLA-2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Мощелкова. М., 2006.

Подсекция «Социологии и психологии политики»**Экологическое сознание россиян: психологический анализ базовых показателей*****Волошин Андрей Игоревич****студент**Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,**факультет политологии, Москва, Россия**E-mail: gidromed@gmail.com*

Решение глобальных проблем человечества, среди которых ключевое место занимают экологические или природно-социальные, связывается с принятием определенных эколого-политических решений. Эффективность же последних зависит от понимания важности и правильного осмысления подлинной сущности этих проблем в массовом сознании общества, а также сознании властных элит. Область сознания (как индивидуального, так и коллективного), в которой формируется определенная система взглядов действующего субъекта на свои связи с окружающей средой, перспективы взаимодействия с ней и прогнозы последствий этих взаимодействий, называется экологическим сознанием. Залогом грамотности действий, направленных на снятие напряженности в отношениях между человечеством и природой, может стать формирование научного, адекватного [3] или экоцентричного [4] типа экологического сознания. Именно поэтому в «Повестке дня на XXI век» (пункт 36.3) указывается на «решающую роль» экологического просвещения в деле борьбы за устойчивое развитие. Однако для решения этой задачи необходимо дать оценку современному уровню развития экологического сознания. Широко распространена точка зрения, что в мире господствует антропоцентричный тип [4] экосознания, который характеризуется либо полным игнорированием экологической проблематики (отрицающее экосознание), либо сознательным принижением её значимости (эгоцентрическое экосознание) [3]. Для нахождения количественного подтверждения данного суждения автор исследовал результаты всероссийских опросов ВЦИОМ, посвященных отражению проблем взаимоотношений общества и природы в массовом сознании россиян за период 2005-2008 гг. Ниже изложены ключевые выводы исследования.

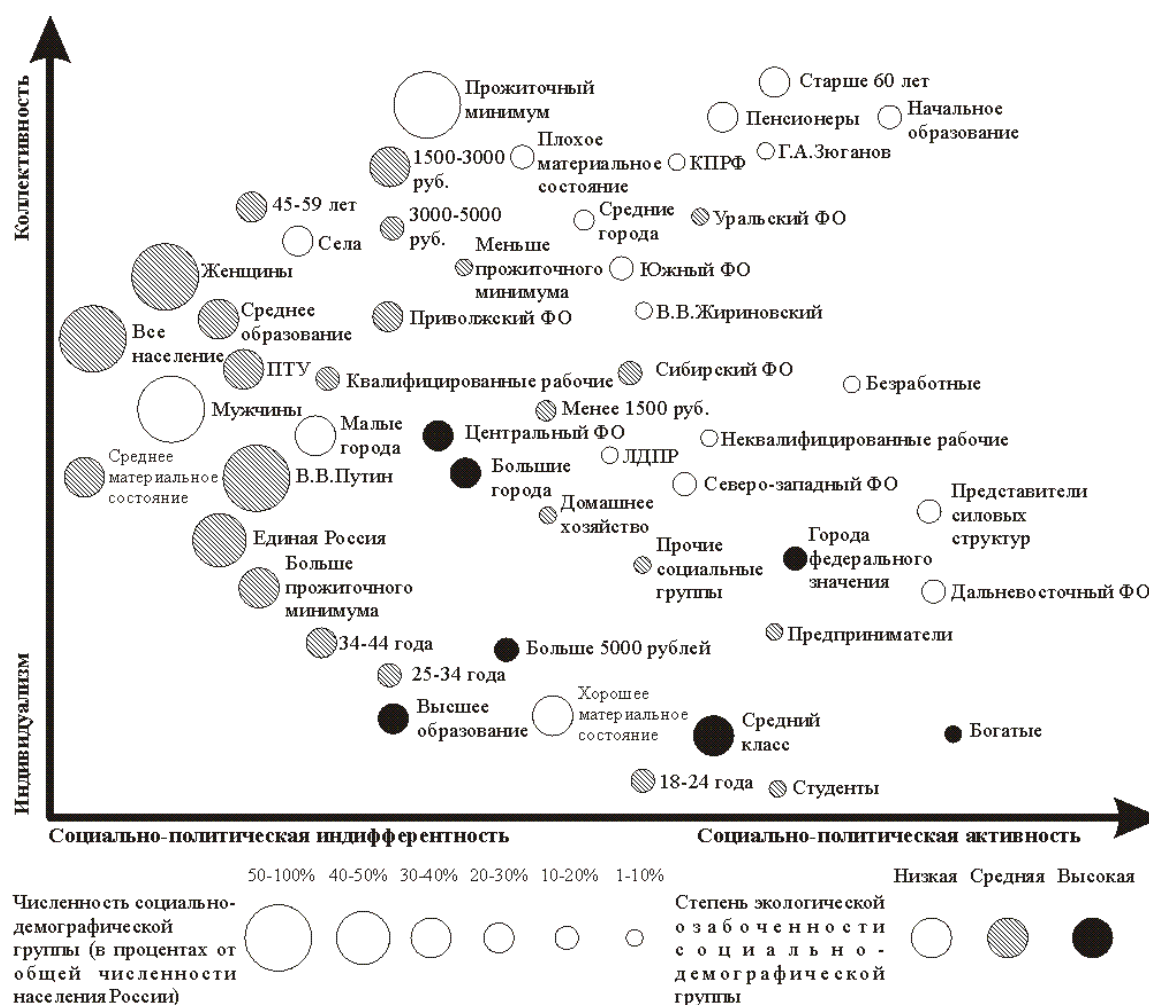
1. Экосознание россиян достаточно пассивно: на открытый вопрос (в рамках опроса от 12-13 апреля 2008 г.) о главных угрозах для страны лишь 3% процента респондентов самостоятельно отмечают экологическую угрозу (при статистической погрешности исследований ВЦИОМ в 3,6%). Вместе с тем, в случае предоставления респонденту списка возможных угроз, экологическая – стабильно входит в тройку основных страхов населения. Она была на третьем месте в 2005 г. (59%; вслед за угрозой голода и терактов на стратегических объектах, вроде АЭС), на втором – в 2006 и 2007 гг. (31% и 36%, соответственно; вновь – вслед за угрозой атак на стратегические объекты) и на первом в 2008 г. (48%). Это свидетельствует о том, что важность проблем окружающей среды признается многими, но в целом эта опасность периферийна по отношению к другим угрозам (социальным, военным и т.д.). Актуализация экосознания происходит лишь в случае появления экологической угрозы или же в момент направленного размышления о ней.

2. Проведение факторного анализа [1] результатов 13 опросов (за период 2005-2008 гг.), посвященных оценке важности для респондентов отдельных сторон их жизни, позволило выявить два устойчивых раскола в структуре сознания: по функциональной роли отдельных потребностей (первичные и вторичные) и по степени субъективной оценки их связи с человеком (личные и коллективные). Потребность в благоприятных экологических условиях относится к группе первичных и личных потребностей. Она

образует плотную корреляционную плеяду со следующими аспектами человеческого существования (в порядке удаления): важность экономики и политики, социальной инфраструктуры, здоровья, личной безопасности, семьи, материального положения. Группа же вторичных и коллективных потребностей, которая в свою очередь включает такие стороны жизни, как самореализация, возможность целедостижения, социальный статус, досуг и общение с друзьями, практически не коррелирует с экологической озабоченностью.

3. Для получения комплексного представления о сходствах и различиях во взглядах отдельных социально-демографических групп⁴ была построена графическая модель социального поля России (с использованием методологии факторного анализа на материале показателей средних значений тех же 13 опросов за 2005-2008 гг.) [2]. На диаграмме каждой группе соответствует круг; расстояние между кругами показывает степень различия взглядов и потребностей: чем больше расстояние – тем меньше сходство. Уровень экологической озабоченности группы условно признавался низким, если состояние окружающей среды в среднем за 4 года оказывалось важным менее чем для 55% группы; средним – от 55 до 60% и высоким – свыше 60%. Видно, что высокому уровню социальной активности и опоры на собственные силы соответствует высокая степень экологической озабоченности: это жители городов, состоятельные люди и лица с высшим образованием. Те же группы, которые традиционно ищут опору в коллективе (пенсионеры, люди с низким уровнем образования, а также испытывающие материальные затруднения), скорее волнуют социально-экономические проблемы, чем состояние окружающей среды. В целом же население озабочено вопросами экологии на среднем уровне, что подтверждает тезис о преобладании антропоцентричного типа экологического сознания.

⁴По полу, возрасту, образованию, профессиональному статусу, доходу, материальному состоянию, типу населенного пункта, региону, поддержке партий и их лидеров

Литература

- [1]. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование. — М.: Гардарики, 2006.
- [2]. Мартынов А.С. Природа и люди России. — М.: ГЭФ 1999.
- [3]. Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание. — М.: Логос, 2001.
- [4]. Панов В.И. Экологическая психология. — М.: Наука, 2004.

Особенности образа политических элит в общественном самосознании молодежи города Астрахани.

Дьяков О.Ю.

Студент

Астраханский Государственные Технический Университет, Гуманитарный Институт, г. Астрахань, Россия.

dyakov.molgos@list.ru

Что такое политическая элита? На сегодняшний момент в литературе существует множество определений и трактовок этого понятия. Если суммировать их все, то можно сделать вывод, что элита - это группа людей, которая в силу определенных причин и ресурсов способна влиять на развитие общества в той или иной его сфере, будь то экономическая, культурная и т.д. Политическая элита, а вернее ее было бы назвать «элита власти» или «властная элита» – это группа людей, обладающих властными ресурсами и инструментами в силу своего статусного положения в органах власти.

Однако в нашей стране элитой признавались и признаются до сих пор только те, кто в этих органах власти находится, совмещая тем самым понятия «*Политическая*» и «*властная элита*». Это подтвердили данные пилотажного исследования, проведенного среди молодежи города Астрахани. Согласно им, главным критерием вхождения в элиту, по мнению большинства опрошенных, является обладание властью, а к политической элите относят людей, занимающих высшие государственные посты. Это свидетельствует о персонификации власти в общественном самосознании.

В течение долгого периода времени, порядка 70 лет, во время существования СССР, формирование политической элиты, в нашей стране, было исключительно прерогативой КПСС. И надо, заметить ситуация в стране была довольно стабильной. Однако с начала 90-х много изменилось в жизни политических элит, изменился их состав и способ рекрутирования. Не стало и СССР, вместо этого появилось новое «*демократическое*» государство – Россия, в котором люди избирают высшее руководство страны на альтернативной основе, реализуя основное требование демократии. Правда, нужна ли была людям новая демократия в новой демократической стране – вопрос сложный, ведь на референдуме в 1991 году за сохранения союзного государства проголосовало абсолютное большинство, более 70%. Однако, хотели они того или нет, в новой демократической России граждане получили право самим выбирать органы власти, а точнее, властную элиту.

В связи с этим актуален вопрос о том, какими принципами руководствуются граждане при выборе человека, которому доверяют право управлять собой. В особенности интересен взгляд молодежи, ведь именно эта возрастная категория в дальнейшем будет составлять основу российского общества.

По данным пилотажного исследования, проведенного среди молодежи города Астрахани (март-апрель 2007 г.), население не любит политические элиты, не уважает тех, кого выбирает. В рамках продолжения этого проекта, было проведено еще одно исследование, цель которого – более подробно выяснить причины столь негативного отношения к представителям власти.

Данные полученные в результате проведения данного исследования позволили определить идеальный образ человека претендующего на вхождение в политическую элиту (моральные качества, образование, сфера деятельности и т.д.) и сравнить его с образом современного представителя власти.

Литература

1. Зелетдинова Э.А. Механизмы демократизации региональной властной элиты: политологический аспект - М. 2002. С. 200
2. Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. № 1. М., 1995
3. Крыштановская О. "Анатомия российской элиты" М. 2005. 384 с.
4. Микульский К. И., Бабаева Л. В., Таршис Е. Я. и др. Российская элита: опыт социологического анализа. Часть 1. Концепция и методы исследования. М., Наука. 1995. С. 10.
5. «Образ политической элиты в общественном сознании молодых астраханцев»(N = 736 чел). Астрахань: АГТУ.2007
6. Элитологические исследования. Проблемы рекрутирования и функционирования элит в современной России. Ежегодник 2006. Кол. Монография. Ростов н/Д. Изд-во: СКАГС, 2007. 234 с.

Проблема соотношения электоральных мифов и электорального участия.***Ермоленкова К. О.****Саратовский государственный Университет им. Н.Г.Чернышевского**Юридический факультет, Саратов, Россия**e-mail: la_cont_e@mail.ru*

Переменная электорального участия является одной из основных критериев уровня демократизации страны. Данная проблема остается актуальной на протяжении всего процесса демократического развития. На современном этапе этот вопрос изучают ученые политологии, социологии и психологии. Используемые ракурсы исследования обычно приходят к выводу, что электоральный абсентеизм явление негативное, являющееся показателем неприемлемости демократической власти, обусловленное разочарованием в политических институтах. Неявка избирателей на выборы зачастую обусловлена психологическими установками « мое мнение ничего не меняет», «они не думают о нас». Избиратель при этом руководствуется принципом деления политического пространства через мифологическое противостояние «мы - они».

Вопрос об абсентеизме как о негативном явлении можно поставить под вопрос, если рассматривать его в соотношении с электоральными мифами. Разочарование в формальных институтах, в их функционировании, заставляет человека обратиться к неформальным институтам. Гражданская культура выступает в этот момент другой плоскостью реальности, в рамках которой строятся собственные умозрительные конструкции. Из-за скорости современной жизни и огромного потока информации человеку приходится много думать и анализировать, эти умственные процессы формируют в сознании человека определенные идеальные образы, которые не находят своего воплощения в политической реальности. В процессе этой умственной деятельности происходит выбор, выбор в плоскости гражданской культуры. Этот выбор за данный политический образ, который формирует определенного рода электоральный миф.

С этой точки зрения, можно поставить вопрос содержательной стороне электоральной активности. Что весомее: прийти на выборы и механично поставить «крестик» в пользу какой-либо партии или сделать выбор в рамках гражданской культуры? Выбор, сделанный на уровне мифа, материализуется в плоскости гражданского общества, формирует тем самым внутренний мир человека. Данный подход расширяет понимание электоральных мифов, как техники воздействия на электорат, придавая ему более весомые содержательный и функциональные стороны. В данном случае, выбор на уровне мифа позволяет человеку находиться во внутренней гармонии и самодостаточности.

Таким образом, можно сделать выводы, что:

1. абсентеизм не стоит рассматривать только как негативное явление
2. абсентеизм - рациональный выбор человека в мифологической плоскости
3. абсентеизм - активность электората в рамках неформальных институтов (гражданской культуры), которая формирует его внутренний мир.

Литература:

1. Кольев А.Н. Политическая мифология. Реализация социального опыта. М. 2003
2. Шевченко Ю.Д. Политическое участие в России // Pro et contra
3. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.2005
4. Шестопал Е.Б. Политическая психология. М. 2002 .Т. 3. № 3
5. Шутанова Е.А. Абсентеизм и пути его преодоления. Ломоносовские чтения. Студенты. М. Т. №2 . 2002

**Членство в партии как форма политического участия молодежи (на примере
легислатуры Астраханской области)****Иванова В.В.***студентка**Астраханский государственный технический университет, Гуманитарный институт,
Астрахань, Россия**E-mail: ivanova.molgos@mail.ru*

Свободное, добровольное участие граждан в политике является одним из важнейших индикаторов качественных особенностей политических систем, степени их демократизма, а так же выполняет функции политической социализации и воспитания. Особое место в этом процессе занимает молодежь, как одна из социально-демографических групп, которая в силу своей многочисленности, гибкости мышления, специфике творческого потенциала, способности к социально-преобразующей деятельности, а так же предрасположенности к новым идеям, умениям и навыкам становится как объектом, так и значимым субъектом политики.

В современных условиях развития российского общества характерная для советского времени принудительность политического участия молодежи сменилась свободой выбора как формы этого участия – голосование на выборах, членство в партии, политический протест и другие; или же собственно гражданского выбора: участвовать или не участвовать?

Как в зарубежной, так и в отечественной научной мысли не существует общепризнанного определения категории «политическое участие», однако на основе анализа общих моментов в наиболее известных определениях, политическое участие можно определить как реальные действия, посредством которых граждане вовлечены в политический процесс (отношения) и влияют или пытаются влиять на него. Исследователи выделяют различное количество этих форм: от четырех (Л. Милбрайт) до двенадцати (С.Верба, Н.Най). Однако в любой классификации отдельно указывают - участие в партиях и других политических организациях.

Из всего многообразия определений категории «политическая партия», для нашего анализа нам нужно обратить внимание на две особенности: во-первых, партия всегда ставит своей целью завоевание государственной власти, либо участие в ней, а, во-вторых, это специализированная политическая организация, выражающая интересы социальных групп объединяющая их наиболее активных представителей.

Членство в партии как форма политического участия молодежи стало предметом предпринятого анализа.

Анализ составов законодательного органа власти Астраханской области разных лет (с 1994 по настоящее время) показал, что изменение избирательной системы влияет на количество молодых депутатов в региональной легислатуре. И если первые три созыва, где выборы проводились по мажоритарной системе – это всего лишь один человек из 25-29 депутатов, то последний созыв (выборы по смешанной системе с условием двойного увеличения количества депутатских мест) ознаменовался появлением уже четырех молодых парламентариев.

Само членство в политической партии подразумевает под собой более высокий уровень политического участия, чем, например, голосование на выборах. Это тот уровень политического участия, на котором актуализируется аксеологическая компонента. Особую роль в этом играют «карьерные мотивы», а именно ориентация на восхождение по лестнице партийной иерархии, и в результате, выдвижение в кандидаты.

Согласно данным, полученным при анализе избирательных кампаний депутатов IV созыва Государственной Думы Астраханской (ГД АО) области результатам экспертного опроса можно сделать вывод о том, что изменение типа избирательной системы, и

последующий переход к пропорциональной, способствует увеличению квоты молодых в региональном парламенте.

Очевидно, выборы по одномандатному округу требуют от депутата большого материального ресурса, а так же некоего доказательства его собственной стабильности и устойчивости. Согласно анализу составов ГД АО практически все одномандатники – это люди старше 30 лет, уже создавшие свой собственный бизнес или имеющие карьеру.

Выборы же по партийным спискам, в свою очередь, повышают возможность продвижения молодежи в структуру государственной власти. Партия самостоятельно формирует список депутатов, тем самым способствуя, процессу подготовки новых кадров и получения молодежью опыта работы в законодательной власти.

Литература

1. Алещенок С.В. Участие молодежи в процессе принятия политических решений. // Молодежь-07: надежды и разочарования. НИЦ при Ин-те молодежи. - М., 2007. - С. 91-97.
2. Государственная служба. Учебник. // Под ред. Игнатова В.Г. - Ростов-на-Дону: Издательство «МарТ», 2006. – 256 с.
3. Даль Р. Введение в теорию демократии/ Отв. ред. Абрамов Ю. М., Наука, 1992. - 158 с.
4. Зарубежная политология: Словарь-справочник / Под ред. А.В. Миронова, Г.А. Цыганкова. – М.: Социально-политический журнал, Независимый открытый университет, 1998. – С. 239-241.
5. Клюенко Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гутману. // Социология: теория, методы, маркетинг, 2005. № 4. С.46-72.
6. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования // Политические исследования.-1999.-№5 - С.170-176.

Технологии спин-докторинга («мягкой» пропаганды) в избирательных кампаниях Европы и России (сравнительный анализ)

Румянцев С.А.

студент

Московская открытая социальная академия, Москва, Россия

E-mail: modified2@rambler.ru

Современную ситуацию на поле политического противостояния по напряженности, материальным и интеллектуальным затратам можно сравнить разве что с военным конфликтом средней интенсивности (современная ситуация в Ираке). Такой накал страстей неизбежно порождает необходимость изобретения новых способов решения политических задач (выборы, разрешение национальных конфликтов и др.). Эти самые способы и носят название политических технологий. Хотя политтехнология пока не является самостоятельной наукой, а представляет собой конгломерат отдельных наук (политологии, психологии, журналистики и др.), данная отрасль играет одну из главных ролей в современном мире и нуждается в самом полном изучении.

Для анализа набирающих обороты политических технологий были проанализированы избирательные кампании ряда европейских и российских политиков, изучены материалы СМИ, освещавших политическую ситуацию в период проведения данных кампаний, рассмотрены конкретные методы, влияющие на сознание избирателя.

При описании современных тенденций политических технологий, воздействующих на массовую аудиторию, в последнее время на Западе используется термин «спин-докторинг» или, другими словами, «мягкая» пропаганда. «Спин» (от английского spin –

вращать, раскручивать) используется в данном случае как искусство «раскрутки», применяемой на практике консультантами по лоббированию и специалистами политической рекламы.

Причинами появления данной тенденции являются несколько факторов: ограничения, принятые в законодательстве ряда стран по лоббированию экономических интересов; негативизм определенной части населения по отношению к прямолинейным формам и методам политической пропаганды; стремление телевидения и прессы сохранить иллюзию своей независимости, заключающуюся в предоставлении фактов, а не комментариев; массивный «информационный шум», который создается на Западе благодаря огромным тиражам изданий и многочисленным каналам СМИ.

Пробиться к аудитории, которая в силу перенасыщенности материалами СМИ отвыкла от серьезного анализа информации можно путем запуска на орбиту общественного внимания не «тяжелых», прямолинейных тем, а с помощью разнообразных и последовательных усилий, разбивая имидж раскручиваемого политика, на маленькие яркие фрагменты и тематические осколки. Прием «дробления» информации не является изобретением последнего времени, он появился довольно давно (см. Шиллер «Манипулирование сознанием»). Новшеством же является то, что в современном варианте его применения распространяемая информация не просто разбивается на части, а выстраивается в определенные цепочки освещаемых событий и фактов, которые определены специалистами, как пригодные для информационно-психологического воздействия. По возможности каждому из используемых фрагментов информации придается статус объективности, неординарности, сенсационности. Кроме того, выделиться из информационного шума позволяет броский, «заостренный» заголовок, в который может вкладываться элемент парадокса, вплоть до формулирования в заголовке тем или идей, обратных тому, что действительно пропагандируется в последующем тексте (прием «фальшивый заголовок»).

Современная «мягкая» пропаганда («soft propaganda») расширяет арсенал эксплуатации в политической борьбе психических явлений индивида и массовой аудитории. Еще Л. Фрезер писал о том, что пропаганда может косвенно играть на простых и сложных эмоциях человека: страхе и гордости, любви и ненависти, сочувствии и честолюбии. Задача спиннера – пишет А. Миронов – сыграть на мимолетных, примитивных ощущениях кратковременного, но острого интереса, шока, раздражения, любопытства и т. п.

Необходимо отметить, что время широкого распространения спин-докторинга в России еще не наступило. Для того чтобы добиться воздействия в политической сфере в России далеко не всегда необходима тщательная маскировка. Сегодня вполне подходит грубая дезинформация, явная клевета. Однако по мере повышения компетентности массовой аудитории в оценке потребляемой политической информации, примитивные методы и приемы у нас в стане будут заменяться скрытыми, замаскированными и более изощренными технологиями.

Существует довольно много технологий «мягкой» пропаганды, к ним относятся такие приемы, как ссылка на авторитеты («пластиковый эксперт»), «свои ребята», «общий вагон», использование «звезд», «сладкий контекст» и др. В своей работе, изучив документальные и научные материалы по данной теме, я попытаюсь раскрыть основные и наиболее опасные из этих приемов.

Главный девиз «мягкой пропаганды» - непредвзятость, которая является лишь маскировкой и прикрытием реализуемых идей в условиях жесткой политической борьбы, экономической конкуренции и зависимости СМИ.

Литература

1. Миронов А. Раздувай и властвуй: технологии современной «мягкой» пропаганды. – М.: ЭКСМО, 2002.

2. Грачев Г. Проблемы информационно-психологической безопасности. М., 1996.
3. <http://soft-prom.ru/nashi-stati/sluchai.html>
4. <http://www.inosmi.ru/translation/241961.html>
5. Журнал «Профиль»: № 05/16 февраля 2009 г.

Восприятие гражданского общества в российской исследовательской практике.

Рябуха А.А.

студент

*Саратовский Государственный Университет имени Н.Г. Чернышевского,
юридический факультет, Саратов, Россия*

e-mail: nastenuiw@mail.ru

Все исследования гражданского общества, известные на сегодняшний день, можно условно разделить на две большие группы. К первой группе можно отнести те, которые развивают идею зависимости гражданского общества от государства, их постоянного противостояния и поглощения государством функций гражданского общества. Во второй группе представлены труды, авторы которых склоняются к мысли о самостоятельности и независимости гражданского общества от государства и его институтов. Предпосылкой устойчивого существования этих двух парадигм является то, что в исследовательской практике обычно не различаются две формы существования гражданского общества, то, что оно существует в форме реальности, как совокупность институтов и отношений, принципов организации политического взаимодействия, и то, что оно существует в сознании политических субъектов в качестве ключевого политического мифа, определяющего мотивацию их участия в создании политических институтов и политических связей.

Как практика гражданское общество не построено в России и перспектива его очень неопределенна. Как миф массового сознания гражданское общество выстроено достаточно стройно и последовательно.

Изучив исследовательскую литературу, представленную различными концепциями и теориями гражданского общества отечественных политологов, социологов, философов, психологов, мы пришли к выводу, что предложенная нами ранее классификация справедлива и для российской исследовательской практики.

Гражданское общество как мифология массового сознания представляет собой культурный подтекст, совокупность социальных ментальных характеристик, присущих российскому обществу, а также установки правящей элиты, которые внедряются в структуру общественного мнения.

Именно мифологические представления о гражданском обществе имеют очень большое значение в российской исследовательской практике, поскольку, изучая российское гражданское общество, мы в первую очередь, изучаем его как мифологическую реальность.

Следует отметить, что любая теоретически обоснованная точка зрения на взаимоотношения гражданского общества и государства имеет право на существование. Но проблема российского исследовательского пространства заключается в том, что некоторые ученые не совсем корректно используют теоретико-концептуальные основы, отражающие их позицию. В результате этого происходит смешение двух совершенно противоположных концепций и, как следствие, теоретическая неопределенность и противоречивость понятий, терминов и определений. Это приводит в дальнейшем к необоснованным заявлениям и диаметрально противоположным выводам относительно существования гражданского общества в России.

Аналогичные выводы можно сделать, рассматривая гражданское общество как институциональную и мифологическую реальность. Как отмечалось выше, эти две

реальности имеют в своем основании совершенно разные подходы к структуре и сущности гражданского общества. Поэтому смешение данных реальностей может привести к неправильным результатам, которые не адекватны действительности. Кроме всего прочего, рассматривая гражданское общество с этих позиций, мы сможем совершенно противоположно ответить на главный вопрос: существует ли оно в России? С точки зрения институциональной практики, гражданского общества у нас нет, однако как мифологический конструкт оно успешно и эффективно функционирует, но к сожалению, только в головах исследователей и в массовом сознании.

Список использованной литературы:

1. Варывдин В. Гражданское общество // Социально-политический журнал, 1992. №8.
2. Голенкова З. Гражданское общество в России // Социологические исследования, 1997. №3.
3. Мамут Л. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // ОНС, 2002. №5.
4. Одинцова А. Гражданское общество: прошлое, настоящее и будущее // Социально-политические науки, 1991. №12.
5. Соловьев А. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Политические исследования, 1996. №6.

Визуальный аспект имиджа В.В. Путина: анализ фотоинтенций

Толкалов А.С.⁵

Студент

*Саратовский Государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
юридический факультет, Саратов, Россия*

E-mail: tolkalovalexey@mail.ru

Одной из основополагающих характеристик демократического политического режима является состязательность и конкурентность борьбы за политическую власть. В таких условиях особое значение приобретает личность политического лидера, его имидж. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что посредством конструирования необходимого имиджа достигается максимальная аттракция электората к тому или иному политическому лидеру при минимальных ресурсных затратах.

В рамках проблемы формирования политического имиджа многие исследователи выделяют в качестве самостоятельной проблемной области пласт визуальных методов. Немаловажным преимуществом данной разновидности методов является значительно лучшее восприятие человеческим сознанием (и, что особенно важно, - подсознанием) информации посредством органов зрения. В качестве форм применения визуальных методов формирования имиджа целесообразно выделить фотографии, видео и непосредственные выступления политического лидера перед аудиторией.

Наиболее эффективной из указанных форм, на наш взгляд, являются фотографии. Такой выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, фотография является наиболее управляемой формой, так как в данном случае минимизируется фактор случайности. При видеосъемке или в ходе выступления не исключено неумышленное нарушение политическим лидером правил, предписанных ему имиджмейкером: случайный жест, который может быть интерпретирован отрицательно; не вызывающее доверия выражение лица и мимика; «агрессивный» наклон головы и т.д. Напротив, при использовании фотографической формы подобного рода казусы исключены, так как ситуация в данном случае находится под полным контролем специалиста-

⁵ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Митрохиной Т.Н. за помощь в подготовке тезисов.

имиджмейкера. Во-вторых, при использовании фотографий возможно исправление допущенных ошибок без ущерба имиджу лидера. Неудачную фотографию можно уничтожить и сделать новую, а сделанных при выступлении жестов не вернуть: негативная информация уже достигла сознания (или подсознания) избирателей.

Применительно к фотографическим формам формирования политического имиджа мы выделили понятие «фотоинтенций» как непосредственных инструментов, направленных на возникновение у электората аттракции по отношению к политическому лидеру. В целом, «фотоинтенцию» можно определить как направленность фотографического изображения политического деятеля на вызов у людей определенных эмоций, на формирование определенного отношения к человеку, изображенному на фотографии.

В качестве объекта исследования нами был выбран имидж В.В. Путина. Подобный выбор был сделан в силу следующих обстоятельств. Во-первых, имидж второго президента РФ общепризнанно считается одним из наиболее удачных имиджей политических лидеров современной России, что возбуждает в исследователях интерес выявить «секрет успеха». Во-вторых, за время президентства В.В. Путина появилась масса фотографий с его изображением, несущих ярко выраженную имиджформирующую нагрузку, что позволяет нам сделать вывод о приоритетном характере визуальных методов при формировании имиджа экс-президента.

В заключение нашего исследования можно прийти к выводу, что в динамическом аспекте имидж В.В. Путина носит ярко выраженный волнообразный характер. В течение всего срока президентства в его образе попеременно сменяли друг друга усиления «очеловечивающей» и «силовой» интенции. В некоторой степени это обусловлено историческим контекстом, но, на наш взгляд, подобным образом имиджмейкеры гасили чрезмерный эффект от одного вида интенции другой, противоположной, наращивая количество фотографий с применением необходимого вида «фотоинтенций»

Биографический подход к изучению личности и роли российских парламентариев Трофимова Вера Владимировна

Студент

*Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия*

E-mail: tvera@mail.ru

Представительный орган власти в стране является одним из необходимых атрибутов демократии. В России такой орган - Государственная Дума. Хотя считается, что она уступает в значимости органам исполнительной власти, её роль нельзя недооценивать. Ведь помимо представительной функции ей принадлежит еще одна очень важная – законотворческая. Во многом из-за особого статуса Думы парламентарии обладают особым менталитетом, характером, типом поведения, коллективными психологическими установками и уникальными характеристиками. Эффективность деятельности депутатов зависит от их осознания своей роли и выработки стиля политического лидерства. Личностные особенности каждого из депутатов могут влиять на работу всей Государственной Думы. Какие-то из этих особенностей закладываются еще в детстве, в процессе первичной социализации, какие-то формируются позже, в процессе работы и политической карьеры. Вхождение политика в ту или иную партию, ее цели и задачи, ее лидеры и другие члены, царящая там атмосфера – все это также оказывает влияние на различные аспекты личности. В то же время, политик выбирает ту или иную партию в соответствии со своими воззрениями. Поэтому для партий различного толка предпочтительными и типичными в качестве членов будут люди разного склада. Несомненно, биография депутата, весь его жизненный путь оказывают влияние на его

личностные качества, которые, в свою очередь, имеют непосредственное отношение к его партийной принадлежности.

Актуальность изучения депутатского корпуса связана с тем, что в последнее время российская партийная система претерпевает значительные трансформации. На смену «многостранности» пришла одна сильная партия власти, пользующаяся доверием большинства электората. Вызывает большие сомнения и нарекания то, что формирование подобной партии – естественный и закономерный процесс. Кроме того, изменился институциональный дизайн законодательной власти – срок полномочий депутатов продлен до пяти лет. В таких условиях плюрализм в Государственной Думе зависит не только от различий в программных положениях фракций и желаемых ими векторов развития, но также от особенностей и личностных черт парламентариев.

В качестве объекта исследования выступают депутаты Государственной Думы РФ, которые не только выполняют определенные функции в соответствии со своим формальным статусом, но также обладают определенными психологическими характеристиками, оказывающими влияние на их политическую деятельность. Предметом исследования является политико-психологический анализ биографической составляющей парламентариев. Цель исследования – изучение влияния биографических характеристик депутата на его личностные особенности, в частности, выявление зависимости его партийной принадлежности от особенностей его биографического пути.

В основе исследования лежит биографический анализ, который представляет собой изучение индивидуального пути развития человека, его истории как личности и субъекта деятельности. При биографическом анализе используются два основных метода исследования: интервью и сбор биографического материала. С учетом специфики объекта и задач исследования выбор был сделан в пользу второго метода.

Одной из основных задач данного исследования являлось составление обобщенного портрета депутата каждой из фракций, представленных в Государственной Думе. Сравнение депутатов разных фракций производилось по следующим параметрам: возраст, пол, происхождение (из города или сельской местности), образование (количество высших образований, а также их тип – техническое или гуманитарное, наличие научных степеней), профессия и род деятельности (соотнесение полученной специальности с родом деятельности, места работы, занимаемые должности, динамика карьерного роста), политическая карьера (стаж политической деятельности, способ рекрутирования в партию), членство в комитетах Государственной Думы. Все перечисленные параметры сравнения отражают биографические характеристики депутатов, а также свидетельствуют об их определенных психологических особенностях. Сравнение показало, что, действительно, собирательные образы депутатов разных фракций отличаются. Конечно, полученные портреты являются упрощенными, ведь их цель – выявить некие тенденции, показывающие, какие характеристики и качества являются типичными и, соответственно, приветствуются в той или иной партии.

Однако даже внутри одной фракции нет полного единства, и в каждой, в свою очередь, представлена несколькими типами личностей. Для выделения этих типов не все критерии являются одинаково значимыми, поэтому сами группы формировались по разным основаниям. Однако они в большей степени отражают особенности карьеры и политического пути депутата, способ его рекрутирования в партию и цели пребывания в ней. В каждой из фракций Государственной Думы выделенные типы депутатов представлены в разных соотношениях, а некоторые типы в ряде фракций не представлены вовсе. Фракция «Единая Россия», являясь самой многочисленной и разношерстной, включает в себя все типы. Они условно названы следующим образом: «Люди науки», «Военные», «Публичные люди», «Бизнесмены», «Молодые политики», «Бывшие партийцы», «Государственные служащие». Такая типология позволяет сделать достаточно серьезные выводы о личностных особенностях парламентариев, входящих в

одну и ту же группу, а также свидетельствует о том, что в разных фракциях есть депутаты, очень близкие друг другу по психологическому складу. Таким образом, существует возможность налаживания конструктивного диалога между различными парламентскими группами и выработки депутатами эффективных коллективных решений. С другой стороны, если депутаты со схожими биографиями и психологическими особенностями состоят в разных фракциях, встает вопрос о том, почему их выбор был различным. Очевидно, ответ также можно найти в биографиях депутатов, однако это может потребовать более глубокого анализа, ведь задачей в данном случае будет выявление того, как формировались у парламентариев политические убеждения.

Результатом исследования стало подтверждение гипотезы о том, что личностные особенности депутата, влияя на его партийные предпочтения, являются результатом тех или иных событий из его жизненного пути. Однако в ходе работы возникли новые исследовательские задачи, которые требуют иных методов изучения (таких как интервью и углубленное изучение кейсов из жизни парламентария). Эти задачи еще предстоит решить на следующем этапе исследования.

Литература

1. Нуркова В.В. (2000) Свершение продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО.
2. Ракитянский Н.М. (2008) Психологическое портретирование в политологической практике. М.: «Интерпресс».
3. Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой (1994). М.: Институт социологии РАН.
4. Киселёв И.Ю. (2000) Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. М.: ИП РАН.
5. Шестопад Е.Б. (2004) Политическая психология. М.: Аспект-Пресс.
6. www.duma.gov.ru (Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации).

Проблема эмпирического изучения политической толерантности индивидов.

Устинова И.В.

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: felysite@yandex.ru

Сегодня о проблеме толерантности и необходимости формирования ценностей толерантного взаимодействия в обществе написано достаточно. Накоплен определенный багаж теоретических исследований по проблеме, активно создаются разного рода тренинги и программы обучения бесконфликтному поведению в разных ситуациях. Однако проблема требует изучения и на эмпирическом уровне. Актуальными становятся исследования, которые касаются изучения толерантности и её факторов в разных социальных группах. И здесь актуализируется вопрос о применяемых методиках и инструментах измерения толерантности.

Толерантность как желаемый результат человеческой деятельности можно рассматривать как минимум в 2 аспектах: на уровне общества она выступает в качестве социальной нормы и получает выражение в виде вполне формальных нормативных документов, таких, например, как «Глобальная этика»; «Декларация Земли»; «Декларация принципов толерантности», принятая ЮНЕСКО; «Декларация и программа действий ООН в области культуры мира»; «Европейская конвенция о правах человека» и

ряд других. На уровне отдельной личности толерантность нужно рассматривать в качестве ценности или установки, которые вполне поддаются эмпирическому измерению.

Проблемой социальной установки в своё время занимались У. И. Томас, Ф. Знанецкий, Л. Терстоун, В. Парк, Г. Оллпорт, Р. Лапьер и ряд других. Достаточно подробно была изучена структура установки личности, и предложены определенные методики по её измерению, которые сводятся в основном к методикам карандаша и бумаги и основаны на вербальной представленности аттитюда. В структуре социальной установки индивида разными исследователями было выделено несколько элементов:

1. Объект социальной установки
2. Социальная ситуация, в которую помещён объект
3. Реакция индивида на объект (положительная или отрицательная), которая может проявляться на трёх уровнях: когнитивный – знания и стремление получить знания об объекте (или отсутствие); аффективный – позитивные/негативные эмоции по отношению к объекту; конативный – взаимодействие и готовность взаимодействовать с объектом (или отсутствие).

Толерантность в самом общем виде можно определить как некое моральное качество (уважение, приятие, понимание, солидарность и др.), носителем которого является субъект, которое, детерминирует некие эталоны желательного поведения по отношению к **некоторому объекту**, отличающемуся от субъекта по некоторым признакам (культура, язык, внешность, убеждения, ценности, образ жизни и др.). Таким образом, измеряя установки толерантности индивидов, необходимо в инструментарий заложить все структурные характеристики установки вообще.

Чаще всего для измерения установок личности применяются шкалы. К наиболее известным методам измерения и построения шкал установок относят: метод равных интервалов (Л.Терстоун); метод суммарных оценок (Р.Лайкерт); метод кумулятивного шкалирования (Л.Гуттман), метод семантического дифференциала К. Осгуда. Лучше всего, как нам кажется, такую возможность предоставляет метод «семантического дифференциала» К. Осгуда, который можно легко модифицировать в соответствии с исследовательскими задачами. Изначально эта методика и была создана для целей выявления реакций респондента на некоторый объект.

Из всех видов толерантности на сегодняшний день, пожалуй, самой изученной и методически оснащенной является проблема этнической толерантности. Не умаляя значимости проблемы бесконфликтного взаимодействия этнических групп, отметим, что в условиях демократизации стран актуализируется и проблема бесконфликтного взаимодействия в поле политики. Демократия в качестве одного из базовых принципов предполагает плюрализм мнений, точек зрения, идеологий и т. д. С другой стороны, политика по мнению ряда авторов является сферой повышенной конфликтности, столкновений. Например, К. Шмит определил социальные отношения в политике через связку «друг-враг». Другой американский мыслитель М. Уолцер подчеркнул, что существуют виды социальных взаимодействий, которые в самой своей сущности предполагают интолерантность, и к таковым, в том числе он отнес и политические отношения. С другой стороны, Г. М. Денисовский и П. М. Козырева считают, что политическая толерантность необходима в демократических государствах как промежуточное звено между «несогласием» и «согласием», как средство предупреждения крайних форм разрешения конфликта. Политическая толерантность не означает согласия, она подразумевает критический настрой к оппоненту, но она вместе с тем является тем средством, которое позволит решать разногласия цивилизованными методами, конструктивно.

Изучая проблему политической толерантности на эмпирическом уровне, исследователь сталкивается с проблемой методического оснащения. Сегодня практически отсутствуют методики измерения политической толерантности в разных

социальных группах. Измеряя установки политической толерантности, исследователь должен учитывать несколько аспектов. Во-первых, объект, предлагаемый респонденту для оценки, должен быть вполне конкретен. Установка индивида – это всегда реакция на вполне определенный объект, т. е. это реакция на «**иного**». В политическом поле в качестве объектов толерантности/интолерантности выступают акторы-носители **иных** политических взглядов (например, сторонники либерализма/коммунизма, демократических методов управления или авторитарных, сторонники политических партий). Особо следует подчеркнуть, что следует замерять реакции респондентов на объекты, с которыми респондент себя не идентифицирует, иначе есть риск подмены понятия толерантность понятием согласие, лояльность. Здесь исследователю помогут вопросы-фильтры, которые позволят выявить идентификации респондента и адресовать его к соответствующему блоку вопросов. Во-вторых, как и любая социальная установка, установка политической толерантности/интолерантности должна измеряться на 3 уровнях, обозначенных нами ранее. Установка политической толерантности индивида на когнитивном уровне предполагает знания и стремление получить знания о группе своих политических оппонентов, в то время как установка политической интолерантности означает отсутствие таковых. Установка политической толерантности/интолерантности индивида на аффективном уровне предполагает, что человек испытывает позитивные или негативные эмоции по отношению к своим идейным оппонентам. И, наконец, когнитивный уровень установки политической толерантности/интолерантности предполагает взаимодействие и готовность человека взаимодействовать со своими политическими оппонентами, которое может приобретать как конструктивные (политическая толерантность), так и вполне деструктивные формы (политическая интолерантность). Кроме того, при конструировании шкал для оценки объекта установки политической толерантности, важно учитывать, в какую ситуацию будет помещен оцениваемый респондентом объект. Так, например, еще в 1934 г. Р. Лапьером было обнаружено, что в разных ситуациях индивиды демонстрируют различные модели поведения по отношению к одному и тому же объекту. Применительно к политическим отношениям К. Шмитт обращает внимание на относительность связки «Друг-враг», подчёркивая, что «друг» в частной жизни может быть для человека «врагом» в поле политики.

Политическая социализация молодежи как фактор политической культуры

Шишкова Светлана Олеговна

Студент

Астраханский Государственный Технический Университет,

кафедра Социологии и психологии, Астрахань, Россия

svetlana_free@mail.ru

Трансформационные процессы в России в 90-е годы XX -го столетия внесли радикальные изменения во все стороны социальной жизни. В стране резким путем произошла смена социально-экономических и политических отношений, вызвавшая кризис ценностных ориентаций в обществе, снижение морально-нравственных ориентиров, снижение не только общего уровня культуры, но и уровня политической культуры населения, деформацию механизмов общей и политической социализации.

Особое значение изучение формирования политической культуры, а в частности и политической социализации приобретает в переходных обществах подобно России, которая переживает структурную трансформацию политической и экономической систем, деформацию социальных институтов. В результате смены политического режима в начале 90-х гг. XX века в нашей стране старая система политической

социализации оказалась ликвидированной, а новая так еще и не сформировалась. Что в свою очередь откладывает отпечаток на уровень политической культуры граждан.

Поэтому, в настоящее время остро встает вопрос о политической социализации граждан, которая была и остается актуальной для любого общества, независимо от его социально-экономического и культурного потенциала.

Но главное, что в особо трудных условиях перехода оказалось молодое поколение страны, которое в 90-е годы оказалось, предоставлено само себе. Поэтому особого внимания заслуживает изучение процесса политической социализации молодежи, как самой подвижной и восприимчивой части общества. Сейчас молодежь особенно открыта всем новым условиям общества: как свободе выбора, так и непредсказуемости происходящего. От того, какие именно ценностные ориентации будут осваиваться молодым поколением, во многом будет зависеть направленность развития самого общества и успех демократических преобразований в стране.

За прошедшее время заметно ослабло воспитательное воздействие на молодежь со стороны семьи, системы образования, общественных организаций и политических институтов. Кардинальные преобразования в социально-политической системе значительно изменили роль и функции институтов политической социализации.

Для анализа роли и значения политической социализации молодежи в жизни общества нами выбрана Астраханская область. Причиной выбора данного субъекта для исследования заключается в том, что Астраханская область после 1997г. усилила свой вес на политической арене государства. Это связано, прежде всего, с получением приграничного статуса после распада СССР, появлением статуса морского порта, наличием Каспийской военной флотилии, наличием природных запасов, которые делают Астраханскую область привлекательным объектом инвестирования. Кроме того, особенности социально-политической структуры региона во многом отражают срез общероссийской социальной структуры, что выражается в наличии следующих моментов:

- многонациональный состав области;
- сложный конфессиональный состав;
- высокая миграция населения в силу отсутствия оградительных законов;
- традиционализм государственной ориентации;
- повышенная потребность в стабильности в связи с новым географическим положением;
- традиционная ставка на сильного лидера и сильное государство.

Социальная структура населения Астраханской области по основным социально-демографическим показателям соответствует средним по России. Это правомерно утверждать и относительно политических ориентаций населения. Результаты практически всех избирательных кампаний 1990-2008г.г. соответствуют с точностью до нескольких процентов общероссийским показателям (за вычетом двух столичных центров) (Зелетдинова, 2002).

В ходе проведения анализа, мы приходим к выводу, что имеющиеся институты политической социализации: семья, система образования, армия, СМИ, политические партии, общественные организации и т.д. сами переживают определенный кризис, не ставят своей целью политизировать молодежь. А чаще всего, их деятельность разнонаправлена, не способствует политическому воспитанию молодых граждан.

Таким образом, мы видим, что самостоятельно сделать успешным процесс политической социализации молодежи не в состоянии, требуется активная поддержка окружения, общества. Но тут возникает другая проблема – в России гражданское общество не сформировано. Выходит на поверхность только один выход – государство. Аналогично временам СССР, должно взять на себя процесс политической социализации молодежи и только в этом случае этот процесс может быть успешным.

Литература

- 1.Артюхович Д. (2003) Проблемы политической социализации молодежи в современной России // Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки», выпуск 10.
- 2.Горяева Т. Н.(2006) Социализация молодежи// Аспирант и соискатель, №2.
- 3.Зелетдинова Э.А. (2002) Механизмы демократизации региональной властной элиты: политологический аспект: дисс. ...доктора полит. наук. М.
- 4.Карпова Н. В. (2006) Политическая культура в процессе становления гражданского общества//Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, №1.

Подсекция «Мировой и российской политики»**Условия реализации инновационной политики России***Андреев Александр Викторович**Студент**Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия**E-mail: Dajmoxk@yandex.ru*

В современном динамично развивающемся мире важную роль приобрел качественно новый механизм функционирования производства, характеризующийся использованием потенциальных возможностей инновационной активности национальной экономики в сочетании с применением широкого спектра технических показателей. Во многом именно от сложившегося таким образом научно-технического уклада современного общества, которое принято называть инновационным, зависит позиция каждой отдельно взятой страны в мире. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что в национальном развитии большинства государств существенно возросло значение инновационных стратегий. Более того, абсолютно закономерной выглядит сегодня новаторская инициатива российского руководства по проведению технологических преобразований в стране, направленная на её последующее превращение в одного из влиятельных игроков и надежных партнеров на международной арене. Ставка на развитие высоких технологий становится стратегическим приоритетом реформирования российской экономики, появившимся в качестве симметричной реакции государства на вызов инновационно трансформирующегося общества.

Стоит сразу оговориться о недопустимости формирования преждевременных выводов о том, что на протяжении 1990-х годов в России со стороны государства не предпринималось шагов для поддержки научной и инновационной деятельности. Опровержением этого служит наличие сегодня возможностей, позволяющих достаточно эффективно интегрироваться в мировую экономику, среди которых можно отметить сохранившийся научный потенциал по ряду перспективных научных направлений (ядерная физика, аэрокосмические технологии); сравнительно высокий уровень образования населения; наличие необходимой транспортной, коммуникационной и иной инфраструктуры. Однако реализация выше перечисленных возможностей существенно затруднялась негативными факторами, часть которых досталась в наследство от командно-административной системы, часть порождена неэффективным проведением экономических и социальных реформ. Улучшение статистической динамики производства товаров и услуг, наблюдающееся в последние годы, во многом вызвано благоприятными внешними факторами и не вполне подкреплено необходимыми организационными и финансовыми мерами внутри страны. По-прежнему наиболее высокой доходностью характеризуются вложения в торгово-посреднические операции, что, естественно, не стимулирует инвестиции в реальный сектор экономики, особенно в инновационные проекты, отличающиеся высокой степенью неопределенности и риска. По этой же причине банки не стремятся кредитовать инновационные проекты промышленности. Во многом это объясняется тем, что в период проведения реформ в реальном секторе структурная эволюция привела к усилению сырьевых отраслей. Однако в условиях современных экономических реалий бесперспективность сырьевой ориентации экономики страны в долгосрочной перспективе признана всеми, хотя следует также учитывать и то, что, помимо сырья, Россия имеет крайне мало конкурентоспособных экспортных товаров. Переход страны к новому этапу развития

усложняет также наличие ряда традиционно сопровождающих экономические проблемы негативные факторов, среди которых – коррумпированность госаппарата, криминализация и теневой бизнес, нелегальная иммиграция.

Но, несмотря на существование указанных проблем, можно отметить, что к настоящему времени в России сложилась достаточно четкая организационная структура управления развитием научно-технологического комплекса. Взаимодействия различных управленческих структур выстроены в соответствии с конституционной нормой по разграничению полномочий федеральных и региональных органов власти, что обеспечивает возможности эффективного решения проблем и регулирования тех аспектов научной деятельности, которые лежат в сфере общенациональных интересов. Одним из главных инструментов реализации государственной научно-технической и инновационной политики стали федеральные целевые программы. В процессе реформирования отечественной науки одной из ключевых стала задача изменения сети научно-технических организаций (организации, выполняющие исследования и разработки, научные подразделения предприятий или вузов). Среди институциональных преобразований важное место призваны занять такие направления, которые должны обеспечить устойчивое развитие реального сектора экономики и рост конкурентоспособности промышленности России. В первую очередь, это формирование совместно с вузами инновационно-промышленных центров, технологических и научных парков, ориентированных на производство и реализацию наукоемкой продукции с привлечением российских и иностранных инвестиций и использованием как российской, так и зарубежной торговой сети, а также создание инфраструктуры малого бизнеса для обслуживания программ по реализации высоких технологий. Важнейшей задачей государственного регулирования в инновационной сфере является обеспечение финансовой поддержки реализации инновационных проектов, причем не столько посредством прямого финансирования из госбюджета, сколько созданием условий для осуществления инноваций частным капиталом, то есть формирование многоканальной системы финансирования инновационной деятельности. Проведение активной государственной инновационной политики позволит решить главную задачу, суть которой состоит в преодолении разрыва между научно-технической сферой, олицетворяемой, в основном, государством, и промышленной сферой, ассоциируемой частным бизнесом, и создать эффективную систему трансформации научно-технических заделов в наукоёмкую, конкурентоспособную продукцию. Благодаря этому станут возможны: существенное увеличение доли отечественной высокотехнологичной производственно-технической и потребительской продукции, как в экспорте, так и на внутреннем рынке; реализация современных форм взаимодействия науки и производства; стимулирование роста ВВП страны и благосостояния населения на основе роста производства и реализации на мировом рынке конкурентоспособной высокотехнологичной продукции. Иными словами, роль государства в развитии инновационной экономики будет заключаться в создании необходимой инфраструктуры и правовой среды, урегулировании вопросов использования результатов интеллектуальной деятельности, в создании условий эффективного применения научно-технических достижений для производства коммерческого продукта российскими предприятиями, а также решении задач налоговой и социально-экономической политики.

Постмодернистская версия хронополитики Поля Вирильо**Андрущенко М.А.**

аспирант

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченка,
философский факультет, Киев, Украина**E-mail: g0d3y@ukr.net*

Рассматривая хронополитическое знание, мы сталкиваемся с проблемой систематизации разнообразных концепций политического времени. Ведь уровень научной коммуникации между различными разработками в данной области остается весьма низким. Существующие концепции хронополитики предлагают лишь разнородное и гетерогенное понимание политического времени. Однако, необходимо отметить, что без таких научных дискретных «вспышек» ученых в обществоведении было бы невозможно тематизировать временное измерение сферы политического.

Довольно оригинальную концепцию хронополитики предлагает французский философ-постмодернист Поль Вирильо. Именно он вводит в широкий научно-публицистический оборот термин «хронополитика». Главной идеей концепции хронополитики П.Вирильо является акцентирование роли скорости в современных социальных процессах. Точнее - превращение скорости в основание сегодняшних военных и политических практик. Поэтому теория П.Вирильо получила название «дромологической», то есть направленной на изучение скорости. Философ обращает внимание на роль новых технологий (компьютеров, спутников, микроэлектроники) в трансформации современного общества и политических структур. Технологии создали эффект «сжатия» мирового пространства-времени, основным политическим следствием которого есть снижение роли пространства и усиление влияния фактора времени в политике. Собственно, появление новых технологий и ознаменовало собой переход к дромократическому обществу.

П.Вирильо пишет о «растворении» трех измерений времени «в потоке ускорения – уже не ускорения Истории (как и локальное время, потерявшей конкретные основания), но ускорения самой реальности, где мировое время обретает новый смысл». «Географические пространства и расстояния, которые еще вчера обуславливали политику отдельных наций и их коалиции и чье значение ясно показала «холодная война» в эпоху противостояния блоков Восток / Запад, исчезают и обесцениваются в мире ускорения и мгновенных взаимодействий ... континенты утрачивают географические очертания и дают появиться теле-континенту практически мгновенной коммуникации» (<http://www.lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt>).

Необходимо подчеркнуть, что если геополитику П.Вирильо связывает непосредственно со стратегической ценностью территории, то хронополитика ассоциируется у него со значением времени и телеметричности. По мере разрастания технологических систем, пространство теряет свою ценность, ведь главное теперь – электроника. В противовес «геополитической экстенсивности» постоянно увеличивается роль «трансполитической интенсивности», что сильнее всего сказывается на упадке государства как территориальной единицы (Virilio 1991; 92).

Если в пространстве основным объектом является место (тело), то во времени – скорость. В дромологических обществах (обществах скорости), где значимость «места» невелика, его аналогом, по П.Вирильо, являются скорость и ускорение. Геополитика не исчезает, но перестает быть центром, ядром военной машины, становится дромологической, то есть, подчиняющейся порядку скорости. Скорость-тело дромологических обществ реконструирует время/пространство структуризации и аккумуляции обществ вокруг оси постоянно ускоряющегося движения. Обживание хронополитического ускорения в большей мере, чем геополитического пространства – это не столько освобождение от движения, сколько тирания скорости. «Слепота

скорости средств ... разрушения - это не освобождение из геополитического рабства, но -истребление пространства как места (плоскости, поля) политической свободы... Чем больше увеличивается скорость, тем быстрее уменьшается свобода» (Virilio 1986; 142).

По мнению П.Вирильо, плотность дромологических систем приобретает свою собственную сущность, о чем свидетельствуют очертания медиа пейзажей третьей природы. При этом, совершенно новая виртуальная география нуждается в картографировании своих материальных инфраструктур. Отстроенная (окружающая) среда второй природы – города – не покрывает поверхность земного шара так обильно, как каналы (провода и линии) моторизации и медиатизации. Дромологическое существование – это децентрализованная, мобилизованная и инструментализованная жизнь внутри гиперхронического потока и гипертопической области скорости.

П.Вирильо создает образ глубокой политической трансформации, происходящей в постсовременном мире: «Понятие территориального соседства [contiguïté] наций устаревает, и ему на смену приходит неразделимость [continuite] видимого и слышимого, а политические границы реального пространства преобразуются в хронополитические границы деления реального времени» (<http://www.lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt>).

Таким образом, политическая постсовременность характеризуется «закатом государства-нации и негласным установлением новых политических образований с помощью масс-медиа и сетевых мульти-медиа, отражающих на своих экранах ускорение Времени, «реального времени» коммуникаций, выполняющих релятивистское сжатие «реального пространства» Земли путем искусственного временного сжатия обменов изображениями мира. Отныне не существует «здесь», но существует «сейчас». Таким образом, мы подошли не к завершению Истории, а к запрограммированному исчезновению *hie et nunc* и *in situ*» (<http://www.lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt>)

Постсовременная политика обозначена «войной скоростей», то есть, требованием более мощной скорости и постоянным нахождением впереди, за «сегодня», в будущем. Те политические акторы, делает вывод П.Вирильо, которые примут правила «игры на опережение», будут востребованы, остальные – будут ждать другого времени.

Литература

1. Вирильо Поль (2002) Информационная бомба. Стратегия обмана // <http://www.lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt>
2. Virilio, P. (1991) *The Aesthetics of Disappearance*, New York: Semiotext(e).
3. Virilio, P. (1986) *Speed and Politics*, New York: Semiotext(e).

О политическом дискурсе справедливости в России

Андрюшин С.В.

студент

Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации,

Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: ks-10@inbox.ru

В современных обществах «справедливость понимается как высшая степень совместимости многообразных интересов. Основной критерий справедливости – максимум свободы для возможно большего числа индивидов» (Категории политической науки, 2002). В современном мире справедливость есть не более чем компромисс между социальными группами, артикулирующими свои интересы с помощью выборов, референдумов, институтов “прямой демократии” и т.д. (Мартьянов, 2006. С. 66).

Импульсом для появления концепций о справедливости в качестве политической проблемы является моральное неприятие сложившегося положения, т.е. констатация

несправедливости общества. Дискурс справедливости ориентирован на коррекцию существующих в обществе естественно-политических оснований в пользу более легитимных.

В России не существует теоретического дискурса справедливости (Мартьянов, 2006. С. 68), а отдельные работы, затрагивающие тему политической справедливости в России, “исходят из различных теоретических оснований и не создают поле дискуссии” (Кашников, 2004). В качестве причин отсутствия данного дискурса отечественные исследователи называют постсоветскую деидеологизацию российской политики, неразвитость политической философии, увлечение поисками “национальной идеи” в ущерб идее справедливости и т.п.

В демократической традиции принято считать, что политическая справедливость выражается через принцип общего блага, или государственный политический интерес.

Проблема справедливости не может быть поднята властной элитой, которая по определению заинтересована в стабилизации существующего политического порядка.

Дискурс справедливости является прерогативой широкой оппозиции, связанной с альтернативными версиями современности, которые содержатся в т.ч. и внутри нее самой.

В современной России антиутопично сознание не только властной элиты, но и оппозиции. Какой бы критике ни подвергала она отдельные недостатки постсоветской действительности, в целом эта действительность ее устраивает.

Сегодня в России отсутствуют организованные формы влияния социальных групп, неудовлетворенных сложившимся положением вещей, на политику. Налицо тенденция к деполитизации публичной сферы. В этих условиях дискурс справедливости, предполагающий вовлечение в публичную политику широких слоев населения с целью изменения несправедливого статус-кво, неизбежно отодвигается на задний план, уступая место дискурсу стабильности.

Реформы 1990-х годов привели к крушению базовых ценностей советского общества. В ситуации всеобщего распада революционный по своей сути дискурс справедливости неуместен. Однако условия для нравственной рефлексии по поводу современной российской политики сегодня имеются. При благоприятной экономической конъюнктуре проблема справедливости сразу же актуализируется: “«Революция свободы» 1991 г. не завершена без «революции справедливости» и, строго говоря, является лишь ее преддверием” (Делягин, 2005).

Пока люди добровольно принимают налагаемые на них ограничения и запреты в обмен на набор неких прав, они считают сложившийся порядок вещей справедливым. Однако нарастающее отторжение статус-кво, которое наблюдается в России, неизбежно приведет к усилению влияния утопического дискурса справедливости.

В последние годы обсуждение проблемы справедливости в России постепенно приобретает характер реального общественного процесса. Выделяются консервативный, этнократический, социал-демократический, центристский и коммунитаристский проекты, в рамках которых сформировались или формируются особенности образа справедливого общественно-политического устройства (Канарш, 2008).

Литература

1. Делягин М. (2005) Социально-политическая программа // Свободная мысль - XXI. № 7. С. 66.
2. Канарш Г.Ю. (2008) К вопросу о российском дискурсе справедливости // Полис. № 5. С. 160.
3. Категории политической науки. (2002) М.: РОССПЭН. С. 103.
4. Кашников Б.Н. (2004) Либеральная теория справедливости и политическая практика России. Вел. Новгород. С. 231.
5. Мартьянов В.С. (2006) Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис. № 4.

Влияние глобализации на мировой политический процесс*Арсентьева Софья Владимировна**Студентка**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова**Факультет политологии, Москва, Россия**E-mail: to-ye-sve@yandex.ru*

Глобализация, охватывающая сегодня все стороны жизни, становится доминирующим фактором в мировой политике и международных отношениях. Ученые до сих пор спорят о том, когда началась глобализация и каков ее генезис, однако, наиболее часто встречающаяся версия – это привязка процесса глобализации к развитию научно-технической революции 60-х годов XX века. Важнейшим историческим обстоятельством, формирующим основу генезиса глобализации, является осознание «пределов роста» мировой экономики и «общего будущего» человечества, появление концепций глобального, прежде всего экологического кризиса. Наиболее полно о глобальном кризисе было сказано в докладах Римскому клубу. Основанный на компьютерных математических моделях доклад «Пределы роста» (Медоуз, 1972) породил новое междисциплинарное направление глобального политического моделирования. Представления о кризисе цивилизации впервые подкрепляются выводами точных наук, что отличает концепции глобального кризиса от философских концепций, в которых выдвигаются подобные положения. Глобальные модели представляют кризис, прогнозируемый на их основе планетарным (см. так же: И.А. Чихарев. Хронополитика в теории мировой политики. М. 2006.). Как пишет Тоффлер, «Отличительной чертой этого срока является грандиозное расширение масштаба и размаха перемен. Естественно, эпохальные перевороты случались и раньше. Войны, чума, землетрясения, голод возмущали общественное спокойствие. Но эти потрясения и сдвиги не переходили границ одного или нескольких соседних государств. Сменились поколения, прошли века, и влияние этих событий распространилось за пределы государств. Сегодня, - пишет Тоффлер, - все границы сметены. Сеть общественных связей настолько плотна, что современные события отражаются во всем мире». (Э. Тоффлер. Футурошок. Спб., 1997. С. 15) Проблемы изменения мирового порядка сегодня связаны с переходом от индустриального к постиндустриальному порядку (см. так же: J.N. Rosenau. Turbulence in World politics: A theory of change and Continuity. N.J., 1990.) этот период, - пишет Розенау, - напрямую связан с процессом информатизации радикально сократившим социальные экономические и политические дистанции. Последствием сокращения стала возросшая роль индивида в мировом политическом процессе. Отдельными «актерами» современного мирового политического процесса являются не только государства, но и негосударственные объединения, межправительственные организации, неправительственные организации, церкви, отдельные личности. Возрастает роль влияния СМИ на принятие политических решений, связанные с проникновением высокотехнологий в ранее не развитые районы земного шара. Как пишет К.С. Гаджиев, «В наши дни перемены, вызываемые восхождением и развертыванием новейших информационных технологий, настолько грандиозны и стремительны, что прошлое и будущее как бы растворяется в настоящем. Многие феномены, такие, как модели социального и экономического развития, показатели экономического роста, состояния общественного мнения и т.д. устаревают настолько быстро, что ни рядовой человек, и специалисты просто не успевают за ними. Смыслом научно-технологического и социального процесса стал выигрышек во времени». (К.С. Гаджиев. Геополитика. М., 1997. С. 89) Характерной чертой

современного мирового политического процесса стали стремительные изменения в динамике, политическая ситуация и «тренды» меняются настолько быстро, что человечество не всегда способно своевременно и адекватно оценить и ответить на происходящие изменения. Мир находится в состоянии «неопределенности будущего» этот тезис А.С. Панарин связывает с критикой классического детерминизма и открытием стохастических процессов (см: А.С. Панарин. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000). По мнению Панарина, мир находится в фазе раздвоения течения тех или иных процессов «бифуркации», достигших определенной критической величины, после которой осознается зависимость между прошлым и будущим состояниями системы теряются.

Б.Б. Рунов отмечает, «изменения в мире что за последние десятилетия носили столь глубокий и принципиальный характер, что вполне можно говорить о смене мировоззренческой парадигмы эволюции человеческого общества, о завершении крупномасштабного периода в истории цивилизации и постепенном втягивании мирового сообщества в некую новую систему мирового общения и жизнедеятельности на базе новых условий цивилизационного развития. Причем изменения носят системный характер и, т.е. затрагивают все существенные стороны человеческого общества: политику, экономику, эдиологию, культуру, а так же внеличностную среду обитания человека» (Глобальное сообщество. Картография современного мира// Б.Б. Рунов. Глобальное сообщество перед лицом перемен. (хроника семинаров) М., 2002. С. 433)

Глобализация затрагивает коренные основы существующего миропорядка, поднимает новые вопросы в международных отношениях, ранее не обсуждавшиеся на межгосударственном уровне. Государства в глобализирующемся мире оказываются в ситуации, при которой их внутренняя политика, зачастую играет не меньшую роль на мировой арене, чем внешняя. Транснациональные корпорации, выступающие, как отдельные аторы международных отношений, зачастую диктуют свою политику, что приводит к смене ориентиров и направлений деятельности. Как бы не были оценены последствия глобализации в мировой политике, ясно одно – мы стоим на пороге глобальной трансформации взаимоотношений между государствами.

Список литературы:

1. Пределы роста, под ред. Д. Медоуса.
2. И.А. Чихарев. Хронополитика в теории мировой политики. М., 2006
3. Э. Тоффлер. Футурошок. Спб., 1997.
4. J.N. Rosenau. Turbulence in World politics: A theory of change and Continuity. N.J., 1990.
5. А.П. Кабаченко. История мировой политики. М., 2007.
6. К.С. Гаджиев. Геополитика. М., 1997.
7. Х.А. Барлыбаев. Человек. Глобализация, Устойчивое развитие. М., 2007
8. А.С. Панарин. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000
9. Глобальное сообщество. Картография современного мира// Б.Б. Рунов. Глобальное сообщество перед лицом перемен. (хроника семинаров) М., 2002.

Роль армии Сирии в национальном политическом процессе***Бабакишвили Валентина Тенгизовна****аспирантка**Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,**факультет политологии, Москва, Россия**E-mail: vallydol@yandex.ru*

Вооруженные силы Сирийской Арабской Республики воспринимаются в сирийском обществе и руководстве страны в качестве одной из важнейших опор государственного строя.

Процесс развития Сирии в XX веке неоднократно подвергался испытаниям, связанным с вторжением военных в политическую жизнь страны. Ни в одном другом арабском государстве армия не играла такой преобладающей роли в политической жизни. При этом последствия такого вмешательства оказывались весьма противоречивыми: армия то поддерживала отживший порядок и режим, то начинала радикальные реформы. Таким образом, стоит отметить, что вооруженные силы в Сирии являлись то стабилизирующим, то, наряду с этим, дестабилизирующим фактором обстановки в стране. Отличительной чертой сирийских вооруженных сил является их широкое применение властью в качестве важного инструмента проведения внешней политики государства и защиты национальных интересов на внешней арене, как в военное, так и в мирное время. Иногда такое использование армии оказывается весьма эффективным, в других случаях оно может иметь серьезные негативные последствия, в том числе для самих вооруженных сил.

Военно-политическое руководство Сирийской Арабской Республики уделяет постоянное внимание поддержанию на должном уровне боеспособности национальных вооруженных сил, улучшению их технической оснащенности и повышению качества подготовки личного состава. Основными их задачами являются оборона страны от внешней агрессии, содействие внешнеполитическим мероприятиям и защита существующего государственного строя.

В настоящее время сирийское военно-политическое руководство формирует концепцию перехода от количественного фактора в строительстве и развитии вооруженных сил к качественному. Планируется сокращение вооруженных сил с одновременным оснащением соединений и частей современными видами вооружения и военной техники. Предполагается поддерживать вооруженные силы способными к отражению возможной агрессии, освобождению оккупированных территорий и ведению войны против страны-агрессора в любой обстановке. В этих целях ставится задача в ближайшей перспективе добиться существенного повышения уровня боевой готовности вооруженных сил.

Военная доктрина Сирии также предусматривает возможность нанесения превентивного удара по противнику с применением обычного оружия и ведение в дальнейшем наступательных боевых действий. При этом их основным видом считаются наземные операции с применением новых видов обычного оружия и высокоточных средств поражения, проведение которых планируется во взаимодействии с другими видами ВС.

Определение сирийских государственных интересов в значительной степени зависит от позиции армии и служб безопасности. В целом существующие на данном этапе военно-доктринальные взгляды сирийского руководства адекватно отражают сложившуюся ситуацию в регионе и соответствуют основным направлениям внутренней и внешней политики государства.

Сетевые структуры: причины возникновения и методы противодействия***Балахнин И.А.****студент**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,**факультет политологии, Москва, Россия**E-mail: ibalahnin@gmail.com*

Сетевая структура – это социальная общность, в рамках которой функционирует плюрархия, то есть, то есть такая система распределения власти, когда каждый участник может принимать решения исключительно за самого себя при условии обладания информацией определенного качества, то есть, информацией, которая способна помочь ему в принятии определенных управленческих решений на уровне сети. Это ведет к созданию социума, в котором все важные политические решения принимаются внутри закрытых, эксклюзивных, групп, куда нет доступа постороннему.

Такая ситуация информационной защищенности решений, принимаемых в сети, позволяет достаточно эффективно использовать горизонтально ориентированные структуры для противодействия вертикально интегрированным. При этом не стоит полагать, что такое положение дел ведет к анархии. Действительно, видимая анархичность любой сетевой структуры существенно затруднила бы использование структур такого рода при создании призванных эффективно действовать организаций, например, террористических. Сдерживающим сетевую структуру от состояния анархии фактором являются законы и принципы, по которым формируются правила поведения в сетевой структуре. Очевидно, что такие правила должны коррелировать с господствующей в рамках сетевой структуры идеологией. Известные скандинавские ученые Я. Бард и А. Зодерквист предлагают для этого сложного комплекса норм и правил термин «нетикет».

Тем не менее, сетевые структуры, сколь бы сильной не была их идеология, оказываются способны к расширению, то есть, к пополнению новыми членами сети там и только там, где иные формы утверждения идентичности не способны адекватно выполнять свою функцию. Более того, любая сеть отвергает индивидуальность, подменяя её некоторой абстрактной идентичностью. Кроме того, в основу любой сетевой структуры оказываются заложены тенденции к конкуренции, борьбе, противостоянию, то есть, сетевые структуры в принципе несовместимы с органическим ростом.

Важно понимать, что сеть имеет экстратопологический и экстрахронологический характер.

Экстратопология сетевой структуры состоит в том, что сеть может развиваться сколь угодно в пространстве посредством превращения рядовых членов сети в членов, способных выступать «терминалами» информации на местах. Таким образом, сеть является самообучающейся структурой, способной бесконечно расширяться, используя только свои внутренние ресурсы.

Экстрахронология сетевой структуры состоит в ее способности расти с любой скоростью. По сути, любая сетевая структура может, в теории, обладать таким потенциалом к развитию, что окажется способна создать свои микро-сети по всему земному шару.

Из приведенного выше описания сетевых структур следует, что любая организация такого рода обладает тремя основными элементами:

1. Структура (конкретная схема взаимодействия членов сети, состоящая из так называемых нетократов (узловых участников сети) и рядовых участников сети;
2. Идеология («нетикет», нарратив) – некоторая система правил, норм, обычаев и взглядов участников сети, которая является довольно запутанной и транслируется нетократами;
3. Коммуникация – конкретный способ связи нетократов с рядовыми членами сети для передачи либо положений «нетикета», либо указаний.

Государство как вертикально интегрированная иерархическая структура способно оказывать противодействие сетевым структурам посредством трех основных ресурсов:

1. Применение силы;
2. Использование идеологии;
3. Использование собственных каналов коммуникации.

На основании трех составных частей сетевой структуры и трех видов государственной санкции можно сформулировать 9 основных стратегий противодействия сетевым структурам:

1. Силовое воздействие на структуру сети;
2. Силовое подавление «нетикета»;
3. Силовое подавление коммуникаций;
4. Идеологическое подавление структуры;
5. Идеологическое и коммуникационное подавление «нетикета»;
6. Идеологическое подавление коммуникаций;
7. Коммуникационное подавление структуры и сетевых коммуникаций.

Анализ как российского, так и зарубежного опыта позволяет говорить о том, что наиболее универсальной стратегией противодействия сетевым структурам является сочетание идеологической работы с нетократами для стимулирования конфронтации между микро-сетями, силовое уничтожение каналов передачи информации между микро-сетями и подкрепленное мощной пропагандистской деятельностью идеологическое подавление «нетикета» структуры. В результате такого рода комплекса действия сетевая структура столкнется с центробежными тенденциями, потерей возможности к мгновенному управлению всеми своими частями и снижением потенциала к росту, что в результате приведет сеть к распаду на микро-сети.

От проблемы «разделенных народов» к проблеме «разделенной нации»

Бараи Рауса Эдуардовна

Аспирант

*МГУ им. М.В.Ломоносова, факультет политологии, кафедра мировой политики,
Москва, Российская Федерация,*

ras189@yandex.ru

1. Недавние события на Балканах и Закавказье (породившие интерес к перспективам объединения Северной и Южной Осетии, возможности вхождения территории косовских албанцев в состав Албании) вновь обусловили актуализацию в медийном пространстве темы «разделенных народов». Несмотря на обилие исторических прецедентов не всегда аккуратной «перекройки» государственных границ или несоответствия административных единиц этно-культурным ареалам, тем не менее для определения всех подобных прецедентов употребляется категория «разделенный народ».

2. Существующая сегодня в отечественной политологии путаница в понимании смыслового наполнения субъектов разделения – этноса, народа и нации - обусловлена, с одной стороны, тем, что в западной традиции категория «nation» универсальна и

употребляется одновременно для обозначения народа, нации и народности. С другой стороны, неопределенность трактовки обусловлена конституционным утверждением в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации ее многонационального народа. Хотя законодательное закрепление пустого понятия (народ не может быть многонациональным) объясняется стремлением разработчиков Конституции 1993 года избежать ошибок в «национальном вопросе», подобных тем, которые привели к распаду СССР, и даже способствовать складыванию российской гражданской общности, существование в правовом поле подобного неологизма заметно усложняет понимание различия в определении категорий нации и народ и способствует замене политического смысла категории нация этническим.

3. Однако существует четкая демаркация категорий этно-национального дискурса: этнос (совпадающий по смыслу с категорией национальность) представляется **совокупностью объективных черт и характеристик**, которые, будучи способными объединить определенный кластер людей, лишь **потенциально возможны**. В том числе, лишь возможным представляется осознание представителями этноса своей разделенности: несмотря на фактическую разделенность, стремление к объединению отсутствует у монголов, историческая территория проживания которых разделена между Монголией, Автономным районом Внутренняя Монголия КНР и Китаем), саамов (исторически проживающих на современных территориях России, Норвегии, Финляндии и Швеции), шведов (традиционно проживающих в Швеции, и на землях Аландских островов), практически отсутствуют идеи воссоединения у басков Франции.

4. О **народе** можно говорить в ситуации **сознательной консолидации** представителей некоторой этнической группы по одному из оснований идентичности. Традиционно одним из ключевых элементов этнической идентичности является территория проживания группы, и соответственно в буквальном своем значении категория «разделенный народ» означает нарушение гармонии и единства заданного дуализма «крови» и «почвы». Соответственно разделение территории и проживающей на ней этнической группы чисто эмоционально (ввиду широко распространенного интуитивного примордиализма) воспринимается как нарушение заданного исторического порядка. Однако существуют минимум два довольно мощных контр-аргумента однозначного «закрепления» конкретной территории за некоторой этнической группой: невозможность тотальной эндогамии представителей группы (то есть отсутствие достоверного доказательства сохранения черт этнической группы), и, что гораздо важнее, невозможности определить «нижнюю точку» исторической «принадлежности» территории. Кроме того, сегодня постановка вопроса об обоснованности территориальных претензий возможна лишь в форме соответствующих претензий общественных движений, строящихся на принципе не этнической гомогенности, но сознательного выбора исторической и политической идентичности ее представителями.

5. Представляется, что именно поэтому в большинстве случаев разделения можно говорить о разделении нации. Нации, по словам В.Межуева, как **государственной, социальной, культурной принадлежность индивида**, а не его антропологической и этнической определенности. То есть принадлежность к нации основана на сознательном самоассоциировании с определенной социальной, культурно-исторической и, прежде всего политической общностью, и фактически лишена идеи об общности физиологических качеств. В подавляющем большинстве случаев можно говорить именно о разделении нации, а не народа ввиду того, что актуализация необходимости решения проблемы разделения очевидно свидетельствует об актуализации идентичности. Осознание разделенности – прерогатива народа, но в случае актуализации политических претензий (стремление к суверенитету и объединению) необходимо говорить исключительно о нации (вопрос в том, насколько она гомогенна по своему этническому составу, вторичен). Надо отметить, кстати, что в эпоху феодализма легитимность разделения не подвергалась

сомнению - территория и проживающее население традиционно рассматривали монархическими династиями в качестве своей собственности. Утверждение идеи принадлежности права управления территорией народу на ней проживающему произошло лишь после трех «разделов Польши» и собственно возникновения соответствующего политического движения под руководством А.Т.Б. Костюшко.

6. Германский прецедент объединения – наиболее «цитируемый» пример воссоединения разделенного народа – являлся именно объединением Германии. Если бы современная Германия существовала даже в своих предвоенных границах, тезис о состоявшемся в 1990 году объединении разделенного народа был бы справедливым, но подписанный СССР, США, Великобританией, Францией, ФРГ и ГДР в 1990 г. договор «Об окончательном урегулировании в отношении Германии» признавал внешними границами единого Германского государства существующие на момент заключения договора границы двух ФРГ и ГДР (и уж тем более речи не шло о пересмотре решений Потсдамской конференции).

7. Говоря предметно, решение проблемы разделения надо искать не в историческом обосновании претензий на конкретную территорию, но в констатации политической самоорганизации представителей разделенного целого, и апеллировать к предоставлению прав политической нации (которая, может основываться как на принципе этнического, так и гражданского единства). Целесообразно вообще отказаться от широкой эксплуатации категории «разделенный народ» (фактически предельно узкой, и обоснованно употребляемой в отношении весьма небольшого количества исторических прецедентов). В большинстве же случаев - если речь идет о несоответствии номинальных границ фактическим - необходимо говорить о разделенной нации и политическом самоопределении, а не пытаться спекулировать на исторической мифологии.

Литература

1. Пименов В.В. Удмурты. М., 1985; Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Л., 1991. С. 8; Семенов Ю.И. О племени, народности, нации // СЭ. 1986. № 3; Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // ЭО. 2001. № 1. С. 3–15; Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. М., 1999.
2. В. М. Межуев. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис, № 5-6, 1992. с. 16; Балибар Э. Нация как форма: история и идеология // В кн. Э.Балибар, И.Валлерстайн. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003. С. 110.

Проблемы реформирования системы ООН.

Белоусова М.Г.

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Masha_Beloysova@mail.ru

В современном мире диалог и партнерство между народами и государствами представляют собой неотъемлемую часть мирового политического процесса. Одной из главных арен развития этих взаимоотношений является деятельность международных организаций. Наиболее обширным глобальным институтом с широкой сетью подведомственных организаций является Организация Объединенных Наций (ООН).

Мировая политическая система находится в постоянном процессе трансформации. Чтобы соответствовать новым условиям и эффективно выполнять поставленные задачи, ООН должна вносить адекватные изменения в свою структуру.

Фактически реформа ООН развернулась при Кофи Аннane (Генеральный Секретарь с 1997 по 2006 гг.), хотя заговорили о ней сразу же после создания в 1945 г.

Широко обсуждается вопрос о том, какие тенденции возобладают в ходе реформирования. Показательной является публикация бывшего зам. Генсекретаря ООН

англичанина Маррака Гулдинга. Гулдинг выражает точку зрения западных стран. Он делает вывод, «что единственным жизнеспособным источником руководства ООН в настоящее время может быть только Генеральный секретарь». Гулдинг сомневается в готовности государств-членов ООН осознавать новые угрозы. В работе М.Гулдинга содержится характерное для западных политологов мнение относительно того, что «государственный суверенитет – это самое большое препятствие» для вмешательства во внутригосударственные конфликты.

Еще одной работой, представляющей интерес, является книга Маркеса Франды «ООН в двадцать первом веке: процессы реформ и управления в обуреваемой проблемами Организации». Несмотря на то, что Франда в публикации допускает явные неточности (касающиеся, например, работы «Группы Мудрецов»), книга пользуется популярностью в Западных странах. М.Франда категорически не хочет соглашаться с тем, что демократичность ООН заключается в стремлении учесть интересы всех членов организации, а не только самых влиятельных из них.

Как мы видим, эти публикации принадлежат представителям стран Запада, для которых характерно стремление к усилению своего влияния на принятие решений в ООН. Причем стремятся они к этому различными путями. Кофи Аннан, интервью 14 июня 2006 г.: «Сэр Брайан Уркхарт, старейшина ООН, однажды сказал, что в ООН никогда не бывает действительно финансовых кризисов – лишь кризисы политические. Брайан прав. США пытаются использовать силу кошелька, чтобы форсировать остро необходимые реформы в сфере управления, и подобная тактика провоцирует реакцию среди развивающихся стран».

США также активно выступают за реформу Совета Безопасности (СБ) ООН, для увеличения числа своих союзников в организации.

Ведутся острые дискуссии по вопросу расширения СБ. существует множество проектов, подразумевающих увеличение как числа постоянных членов, так и непостоянных. Главными претендентами на роль постоянных членов СБ являются Германия, Япония, Индия и Бразилия («группа четырех»). На постоянное членство от Африки претендуют ЮАР, Нигерия, Египет, Сенегал, Ливия. Однако, против расширения СБ выступают такие страны, как Испания, Южная Корея, Мексика, Канада, Алжир и др.они объясняют свою позицию тем, что увеличение числа постоянных членов СБ затруднит остальным членам организации возможность попадания в Совет в качестве непостоянных членов.

Позиция России по этому вопросу изначально заключалась в том, что реформа должна быть нацелена на повышение эффективности работы СБ и организации в целом , не должна наносить ущерба статусу нынешней «пятерки» постоянных членов. Россия выступала за отмену положения устава ООН, запрещающего повторное переизбрание непостоянных членов, что позволило бы влиятельным государствам более активно участвовать в работе СБ ООН.

Реформирование системы Организации Объединенных Наций должно быть произведено в соответствии с учетом интересов всех государств-членов, а не только самых влиятельных. Изменения должны быть направлены на увеличение эффективности работы Организации, лишены односторонности. Только при этих условиях ООН сохранит за собой позицию ведущей международной организации.

Литература

1. Аннан К.(2006) Реформа ООН: Момент истины для ООН. Выступление на заседании Совета Безопасности ООН.
2. Гулдинг М. (2006) Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество. //http://www.caraegie.ru/plus/workpapers/76116/htm

3. Заемский В.Ф. (2008) Новейшая история реформы ООН. М.: МГИМО – университет.
4. Franda M.F. (2006) The United Nations in the Twenty-First Century: Management and Reform Processes in a Troubled Organization. Rowman and Littlefield Publishers.
5. <http://www.un.org> (Организация Объединенных Наций)

Сравнительный анализ урегулирования этнополитических конфликтов в России и Китае (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района и Чеченской Республики)

Берёзкин А.К.

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: zehut@ya.ru

Этнополитический конфликт – традиционное явление в мировой политике. Его роль особенно усилилась в последнее десятилетие 20-го века, и данная тенденция прослеживается и в настоящее время. Распад СССР обнажил большое количество этнополитических конфликтов на территории бывших республик. Активная борьба за власть в центре в начале 90-х годов не позволяла руководству обратить пристальное внимание на происходящие события в республиках. Так было и с Чечней.

Слабая региональная политика центра, «парад суверенитетов», низкое экономическое благосостояние населения республики, вывод федеральных войск с территории республики и оставление арсеналов и бронетехники позволили режиму Дудаева мобилизовать население на восстановление «исторической справедливости» и создать сильную профессиональную армию. Остроту конфликту придавало наличие нефти на территории республики. Последовавшая война вызвало резкое этническое противостояние «Мы-они» между русскими и чеченцами, подписание Хасавюртовского соглашения привело к формированию на территории республики баз террористов и росту преступности.

После проведения контртеррористической операции, встал вопрос о постконфликтном урегулировании ситуации. Первоочередной задачей являлось восстановление прав и свобод чеченцев как полноправных граждан Российской Федерации. Этому способствовало принятие конституции Чеченской Республики 23 марта 2003 года на всенародном референдуме и ее дальнейшее приведение в соответствии с Конституцией РФ. Центром была сделана ставка на местную, лояльную центру элиту. На сегодняшний день в состав правительства республики входят только этнические чеченцы. Президент ЧР – Рамзан Кадыров – член бюро высшего совета партии «Единая Россия», выстроил эффективные отношения с федеральной властью, пользуется большим кредитом доверия у руководства страны и широкой поддержкой населения республики. На своем посту Кадыров ведет активную деятельность по консолидации народа, возвращение к мирной жизни бывших боевиков (о чем много говорилось в теледебатах «Перспективы развития ЧР» 19.02.2009, www.lenta.ru), восстановления культуры и спорта. Не менее важной являлась проблема экономического потенциала региона, который необходимо было поднимать с нуля. Были приняты в 2002 и 2008 году федеральные целевые программы по восстановлению республики, а также концепция развития республики до 2020 года.

Несмотря на заметные подвижки в постконфликтном урегулировании ситуации в ЧР, остается ряд нерешенных и сложных проблем. Во-первых, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи. Во-вторых, низкий уровень экономического развития. Решить данные проблемы призваны развитие нефтеперерабатывающей отрасли, сельского хозяйства, социальное строительство (<http://chechnya.gov.ru>) Большой нерешенной проблемой остается восстановление полиэтничности республики и преодоление ксенофобии русских и чеченцев по отношению друг к другу. Решение данной проблемы являлось бы важным шагом на пути к становлению единой нации, над которой работают современные идеологи. Однако, незначительный процент русских на территории ЧР, а также конфликты в Кондопоге и Ставрополе показывают, что предстоит проделать еще очень большой путь. Для этого необходим опыт мирного сосуществования в рамках современного государства и, прежде всего, действия в рамках марксистской парадигмы урегулирования этнических конфликтов: поддержание национальной культуры, языка, обычаев. Немаловажна роль СМИ при решении данной проблемы. Естественно, необходимо подавить тлеющие очаги терроризма на территории Чечни и Ингушетии, а также пресечь деятельность неонацистских группировок, обращать тщательное внимание на миграционную политику.

Примечателен опыт Китая в урегулировании этнополитического конфликта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Данная задача является важной для руководства КНР, так как данный конфликт является единственным слабым местом во внутренней политике, которое потенциально могут использовать внешние силы для влияния на Китай. На протяжении всей своей истории правители Китая руководствовались китаецентристской моделью поведения в выстраивании взаимоотношений с национальными меньшинствами, чему подтверждение жесткая политика ассимиляции. Данная модель поведения вызывала реакцию со стороны национальных меньшинств, так как срабатывал механизм самосохранения этноса. С момента включения территории Уйгурии в состав Китая (18 век) по настоящее время произошло более 400 восстаний и дважды на короткий период уйгуры добивались независимости (Воскресенский, 2008). СУАР является самым большим регионом Китая и пестр в этническом отношении. Остроту проблеме придает наличие большого количества полезных ископаемых на территории региона.

Китай проводит достаточно агрессивную политику ассимиляции уйгуров, заселяя СУАР ханьцами и дунганями, что приводит к размыванию этнического фактора в регионе. Наряду с ассимиляцией, центр использует репрессивную политику по отношению к членам сепаратистских и террористических организаций, действующих на территории района. Данные меры сочетаются с элементами марксистского подхода, в рамках которого правительство уважительно относится к культуре, традициям и языку уйгуров в рамках автономии, осуществляет диалог конфессий. Большую ставку центр делает на раскол между уйгурской интеллигенцией и радикальными организациями. При анализе состава правительства автономного района видно, что большинство составляют этнические уйгуры наравне с преобладающей ролью ханьцев в региональном аппарате Коммунистической партии. Сложной остается социально-экономическая ситуация в регионе: высокий уровень безработицы среди уйгурского населения дает активный приток молодежи в ряды радикальных группировок. Правительство оказывает активное влияние на поднятие экономического уровня региона, который приобретает статус нефтяной артерии Китая после строительства нефтепровода между Казахстаном и Китаем «Атасу-Алашанькоу»

Агрессивные меры правительства КНР неприемлемы для России вследствие различия внутривнутриполитической обстановки. Однако, действия правительств двух государств по борьбе с терроризмом, безработицей среди молодежи в рассматриваемых

регионах, выстраивание диалога конфессий, применение элементов марксистского подхода, а также схожие цели сближают Россию и Китай в борьбе с этнополитическими конфликтами на своей территории

Литература.

1. Воскресенский А.Д. (2008) Этнические конфликты на Востоке. М.: АСПЕКТ ПРЕСС
2. Туровский Р.Ф. (2006) Политическая регионалистика. М.: ГУ ВШЭ
3. www.gks.ru (Федеральная служба государственной статистики России)
4. www.lenta.ru (Информационное агенство)
5. www.chechnya.gov.ru (Президент и правительство ЧР)
6. www.russian.xjts.cn (Синьцзянский информационный центр)

Системный подход к совершенствованию общественного и государственного устройства: зарубежный опыт и Россия

Бирюков Алексей Владимирович

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Orggame@yandex.ru

На протяжении многих тысячелетий государство олицетворяет собой единственно возможную форму организации человеческого существования. Ученые умы разных времен и народов стремились сконструировать идеальные политические формулы, исполнение которых гарантирует соответствующему государству политическую стабильность и устойчивое развитие. Платон, Аристотель, Гегель, Кант, Прудон, Маркс и др. – все они так или иначе создавали концептуальные схемы если не формирования государств, то норм и принципов функционирования их отдельных институтов.

Теоретико-методологический вес любого фундаментального исследования неоченим. На основе таких трудов создаются политические системы, правовые основы, идеологии, доктрины, и т.д. Но существуют ли в мировой практики примеры, когда строительство общественной организации целиком и полностью базировалось на тех или иных учениях об «идеальных государствах»? Даже социализм в большевистском варианте, т.е. образца 1917 г., представляет собой несколько иной проект, нежели тот, о котором писал К. Маркс. Почему при всей силе и глубине мысли нет ни одного целиком и полностью дееспособного, работающего механизма создания совершенного общественного и государственного устройства?

Как известно, человек – это продукт двух совершенно разных, но в тоже время незаменимых переменных: природы и социализации. Природа определяет физические потребности и окружающий мир, социализация – моральные, духовные, психологические и т.д. Есть еще один параметр, который по сути является побочным результатом первых двух – история, многовековой опыт человечества. Мы будем воспринимать историю как фундамент для текущего анализа и перспективного прогноза, а не как статичный предмет, служащий исключительно для констатации того или иного факта. Когда речь заходит о государстве, мы говорим о совокупности этих трех факторов – природный, социальный, исторический, – помноженных на количество людей. А значит, при создании нового общества или совершенствовании уже существующего необходимо учитывать не только аспекты, которые связаны с результатами умственной, морально-этической и т.д. деятельности, но и те природные условия, тот локальный окружающий мир и исторический опыт, в котором предстоит жить и развиваться человеку. Углубленное изучение вышеперечисленных составляющих

позволит с наибольшей точностью определить оптимальное направление совершенствования общественного и государственного устройства.

Такое направление следует назвать «системой», под которой будет пониматься комплекс более частных подсистем: государственной, политической, идеологической, экономической, исторической, географической, социальной и многих других. Необходимо также учитывать, что не существует единого шаблона, единой системы, подходящей для каждого государства. В мире нет примера двух идентичных государств. Разработка такой системы – большой и сложный труд. Только для того чтобы идентифицировать все необходимые составляющие, понадобится масса времени, а последующая их разработка и выполнение может затянуться на многие годы, если не десятилетия.

В мировой политической истории существует немало примеров существования великих держав, их восхождений и падений. Пока не вполне ясно, каким образом то или иное государство получало уникальную возможность стать мировым лидером. Было ли это случайным стечением обстоятельств или результатом целенаправленных изменений – в большинстве случаев так до конца и останется загадкой. Вместе с тем, будущее во многом зависит от нас самих. И сегодня в мире информационных технологий у человека есть инструменты создания лучшего общественного и государственного устройства, как минимум, в рамках одной страны.

Что касается России, то опыта в реорганизации общества у нее больше, чем у кого бы то ни было: крещение Руси, Петровские реформы, отмена крепостного права и преобразования второй половины XIX в., Февральская революция, распад СССР и становление РФ – все это ценнейшая историческая информация, важный социополитический и этнокультурный код нации, на основании которого можно вывести ту правильную формулу, ту «систему», выполнение которой приведет нашу страну и все общество к изменениям в лучшую сторону.

Делиберативная демократия.

Байкова Е.В.

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

Факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: Baykova107@mail.ru

Демократия традиционно понимается нами, как власть большинства, или власть народа.

При таком виде демократии, часто называемом "прямой мажоритарной системой", решения принимаются на основе мнения большинства. Референдумы, всеобщие социологические опросы, одноэтапные выборы являются элементами именно такой демократии. В результате процесс разработки политики чрезмерно упрощается, а способность общества решать сложные общественные проблемы снижается.

Кроме того, нередко такая демократия на деле оказывается завуалированной формой аристократии, при которой все решения в государстве принимаются небольшой группой лиц и подаются ими, как воля народа.

Однако, не стоит думать, что к 21 веку демократия полностью исчерпала свои ресурсы, как самая гуманная форма правления. Это не так. Сегодня весьма интересной представляется делиберативная демократия.

Можно утверждать, что в контексте российской политики делиберативная демократия восходит корнями к Новгородскому вече и Боярской республике.

Делиберативная демократия в сравнении с демократией в общепринятом смысле представляет собой нечто иное. Она привносит в политику голос граждан, живой и действенный, не тот, который ассоциируется просто с общественным мнением, определяемым социологическими опросами, простым голосованием или с каким-либо протестом. Основным инструментом функционирования делиберативной демократии в повседневной жизни общества является так называемый "делиберативный форум".

Такие форумы представляют собой строго регламентированное обсуждение, согласно определенному формату. Еще до форума организаторы – часто это инициативная группа из числа активных граждан – разрабатывают формат обсуждения проблемы. Участники форума, соблюдая этот формат при помощи подготовленных модераторов (людей, ведущих форум), проходят следующие этапы форума:

1. Участники делятся своим опытом личного столкновения с обсуждаемой проблемой.

2. Модератор знакомит участников с сущностью проблемы и тремя – четырьмя основными подходами к ее практическому решению, преимуществами и издержками каждого из подходов. Подходы формируются на основе изучения общественного мнения.

3. Участники тщательно обсуждают все представленные подходы к решению проблемы и достигают консенсуса по наиболее приемлемому подходу. Важно отметить, что "делиберация" (обсуждение) существенно отличается от "дебатов", при которых важно отстоять свою точку зрения через доказательство несостоятельности мнения оппонента. "Делиберация" предполагает обогащение своего мнения и его пересмотр после знакомства с мнением других участников обсуждения.

4. Участники разрабатывают практические действия для реализации выбранного подхода и решают, когда и как они встретятся для дальнейшего продвижения разработанных практических мер.

5. Модераторы составляют отчет о результатах форума и распространяют его среди сторон, которые могут быть заинтересованы и способны оказать влияние на решение проблемы. Отчет также распространяется через СМИ.

Подобный способ участия в политическом процессе общества, как показывает практика западных стран, является очень действенным в формировании "сведущего" гражданина и включения его в систему принятия общественно важных решений. Таким образом, делиберативная демократия предполагает воспитание ответственного гражданина, способного оценить сложность проблем, признающего законные интересы других заинтересованных групп (включая традиционных противников), генерирующего чувство общей принадлежности и единства действия и оценивающего необходимость различных уступок для достижения общественного благополучия.

Литература.

1. Сухарев М. (2005) Текст Общественное участие в управлении в Порто Алегре (Бразилия)

Выдержки из книги, изданной Всемирным Банком. Опубликовано на сайте <http://worldcrisis.ru/crisis/125628>

2. Archon Fung and Erik Olin Wright «Deepening Democracy: Institutional Innovations in Empowered Participatory Governance», Verso Press, 2003 / Углубление демократии: Институциональные инновации в полномочном соучаствующем управлении.

3. Панарин А.С. «Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы» Вопросы философии, 1994, № 12. - С. 19-31.

Информационная революция и новые формы организации в современных конфликтах.***Болгов Р.В.****Аспирант**Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, Санкт-Петербург, Россия**E-mail: rbolgov@yandex.ru*

В последние 10-15 лет появилось довольно много исследований влияния информационной революции на различные явления общественной и политической жизни. Интерес к данной проблематике обусловлен рядом причин. Во-первых, информация становится новым стратегическим ресурсом, позволяющим влиять на массы и на лиц, принимающих решения. Во-вторых, информационная революция привела к появлению программно-аппаратных средств, позволяющих более эффективно получать, обрабатывать, хранить и передавать информацию. Их внедрение в военную сферу стало важной частью еще одной революции – революции в военном деле (РВД), которая, по мнению ряда авторов, коренным образом трансформирует сущность войны. С наступлением информационной эпохи получает распространение высказанная М. Фуко инверсия идеи Клаузевица: «политика становится продолжением войны».

Наконец, важнейшим аспектом РВД оказывается изменение структуры и форм организации вооруженных сил. Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт выдвинули концепцию «сетевой войны». В «сетевой войне» основными акторами выступают многочисленные разобщенные и мелкие группы, связанные на основе не иерархического (как раньше), а сетевого принципа. Акторы сети (международные террористические организации, преступные группировки и даже организации радикальных активистов) используют новые информационные технологии и могут действовать очень слаженно, даже находясь на больших расстояниях друг от друга. В недавнем прошлом в организации таких группировок доминировали иерархические формы (например, Организация Освобождения Палестины, Ку-клукс-клан, Коза Ностра). Однако сегодня наибольшую эффективность демонстрируют такие организации сетевого типа, как Сапатистская армия национального освобождения. Они видят в использовании информационных технологий и новых форм организации возможность создавать «асимметричные» угрозы противнику и компенсировать недостаток материальных ресурсов по сравнению с мощью государств. Так, Роджер Гриффин демонстрирует это на примере организации управления у группировок крайне правых, заимствуя философский концепт «ризомы» у представителей философии постмодернизма Жюлья Делеза и Феликса Гваттари. Примечательно, что ряд исследователей (в частности, А.Г. Дугин) устанавливают прямую связь между философией постмодернизма и усилением политического экстремизма.

Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт используют термины «сеть» или «рой», а не «ризома». Эти исследователи полагают, что использование тактики роя (где одна боевая единица сама по себе неопасна, но объединённая в систему совокупность этих единиц представляет большую угрозу для противника) является залогом доминирования в современных конфликтах. При этом, как отмечает, в частности, Роджер Гриффин, сама природа такой формы организации придает особую значимость активному использованию интернета, схожего по структуре с «ризомой», через который группировка распространяет свои принципы внутри себя и налаживает связи с внешним миром.

Таким образом, можно установить систему координат «постмодернизм – информационная революция – интернет – сетевые структуры – политический экстремизм». Все элементы данной системы координат оказываются связанными друг с другом: так, устанавливается связь между постмодернизмом и сетевыми структурами, политическим экстремизмом и использованием интернета, и т.д., то есть мы имеем логическую структуру связей, также представляющей собой сеть.

Однако, несмотря на доминирование такого вида организации, сегодня в исследуемой сфере существует потенциальная опасность сращивания узлов в рамках данной структуры, что может привести к «тотализации», «массификации», «захвату власти в одни руки» (Deleuze, 1987). Такая форма организации оказывается благодатной почвой для беспрецедентной жестокости. Если в концепциях «сетевой войны» государственные структуры видят способ уменьшить количество человеческих жертв, сделать войны «бесконтактными», то у ряда организаций экстремистского толка цели противоположные – с помощью тех же информационных технологий, организуясь в сети, повысить свою боеспособность и увеличить количество жертв у противника.

Сегодня технические аспекты реализации концепции «сетевой войны» не являются главной проблемой, несмотря на временные финансовые затруднения (реализация этой концепции стоит довольно больших денег). Гораздо большей проблемой является трансформация структуры вооруженных сил государств, подразумевающая сочетание иерархических и сетевых форм организации, обеспечение взаимодействия между ними. В 1970-х гг. в СССР с большими сложностями столкнулась реализация проекта ОГАС, разработанного под руководством академика В.М. Глушкова, причем эти сложности носили не технический (технически реализовать проект «советского интернета», по мнению ряда исследователей, было вполне реально), а организационно-управленческий характер, поскольку оказалось затруднительным сосуществование иерархической формы организации с информационными технологиями, требующими «подстраивания» под них всей структуры, ее трансформацию в сторону сетевых форм. С подобными сложностями сталкивается и военно-политическое руководство современных государств при реализации концепции «сетевой войны».

Литература

1. Дугин А.Г. (2005) Мир охвачен сетевыми войнами // Независимое военное обозрение, №44 (453).
2. Туронок С.Г. (2003) Информационно-коммуникативная революция и новый спектр военно-политических конфликтов // Полис, №1.
3. Arquilla J. and Ronfeldt D. (2001) Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Santa Monica, Calif.: RAND.
4. Arquilla J. and Ronfeldt D. (2000) Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica, Calif.: RAND.
5. Deleuze G., Guattari F. (1987) A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press.
6. Griffin R. (2003) From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // Patterns of Prejudice, №37, vol.1, pp. 27-50.

Корреляционный анализ результатов социологического опроса на тему финансового кризиса в России

Ваганов Иван Егорович
студент

Московский Государственный Университет им. Ломоносова, Москва, Россия
ivan_vaganov@mail.ru

Работа представляет собой попытку более глубоко проанализировать настроения граждан в условиях финансового кризиса и сделать прогнозы о том, как эти настроения будут меняться. Результаты социологического опроса и их традиционный анализ порой не дают однозначных результатов и убедительных доказательств для выводов. Data mining, то есть более глубокое исследование с использованием математического аппарата, помогают подкрепить выводы доказательствами и найти невидимые при традиционном анализе закономерности и нюансы.

Выбранным методом исследования стал корреляционный анализ. В качестве материала для исследования были взяты результаты социологического исследования «Межрегиональный Индекс Кризисного Сознания», проведенного Ассоциацией Региональных Исследовательских Центров. Ассоциацией с 15 ноября по 15 декабря 2008 в семнадцати ключевых городах и регионах было опрошено 9000 человек. Выборка: котируемая, репрезентирующая генеральную совокупность по полу, возрасту, районам проживания.

Этапами работы были следующие действия: операционализированы итоговые данные социологического исследования, импортированы в программу SPSS. Подсчитаны корреляции Пирсона между 44 переменными. Подсчитаны корреляции Спирмана между этими же 44 переменными. Отобраны только те корреляции, где разница коэффициентов Спирмана и Пирсона не превышает 0.2. Далее были отобраны только те корреляции, которые одновременно удовлетворяли предыдущему требованию, и где коэффициент Пирсона был больше 0.5. В результате перечисленных действий была получена таблица, состоящая из пар переменных и коэффициентов корреляций.

Анализ этих результатов привёл к следующим выводам:

«Долгосрочный оптимизм» имеет обратную связь с ответами респондентов «материальное положение зависит от внешних обстоятельств». Это значит, что чем больше оптимизм граждан, тем реже они перекладывают ответственность за своё материальное положение на внешние факторы. Оптимисты больше рассчитывают на себя и уверены, что с кризисом они справятся. Одновременно с этим, чем больше в городе апатии, тем больше уверенности, что материальное положение зависит от внешних факторов.

Среди тех, кто столкнулся с невыплатой зарплат, сокращениями на предприятии и переводом на неполный рабочий день, больше уверенных, что кризис будет усиливаться, чем среди тех, кто этими проблемами не столкнулся. Логической связи здесь на самом деле нет, но связь вызвана особенностями психологии человека. Свои личные проблемы на работе граждане проецируют на экономику в целом.

Мнение граждан о кризисе формируются только на основании двух потоков информации – СМИ и личный опыт. В данном случае, коэффициент корреляции равный 0.5 между переменными «кризис будет усиливаться» и «у меня на работе уже имеют место задержки зарплат, сокращения» говорит о том, что никакие возможности СМИ не затемнят полностью эффекты личного опыта. Ещё лучше это видно на таком примере: индекс кризисных ожиданий в городе коррелирует с переменной «сокращение кадров» (корреляция равна 0.72), и с переменной «переводы на неполный рабочий день» (0.77).

Неработающие граждане пока явно чувствуют себя спокойнее, чем работающие. Среди них намного больше людей не знают о кризисе, чем среди работающих. Они же и более оптимистичны и чаще утверждают, что кризис в 2009 году будет ослабляться.

Коэффициент корреляции переменных «знаю о кризисе в общих чертах» и «при ухудшении уровня жизни буду просить помощи у государства» равен 0.56. Это можно интерпретировать как то, что люди, с кризисом лично не столкнувшиеся, имеют в голове генеральную модель поведения – «попрошу помощи у государства», «государство поможет». В то же время, чем больше людей в городе «знают о кризисе в деталях и подробностях» (то есть на них он оказал непосредственное влияние), тем меньше они рассчитывают на помощь государства, выбирая другие стратегии действия - «искать

другую работу”, “терпеть” или “бороться”. То есть, ощутив конкретные экономические проблемы, пострадавшие к своему сожалению обнаруживают, что заготовленная модель “попрошу помощи у государства” на практике далеко не всегда можно реализовать, и им приходится выбирать другие решения.

подавляющее большинство среди тех, кто желает обратиться за помощью к государству, уверено, что кризис будет усиливаться (корреляция переменных “думаю, кризис будет усиливаться” и “попрошу помощи у государства” равна 0.92). То есть, как и следовало ожидать, количество желающих получить поддержку от государства растёт по мере роста опасений об экономических трудностях в будущем. Ещё нагляднее это видно на таком примере: чем меньше значение переменной “оптимизм”, тем больше значение переменной “хочу получить помощь от государства”.

При задержке зарплаты или при сокращениях на предприятии граждане ещё сохраняют какой-то оптимизм и активность. По разному видят решение своих материальных проблем - “искать другую работу”, “терпеть”, “бороться”, “обратиться к государству”. Выделить какое-то наиболее популярное действие в этих случаях невозможно. Зато в ситуациях, когда предприятия закрываются, подавляющее большинство граждан видят решение своих трудностей в “помощи государства”. Чем больше в городе респондентов отвечает “закрытие предприятия может случиться в ближайшие несколько недель” или “если ничего не изменится, то закроют в ближайшие месяцы”, тем больше в этом городе ответов “намерен получить помощь от государства” (коэффициенты корреляции 0.81 и 0.9, то есть очень высокие и в практике встречающиеся довольно редко).

Отсюда видно, что закрытие предприятия является некоторым рубежом, за которым люди уже оставляют свои другие намерения и ждут только помощи от государства.

В итоге всю логику кризисного сознания можно выстроить в одну большую цепочку: Предприятия закрываются > растёт число уверенных, что кризис будет долгим > кризисные ожидания растут > оптимизма становится меньше > ответственность за материальное положение перекладывается на внешние факторы > потребность в поддержке государства растёт > ожидания социальной помощи растут > приветствуется более активное участие государства в экономических и трудовых отношениях > протестные настроения уменьшаются.

Институционализация права граждан на информацию о деятельности государственных и муниципальных органов в Российской Федерации

Гаталов Евгений Николаевич

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, Россия

E-mail: gitteshberg@mail.ru

В XXI веке информация становится важнейшим управленческим ресурсом (Василенко, 2005), товаром, обладающим свойством безграничности и неиссякаемости (Друкер, 2004), и, наконец, серьезным фактором большей демократизации полиархий, что позволяет говорить о становлении эры электронной демократии (digital democracy, Руденко, 2006) и электронного администрирования, объединенных под общей номинацией «электронное правительство (e-government)» (Сурин, 2006). Витальной предпосылкой тоффлеровской «3-ей волны», нового демократического мэйнстрима является право граждан на информацию о деятельности публичных органов власти (Лебедева, Федосеева, 2006). Тем не менее, до недавнего времени в Российской Федерации отсутствовали действенные механизмы и гарантии реализации этого одного

из основных политических прав (Павлушкин, 2007). Фактически право на официальную информацию является неотъемлемым атрибутом права на участие в делах государства и контроля за деятельностью публичной власти, то есть тех возможностей, ради которых Россия сделала поворот в сторону демократии в 1991 году.

Конституция РФ предусматривает ряд норм, гарантирующих гражданам реализацию их права на доступ к официальной информации (ст.15, ч.2 ст.24 – «не опубликованные законы не применяются»; ч.2 ст.24 – обеспечение возможности ознакомиться с документами, затрагивающими права и свободы гражданина) и права на участие в делах государства (ч.2 ст.3). Однако только федеральным законом от 20.02.1995 г. №24-ФЗ «*Об информации, информатизации и защите информации*» (в 2006 г. принят аналоговый закон) была законодательно оформлена норма о праве граждан на обращения в органы власти, тем не менее, само право продолжало регламентироваться нормами, принятыми еще в советское время. В соответствии с этим законом Правительство России приняло *Постановление от 12.02.2003 г. №98*, раскрывающее информацию о деятельности самого Правительства и федеральных органов власти, в том числе через сеть Интернет. Годом ранее (28.01.2002 г., №65) Правительство одобрило федеральную целевую программу «*Электронная Россия (2002-2010)*», смысл которой сводился к внедрению информационных и информационно-коммуникативных технологий в государственном управлении, устранении его фрагментарности, а также в вооружении гражданина знаниями о его правах и минимизации коррупционного личного контакта с чиновником (Солодов, 2006).

Отечественный аналог e-government предполагает за девять лет пройти три из четырех стадий развития электронного правительства: «информационное присутствие» (создание сайтов и виртуальных представительств), «интерактивное взаимодействие» (возможность электронных обращений в органы власти), «транзакционное взаимодействие» (получение государственных услуг и прохождение административных процедур через Интернет). Переход на четвертую стадию – «трансформация государственных бизнес процессов» (участие граждан-клиентов в системе принятия решений) представляется нецелесообразным в условиях демократического транзита (Сурин, 2006) и низкой степени охвата населения информационными системами общего пользования.

Логическим продолжением 98-ого Постановления стал XII-ый раздел *Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти*, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.07.2005 г. №452. Регламент определил общие контуры системы работы с обращениями граждан. Для рассмотрения обращений, поступивших по почте, отводится 30 дней, через сеть Интернет – 5 дней.

2.05.2006 г. Президент России подписал федеральный закон №59-ФЗ «*О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации*», который заменил собой все прежние советские нормы. Закон определил три вида обращений: предложение, заявление или жалоба, то есть данный акт не дает права на получение официальной информации, а лишь дает возможность получить мотивированное разъяснение. Более того, закон уже не проводит дифференциацию между почтовым и электронным обращением в части срока рассмотрения.

Еще в мае 2003 года Минэкономразвития РФ внесло в Правительство РФ проект законопроекта «*Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления*», его межведомственное согласование продолжалось довольно долго, после чего он был внесен в Государственную Думу РФ, где находится и по сей день (февраль 2008 г.). К законопроекту Минэкономразвития подготовило Концепцию обеспечения доступа к информации..., которая так и не была одобрена Правительством. Подобные законы приняты более чем в 70 странах мира (в США – The Freedom of Information Act (1966),

The Federal Sunshine Act (1976); в Великобритании – The Freedom of Information Act (2000)). Основной мотив – «нельзя осуществлять власть от имени народа и не допускать этот народ к принятию решений» (Хабриева, 2006). Таблица предлагаемых поправок, составленная думским Комитетом по информационной политике, и число их инициаторов говорит о том, что борьба вокруг законопроекта разразилась не шуточная. Основные вопросы – это категория «информация о ...», авторы поправок и Общественная палата предлагали расширить данную категорию до «информации, находящейся в распоряжении государственных органов и органов местного самоуправления», чтобы таким образом расширить действие закона на сферы и учреждения, подведомственные данным органам, которые собственно и предоставляют большую часть услуг гражданам.

Принимаемые в рамках проводимой административной реформы регламенты исполнения государственных функций и предоставления услуг и ряд федеральных законов определяют право граждан на информацию в специфических сферах (например, государственные закупки, сведения о кадастре объектов недвижимости).

Литература:

1. Василенко И.А. (2005) Информационное государство и теория государственного управления // Проблемы теории и практики управления. №1 (33).
2. Друкер П.Ф. (2004) Задачи менеджмента в XXI веке. М., стр. 48.
3. Руденко В.Н. (2006) Новые Афины, или электронная республика // Полис. №4.
4. Сурин А.В. (2006) Стратегия развития электронного правительства // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). №2.
5. Тоффлер О. (1999) Третья волна. М.
6. Лебедева Н.Н., Федосеева Н.Н. (2006) Право граждан на информацию: становление и развитие // Государство и право. №5
7. Павлушкин А.В. (2007) Правовые основы открытости власти. // Обеспечение открытости органов власти для граждан и юридических лиц. Под ред. Иванченко А.В. М. стр. 6.
8. Солодов В.В. (2006) E-government и борьба с коррупцией. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). №1.
9. Хабриева Т.Я. (2006) Административная реформа: проблемы и решения. // Административная реформа в России. Под ред. Нарышкина С.Е., Хабриевой Т.Я.

Новые технологии политико-экономической конкуренции в актуальной российской политической практике

Гнетнёв А.И.

Аспирант

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, Москва, Россия
E-mail: gnetnev@gmail.com*

В современных российских условиях, характеризующихся достаточно высоким уровнем корпоративизма активных участников политико-экономических процесса, проявляются неоднозначные тенденции, способствующие снижению качества работы «социального лифта». Сокращение возможностей для открытой конкуренции в политической сфере обуславливает тенденции поиска новых альтернативных инструментов и технологий доступа к ресурсам. Одной из таких технологий, получивших распространение в последнее время, является «политическое рейдерство».

Основные разновидности этого явления неразрывно связаны с рейдерством экономическим, так как как первым шагом к обоснованному проявлению политических амбиций является обладание определенным набором материальных активов, необходимых для их обеспечения.

Термин «политическое рейдерство» имеет, по крайней мере, четыре значения и сферы применения:

1. приобретение некоей статусной позиции (на вполне законных основаниях) вопреки негласным договоренностям и правилам поведения, сложившимся в рамках «правлящего класса»;
2. «захват» существующей структуры или института путем качественного изменения её кадрового состава;
3. теневая «покупка» или открытое «переманивание» ключевых или существенных фигур некоей организации или структуры;
4. захват и эксплуатация политического образа или идейной платформы, являющейся наиболее востребованной у электората («символическое рейдерство»).

Таким образом, технологии «политического рейдерства» во многом являются попыткой пересмотра сложившегося негласного паритета сил в регионах и на федеральном уровне, то есть способом изменения хода политического процесса за счёт внедрения в систему новых членов или перемены статуса старых. Представляется, что в будущем именно развитие обозначенных техник, наряду с традиционными избирательными кампаниями, будет играть решающее значение в трансформации структуры и состава регионального и федерального «политического класса».

Влияние наступившего во второй половине 2008 г. мирового финансового кризиса на российскую экономику, внесло определенные коррективы в сложившиеся системы отношений между хозяйствующими субъектами. Непростая экономическая ситуация (сокращение возможностей кредитования предприятий со стороны банковской сферы, фактическое снижение господдержки и т.п.) создает оптимальные условия для ещё большего распространения технологий недобросовестной конкуренции как в экономике, так и в политике. Для субъектов, заинтересованных в изменении сложившегося расклада сил в политической и экономической сфере, кризис – время активных действий. По словам заместителя главного прокурора РФ по Центральному Федеральному округу Владимира Малиновского, «сегодня рейдерство достигло таких масштабов, что уже реально угрожает развитию экономики, а отсутствие даже четкой статистики таких преступлений говорит об отсутствии единых подходов в борьбе с этим явлением» («Антикоррупционер», №1, 2008 г.).

Отметим при этом, что по сравнению с 1990-ми годами, случаев использования в политике незаконных методов борьбы стало не намного меньше. Начиная с 2000 г. политический процесс в России становился все более закрытым и кулуарным, его освещение со стороны СМИ стало выборочным. Однако это не означает, что число ситуаций, развивающихся на грани законности, сократилось. Особенно это относится к тем случаям, когда агрессором становится структура, аффилированная с господствующей элитой в лице «партии власти» - «Единой России», которая представляет собой крайне неоднородное политическое образование.

Изучение и систематизация технологий «политического рейдерства» являются одними из способов практического исследования кулуарной политики, они дают доступ к реальным наборам методов, используя которые можно добиваться значительных результатов как в регионах, так и на федеральном уровне. В этом различии кроется возможность трактовки исследуемого явления в широком и узком смысле слова. При узком понимании, термин «политическое рейдерство» можно трактовать как явление, состоящее из набора методов и технологий, позволяющих вносить коренные изменения

в сложившийся паритет сил. При широкой трактовке «политическое рейдерство» можно понимать как тактику поведения в процессе политической конкуренции.

По нашему мнению, защита от «политического рейдерства» в современных условиях должно стать одним из актуальных направлений работы для представителей «партии власти», администраций всех уровней и правоохранительных органов, так как имеются определённые тенденции, позволяющие говорить об усилении борьбы за власть в ближайшее время и, прежде всего, на местах.

Само существование рейдерства указывает на недостатки законов и иных нормативных актов, поскольку оно существует только благодаря этим недостаткам. Рейдерство – это проблема современной России. Но большинство негативных последствий рейдерских атак происходят вследствие применения рейдером противоправных мер. Силовые захваты, мошенничество, прямой шантаж – вот с чем, в первую очередь, должно бороться общество и государство.

Литература

1. Анисимов С.Н. (2007) Рейдерство в России. Особенности национального захвата. СПб.
2. Гаман-Голутвина О.В. (1998) Политические элиты России. М.
3. Гнетнёв А.И. (2007) Динамика структуры «политического класса» в России в современный период: региональный аспект // Всероссийский общественно-научный журнал «Власть», №11
4. Гнетнёв А.И. (2008) «Политическое рейдерство» как инструмент изменения структуры регионального «политического класса»// Мировая и российская политика. Сборник статей по политологическим теоретико-методологическим и прикладным проблемам истории и современности. Выпуск I. Чебоксары

Институциональные особенности выборов в Государственную Думу 2007 года и выборов Президента РФ 2008 года.

Голубкова Н.И.

Студент

*Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова,
факультет политологии, Москва, Россия.*

Natalysmile@mail.ru

После распада Советского Союза перед Россией встала необходимость практически с нуля создавать весь комплекс институционального обеспечения электоральных процессов, поэтому каждый электоральный цикл привносил определенные изменения в избирательное законодательство. Последний электоральный цикл не стал исключением. Мы хотели бы выяснить социальную значимость его изменений. В частности отмены графы «против всех» в избирательном бюллетене, отмены порога явки избирателей, увеличения заградительного барьера, для партий, баллотирующихся в парламент, ужесточения требований к регистрации самих партий, а также введения пропорциональной системы вместо смешанной. В ходе нашей работы для сравнения мы неоднократно обращались к опыту трех предшествующих электоральных циклов.

Как мы уже отметили, одним из важных институциональных изменений стало изменение типа избирательной системы. В ходе проделанной нами работы мы выяснили, что на выборах 2003 года именно существование смешанной избирательной системы наряду с рядом других институциональных механизмов определило формирование «Единой Россией» в парламенте не только абсолютного, но и конституционного большинства. Пропорциональная система больше подходит для неоднородного электорального пространства России, так как позволяет тем партиям, которые

пользуются достаточно высокой поддержкой населения по стране в целом, но по-разному поддерживаются в регионах, получать более выгодное положение, чем при смешанной избирательной системе, где они существенно уступают «партии власти». Кроме того, смешанная пропорциональная система, как мы уже отметили выше, способствует в большей степени улучшению доминирующей партии, пропорциональная же система выравнивает положение партий при распределении мандатов, хотя также подразумевает некоторые преимущества в пользу лидирующей партии.

Мы считаем, что отмена графы «против всех» в избирательном бюллетене играет важную роль в функционировании института выборов. Это связано с тем, что голосование против всех создает своеобразный резерв голосов для партий, сумевших преодолеть установленный заградительный барьер, т.к. сумма голосов «против всех» распределяется вместе с голосами партий, которые не сумели набрать необходимого количества голосов. В соответствии с логикой пропорциональной системы, голоса других партий приносят больше выгоды, тем, у кого изначально больший показатель электоральной поддержки.

Отмена норматива явки избирателей для признания выборов состоявшимися также стала новой особенностью «институционального дизайна», в рамках которого протекали федеральные выборы 2007-2008 годов. Что касается отмены норматива явки избирателей, то это нововведение не является, на наш взгляд, столь недемократическим, как об это принято писать. На наш взгляд, отмена норматива явки избирателей не является причиной того, что партия и лидер, стоящие у власти, стараются легитимировать свою нелегитимную, по сути, власть. Мы считаем, что социальная значимость явки сохранилась, примером чему может служить целый ряд мероприятий, проводимых для стимулирования участия граждан в последних выборах, что привело к действительному увеличению явки избирателей по сравнению, например, с парламентскими выборами 2003 года. При признании по причине низкой явки избирателей выборов недействительными и проведении новых выборов возможен запуск механизма так называемой «спирали молчания», который приводит к тому, что на повторных выборах побеждает актер с реально меньшим уровнем поддержки.

Следующее изменение, которое мы проанализировали, касалось семипроцентного заградительного барьера на парламентских выборах 2007 года. Главное значение повышения уровня заградительного барьера состоит в том, что он способствует снижению уровня фрагментации политической системы. Введение в российских условиях семипроцентного заградительного барьера способствует тому, что определяются главные силы на поле политической борьбы, призванные представлять интересы соответствующей социальной группы граждан, а не созданные для того, чтобы служить средством в борьбе более крупных партий за свое влияние. Важно также помнить о том, что заградительный пункт в России является «плавающим», т.е. его величина зависит от количества голосов, которые набрали партии, сумевшие преодолеть заградительный барьер.

Последнее изменение, значение которое мы рассмотрели, это ужесточение мер создания и регистрации политических партий. Мы сделали вывод о том, что введение минимальной численности политической партии наряду с повышением уровня заградительного барьера способствует снижению уровня фрагментации политической системы. Также осложняет процесс создания партий - «спойлеров», которые не отвечают требованию, предъявляемому к политическим партиям, по представлению интересов соответствующей категории граждан, а являются средством в конкурентной борьбе более крупных партий. Требование, относящееся к созданию региональных отделений, также призвано решать эти задачи. Помимо всего прочего, оно способствует тому, что происходит попытка вписать территориальное устройство партии в структуру государственного устройства. Также происходит вписывание «чистых» партийных идеологий в российские политические и социально-культурные реалии. И, несмотря на

то, что перекосов в представлении региональных интересов вряд ли удастся избежать, подобное преобразование мы склонны считать огромным достижением на пути демократизации российской политической системы, а также построения ее эффективного аппарата.

В результате нашей работы мы пришли к выводу о том, что все произошедшие институциональные изменения в сфере регулирования электоральных процессов призваны решать проблемы, выявленные в ходе предшествующих электоральных циклов, а также создают все условия для эффективного функционирования института выборов в России, несмотря на все упреки по поводу их недемократичности.

Литература

1. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 2003. Электоральная статистика. М.: Издательство «Весь Мир», 2004
2. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. 2007: Сборник информационно-аналитических материалов/ Центральная избирательная комиссия Российской Федерации.- М.: СитиПрессСервис, 2008.
3. Гельман В. Я. Избирательные кампании в России: испытание электоральной формулы. // Полис, 1996 №2.
4. Заславский С.Е. Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. – М.: Институт права и публичной политики, 2003.
5. Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России: теория, практика, перспективы. М., 2003.
6. Зотова З.М. Политические партии и избирательный процесс/ РЦОИТ. М.,2002.
7. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода. // Полис, 1998 №4.

Государственная молодежная политика в Республике Татарстан

Грачев П.В.⁶

Ассистент, аспирант

Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина,

Факультет журналистики и социологии, Казань, Россия

E-mail: stone56@mail.ru

Вопросы государственной молодежной политики на современном этапе развития общества должны рассматриваться и решаться последовательно и стабильно. Опыт работы республиканских государственных органов по делам детей и молодежи, положение молодежи убеждают, что грамотная последовательная молодежная политика – непереносимое условие прогрессивного развития общества, государственная молодежная политика в широком смысле – это внутренняя политика государства с точки зрения интересов общества и самой молодежи (Бариев, 2005).

По оперативным статистическим данным на начало 2008 года в Республике Татарстан проживало 3762,8 тыс. человек, среди них 74,7% - городское население, 25,29 – сельское. В том числе лиц в возрасте от 0 до 14 лет – 575483, то есть 15,3% от общей доли населения РТ, а лиц в возрасте от 16 до 29 лет – 868250, то есть 23% соответственно. Суммарно когорта в возрасте от 0 до 29 лет составляет 1443733 человек – 38,3%

Принятие в октябре 1993 г. Закона РТ «О молодежи» дало правовую основу для создания республиканского органа исполнительной власти, призванного на

⁶ Автор выражает признательность профессору, д.э.н. Морозовой Г.В. за помощь в подготовке тезисов.

государственном уровне решать проблемы молодежи, исходя из потребностей общества и в интересах самой молодежи. Решать не эпизодически, фрагментарно, а на основе системы действий, комплексного подхода. Республика Татарстан один из немногих субъектов федерации России, где ведением вопросами молодежи занимается специализированное Министерство – Министерство по делам молодежи, спорта и туризма РТ.

В мае 2001 г. Указом Президента РТ создано Министерство по делам молодежи и спорту Республики Татарстан, введена вертикальная структура управления. Территориальные органы по делам молодежи и спорту являются структурным подразделением Министерства. Объединение двух важнейших социальных явлений физкультуры, спорта и молодежной политики – как показывает опыт, позволяет комплексно решать проблемы формирования здорового образа жизни молодого поколения, профилактики социально-негативных явлений, развития детско-юношеского спорта.

В 2004 году доля удовлетворенных жилищными условиями составила 30,9% против 43,1% в 1994, возросла доля частично удовлетворенных – 36,1% и не удовлетворенных 28,1% (Тарасова, 2004). За прошедшее десятилетие в 2,7 раз уменьшилось число молодых людей, которым не хватало денег и приходилось экономить даже на еде. На 8% увеличилось число людей средней обеспеченности. Лиц, которые могут позволить себе лишь небольшие покупки из одежды, обуви 48,4%, тогда как 17% денег хватает исключительно на еду и самое необходимое. Необходимо отметить рост социально-экономической дифференциации: 12% покупают все, что хотят, а 11% покупают дорогие товары, предметы длительного пользования. В столице республике отмечается наиболее высокий уровень жизни, в отличие от других городов и сельской местности. В целом подобная ситуация совпадает с общероссийской. «В мегаполисах доля бедных в составе населения несколько меньше, чем в других городах, доля благополучных слоев населения - несколько больше, чем в провинциях. Но и в тех, и в других большинство населения (60%) составляют люди, имеющие примерно одинаковый уровень жизни» (Юрченко, 2006). Для молодежи в крупных городах предоставляется больше возможностей. Молодежь райцентров в настоящее время испытывает большие трудности в сфере получения необходимого образования, дополнительного обучения и последующего успешного трудоустройства. Молодежь РТ имеет в целом сравнительно невысокий уровень жизни (Бариев, 2004). Причины этого молодое поколение видит в низкой зарплате - 43,9%, отсутствие работы - 16,7%, высоких ценах - 32,3%, плохих условиях труда – 21%.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что существенно меняются предпочтения молодежи: 30% опрошенных имеют личный автомобиль. Это сказывается на отношении молодого поколения к жизни, его образу и стилю. 68,9% респондентов относят себя к гражданам средней обеспеченности. Эти притязания могут повышаться или понижаться в связи с различными событиями в жизни страны. Число россиян, претендующих на то, чтобы жить лучше большинства, значительно выросло в январе 2000г. – до 19% (1999г. – 12%). К настоящему времени это число стабилизировалось на уровне 17%. Самая заметная тенденция в «путинский» период – рост числа людей, ориентирующихся на то, чтобы жить не хуже большинства: с 46% в январе 2000г. до 55% в настоящее время (Левада, 2003). Это хороший потенциал формирования устойчивого среднего класса. В понимании молодежи РТ для успешной жизни важны (по рангу): хорошее образование, здоровье, удача, деньги, талант, умение работать с полной отдачей, влиятельные знакомые, помощь родственников, умение приспосабливаться к ситуации, авантюризм.

Анализируя полученные результаты исследования социального самочувствия молодежи Поволжья, которое проводилось в июне – октябре 2007 года в десяти регионах (Морозова, 2008), можно утверждать о бесспорной доминанте оптимистического настроения в молодежной среде.

Ее составляют респонденты, подчеркнувшие варианты ответа «я думаю, что сам выстою в любых условиях» и «я думаю, что сам выстою в любых условиях». Их доля (суммарно) составляет 57,9% и в два с половиной раза превышает число молодежи, пессимистически настроенной, отметившей, что со страхом думает о будущем, боится за своих детей, их жизнь (22,9%).

Вместе с тем, полученные данные подтверждают вывод, что в молодежном сознании укрепляется установка на собственные силы, «опора на собственные ноги». Об этом свидетельствует малая доля респондентов, рассчитывающих на помощь родителей, родственников (11,5%) и совсем незначительное число (5,7%) опрошенных, возлагающих на помощь государства.

Государственная молодежная политика за минувшее время вышла на более высокий уровень как в реализации ее исходных принципов, так и практических действий в сравнении с федеральным центром особенно за последние два года. Таковы общие черты пятнадцатилетнего развития государственной молодежной политики в Татарстане.

Литература

1. Бариев М.М. (2004) Десятилетие реализации государственной молодежной политики в Республике Татарстан: опыт, проблемы, перспективы. Казань.: УНИПРЕСС
2. Бариев М.М. (2005) Этапы формирования и стратегия развития государственной молодежной политики в Республики Татарстан. Казань.: УНИПРЕСС
3. Левада Ю. А. (2003) Уровень жизни; жизненные притязания россиян. М.: АСТЭР
4. Морозова Г.В. (2008) Научно-методическое обеспечение государственной молодежной политики в РТ. Казань.: УНИПРЕСС
5. Тарасова Н.С. (2004) Социальное положение молодежи Республики Татарстан в 2004 году. Казань.: РУМЦ
6. Юрченко В.И. (2006) Мегалополисы и провинции в современной России: образы и реальность. М.: ИС РАН

Основные причины возникновения идеи укрупнения регионов в современной России

Даутмерзаев Арби Зилаудинович

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: russterritor@mail.ru

Говоря о причинах возникновения идеи укрупнения, нужно сделать разграничение между реальной мотивацией, основными предпосылками появления идеи укрупнения регионов и системой публичной аргументации, которая используется политиками и экспертами по ходу продвижения реформы.

Основные предпосылки появления идеи укрупнения регионов:

- выстраивание так называемой «вертикали власти» с целью повышения контроля над территориями, над политическими элитами региона, над финансовыми потоками;
- выравнивание уровня экономического развития субъектов федерации, по сути означающее стремление переложить бремя финансового обеспечения т.н. депрессивных регионов на плечи экономически развитых субъектов;
- необходимость решения проблемы сложносоставных субъектов;

По словам экспертов, такая ситуация действительно порождает некоторые сложности в управлении регионами, особо остро они проявили себя в сложносоставных субъектах при внедрении «пакета Козака».

-уход от принципа формирования административно-территориального деления на основе национального фактора.

Далее, в процессе развития данного процесса, появились и другие стимулирующие объединение факторы:

-стремление губернаторов выторговать для региона дополнительные финансовые потоки, «выгоднее продать регион»;

-стремление бизнес-структур региона получить от объединения также как можно больше выгод: (лоббирование собственных интересов (получив влияние на власть нового региона можно добиться решения экономических задач); участие в инвестиционных проектах, которые могут сопутствовать укрупнению).

Заинтересованность бизнес-структур, отмечают некоторые авторы, зависит от их позиций в регионе. Предполагается, что местный бизнес теоретически должен проигрывать от объединения, поскольку при смене руководства субъекта рушатся все ранее существовавшие договоренности. Что касается крупных транснациональных компаний, то высказывается предположение, что чем меньше регионов на карте страны, тем проще им вести бизнес, наладив отношения с руководством нескольких субъектов. На практике же все может оказаться совершенно наоборот: местный бизнес оказывается заинтересован в проекте объединения, если ему удастся участвовать в инвестиционных интеграционных проектах. Крупным же компаниям иногда проще (и дешевле) работать с небольшими субъектами.

Литература

1. Административная реформа в России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 33.

Информационная война как характерное явление современного мира

Дмитриева А.Г.

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: a.g.dmitrieva@gmail.com

Термин «информационная война» в последние годы прочно вошел в политическую лексику и активно употребляется как в научной литературе, так и в СМИ. Однако встречается масса различных его трактовок, что свидетельствует об отсутствии общепринятого определения информационной войны. В условиях современного мира, подверженного процессам глобализации и углубления информатизации, влекущих возникновение информационных пространств различного уровня, конфликты перемещаются из традиционного физического пространства в принципиально иное – киберпространство, а потому исследование сущности информационных войн становится одним из самых актуальных направлений научных исследований.

Как в недавней истории, так и непосредственно в наши дни можно наблюдать множество примеров ведения информационной войны как на уровне государств («информационно-психологические операции» США в Ираке, грузино-юго-осетинский конфликт), так и на личностном уровне (очевидно, что современный человек ежедневно сталкивается с потоком самой разной информации, которую на него обрушивают СМИ). Существуют различные теоретические подходы относительно социально-психологических аспектов информационной

войны: «теория зависимости» Г.Лассуэлла, по которой человек абсолютно беззащитен перед манипуляцией СМИ; или концепция П.Лазарсфельда, который говорит о более сложном воздействии на потребителя информации через т.н. «лидеров мнений»; «теория средства» М.Маклюэна, согласно которой новые информационные технологии приводят к сменам парадигм восприятия человеком окружающего мира, и другие. Все они сходятся в одном – информационная среда обладает огромным влиянием, как на индивидуальное, так и на массовое сознание, и заинтересованные группы людей, естественно, этим активно пользуются.

Обычно в широком смысле информационную войну рассматривают как комплексную стратегию достижения информационного превосходства при противоборстве в конфликте путем воздействия на информационную среду противника при одновременном обеспечении безопасности собственной информационной среды. Как показывают последние исследования в этой области, можно выделить некоторые характерные черты информационной войны: универсальность (может применяться на различных уровнях – от личностного до международного, и при использовании различных средств); завуалированность (субъекту информационной войны не всегда очевидно деструктивное воздействие, такую войну необязательно объявлять); масштабность (чем более развиты информационные технологии, тем масштабнее урон от подобной войны и тем больше объектов в неё вовлечены); перманентность (ведется и в мирное время, и, собственно, в военное); превентивный, упреждающий характер (по сути, любой конфликт начинается информационной войной, а далее уже может следовать непосредственно «физическое» воздействие, уничтожение).

Из этого следует необходимость мер по обеспечению государством информационной безопасности – защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от преднамеренных или непреднамеренных воздействий в той или иной форме. Причем данные меры, безусловно, должны быть комплексными, а реакции на стремительно меняющуюся среду и постоянное появление инновационных технических средств и инструментов информационной войны – быстрыми и, по возможности, даже опережающими. Многие страны мира сейчас активно разрабатывают и применяют комплекс мер по защите своего общества от «информационной интервенции», осуществляемой, как известно, со стороны «монополистов» в этой области – США, Китая, Японии, стран Европы.

Россия, к сожалению, пока не принимает существенных мер в этой сфере. Для нашей страны помимо усиления государственного участия в решении проблемы, выработки национальной стратегии и осуществления адекватной информационной политики, актуальна работа по привлечению к ней внимания общественности, подготовке специалистов в этой области и созданию мощной научно-исследовательской базы.

Литература:

1. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М., 2000.
2. Лазарсфельд П. Измерение в социологии// Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972.
3. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. М., 2005.
4. Расторгуев С.П. Информационная война. М., 1999.
5. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002.

Методологическая основа исследования международных эколого-политических рисков

Дудова Т.В.

студент

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия*

tallure@gmail.com

Исследования эколого-политических рисков в международной среде начинают играть одну из доминирующих ролей в описании международных политических процессов. Под международными эколого-политическими рисками в настоящей работе понимаются возможности репутационно-финансовых издержек, связанных с деятельностью акторов на международной арене, ориентированной на благоприятный исход при принятии управленческих решений, затрагивающих социальную и экономическую сферы жизни общества и оказывающих влияние на состояние окружающей среды. В изучении международных эколого-политических рисков одной из наиболее важных проблем является проблема метода.

Методологические подходы к изучению международных эколого-политических рисков связаны со спецификой объекта исследования. Объектом в данном случае являются международно-политические процессы, характеризующиеся нелинейностью и оказывающие труднопрогнозируемое влияние на окружающую среду, а также испытывающие ответное влияние со стороны среды. Необходимо подчеркнуть, что сегодня угрозы нанесения ущерба окружающей среде напрямую связаны с политическими и управленческими решениями. Поэтому, учитывая взаимосвязь современного мира, интерференцию происходящих в нем процессов, риски необходимо рассматривать в международно-политическом аспекте, так как их возникновение является результатом сложного взаимодействия акторов, действующих на различных уровнях международных отношений. Именно этим обусловлена необходимость применения синтетической методологии к анализу ситуаций существования международных эколого-политических рисков. Она включает в себя следующие методологические подходы:

1. Традиционный историко-описательный подход позволяет рассмотреть природу международных эколого-политических рисков. В рамках данного подхода используются качественные, интуитивно-логические методы, такие как: историко-социологический, наблюдение, сравнение, изучение документов и т.д.
2. Модернистский научный подход позволяет рассмотреть международные эколого-политические риски с прикладной точки зрения, увидеть их влияние на принятие решений при реализации политического курса. В рамках данного подхода используются количественные, аналитико-прогностические и формальные методы: квантификация, моделирование, построение сценариев и т.д.
3. Системный подход позволяет рассмотреть картину международных эколого-политических рисков целостно, проанализировать их при помощи методов уровней анализа.
4. Синергетический подход. Его применение при изучении международных эколого-политических рисков позволяет исследовать, как социально-политическая система аккумулирует изменения, вызванные различными факторами, которые приводят к тому, что эти изменения приобретают качественно иной характер, приближая систему к точке бифуркации и полю возможностей, опасностей, неопределенностей и рисков, а от того, каким образом проявит себя система (какие решения будут выработаны и приняты акторами на международной арене) зависит дальнейшее будущее. В рамках данного подхода используются методы, позволяющие определить генезис риска.
5. Сетевой подход базируется на горизонтальных и вертикальных структурах управления международными эколого-политическими рисками. Он позволяет учитывать следующие особенности: наличие большого количества акторов; возможность увидеть структуру их взаимодействий целостно; в подобных сетях действуют определенные нормы и «правила игры», регламентирующие взаимодействия акторов, входящих в их состав; причем нарушение правил, тоже

является своеобразным правилом и нормой, так это вызывает ответную реакцию сети не только по отношению к окружающей ее среде, но и внутри структуры; сети обладают устойчивыми коммуникационными структурами.

Таким образом, методологической основой исследования международных эколого-политических рисков является комплекс различных методологических подходов, позволяющий рассматривать международные политические процессы с различных точек зрения. Исследования международных эколого-политических рисков представляют собой междисциплинарное направление научного знания, в рамках которого используются и модифицируются общетеоретические, общенаучные и специфические методы познания, обеспечивающие становление и прогрессивное развитие данного направления.

Библиография

1. Detlef F., Sprintz and Yael Wolinsky-Nahmias, Models, Numbers, and Cases/ Methods for Studing International relations, Michigan, 2004
2. King G., Keohane R.O., Verba S., Designing Social Inquiry: Scintific Inference in Qualitive Research, Princeton University Press, 1994
3. Rosenau J. N., Szempiel E.-O., Governance Without Government: Order and Change in World Politics, Cambridge: Cambridge University Press, 1992
4. Wallerstein I., The End of Certainties in the Social Sciences, 1997
5. Ахременко А.С., Политический анализ и прогнозирование, учебное пособие, Гардарики, М., 2006
6. Богатуров А.Д.: Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А., Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений, М., 2002
7. Ванчикова А.В., Революция как бифуркация в развитии социально-политических систем: синергетический анализ, автореферат диссертации БГУ, Улан-Удэ, 2007
8. Джус И.В., Политические риски: оценка, анализ, управление, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук, Москва, 2002
9. Кокошин А.А., Богатуров А.Д., Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ, URSS, Москва, 2005; Лебедева М.М., Мировая политика, М., 2001;
10. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б., Нелинейная динамика и хаос: основные понятия, URSS, Москва, 2006
11. Пожалов А.А., Теоретико-метолодологические основы исследования политических рисков в современной России, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук, МГУ, Москва
12. Розенау Дж., Управление неуправляемым: проблема глобального рассредоточения власти
13. Сморгунов Л.В., Политические сети, информационные технологии и публичное управление: переход от концепции «E-Government» к «E-Governance»
14. Цыганков П.А., Мировая политика: содержания, динамика, основные тенденции // *Общественные науки и современность*, 1995, № 5,
15. Цыганков П.А., Теория международных отношений, М., 2006

Политические аспекты формирования международного имиджа мегаполиса (на примере Москвы)

Заякина А.С.

Аспирантка 3-го года обучения

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

*политологический факультет, Москва, Россия
a.zayakina@mail.ru*

В условиях информационной глобализации и, соответственно, качественно нового уровня коммуникации и восприятия окружающей действительности, особую значимость приобретает имидж участников отношений (политических, экономических, хозяйственных, иных). Причем на уровне мирового политического процесса имидж становится ключевым фактором позиционирования не только для политических деятелей, но и для властных институтов, организаций, государств, регионов, мегаполисов.

В целом, «имидж» можно определить как относительно устойчивое впечатление о субъекте или объекте отношений, эмоционально окрашенный образ, имеющий характер стереотипа, и, как правило, являющегося продуктом целенаправленной (негативной или позитивной) деятельности его носителя. В качестве специфических свойств имиджа можно также выделить его моделируемость, синтетичность, практическую применимость, субъективность, так как он окончательно формируется уже в восприятии его целевой аудитории и, соответственно, коррелирует с ее сущностными характеристиками.

Имидж конструируется на основе сложившегося в сознании образа – совокупности более глубоких, иррациональных, неконкретных, стихийных представлений. Тем самым, необходимо развести понятия «имидж» и «образ», зачастую представляемых исследователями как тождественные. На базе сложившегося имиджа, в свою очередь, создается репутация, как система устойчивых долговременных мнений, причем как положительных, так и отрицательных.

Москва - столицей многонациональной страны, культурное и историческое «ядро» русского народа, политический, экономический, управленческий центр со сверхконцентрацией ресурсов. Однако автор акцентирует внимание, что оценивал Москву не просто как столицу Российской Федерации, но и как крупный мировой мегаполис, что нашло отражение в исследовании.

Во второй половине XX века новая глобальная экономика и возникающее информационное общество привели к образованию качественно новой пространственной формы - мегаполису. Мегаполис можно определить как конгломерат главного города с ближней и дальней пригородной периферией; объединенную высококонцентрированную и широкомасштабную урбанизированную среду.

Определяющей черной мегаполиса является не только его размер или численность населения, но и его роль своеобразного «узла» глобальной экономики, «центра притяжения» и «двигателя» всего региона, концентрирующего финансовые, административные, инновационные, технологические, культурно-просветительские функции. Мегаполис выступает самостоятельным актором мирового политического процесса, конструирующего собственную властную систему, в том числе, посредством влияния на информационную среду, рекрутингу наиболее динамичного населения региона и т.п.

Имидж мегаполиса можно условно определить как комплексную, взаимосвязанную, динамичную систему субъективных представлений, отражающих специфику мегаполиса как многоуровневой интеграции социальных, экономических, культурных и прочих сетей единого урбанизированного пространства.

Имидж мегаполиса формируется на основе его территориальной индивидуальности – географических, экономических, политических, культурных, социальных отличительных характеристик. Необходимо различать такие уровни имиджа (что примечательно, существенно отличающиеся друг от друга) как «внутренний», сложившийся у граждан страны, и «внешний» - у мирового сообщества. Так, с мегаполисом связана проблема неоднозначности его восприятия: с одной стороны,

психологической давлении на горожан, высокая сконцентрированность, обезличиваемость и, одновременно, крайний индивидуализм, запредельный темп жизни, жесткий стиль отношений (ассоциации с «каменными джунглями»). С другой – при всем перечисленном, притягательность жизни в мегаполисе, дающей шанс на максимальную самореализацию, сосредоточенность финансовых, человеческих, производственных, управленческих ресурсов, что приводит к экономическому, политическому, культурному доминированию в регионе или стране.

Имидж Москвы, при слабом информационном присутствии за рубежом других регионов (за редким исключением как Санкт-Петербург, Сочи и ряд других) является важнейшим компонентом имиджа всей страны. Самый простой контент-анализ зарубежной прессы демонстрирует повсеместно распространенное тождество таких понятий как «Россия», «Москва», «Кремль», что является очень показательным примером.

Высоко оценивая деятельность бизнес-сообщества по продвижению имиджа Москвы в инвестиционных целях, автор уделяет первоочередное внимание именно политическим аспектам формирования международного имиджа Москвы. Городские власти уделяют большое внимание формированию позитивного имиджа столицы, маркетинговым мероприятиям по повышению его привлекательности для туристов, бизнеса и потенциальных рабочих. Одним из первых шагов стало одобрение столичными властями 18 июля 2006 года проекта постановления «О комплексной целевой среднесрочной программе повышения международного авторитета и формирования положительного образа города Москвы на 2007-2009 годы». Основные положения этой имиджевой маркетинговой программы связаны с активной информационно-пропагандистской работой с зарубежной и российской аудиторией. Намечено продвигать Москву как город, «благоприятный для международного сотрудничества и инвестиций», «мегаполис-пилот, успешно находящий решения самых сложных городских проблем».

Москва, будучи мегаполисом, является и самостоятельным участником международных отношений. Столичные власти активно «играют» на политическом пространстве СНГ, выступая участниками в миротворческих переговорах (Южная Осетия, Абхазия), материально поддерживая соотечественников и русскоговорящих граждан соседних государств, развивая гуманитарные и культурно-просветительские проекты.

Сегодня приходит понимание, что имидж является не просто решением каких-либо информационных целей, а реальным управленческим и дипломатическим ресурсом, в существенной степени определяющий успешность политических, экономических и социальных позиций в регионе и в мире.

Литература:

1. Галумов Э. А. Международный имидж современной России: (Политологический анализ): дис. на соиск. учен. степ. док. полит. наук: 23.00.04. – М., 2004
2. Тимофеева Л.Н. Репутационный капитал России / выступление на конференции «Современный образ России: перспективы развития», МГУ им. М.В. Ломоносова, 31.01.2008
3. Федякин А.В. Формирование позитивного образа государства как задача информационной политики России: история и современные реалии – М., 2006
4. www.mos.ru (Официальный сервер Правительства Москвы)

Политическая культура: новые грани изучения

Игнатенко Ю.В.

Студентка факультета политологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: julia_mrp@mail.ru

Изучение мира политики можно осуществлять, используя различные подходы и методы, исходя из множества взаимосвязанных явлений этой важной сферы жизнедеятельности общества. При выборе категории, которая будет лежать в основании исследования, важно учитывать возможные масштабы распространения результатов проводимого анализа, а также актуальность выбранного понятия в аспекте современной политической ситуации в конкретной стране или в мире в целом. С этой точки зрения немаловажным предметом изучения является политическая культура общества. Важность подобного анализа состояния политической системы не только в отношении политических институтов и органов, но также и со стороны человека как субъекта политики, была оценена еще в середине прошлого века.

Перенесение центра тяжести эмпирических исследований с рассмотрения преимущественно институтов и структур на социально-психологические составляющие политической культуры связало макро- и микроуровни социально-политических исследований. Сам факт обращения к феномену политической культуры был подготовлен осознанием необходимости выявления механизмов достижения политической стабильности. Формированию политико-культурного подхода способствовало установление тесных междисциплинарных связей политической науки с другими дисциплинами обществоведческого блока. Своеобразным «пиком» популярности исследований политической культуры стали 60-е годы XX столетия. Подобный интерес объясняется тем, что в послевоенный период в политологии (и особенно в англо-американском ее направлении) приступили к более пристальному изучению рядового гражданина и его поведения в политической сфере. Другим важным импульсом послужила потребность выяснения несостоятельности попытки развивающихся стран копировать западноевропейские образцы при создании собственных общественно-политических и государственных систем. К анализу политической культуры подтолкнул также кризис политических систем развитых европейских стран и США, пришедшийся на роковые 60-е гг. В 1960-70-х в этих странах начала активно проявлять себя молодежная контркультура, усилились расовые волнения, сформировалось экологическое движение, выросшее из разнообразных альтернативных течений, усилилось феминистское движение, а также стала очевидной роль «четвертой власти» - СМИ. Все эти события и процессы с исторической необходимостью стали объектом теоретического осмысления, а выяснение их причин возможно было лишь с точки зрения нового концепта – политической культуры. Этого требовали изменения самих условий второй половины XX века.

За прошедшие полвека данное понятие привлекало внимание исследователей разных стран и направлений. В результате этого оно получило значительное развитие, а в последней трети XX века было осмыслено политологами заново. Девяностые годы и «третья волна» демократизации также вызвали значительный интерес к категории политической культуры, позволившей в некоторой степени отделить страны, предрасположенные к демократии, от стран, которым вследствие национально-культурных особенностей свойственно преобладание авторитарных тенденций развития. Не меньшей актуальностью обладают исследования данного концепта и в наши дни. Ведь именно политическая культура является неформальной основой принятия политических решений, причем на всех иерархических уровнях (государство, партия, группа, индивидуум). Хотя согласно некоторым исследователям политическая культура в целом не является универсальным политическим явлением, пронизывающим все фазы и этапы политического процесса, она все же представляет собой важный внутренний элемент деятельности в любой структуре. Развиваясь по собственным законам, она способна оказывать влияние на формы организации политической власти, строение ее институтов, характер межгосударственных отношений. Выступая в качестве главного

механизма адаптации к внешнему миру, обеспечивая взаимодействие всех субъектов и институтов власти и их сосуществование в рамках определенной политической системы, а также интеграцию общества посредством системы ценностей и стабильность отношений, политическая культура определяет направление политического процесса. Она находится во взаимосвязи со всеми явлениями как мира политики, так и других сфер жизнедеятельности общества, в связи с чем может использоваться в качестве механизма влияния на них. Таким образом, политическая культура выполняет роль детерминатора одновременно формы и содержания политической сферы общества (не без влияния и на другие сферы), к тому же выполняя функцию вписания каждого индивида в систему межличностных отношений. Нельзя переоценить роль политической культуры и в исследовательской деятельности как важного показателя состояния политического процесса, а также в целях объяснения новых явлений мира политики. Особенно большое значение политическая культура имеет для стран бывшего СССР и бывшего социалистического лагеря, что объясняется интенсивной трансформацией в условиях глобализации и конституционными, идеологическими, политическими и социально-экономическими изменениями. В условиях отсутствия устоявшегося законодательства в данных государствах именно политическая культура определяющим образом влияет на направление и интенсивность социально-экономических перемен. К тому же, именно в кризисные и переходные моменты политическая культура выступает в качестве решающего фактора происходящих событий. Таким образом, исследование данного феномена как в целом, так и в конкретных проявлениях на примерах различных стран, в том числе и в России, призвано служить углублению научных разработок при решении встающих перед современным обществом проблем.

Литература

1. *Гаджиев К.С.* Политическая наука: Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов. – М.: Сорос – Междунар. отношения, 1994. – 400 с.- (Программа «Обновление гуманитарного образования в России»)
2. *Колоткин М.Н.* Политология: Учебно-методическое пособие для студентов всех форм обучения. – Новосибирск, Мин. Обр. РФ, Сибирская Государственная Геодезическая Академия, 2006. (http://www.ssga.ru/AllMetodMaterial/metod_mat_for_ioot/metodichki/kolotkin_politologya/10_Polit.html)
3. *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию: Учебник для студентов высш. учеб. заведений. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 447 с.
4. *Рукавшников В.О., Лук Халман, Питер Эстер.* Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. Пер. с англ., доп. и перераб., ред. и предисл. В.О. Рукавшникова. – Москва: Совпадение, 1998. – 366 с.

Исследование деятельности Организации Объединённых Наций по обеспечению устойчивого развития.

Калинина С.А.

Студент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: svetakalinina@yandex.ru

Сегодня мир столкнулся с мировыми кризисами: финансовым, продовольственным, энергетическим. В условиях глобализации и мировой интеграции необходим комплексный подход мирового сообщества в решении

проблем. Идеалы демократического мира предполагают договорный путь поиска выходов из кризисных ситуаций. В настоящее время роль совещаний ООН имеет неоспоримое символическое значение легитимного миротворческого органа. Однако мы убеждены, что работа Организации Объединённых Наций имеет большое практическое значение в формулировании ответов на новые угрозы.

Цель данной работы - исследовать деятельность Организации Объединённых Наций по обеспечению стабильности в мире. Мероприятия и совещания, проводимые ООН и её партнёрами, являются ключевым ресурсом в формировании консолидированных решений, помогают найти оптимальные пути решения мировых проблем.

На основе документов и докладов ООН, вышедших с 1948 года, была проведена оценка эффективности деятельности Организации в области устойчивого развития. Партнёры и благотворительные фонды ООН не один год осуществляют гуманитарную помощь беднейшим странам мира. Данные Межучрежденческой группы экспертов по показателям достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации Тысячелетия ежегодно дают отчет о проведенной работе. Кроме того, согласно Декларации Тысячелетия, ООН и её партнёры взяли на себя обязательства по поддержанию мира и безопасности на глобальном уровне. Однако в 2007-2008 годах ООН показала свою несостоятельность в разрешении территориальных споров в Сербии и на Кавказе. В результате пострадали мирные жители, были нарушены права человека. Необходимо усовершенствовать работу ООН по выполнению взятых на себя обязательств.

Мир сейчас охвачен мировым финансовым кризисом. С приобретением глобальных масштабов он изменил свою природу. В этих условиях невозможно решить проблему фрагментарно, необходимо применение комплекса согласованных действий на всех уровнях. В периоды кризисов возрастает роль совещаний, проводимых ООН. Экспертные заключения сотрудников Организации Объединённых Наций и её партнёров являются источником прогнозирования путей выхода из сложившейся ситуации на мировом рынке, что представляет для нас интерес как для исследователей.

Литература

1. Федоров В.Н. Организация Объединённых Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. – М.: Логос, 2007. – 944 с.
2. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М. Гардарики, 2007. – 557 с.
3. J. Samuel Barkin. International Organization: Theories and Institutions. Palgrave Macmillan, 2006. – 185 p.
4. United Nations Handbook 2007/08. Published by the Ministry of Foreign Affairs and Trade, New Zealand. – 382 p.
5. www.un.org –официальный сайт ООН

Политическая модернизация: эволюция теории

Кирсанова Е.Г.⁷

студент

Московский государственный университет М.В. Ломоносова,

факультет политологии Москва, Россия

E-mail: e-kirsanova@mail.ru

⁷ Автор выражает благодарность профессору, д.ф.н. Коваленко за помощь в подготовке тезисов.

В результате распада колониальной системы после Второй мировой войны большое количество стран Африки и Азии обретает политическую независимость. В качестве дальнейшего ориентира развития в середине XX века в западной науке возникает концепция политической модернизации, которая была предназначена для преодоления отставания между развивающимися и развитыми странами. Условно можно выделить три этапа развития данной теории в XX веке: 1950-1960-е гг., 1960-1970-е гг. и 1980-1990-е гг.

Теории модернизации 50-60-х гг. XX столетия представляли собой одно из направлений теорий исторического развития. Теории модернизации сначала выясняли, как и насколько общества соответствуют «идеалу» – современному индустриальному обществу. В этот период господствовала идея однолинейного развития, т.е. несмотря на то, что одни страны отстают от других, в целом они движутся по одному пути модернизации. Различия между традиционными и современными обществами состояли в степени благосостояния, урбанизации, развитости средств коммуникации, образования и т.д.

Политическая модернизация предполагала: установление демократического режима исключительно по образу и подобию западного образца; вовлечение все более широких масс населения в политический процесс; способность государства к структурным изменениям в экономике.

Экономическая модернизация состояла в развитии и применении технологии, основанной на научном знании, высокоэффективных источников энергии, развитии рынков товаров, денег, труда. Другим аспектом модернизации в экономической сфере являлась тенденция к выравниванию доходов между различными секторами экономики, регионами и социально-профессиональными группами.

В социальной сфере модернизация подразумевала четкую специализацию людей, которая все меньше зависела от пола, возраста, расы, социального происхождения, а больше – от личных качеств и достижений самого индивида.

Таким образом, на первом этапе своего развития в методологическом аспекте теория модернизации основывалась на универсализме, т.е. универсальном развитии стран. Более того, процесс развития на этом этапе представлялся однолинейным. Одни страны опережают другие в своем развитии, но в целом все страны движутся по единому пути модернизации. Другими словами, все страны проходят одинаковые стадии развития и подчиняются одним и тем же законам и закономерностям эволюции.

С середины 60-х гг. сторонники теории модернизации стали постепенно отказываться от универсализма в отношении развития стран. Большое внимание стало уделяться проблеме стабильности политического развития как предпосылки для социально-экономического прогресса. В рамках второго этапа можно выделить два направления понимания фактора стабильности: консервативное и либеральное.

К представителям консервативного направления принято относить С. Хантингтона, Х. Линца, Дж. Нельсона и др. Главная проблема модернизации, по их мнению, состоит в том, что существует конфликт между мобилизованностью населения и институционализацией, т.е. наличием определенных структур, осуществляющих артикуляцию интересов данного населения. Если подобные институты отсутствуют в обществе, то процесс модернизации крайне усложняется. По мнению С. Хантингтона, только жесткий авторитарный режим, осуществляющий порядок и стабильность, может обеспечить национальное единство и переход к рыночной экономике.

Сторонники либерального подхода – Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай и др. - под основным содержанием модернизации понимали формирование открытой социальной и политической системы путем интенсификации социальной мобильности и интеграции населения в политическое сообщество. Широкое участие населения, открытая конкуренция – основные признаки эффективного преобразования традиционных обществ в современные при условии, что степень вовлеченности граждан в систему

представительной власти будет высокой. Либералы, так же как и консерваторы, большое значение придавали активному участию граждан в политическом процессе, но основной акцент переносили с создания централизованных институтов, призванных поддерживать политическую стабильность в обществе, на возможность диалога между властью и населением.

Таким образом, если либералы акцентируют свое внимание на интеграции общества на основе культуры, образования, религии и т.д., то консерваторы – на создании авторитарной власти, так как стабильность, четкая организованность и порядок смогут обеспечить эффективный процесс перехода общества от традиционного в современное, а сильное правительство сможет обеспечить необходимые условия успешного проведения реформ.

В 80-е годы начинают распространяться идеи о невозможности строгого противопоставления традиции и современности. Поэтому многие авторы, не отрицая важность таких факторов, как технологический прогресс, внедрение «западных» институтов и норм, отмечают вторичность этих факторов и их зависимость от господствующих в том или ином обществе социокультурных ценностей.

Во второй половине 1980-х годов возникает концепция политического развития, основанного на сохранении социокультурных традиций без навязывания чуждых (западных) образцов. Связь между модернизацией и развитием была пересмотрена: первая стала рассматриваться не как условие второго, а как его функция. Приоритетной целью было названо изменение социальных, экономических, политических структур, которое могло проводиться и вне западной демократической модели. Некоторые теоретики (М. Леви, Д. Рюшемейер) даже пытались вывести некий закон глобальной дисгармонии, раскрывающий несовпадение социокультурного характера общества и потребностей его преобразования на основании универсальных целей. Также к исследователям данного периода относятся А. Абдель-Малек, А. Турен, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и др.

Таким образом, мы видим, что на первых порах теория политической модернизации рассматривалась только как вестернизация развивающихся стран. Постепенно исследователи стали приходить к выводу, что такой подход является односторонним, так как он не учитывает традиции тех или иных стран. Поэтому в конце XX века важное внимание стало уделяться социокультурным особенностям. Во многом это было связано с тем, что прежние концепции перестали соответствовать современным реалиям.

Литература

1. Капустин Б.Г. (2001) Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис, № 4.
2. Красильщиков В.А. (1998) Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М. «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН).
3. Хантингтон С. (2003) Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН).

Формирования Северной национальной политики России: от идеалов к объективной реальности.

Кислицына Д.О.

Студентка

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет политологии, Москва, Россия.*

E-mail: darya_kislitsina@mail.ru

Термин «Северная политика» практически не распространен в современном научном дискурсе, тогда как в зарубежных северных странах (США, Канада, Дания, Норвегия, Исландия, Балтийские страны) применяется достаточно широко. Именно эти страны были инициаторами создания таких структур как Совет государств Баренцева моря, Арктический совет, Северный Совет, Северный форум, Северное измерение ЕС и другие, членом большинства которых является и России.

Несмотря на это региональная политика России характеризуется отсутствием вектора северной национальной политика, равно как и отсутствием государственной доктрины работы с Севером. Формирование принципов подобной политики – актуальная задача современной повестки дня. Еще Ломоносов отмечал, что могущество России будет прирастать Сибирью и Северным Ледовитым Океаном. История подтверждает этот тезис. А с развалом СССР и, по сути, превращением России в северную державу необходимость конструктивной программы работы с Севером как никогда актуальна. Напомним, что сегодня Север – это 2/3 территории страны (24 субъекта), 10.7 млн. человек, 20% ВВП, 60% валютных поступлений от экспортного потенциала в федеральный центр, 4/5 объема производства от предприятий по добыче и переработке природного сырья, топлива и энергетики, 18% электроэнергии, 25% продукции лесопромышленного комплекса страны, 20% государственной границы, стратегический территориальный и экологический резерв, причем не только в национальном, но и в мировом масштабе.

При этом геополитический потенциал этих территорий остается недооцененным. Долгое время Север рассматривался в основном как сырьевой придаток, зона, непригодная для нормальной жизнедеятельности. Но в последние годы приходит понимание, что сырьевой сценарий себя изживает, необходимо переходить на инновационный; что Северные территории требуют особого подхода и игнорирование интересов этих территорий может пагубно отразиться на могуществе и имидже страны.

Показательно то, что на официальном уровне отсутствует четкий механизм работы, не принято ни одной концепции, регламентирующей комплексную политику по отношению к Северу. Единственный документ – это доклад «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Севера». Этот документ был подготовлен рабочей группой Госсовета в 2004 году. По прошествии пять лет со дня его выхода, можно констатировать, что никаких глобальных решений не принято. Думается, что происходит это потому, что в разрабатываемых документах, несмотря на четко прописанную экономическую, экологическую, социальную составляющую, не делается должного акцента на чисто государственном, политическом значении. В чем оно состоит? В том, что северные территории – это колоссальный национальный ресурс и мощнейший политический потенциал в руках государства, точка, где внутренняя и внешняя политика должны быть едины.

Что происходит сегодня? Единственной структурой, которая реально занимается Северной проблематикой, является Комитет СФ по делам Севера и малочисленных народов. Благодаря деятельности комитета был разработан и ныне действует ряд важных законов («О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», «О реформировании системы государственной поддержки районов Севера» и т.д.). На уровне исполнительной власти, в рамках министерства регионального развития функционировал департамент по делам Севера. Недавно он был расформирован, в связи с отсутствием реальной деятельности. Решение это представляется абсолютно несоответствующим современным реалиям, все возрастающему интересу к Северу и Арктике. Так, необходимо восстановить департамент, либо воссоздать его прообраз в рамках другой структуры, например Совета безопасности.

Мировое сообщество начало битву за Арктику. В РФ принят документ «Об основах государственной политики в Арктике до 2020 года». России выражает обоснованные претензии на занятие соответствующей размерам страны части шельфа. Однако стоит понять, что пока не будут решены проблемы на русском севере (переход на инновационный тип экономики, освоение труднодоступных территорий, обеспечение достойного уровня жизни граждан), рано говорить об освоении Арктики. Возможен вариант того, что развитие Севера станет промежуточным этапом на пути обоснования в Арктике, это обеспечит большие дотации в регионы. Но этого недостаточно, требуется, чтобы Северная политика стала национальной идеей, а развитие и поддержка северных территорий – объективной реальностью.

Сегодня мы можем говорить о начале формирования северного вектора региональной политики государства. Так, осуществляется работа над концепцией ФЦП «О социально-экономическом развитии коренных малочисленных народов Севера до 2015 года». В соответствии с Указом Президента образуется Государственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Иркутской и Читинской областей. На наш взгляд, это направление необходимо комплексно развивать, создавать и поддерживать работу структур, ориентированных на северную тематику, взаимодействовать с международными организациями (о которых упоминалось выше) для перенятия опыта и новаций. Не оправдали себя механизмы полного государственного контроля и пришедший ему на смену 90-е годы механизм экономической либерализации, поэтому эффективной представляется модель, основанная на взаимодействии государства и частного партнерства. Будущее России за Севером, и как отметил Президент Медведев, «если мы говорим о судьбе региона, который имеет не только важное экономическое и социальное..., но и пограничное, политическое значение, то у нас есть только один сценарий – сценарий развития региона, а не его стагнация».

Литература.

1. Лексин В.Н. (2008) Федеративная Россия и ее региональная политика. М., 2008.
2. Олейник Г.Д. (2008) Проблемы сурового края // Российские вести (17-24 декабря 2008).
3. Петров Ю.Д. (2000) Государственная политика и механизм сохранения малочисленных народов Севера. М., 2000.
4. www.severcom.ru (Комитет СФ по делам Севера и малочисленных народов).
5. www.kremlin.ru (Президент РФ).

Российская внешняя политика: основные направления

Королёв П. А.

Студент гуманитарного факультета

Тульский государственный университет, Тула, Россия

E-mail: legatx@mail.ru

Благодаря удачной конъюнктуре на энергетическом рынке и разумной макроэкономической политике правительства, России удалось создать такую позицию в мировой расстановке сил, какой у неё не было с середины 1980-х гг.

Россия воспользовалась этой позицией, чтобы вновь заявить о себе на международной арене как о великой державе - автономном центре силы и влияния.

В соответствии со стратегией развития до 2020 г. РФ предстоит занять пятое место в мире по ВВП, создать многочисленный средний класс и стабильную политическую систему, опирающуюся на принцип многопартийности. Россия будущего будет на

равных конкурировать с США, ЕС и Китаем и станет интеллектуальным центром XXI века. Но на сегодняшний день ситуация достаточно далека от провозглашённых целей.

Сегодня в российской внешней политике не наблюдается полноценной стратегии, но есть тактика, основанная на прагматизме и сохранении реактивной специфики. Между тем крайне важно определиться будет ли внешняя политика страны инструментом дальнейшего оказания давления или станет ресурсом модернизации системы международных отношений.

В СНГ Россия явно доминирует, но не имеет статуса безусловного лидерства. Отношения с рядом бывших советских республик напряжены, а с некоторыми прекращены. Партнерство ЕС и России стало окончательно прагматическим и основывается, прежде всего, на торговле энергоресурсами. ЕС не стремится обмениваться активами с РФ, что приводит к восприятию объединённой Европы в качестве конкурирующего актора. Охлаждение политических отношений с США считается естественным следствием усиления России. Широкое распространение в элитном дискурсе двух государств принимает идея новой «Холодной войны».

В отношениях с Китаем Россия также скорее следует инициативам своего партнера.

Отношения России с Японией и Южной Кореей развиваются ещё медленнее, чем с Китаем. Токио и Сеул практически не вовлечены в процесс модернизации Дальнего Востока. Ускоренное экономическое развитие Индии никак не оказывает влияния на проводимую Москвой внешнюю политику. Наблюдается усиление российского присутствия на Ближнем Востоке. Ведя постоянную войну с исламистами, сепаратистами и террористами, Россия сумела избежать обострения противоречий с ключевыми мусульманскими странами. Ей удалось наладить отношения с новыми государствами в Среднеазиатском и Каспийском регионах.

Увеличивается присутствие России в Латинской Америке. Это вызвано взаимным желанием ряда латиноамериканских государств и российской правящей элиты уменьшить политико-экономическое влияние США в регионе.

Проведённое исследование показало, что в целом наблюдается усиление геополитического влияния РФ в наиболее важных для Москвы направлениях. При этом отсутствует детально проработанная стратегия внешней политики, что частично компенсируется тактикой со значительным элементом прагматизма.

Литература

1. Евангелиста М. (2002) Геополитика и будущее Российской Федерации // Полис, №2.
2. Семченков А. (2005) Геополитическая стратегия России: выбор оптимального варианта // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки, №3.

Глобализация как реальность XXI века

Косоруков А.А.

Аспирант факультета политологии

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: artem-1985@yandex.ru

Глобализация является объективным явлением современного мира, которое, воздействуя на мировое сообщество, приводит его к новому состоянию. Многие из процессов в различных сферах, которые до этого протекали локально или регионально, теперь обретают характер глобальности, воздействуют практически на все государства, например: в политической сфере они способствуют размыванию суверенитета наций,

появлению наделённых всё большими полномочиями наднациональных органов власти, в экономической – глобальному разделению труда, интеграции национальных экономик в мировую экономику, в социальной – увеличению и в количественном, и в качественном отношениях взаимозависимости социумов вследствие интенсификации информационного взаимодействия, в культурной – формированию новой глобальной идентичности, в военной сфере они проявляются в виде глобального радиуса действия вооружённых сил и в ядерном сдерживании. Таким образом, любое локальное событие может иметь глобальное значение.

Глобализация способствует уменьшению разницы между внешней и внутренней политикой государства. В результате, это позволяет значительно увеличить степень политического участия во всём мире. Происходит транснационализация политики, когда рост числа межправительственных и неправительственных международных организаций приводит к формированию предпосылок единой международной бюрократии. Всё это создаёт принципиально новую политическую реальность, основанную на глобальных институтах информационной эпохи.

Глобализация несёт с собой как возможности для развития, так и угрозы самому существованию человечества в виде глобальных проблем. Возникают как минимум два подхода: 1) изоляция от глобализации с целью предотвращения всех её издержек, 2) использование глобализации как панацеи от всех проблем. Но, в любом случае, императивом глобализации и отношения к ней является увеличение управляемости человеческого развития.

В глобализации следует выделять процесс и состояние. Как постоянно развивающийся процесс глобализация существовала всегда, так как сам исторический процесс имел тенденцию идти от локальных сообществ людей к глобальным образованиям, но как о качественно новом состоянии развития человеческой цивилизации о глобализации можно говорить лишь со второй половины XX века. Как отмечает Р. Робертсон, глобализация представляет собой целый ряд процессов, которые объединяют мир.

Глобализацию следует отличать от глобализма, который определяется Бекком как идеология господства мирового рынка, так как появились уже достаточное количество глобальных акторов, имеющих иной взгляд на глобализацию (Китай, Индия). Помимо этого, глобализация отличается от глобальности, под которой понимается состояние, при котором мы уже находимся в несформировавшемся мировом обществе.

В конце XX – начале XXI вв. мировая экономика сделалась по-настоящему глобальной. Это стало возможным благодаря созданию новой инфраструктуры, основными компонентами которой стали компьютерные информационно-коммуникационные технологии. Они позволили окутать все социумы различными сетевыми структурами, активно влияющими на создание более глобализованного общества.

Говоря о процессе глобализации, следует отметить, что государство-территория было продуктом уникальных сочетаний исторических условий. Эти условия исчезают. Современные тенденции подрывают государство и систему государств. Политика поиска идентичности становится одной из главных целей глобализации. Государственные границы уже не совпадают с границами влияния глобализационных процессов со стороны разных субъектов. Территория глобализируется и виртуализируется. Хотя международный порядок построен на принципе нерушимости границ, формальном равенстве всех государств, суверенитете, глобализация ставит этот принцип под угрозу своей повседневной практикой.

Государствам начала XXI века свойственно стремление после окончания идеологического раскола мира найти новую идентичность, например, это проявляется в этническом ренессансе, усилении требований по формированию национальных, этнических автономий или образованию суверенных государств.

В условиях более динамичного и открытого мира происходит усиление влияния гражданского общества как источника власти и легитимности. Во многом, это происходит через распространение горизонтальных организаций, построенных по принципу сетевых структур, неподконтрольных государствам и могущих подрывать авторитет и легитимность государства, способствовать насаждению антигосударственной идеологии. Сетевые организации подразделяются на два вида: горизонтальные (взаимодействие государственных и негосударственных организаций) и вертикальные (супернациональные организации транснационального уровня).

Глобализация немыслима без рассмотрения человека как главной причины и следствия глобализации. В постиндустриальных странах инвестиции в человека являются наиболее важными. Целью глобализации является увеличение возможности отдельного человека влиять на происходящие вокруг него процессы, на развитие общества и всей человеческой цивилизации.

Литература

1. Богомолов Б.А. Глобализация: некоторые подходы к осмыслению феномена // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2004. №3, стр. 111.
2. Ильин М. В., Иноземцев В. Л. Введение. Мегатренды мирового развития. Москва. «Экономика», 2001.
3. Уткин А.И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития // Полис, 2000. №1, стр. 41.
4. Федякин А.В. Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве: «круглый стол российских и польских учёных // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2005. №2, стр. 48.
5. Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept // Global Culture. Ed. by M. Featherstone. London, 1990.
6. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. 341 p.

Республика в политических учениях русской оппозиции XIX в.

Кочетков Егор Евгеньевич

Аспирант

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия*

E-mail: egor_kochetkov@mail.ru

Первым революционером-республиканцем был А.Н. Радищев, который оказал существенное влияние на становление и развитие республиканских идей декабристов. Исходя из того что «самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние»[5], Радищев видел образец народного правления в древнем Новгороде. А Новгород, как известно, представлял собой феодальную республику. Кишиневскому декабристу майору В.Ф. Раевскому, на военном суде вменялось то, что на уроках в полковой школе он характеризовал русскую монархию как деспотически управляемую, а при республиканском правлении, считал он, «народ выбирает сам себе начальников и сам для себя делает законы»[6]. Несмотря на существование среди декабристов различных взглядов на будущее общественно-политическое устройство России, колебания одних и переход с республиканских на конституционно-монархические позиции других, господствующим течением все же было республиканское. Выдающимся документом конституционного творчества республиканского крыла декабристов была «Русская правда» П.И. Пестеля[4].

Для участников декабристских кружков характерной чертой была самая высокая оценка античных республик. Декабрист П.И. Пестель писал, что «блаженные времена Греции, когда она состояла из республик», и сравнивал «величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под управлением императоров»[1]. М.В. Петрашевский, положительно оценивая римскую республику, императорский Рим считал веком «безумного деспотизма и рабского унижения»[7]. Б.Г. Белинский в римской республике видел воплощение идей свободы и патриотического служения Отечеству. Деспотизму римских императоров он противопоставлял республиканскую форму правления, демократизм, высокую общественную активность граждан Рима периода республики. Касательно республиканских традиции в самой России, декабристы искали ее в истории Великого Новгорода с его народным вечем и в западноевропейских городах-республиках.

Н.А. Добролюбов высказывался за демократическую республику, когда в решении вопросов жизнедеятельности государства будет участвовать большинство населения. Его интересовали вопросы о ее возможных размерах, административно-территориальном делении, главе государстве.

В 1859 г. Н.П. Огарев разработал основные контуры будущей русской конституции, суть которой – установление республиканского образа правления с прямыми выборами от волостей и образованием комитета министров во главе с президентом. На территории России предполагалось создание девяти союзов, состав которых определялся бы по национальному или экономическому принципу («принцип породы» и «принцип промыслов») с представительством в них центральной власти.

Главным сторонником республики в XIX в. был Н.Г. Чернышевский. Подчеркивая несовместимость самодержавия с политической свободой, он видел в республике государственную форму для перехода к «социальной демократии». Н.Г. Чернышевский, предлагал последовательный план развития России: абсолютизм переходит в конституционную монархию, а затем в самую передовую форму правления – республику.[2]

Н.А. Серно-Соловьевич, развивая идеи правильного государственного устройства, допускал возможность установления конституционной монархии в промежутке между абсолютизмом и республикой.

Как известно, реакция правительственной власти была резко отрицательной на требования установить республиканский образ правления и на упоминание о республике и конституции. Например, при Николае I в Цензурном комитете из древней истории убрали имена всех великих людей, которые были республиканского образа мыслей. И было одобрено «Наставление ректорам университетов», которое предписывало ограждать студенчество от чуждых идей республиканского или конституционного правления.[3]

Литература

1. Восстание декабристов. Материалы. Т. IV. М.; Л., 1927. С. 91.
2. О республиканской традиции в России // Советское государство и право. М., 1991. № 3. С.28.
3. О республиканской традиции в России // Советское государство и право. М., 1991. № 3. С.29.
4. Пестель П.И. Русская правда // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 2. М., 1951.
5. Радищев А.Н. Полн. Собр. Соч. В 3-х т. Т.2. М.; Л., 1941. С. 282.
6. Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1981. С. 136.

7. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 218.

ENP Energy Cooperation as an Example of Network Governance

Кустова И.Е.

Аспирантка

*Уральский государственный технический университет
Факультет экономики и управления, Екатеринбург, Россия
E-mail: Irina_Kustova@mail.ru*

After the enlargement in 2004 the EU faced the challenge to define its relations with its European neighbours to the east and the south. The effectiveness of the European Neighbourhood Policy (ENP) is often questioned, as, lacking the accession conditionality, the ENP loses the main motivation for persuading the non-member states to adopt EU rules.

In this thesis there will be taken attempts to evaluate the EU impact on the ENP countries in the energy area: what is the impact of the EU in the development of energy cooperation with the ENP countries and does the cooperation take the form of the network governance? The original arguments are the following. As there is a mutual interest in the energy area, the networks are supposed to emerge. From the other side the dual nature of energy sector can prevent the (emergence) and effective functioning of the energy network: the energy sector is quite technocratic from one side, from the other side some issues (security of supply, internal market) are politicized. Due to the limits of the paper, only the European non-member participants of ENP (Ukraine, Moldova, Georgia, Armenia, Azerbaijan) cooperation in energy area will be examined.

The EU perception of interdependence with its neighbours (to more or less extent in different areas) helps explain why possible internal threats in the EU are externalized. In the energy area the interdependence seems to be more or less obvious: EU desire to have access to markets in the transit and producing countries. The EU cooperation with the neighbours becomes the external dimension of internal policy. Sandra Lavenex bases her arguments on the concept of external governance: the possibility of applying the concept of governance (including 'old' and 'new' forms, e.g. Schimmelfennig and Sedelmeier, 2004) to the all neighbouring countries of the EU. Lavenex (2008) distinguishes two ideal-types of the EU external governance – hierarchy and networks. Network governance can be an alternative for a unilateral policy transfer through 'softer' means; it compensates weaknesses of strategic conditionality. Introducing the notion of network governance as a different form of policy, she distinguishes it from hierarchical policy transfer through conditionality. Moving away from the Community model of hierarchical integration (where institutional (organizational) inclusion means full membership) Lavenex (2008) argues that network governance offer institutional inclusion below the level of central legislative authorities (p. 941). So the 'Wider Europe' initiative, launched in 2003 can be evaluated as 'an attempt to expand the neofunctionalist model of peace' (Lavenex, 2004). The neofunctionalist approach applied in the case of the EU policy towards non-members suggests the differentiated integration with the partner in the selected policy field of mutual interest (p. 695). Such fields can be found in the so-called areas of 'soft' security, as energy. The EU influence can be evaluated in the ability to establish the sectoral governance networks as a 'basis for regulatory approximation and organizational inclusion' of non-members (Lavenex, 2008, p. 939).

The ENP in energy is outlined in the European Neighbourhood Policy Strategy Paper (2004), it finds 'improving energy network connections between the EU and its partners, as well as legal and regulatory convergence' to be 'strong mutual interests'. Concrete steps for every country are defined in Action Plans, which are built bilateral or regional initiatives.

As specified in the Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: Black Sea Synergy – A New Regional Cooperation Initiative (2007) the dialogue on energy security will promote *legal and regulatory harmonization* through the Baku Initiative and in the framework of the ENP. The Energy Community, established in 2005, sets the aims of facilitating of extending the EU internal energy market to the countries of Eastern and Southern Europe. Apart the legal extension of the boundaries (obligation to implement the relevant [acquis communautaire](#), to set up regulatory structures and to liberalise their energy markets (Energy Community)), it also provides the opening for the members the organizational boundary. The existing Fora (as Athens Electricity Forum, Gas Forum), bringing together all interested stakeholders from the industry, regulators, industry representative groups and consumers, are entitled to make conclusions, addressed to the Permanent High Level Group. The Ukraine and Moldova started the process towards possible full membership, following a decision by the Energy Community ministerial; Georgia in 2007 obtained the status of observer.

The Baku initiative, launched in 2004, is aimed to facilitate the progressive integration of the energy markets of this region into the EU market as well as provide the security of supply in the Region (Ministerial Declaration). The INOGATE Technical Secretariat is a coordination mechanism for supporting the energy cooperation under the Baku Initiative. The Ukraine, Moldova, Georgia, Azerbaijan, Armenia are participating. In the Concept Paper on Energy Cooperation between the EU, the Caspian Littoral States and their neighbouring countries the importance of further developing the co-operation in the domain of energy towards multi-annual work programmes, within the framework of policies and strategies of the European Neighbourhood Programme are proclaimed.

The INOGATE (an international energy cooperation program between the European Union, the littoral states of the Black & Caspian Seas and their neighboring countries) constitutes a network of collaborating key stakeholders. Completed and ongoing INOGATE projects shows the step-by-step inclusion of the Eastern European and Caucasus countries in the EU legal and regulatory area.

In the area of energy the networks are promoted by the EU as a result of the lack of the capacity to act hierarchically. Still the expansion of the legal boundaries is connected to the expansion of the organizational boundaries. The main objectives remain the export of the energy market model, inclusion of the ENP countries in the Single Internal Market, and the domestic implementation of the EU rules as the basis for the external governance in this area. The joint developments of the projects with jointly defined aims within abovementioned networks allow speaking about emerging energy networks. Still to some extent EU relies on hierarchical means (as inclusion of some obligation in the Action Plans) and applies to networks facing the lack of the necessary means. EU impact cannot be executed directly by the means conditionality – the obligation of the implementation of the EU rules meets the so-called ‘capacity – expectation gap’ – the EU does not possess the instrument for compliance in energy area. But the expansion of the rules (with opening organizational boundaries) through the networks with some instruments of hierarchical governance shows the certain success within the Eastern ENP countries.

Литература

1. Lavenex, S. (2004). EU External Governance in ‘Wider Europe’,” *Journal of European Public Policy* 11 (4): 680-700
2. Lavenex, S. (2008). A Governance Perspective on the European Neighbourhood Policy: Integration Beyond Conditionality? *Journal of European Public Policy* 15(6): 938-955

3. Schimmelfennig, F., Sedelmeier, U. (2004). Governance by Conditionality: EU Rule Transfer to the Candidate Countries of Central and Eastern Europe. *Journal of European Public Policy* 11 (4): 661-679.

Политическая коррупция в странах СНГ: формы и содержание

Лазарев Е.А.

*Студент факультета философии и политологии
Санкт-Петербургский Государственный Университет
E-mail: egor-lazarev@mail.ru*

Интенсивность эксплуатации коррупционного дискурса в политической повестке дня современной России и принятие многочисленных антикоррупционных программ определяют актуальность изучения проблем коррупции в категориях политической науки.

Цель настоящего исследования – раскрыть формы политической коррупции в странах СНГ и показать влияние коррупционных рынков на устойчивость политических режимов.

Республики бывшего СССР выбраны предметом для анализа не случайно. На протяжении всего периода со времени распада Советского Союза в научном сообществе не утихает дискуссия относительно сущности политических транзитов постсоветских государств от авторитарного правления (Мельвилль 2004). И если в начале пути цель определялась довольно четко – демократия, то с течением времени она все больше покрывалась туманом сложных концептов. В итоге, дошло до того, что «конечной станцией» демократического транзита для большинства бывших советских республик была определена чуть ли не диктатура.

Естественной реакцией на такое положение вещей стала идея о том, что транзитологическая парадигма себя исчерпала.

На наш взгляд, значительным эвристическим потенциалом для объяснения политических изменений в странах СНГ обладает политэкономический подход.

Настоящее исследование представляет собой попытку увязать политические процессы в регионе с рациональным выбором доминирующих акторов в рамках институциональных ограничений.

Таким образом, в методологическом плане работа основывается на принципах неоинституционализма и теории общественного выбора, что позволяет представить политический процесс как упорядоченную последовательность действий акторов, преследующих свои властные интересы и создающих для своих целей политические институты.

В центре нашего внимания – политическая коррупция – сложный комплекс политических явлений и процессов, описывающий теневое взаимодействие государства и частного сектора, во многом определяющее трансформацию политического режима.

В общем виде, коррупция – это злоупотребление государственной властью ради частной выгоды.

В нашем исследовании коррупция рассматривается как политический институт – устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий. Коррупция как политический институт задает «правила игры» для властных элит, определяет рамки взаимодействия государства и групп интересов.

Политическая коррупция представляет собой механизм распределения экономических, административных, информационных ресурсов между властными элитами и другими структурами общества.

Формами политической коррупции являются: (1) административная коррупция; (2) электоральная коррупция; (3) клиентелизм; (4) «захват государства»; (5) «захват бизнеса».

Проявления коррупции в той или иной степени свойственны всем странам. В Российской Федерации и новых независимых государствах Евразии, находящихся в состоянии политического и экономического транзита, коррупция приобрела системные формы, и оказывает серьезное влияние на характер политических изменений.

По индексу восприятия коррупции, опубликованному в докладе Transparency International за 2007 год почти все постсоветские государства имеют очень плохие показатели. (Transparency International, 2007)

При этом внимание исследователей и «борцов с коррупцией» обращено, прежде всего, на административную коррупцию – злоупотребления чиновниками своим официальным положением. Административная коррупция проявляется во взяточничестве и незаконном присвоении публичных средств для частного использования. Такие практики, безусловно, негативно сказываются на экономическом развитии и подрывают политическую легитимность, однако не оказывают существенного влияния на распределение власти в политической системе.

В то же время, нормой политических процессов в странах СНГ стала электоральная коррупция, понимаемая как коррупция, связанная с выборами. Элитные группы в России и новых независимых государствах ориентированы на расширение своих политических возможностей посредством коррупции правил и процедур демократии. Для манипулирования электоральными процессами используется «административный ресурс».

Важным моментом для понимания сущности политической коррупции на постсоветском пространстве является предложенная специалистами Всемирного Банка концепция «захвата государства». (The World Bank, 2006) Под «захватом государства» понимаются действия отдельных лиц, групп и компаний с целью повлиять на формирование инструментов государственной политики благодаря незаконной законодательной и регулятивной деятельности. Происходит изменение «правил игры» в частных интересах, коррупция институализируется. «Захват» постсоветских государств поспособствовали резкое снижение административного потенциала и «низкая плотность элитных сетей» (Гельман 2007).

Изучение динамики политического процесса в РФ и других странах евразийского региона позволяет выделить еще одну разновидность коррупции - «захват бизнеса». (ИНДЕМ, 2001) Властные элиты стремятся обеспечить теневой контроль над экономикой с целью перераспределения ресурсов в свою пользу и установления на этой основе равновесия политического режима.

Формальные институты позволяют достичь некоторого уровня демократической легитимности постсоветских режимов, в то время как политическая коррупция способствует реализации стратегии исключения из политического процесса внешних акторов, достижению гибкости при принятии решений и снижению неопределенности политических и экономических взаимодействий.

Дальнейшее влияния коррупции на политический процесс будет зависеть от того, насколько она позволит сохранить стабильность постсоветских режимов и распределение ресурсов между основными акторами.

Литература

1. Гельман В.Я. (2007) Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе). – Полис, № 2.
2. Мельвиль А.Ю. (2004) О траекториях посткоммунистических трансформаций. – Полис, № 2.
3. Фонд ИНДЕМ. (2001) Разнообразие стран и разнообразие коррупции. (Анализ

сравнительных исследований). Аналитический доклад. М.

4. Transparency International. (2007) Annual Report.

5. The World Bank. (2006) Anticorruption in Transition 3. Who is Succeeding and Why? Washington DC.

Модель нелиберальной демократии Ф. Закария: результат ускоренной демократизации

Логинова А.Г.

Студент

*Сыктывкарский государственный университет, гуманитарный факультет,
Сыктывкар, Россия*

E-mail: A_Loginova88@mail.ru

Демократизация – одна из центральных тенденций мирового политического развития второй половины XX века. Однако характерной особенностью третьей волны демократизации стал не триумф политического либерализма, о котором говорил в 1992 году Ф. Фукуяма, а успех «дефектного» варианта «нелиберальной» демократии.

Термин «нелиберальные» демократии был введен для обозначения специфических режимов новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии, которые сочетали элементы процедурной демократии и жесткого авторитаризма. Характерной чертой «новых» демократий являлся особый тип институционализации властных отношений. Конституционно управляемый процесс создания институтов сопровождался использованием неформальных практик и правил политической игры (персонализм, клиентелизм, коррупция, картели акторов и др.)

В научных кругах термин не был воспринят однозначно, поскольку он косвенно нес в себе сомнения в универсальной значимости «классических моделей» демократии, которые в зарубежной науке трактовались как единственно демократические и достойные таковыми считаться. Политолог Ф. Закария в 2003 г. «заново открыл» «нелиберальные» демократии, связав термин с постсоветской трансформацией России. Опыт российской демократии, сочетающий выборы и авторитаризм, дал исследователю толчок к определению концепта «нелиберальной» демократии. Однако подобные режимы существовали и до падения коммунизма (Латинская Америка, Индия).

По его словам в современном мире значительное число государств не было готово к усвоению демократических принципов. Это обуславливалось низким уровнем экономического развития, нарушением способа осуществления власти и пр. Большинство таких стран приступало к демократизации под давлением Запада. Результатом становилась ускоренная демократизация, следствием которой являлось построение иллюзорной демократии, которую Ф. Закария и называет «нелиберальной».

Большинство стран «третьего мира» объявляли себя демократиями сразу после обретения независимости, хотя были еще бедны и нестабильны. Как итог – появление в течение десятилетия большого числа диктатур. Действительно, во многих странах мира демократические преобразования обернулись неэффективным управлением и привели к власти откровенно диктаторские режимы (Венесуэла, Тайвань). Обретенная демократия превратилась в бутафорию, вызывающую разочарование, беспорядки и насилие.

Ф. Закария подчеркнул массовость феномена «нелиберальных» демократий, где введение конкурентных выборов произошло прежде, чем возник правопорядок. Нелиберальные демократии не отличались ни политической, ни экономической эффективностью. Их основой служил либо популизм, либо жесткий контроль над политической жизнью, а также отсутствие обеспеченного и самостоятельного «среднего класса». Таким образом, Ф. Закария справедливо утверждал, что «нелиберальные» демократии становятся следствием преждевременной демократизации.

Литература

1. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.
2. Косолапов Н. Нелиберальная демократия и либеральная идеология // www.intertrends.ru/five/014.htm.
3. Красин Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. 2006. № 4, С. 127-138.

Традиционалистский научный подход к трактовке понятия «империя»

Лопухов Дмитрий Андреевич

Аспирант

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия*

E-mail: russimperia@mail.ru

Так, традиционалистский научный подход – рассматривает империю, как крупное государственное образование, объединяющее несколько стран и народов вокруг единого политического центра. Другими словами, сторонники данной точки зрения воспринимают империю как территориально-политическую систему, объединяющую под началом жесткой централизованной власти гетерогенные этнонациональные и административно-территориальные образования на основе взаимоотношений «метрополия – колонии», «центр – регионы» и т.д. В начале XVIII в. ученым Г. Жераром было предложено понимание империи как большого государства, населенного разными народами (в противоположность царству, которое меньше по размерам и этнически однородно).

Согласно определению «Международной энциклопедии социальных наук», термин «империя» обычно используется для обозначения «политической системы, охватывающей большие, относительно сильно централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в личности императора, так и в центральных политических институтах, образовывал автономную единицу. Далее, хотя империи обычно основывались на традиционной легитимации, они часто использовали некоторые более широкие, потенциально универсальные политические и культурные ориентации, выходящие за пределы того, что было свойственно любой из составляющих империи частей».

По мнению А. Шопар-Ле Бра, признаками империи служат следующие: территория империи должна быть существенно больше, чем средняя для данной эпохи и данного региона территория государства; империя всегда этнически неоднородна; империя имеет относительно большую продолжительность существования; власть в империи монолитна и находится в руках одного лица или одной партии; стремление к неограниченной гегемонии.

Небезынтересное определение империи дает современный отечественный автор Г.Г. Феоктистов: «Империя – государственное образование достаточно большого размера, включавшего в себя в качестве составных частей территории и народы, присоединенные, как правило, военным путем и удерживаемые в руках полного или частичного подчинения силой».

Известный представитель философской и общественно-политической мысли русского зарубежья Г.П. Федотов подходил к объяснению империи с точки зрения такой науки, как геополитика. Можно было утверждать как историко-социологический

постулат, считал он, что каждое государство или даже каждое политическое образование (род, племя, Орда) непрерывно раздвигает границы своей территории за счет соседей до тех пор, пока не встретит достаточно сильного сопротивления. В результате устанавливаются более или менее твердые границы, но всегда оспариваемые, всегда подвижные. Исследователь ставит вопрос: «когда экспансия государств переходит в ту стадию, которая говорит об Империи?». По его мнению, нельзя сказать, что империя есть государство, вышедшее за национальные границы, потому что национальное государство (если связать национальность с языком) – явление довольно редкое в истории. В итоге он дает следующее определение: «Империя – это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма. Выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, но Империя, с ее особым универсальным политическим самосознанием».

Список литературы:

1. *Малявин В.В.* Гибель древней империи. М.: Наука, 1983. С. 9.
2. *Федотов Г.П.* Там же. С. 304-306.
3. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. СПб.: София, 1991. С. 304.
4. *Феоктистов Г.Г.* Империя как тип структурного деления мира (опыт классификации) // 5. *Общественные науки и современность.* 2000. № 2. С. 103.
6. *International encyclopedia of the social sciences.* In 17 volumes. Vol. 5. N.Y. – L., 1968. P. 41.
7. *Eisenstadt S.N.* The political systems of empires. N.Y., 1963.

Неоконсерватизм в США как идеология и политическая практика в трактовке неоклассического реализма

Ляховенко О.И.

Студент факультета политологии

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: evilisinside@mail.ru

Проблематике идеологии и политической практики неоконсерватизма в США во время президентства Джорджа У. Буша-младшего посвящено значительное число работ, как публицистических, так и академических. Регулярно издавались публикации, излагающие основные тезисы неоконсерватизма, велась полемика по наиболее острым вопросам. Достоинствами этого дискурса является детальный анализ имеющейся литературы, а также внешнеполитических акций США. Вместе с тем, приходится признать, что, во-первых, наряду с серьезными работами, весьма широко распространены спекуляции на тему «американского гегемонизма» или «тайного мирового правительства»/«мировой закулисы»; во-вторых, предпринято недостаточно шагов по фундаментальному изучению феномена неоконсерватизма, рассмотрению его в рамках основополагающих теоретических концепций международных отношений.

Таким образом, одной из актуальных проблем мировой политики и международных отношений становится использование ключевых теоретических подходов для осмысления и объяснения феномена неоконсерватизма. Одним из таких подходов, весьма перспективным, является неоклассический реализм Р.Швеллера.

Теоретическим источником, основой для неоклассического реализма является структурный реализм Кеннета Уолтса, рассматривающий мировую политическую систему, внешнюю по отношению к нациям-государствам, в качестве основного фактора, влияющего на поведение этих государств на международной арене. Вместе с тем, неоклассический реализм не сводит все многообразие действий государств к механическому следованию импульсам, исходящим от мировой системы. Международную политику можно представить как интерактивный процесс взаимодействия политических элит государства с внешней средой, подразумевающий выработку эффективных решений и адаптацию поведения государства к изменяющимся условиям. Кроме того, по Кристенсену, для успешной адаптации необходимо поддержание определенного уровня внутренней мобилизации общества, которое и позволяет выполнять такого рода внешнеполитические проекты. В условиях биполярности международная система обладала определенным запасом прочности. Однако в рамках однополярного мира США как единственный лидер столкнулся с необходимостью такого проецирования силы, которое существенно превышает имеющиеся у него возможности. Наш принципиальный тезис заключается в том, что для достижения успеха в исполнении внешнеполитических проектов Соединенных Штатов им понадобилось существенно увеличить уровень внутренней мобилизации, и именно неоконсерватизм выступил в роли такой идеологии и политической практики, которая обосновывала и обеспечивала соответствующую готовность США проецировать силу. Политическая практика в данном случае подтверждает (как минимум не противоречит) объяснениям, которые предлагаются теоретическим дискурсом.

Рассмотрение проблематики неоконсерватизма под углом зрения неоклассического реализма представляется перспективным направлением исследований, поскольку позволяет, с одной стороны, использовать серьезные теории международных отношений для объяснения актуальных политических событий, а с другой – проверять и совершенствовать теоретические модели на основе этих политических событий.

Литература

1. П. Бьюкенен (2006) «Правые и не-правые», М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига
2. Ф. Фукуяма (2007) «Америка на распутье», М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ
3. Thomas J. Christensen (1996) «Useful Adversaries: Grand Strategy, Domestic Mobilization, and Sino-American Conflict, 1947-58» (Princeton University Press)
4. Charles Krauthammer (2002/2003) «The Unipolar Moment Revisited»// The National Interest, Winter 2002/03.
5. Irving Kristol (2003) «The Neoconservative Persuasion»// Weekly Standard, (August 25), Vol. 8, Issue 47.
6. Randall L. Schweller (2003) «The Progressive Nature of Neoclassical Realism»// Progress in International Relations Theory: Appraising the Field, Colin Elman and Miriam Fendius Elman, eds.
7. Kenneth N. Waltz (2000) «Structural Realism after the Cold War»// International Security, Vol. 25, No. 1 (Summer), pp. 5–41.

Особенности принятия политических решений в нефтегазовом комплексе РФ **Махортов Е.А.**

студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет политологии, Москва, Россия*

E-mail: maxop@bk.ru

Прежде чем приступить к описанию проблемы, хотелось бы указать на дефицит литературы по рассматриваемой теме. Автору удалось обнаружить лишь небольшое количество материалов по отраслевому лоббированию нефтегазового комплекса в РФ. Поэтому данная работа, по возможности, направлена на устранение существующего пробела.

В настоящее время компании нефтегазового комплекса (НГК) России используются государством для решения широкого круга задач как во внутренней, так и во внешней политике. Наибольшие политические обязательства принимают на себя, естественно, хозяйствующие субъекты с государственным участием, что несет для них определенные риски. Так, в случае изменения политической конъюнктуры они могут потерять определенные преференции. Кроме того, госкомпании вынуждены участвовать в финансировании многочисленных социальных проектов. Также государство зачастую вмешивается в кадровую политику подконтрольных компаний, что мешает нормальному функционированию последних. Вместе с тем взамен они получают значительные преимущества при изменении нормативно-правовой базы, перераспределении финансовых ресурсов и выдаче лицензий.

Для правильного построения лоббистской кампании необходимо четко представлять себе иерархию органов власти, учитывая как формальные, так и скрытые взаимосвязи между политическими стейкхолдерами. Учитывая особенности политической культуры и традиции России, продвижение интересов в органах власти зачастую носит персонифицированный характер. Вместе с тем существует ряд государственных структур, которые де-юре (но не всегда де-факто) ответственны за реализацию государственной политики в НГК. В этой работе автор постарается выделить как формальные, так и неформальные центры принятия политических решений в России.

Стоит отметить, что в настоящее время сложилась относительно прозрачная система представительства корпоративных интересов в органах власти РФ. Практически при каждом государственном органе существуют различные консультативные и совещательные органы, к работе в которых привлекается и бизнес. На мой взгляд, для компаний НГК наиболее эффективным является участие в Правительственной комиссии по вопросам топливно-энергетического комплекса и воспроизводства минерально-сырьевой базы. Фактически, комиссия является открытой, цивилизованной площадкой для лоббирования своих интересов. И такие комиссии существуют практически для всех отраслей. Не может не радовать, что Правительство, наконец, начало выполнять свои прямые обязанности – выработку государственной политики развития отраслей промышленности, в т.ч. НГК. Это является существенным шагом на пути к построению цивилизованной модели лоббирования.

Однако, несмотря на обилие различных органов власти, ответственных за регулирование НГК, не все они являются определяющими в процессе принятия политических решений. Можно выделить два фактора, влияющих на положение органа власти в общей структуре управления и влияния на отрасль

Во-первых, роль руководителя того или иного органа власти. Так как политическая, так же как и экономическая система в России является строго персонифицированной, наличие сильного лидера предопределяет политический вес органа власти.

Во-вторых, существенным фактором является принадлежность руководителя к той или иной политико-экономической группировке. Чем сильнее группа, поддерживающая своего выдвигенца, тем сильнее его позиции в структуре власти.

Принимая во внимание два этих фактора, можно условно выделить иерархию ключевых институциональных стейкхолдеров по их влиянию на принятие политических решений в НГК (в порядке убывания).

1. Правительственная комиссия по вопросам топливно-энергетического комплекса и воспроизводства минерально-сырьевой базы (*И. Сечин*).
2. Экспертное управление Президента (*А. Дворкович*).
3. Государственно-правовое управление Президента (*Л. Брычева*).
4. Управление Президента по внутренней политике (*О. Говорун*).
5. Комиссия Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности (*С. Собянин*).
6. Министерство финансов (*А. Кудрин*).
7. Департамент отраслевого развития Правительства Российской Федерации (*О. Пушкарева*).
8. Министерство природных ресурсов и экологии (*Ю. Трутнев*).
9. Министерство энергетики (*С. Шматко*).
10. Федеральная антимонопольная служба (*И. Артемьев*).
11. Федеральная налоговая служба (*М. Мокрецов*).
12. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (*В. Кириллов*).
13. Федеральное агентство по недропользованию (*А. Ледовских*).
14. Федеральная служба по тарифам (*С. Новиков*).
15. Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии (*Н. Комарова*).
16. Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам (*Ю. Васильев*).
17. Комитет Государственной Думы по энергетике (*Ю. Липатов*).
18. Комитет Совета Федерации по природным ресурсам и охране окружающей среды (*В. Орлов*).
19. Комитет Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности (*О. Оганян*).

Вместе с тем, несмотря на происходящие позитивные сдвиги, не стоит скрывать, что в ряде областей государственного регулирования НГК наблюдается присутствие коррупционных схем. Наиболее ярко это видно при выдаче лицензий на поиск, разведку и добычу полезных ископаемых. В данной сфере очень часто можно встретить такие явления как подкуп конкурсной или аукционной комиссии, сговор участников с целью снижения суммы выкупа лицензии и т.д. Еще одной коррупционной областью является взаимодействие с проверяющими органами. Очень часто они используются как инструмент давления на конкурентов.

Литература

1. Василенко А.Б. (2002) Пиар крупных российских корпораций. М., ГУ ВШЭ;
2. Василенко А.Б. (1997) Российские нефтяные компании и политика в переходный период. М., Лесар;
3. Василенко А.Б. (1996) Российские нефтяные корпорации: проблемы законодательства и Государственная Дума // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. М.— № 6-7 (13-14);
4. Василенко А.Б., Разуваев В.В. (1997) Нефтяной лоббизм: опыт американских и российских корпораций // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. М. №2-3. С.77-96;

Институт «партии власти» в президентских и полупрезидентских системах***Михеева Ирина Александровна****Студент**Тульский государственный университет, гуманитарный факультет, Тула, Россия**E-mail: mixeevairina@rambler.ru*

Теория разделения властей получила в сегодняшнем мире широкое воплощение в десятках стран мира. Однако вопрос взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти до сих пор остается открытым. В первую очередь нас интересуют закономерности работы парламента и главы государства в странах, для которых характерен президентализм или полупрезидентализм, поскольку в таких системах существует потенциал возникновения конфликтных ситуаций.

Как отмечает Сартори, парадокс президентской формы правления именно в том и состоит, что исполнительная власть, будучи независимой от власти законодательной, в то же время на ней основывается, и без нее теряет свою силу (Sartori, 1994). Следовательно эффективное воплощение законотворческих инициатив президента основано, прежде всего, на продуктивном взаимодействии с политическими партиями, в особенности с теми, которые прошли в парламент. Безусловно, президент, как правило, имеет достаточное количество исключительных полномочий, зафиксированных основным законом страны (например, право вето, право издавать указы и т.п.), однако способность главы государства влиять на законодательный процесс играет весьма важную роль.

Исследователь влияния партийной системы на функционирование института президентализма Мэйнуоринг утверждает, что высокий уровень партийной фрагментации повышает вероятность конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти в странах с президентскими формами правления (Mainwaring, 1993). Нестабильность связки «президентализм – многопартийность» объясняется тем, что при таких условиях шансы пропрезидентской партии получить большинство мест в парламенте слишком малы. На основе изучения политического опыта Мэйнуоринг сделал следующий вывод: комбинация президентализма, фрагментированной многопартийной системы и недисциплинированных партий затрудняет работу президента через партийные каналы и поощряет антипартийные практики, что в свою очередь негативно сказывается на демократичности системы в целом (Mainwaring, 1993).

Еще большие проблемы для президентализма создает наличие высокой партийной дисциплины при фрагментированной партийной системе. Такая жесткая внутренняя сплоченность партий ставит значительные барьеры для создания коалиций, а значит, тормозит работу президента с парламентом в целом. В условиях низкофрагментированной партийной системы жесткая партийная дисциплина так же создает ряд препятствий эффективному управлению страной. Главная опасность кроется в том, что партийное большинство в парламенте окажется оппозиционным президенту. В некоторых случаях для минимизации вероятности развития подобной ситуации правящие элиты сами создают партии. М. Дюверже обозначил подобный тип политических организаций как партии «парламентского» происхождения, тогда как другие являются партиями «электорального» происхождения и создаются за пределами властных структур (Дюверже, 2000). Сходным образом в современной науке трактуется «партия власти», которая рассматривается в основном либо как «новая политическая элита», которая имеет возможность «вне зависимости от любых институциональных изменений оказывать определяющее влияние на развитие политического процесса» (Рябов, 1998), либо как совокупность всех институтов, структур и объединений, группирующихся вокруг государства, специфика положения которых позволяет им участвовать в определении политической жизни страны.

С одной стороны, наличие пропрезидентского большинства в форме института «партии власти» в парламенте создает президентализм в наиболее устойчивой его форме, с другой стороны, существует опасность возможного нарушения демократического принципа разделения властей.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что наиболее благоприятной партийной системой для государств с президентской и полупрезидентской формами правления является низкофрагментированная система, для которой не характерна высокая партийная дисциплина. Наиболее устойчивый вариант президентализма так же обеспечивает наличие пропрезидентского большинства в парламенте.

Литература

1. Дюверже М. (2000) Политические партии: Пер с фр. М.: Академический проект.
2. Рябов А. (1998) «Партия власти» в политической системе современной России. // Формирование партийно-политической системы в России. М.: Московский Центр Карнеги.
3. Sartori G. (1994) Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. London: Macmillan Press Ltd.

Контуры стратегии предупреждения конфликтной этнополитической мобилизации ***Парамонова М.А.***

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет политологии, Москва, Россия*

E-mail: mparamonova@yandex.ru

В полиэтнических государствах одной из сложных проблем является разработка комплекса мер в сфере национальных отношений. Значимость национальных отношений определяется их взаимосвязью со всеми сферами общественной жизни (экономической, политической, духовной), одновременной самостоятельностью, которая требует их рассмотрения как специфического объекта социального управления. Управление национальными процессами сводится к созданию благоприятных условий для развития социально-этнических общностей и этнических групп, при этом важен учет законодательства, тенденций и факторов, действующих в сфере национальных отношений.

За период с начала 90-х разработаны и приняты следующие нормативные акты: Декларация о языках народов России, федеральные законы «О реабилитации репрессированных народов», «О национально-культурной автономии». Правовой базой национальной государственной политики можно считать и Конституцию Российской Федерации (1993), Декларацию о государственном суверенитете РФ (1990) и др. Российское законодательство по вопросам национальных отношений развивается в соответствии с международным правом, включает в себя определение статусных прав народов, меньшинств. Стабилизация политической системы с начала 2000-х годов способствовала улучшению взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в разработке нормативно-правовых актов, в некоторой степени, координации сил по их практической реализации. Но, как показывает практика, совершенствование работы в области законодательства не является гарантией нормализации межнациональных отношений.

Многими современными исследователями отмечается явное несоответствие между теоретико-концептуальным и практико-политическим уровнями государственной национальной политики в России. Критика касается как содержания ряда основополагающих документов, так и мер, предпринимаемых в сфере национальных отношений.

Динамика межэтнических отношений в России в начале XXI века продолжает нести неблагоприятные тенденции к увеличению этнополитической напряженности. Факторами этнополитической мобилизации в регионах России на любом этапе развития могут стать как противоречия, идущие из исторического прошлого, так и особенности, присущие динамике текущих процессов в этнонациональной сфере. Социально-экономические успехи этноса, возможность доступа к политическим институтам, распространение языка создает условия для укрепления региональной этнической идентичности и может создавать почву для её перерождения в открытый политический конфликт. Среди факторов этнополитической мобилизации на территории республик в настоящее время особо выделяется информационно-пропагандистский (распространение идей, противоречащих консолидирующей идее гражданской нации), что требует повышенного внимания при разработке мер по нейтрализации конфликтной активности этносов. Основополагающим направлением работы по решению проблем в данной области должна стать разработка стратегии предупреждения конфликтной этнополитической мобилизации.

Стратегия предупреждения конфликтной этнополитической мобилизации представляет собой систему взглядов, приоритетов, относящихся к сфере регулирования межнациональных отношений, вопросов распределения властных ресурсов, реализации этнических групп в политической сфере. Стратегия предполагает необходимость обеспечения единства и целостности территорий Российской Федерации, с одной стороны, и проведение государственной национальной политики в интересах всех легитимных участников этнополитического процесса в современной России. Стратегия строится на концептуальной основе (учет особенностей современной этнополитической ситуации, историко-политологический анализ конфликтов с мобилизованной этничностью) и одновременно, сама может рассматриваться как часть теоретико-концептуального уровня управления этнонациональными отношениями.

Литература

1. Трофимов Е.Н. Национальная политика России. М., 2007.
2. Гербер О.А., Шадт А.А. Национальная политика в России: историко-политологический аспект XX век. Новосибирск, 2004.
3. Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. - М., 2004.
4. Национализм и формирование нации. Теории-модели-концепции. Под. ред. А.И. Миллера. М., 1994.
5. Научно-практическая конференция «Этнополитический фактор в развитии российского федерализма». Нальчик, 1999.

**Ингушетия как центр террористической активности на Северном Кавказе
(2008 г. – январь 2009 г.).**

Пащенко Ирина Владимировна

Научный сотрудник

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН,

Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: pazhshenko@mmbi.krinc.ru

Принятие Федерального закона Российской Федерации от 6 марта 2006 г. №-35 «О противодействии терроризму» позволяет говорить о том, что терроризм остается одной из основных проблем современного российского общества. Согласно п. 3 в редакции Федерального закона от 27.07.2006 г. №-153 ФЗ «террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»[3] (к числу таких действий можно отнести: убийства и покушения, захваты и удержания заложников, транспортных средств, объектов, имеющих политическое значение (посольств, штаб-квартир и т.п.), взрывы, похищения людей, поджоги и т.п.).

В Институте социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН была создана группа под руководством академика Матишова Г.Г. по изучению ситуации на Северном Кавказе. Данные, полученные из печатных СМИ, интернет источников (www.memo.ru, www.regnum.ru, www.voinenet.ru), заставляют сделать определенные выводы.

Для Северного Кавказа в целом, характерны, в первую очередь, теракты демонстративные (взрывы, расстрелы), а не скрытые (отравления, похищения неугодных лиц, запугивание, шантаж).

2007 – 2008 гг. характеризовались тем, что постепенно произошло смещение центра террористической активности. В 2005 – 2006 гг. таковым являлась Чеченская республика (она была на первом месте по количеству боестолкновений, взрывов, нападений и обстрелов). С 2007 г. ситуация стала меняться, если для Чеченской республики он был более или менее стабильным, то в Дагестане, и в особенности в Ингушетии наметились явные тенденции активизации действий террористического характера. 2008 г. в Ингушетии сложилась катастрофическая ситуация, а именно в Назрани и Назрановском районе.

Необходимо отметить, если раньше эта территория фигурировала как наиболее неблагоприятная по похищениям, то последние данные практически не несут информации о похищенных, а говорят об актах террористической направленности, последствием которых являются большие потери, как сотрудников МВД РФ, так и мирных жителей.

Город Назрань можно без преувеличения назвать «городом боевых действий». За 2008 г. здесь произведено сорок шесть взрывов различного характера и разрушительной силы (особенно опасны центральные улицы, и улицы, примыкающие к администрации, зданиям ФСБ и МВД). Совершено тридцать три нападения, жертвами, как правило, становятся сотрудники МВД, представители местных силовых структур.

Нападение на представителей силовых структур, чиновников можно считать проявлением направленного терроризма (сотрудники МВД на Северном Кавказе в последнее время являются «живыми мишенями»). Распространенной формой терроризма стали нападения и обстрелы зданий, жилых домов, зачастую обстрелам подвергаются колонны боевых машин (зафиксировано тридцать девять случаев на всем Северном Кавказе в 2008 г.). Ни один день не проходит без терактов. По частоте действий Ингушетия занимает лидирующее положение с показателем более 30 случаев в месяц.

В целом же можно отметить, что в республике Ингушетия выделяется целый пояс напряженности: Назрань, Магас, Сурхахи, Карабулак, станица Троицкая, станица

Орджоникидзевская. Несколько отделен от него Малгобек, который тоже является постоянным объектом терактов различного характера.

Смена лидера республики конечно не решила сразу всех проблем, но положительные тенденции есть, возьмем хотя бы число терактов в декабре 2008 сорок семь, в январе же 2009 г. их насчитывалось тридцать девять, при этом было проведено две спецоперации и появились целые районы, объявленные зоной контртеррористической операции (например Сергокалинский район).

Литература

- [1] В качестве эмпирической базы использовались данные, находящиеся в открытом доступе. Кроме этого – данные, собранные территориальным органом исполнительной власти в регионах.
- [2] Гушер А.И. Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия эры человечества// http://www.e-journal.ru/p_euro-st3-3.html
- [3] Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий// Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. №-35// www.consultant.ru/popular/terror/
- [4] Хлобустов О.М. Терроризм в современной России // www.rd.dgu.ru
- [5] Яковенко И. Г. Терроризм // www.krugosvet.ru

Политическое влияние российских силовых структур: динамика ресурсного измерения

Петров Д.Е.

Студент

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
юридический факультет, Саратов, Россия
E-mail: petrovdima33622@mail.ru*

Тема политического влияния «силовиков» в нашей стране по-прежнему сохраняет свою актуальность. Это связано как с действительно развитой политической субъектностью силовых структур, так и с тем интересом, которое общество проявляет к присутствию «силовиков» во власти. Комплексный характер обозначенной проблемы предполагает её изучение с различных ракурсов, в том числе и через призму политической ресурсности.

Для изучения ресурсного измерения политического влияния «силовиков» современной России нами была сформирована теоретико-методологическая матрица политической ресурсности, позволившая структурировать её на отдельные составляющие (политические ресурсы) и произвести продуктивную систематизацию собранного эмпирического материала.

Эмпирическую базу исследования составили несколько тысяч единиц периодической печати, свыше 4 тыс. биографий политико-административных деятелей различных уровней и ветвей власти, десятки нормативных актов, в том числе бюджетного законодательства, данные авторитетных социологических опросов за 14 лет, а также результаты фокус-групп, проведённых в студенческой среде. Помимо отдельных политических ресурсов изучению была подвергнута взаимосвязь проводимой

в настоящее время военной реформы с политической ресурсностью силовых структур современной России, а также влияние легализации в стране частных военных компаний на ресурсный потенциал отечественных «силовиков».

В рамках методологической базы уклон был сделан в количественные методы и в графическое отображение результатов исследования. Активно применялись такие методы, как контент-анализ, интент-анализ, биографический анализ, статический анализ, графическое моделирование. Это было сделано с целью обеспечения большей объективности и наглядности исследования. Политическая ресурсность силовых структур современной России была проанализирована как в динамическом контексте (в период с 1994 по 2008 гг.), так и в сравнении с политической ресурсностью «силовиков» других стран, прежде всего, государств ближнего зарубежья, чтобы иметь возможность объективно оценить тот объём ресурсов, который сосредоточен в руках наших «силовиков», и, следовательно, уровень их политического влияния в стране.

В результате исследования нами был выявлен стабильный рост всех заявленных для анализа составляющих политической ресурсности, которые к тому же в своей количественной интерпретации превосходят аналогичные позиции в странах ближнего зарубежья.

В политической истории постсоветской России отчётливо выделяются два периода развития политической ресурсности «силовиков», которые разделяет 2000 г., год прихода к власти В.В. Путина. До 2000 г. о развитой ресурсной базе силовых структур говорить не приходится, после же него можно отметить постепенный, но довольно стабильный рост отдельных составляющих политической ресурсности силовых структур, что свидетельствует о росте политического влияния «силовиков» в России в этот период.

Особенностью динамического аспекта политической ресурсности силовых ведомств в России является синхронность динамики различных её составляющих (рост одного политического ресурса всегда происходит вместе с ростом других политических ресурсов), что подтверждается во многом синхронным развитием финансового ресурса, ресурса общественного мнения и ресурса представительства в органах государственной власти, что было доказано на базе анализа обширного эмпирического материала.

Проведённый анализ политической ресурсности силовых структур современной России объективно подтвердил существующие представления о развитом присутствии «силовиков» в российской политике, опровергнув вместе с этим распространённый миф о засилье ФСБ во власти.

Раздельный анализ политической ресурсности МВД, армии и органов государственной безопасности (ключевых силовых структур страны) позволил выявить довольно сильные политические позиции МВД, как в сравнении с армией, так и с контрразведкой, а также варьирование ресурсных соотношений между различными силовыми ведомствами в хронологическом, территориальном и институциональном контекстах. А военная реформа 2008-2012 и легализация создания «частных армий» в этом свете могут рассматриваться как инструменты изменения политической ресурсности силовых структур.

Литература

1. Данилова Н.Ю. (2007) Армия и общество: принципы взаимодействия. СПб.: Норма.
2. Крыштановская О.В. (2005) Анатомия российской элиты. М.: Захаров.
3. Абелинские В.Э. (2007) Россия: от олигархии к милитократии // Без темы. № 3.
4. Самойлов В.И. (2006) Реформирование военной организации российского общества: функциональный подход // Вестник Московского университета. Серия 18. № 1.
5. Petrov N. (2005) Siloviki in Russian Regions: New Dogs, Old Tricks // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies, Issue 2.

**Стратегия России как политического игрока в Арктическом регионе
(информационный аспект)**

Пичугин Н.Ю.

Студент

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет политологии, Москва, Россия*

E-mail: nik_pichugin@inbox.ru

Арктическое направление государственной политики России представляет собой комплекс мер, сконцентрированных на развитии и всестороннем освоении арктических территорий, на которые распространяется суверенитет государства, а также международно-правовом оформлении внешних границ нашего континентального шельфа – получении научных доказательств принадлежности хребта Ломоносова к континентальной платформе. Реализация данных принципов предусматривает активную работу, как во внутренней, так и во внешней политике. Данный регион является уникальным по своему потенциалу и стратегическому положению – северная (арктическая) морская граница России составляет порядка 20 тыс. км; здесь пролегает Северный морской путь, стратегический маршрут международного судоходства; уже сейчас Арктика обеспечивает около 11% национального дохода России, здесь создается 22% объема общероссийского экспорта.

В рамках своего геополитического положения Арктика является единственным на данный момент регионом, не разделённым на секторы по территориальной принадлежности участков между приграничными государствами. Отсутствие надлежащего правового закрепления статуса арктического региона порождает соперничество политических игроков в их стремлении утвердить на части Арктики свои суверенные права. В связи с этим государства, претендующие на арктические территории – Россия, США, Канада, Дания, Норвегия (некоторыми исследователями выделяются так же Исландия и Финляндия), - ведут активные действия по освоению ближайших к их континентальным границам шельфовых территорий в рамках двухсотмильной зоны, утверждённой Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года. Кроме того, политическими игроками разрабатываются программные документы и стратегии, определяющие политику конкретного государства в арктическом регионе. Так, в декабре 2008 года администрацией США была обнародована директива по региональной политике в Арктике, постулирующая возможность организации ПРО, стратегического сдерживания и морского присутствия в арктических водах. В свою очередь, Совет Безопасности России разработал государственную стратегию по освоению арктических пространств; именно ей будет отведена роль «дорожной карты» России в Арктике.

Тема активного освоения арктических территорий получила широкое обсуждение в рамках мирового информационного политического пространства (ИПП), сферы публичной политики и области принятия решений. На сегодняшний день количество официальных сообщений политических акторов и комментариев и прогнозов экспертов позволяет автору говорить об оформлении в рамках ИПП отдельной повестки дня,

посвященной действиям политических акторов в арктическом регионе. В рамках этой повестки дня выдвигаются сценарии решения «арктического вопроса» о принадлежности территории и ресурсов континентального шельфа тому или иному актору, создаются модели вероятных конфликтов в Арктике (в том числе, с применением военной силы), разрабатываются стратегии действий отдельных акторов в различных ситуациях по сферам (дипломатическая, международно-правовая, военно-политическая, экономическая, информационная и др.).

Стоит отметить, что данная повестка дня в целом носит негативный характер: это связано с многочисленными заявлениями политических акторов о военном присутствии в Арктике, возможных экологических катастрофах, связанных с глобальным потеплением, неадекватном поведении коллег в ходе освоения региона. Сообщения о расширении взаимодействия между акторами и недопущении конфликтов в регионе являются формальными дипломатическими высказываниями и не перевешивают в качественном плане общий негативный характер информации. Так, в Концепции внешней политики России, утверждённой новым Президентом РФ Дмитрием Медведевым в июле 2008 года, Баренцев/Евроарктический регион и Арктика в целом заявлены как плацдарм для сотрудничества и реализации «в рамках многосторонних структур совместных проектов». Также в Концепции отмечается заинтересованность России «в дальнейшем наращивании динамики двусторонних торгово-экономических связей и инвестиционного сотрудничества, во взаимодействии в Арктике» на североамериканском направлении, а именно, в двусторонних отношениях с Канадой.

В этом отношении способствовать изменению характера повестки дня могло бы разрешение давнего приграничного спора России и Норвегии о статусе так называемой «серой зоны» в 175 тыс. км², и снятие неопределённости в отношении границы нашей страны с США по Берингову проливу. Укрепить созидательную роль России поможет развитие приграничного сотрудничества российских регионов (Мурманской, Архангельской областей, Камчатского края) с соседними государствами (Норвегией, Финляндией, США и Канадой), а также развитие самих регионов (улучшение социально-экономического и инвестиционного климата). Это поможет подкрепить тот внешнеполитический образ России, который формируется в международном пространстве: сильной, развитой, суверенной державы.

Приоритетной задачей России является формирование у мирового сообщества понимания стратегической необходимости освоения Арктики как региона, свободного от конфликтов и соперничества. Здесь важным пунктом взаимодействия может стать стремление военно-политического блока НАТО участвовать в отстаивании интересов стран-членов организации в арктическом регионе. В организации состоят четыре из пяти активных игроков на арктическом пространстве (Дания, Канада, Норвегия, США) В данном случае блок НАТО становится отдельным самостоятельным политическим актором, претендующим на фиксирование своих позиций в Арктике. При этом и страны-участники блока, как и Россия, заявляли о недопустимости милитаризации Арктики. Поэтому стратегическая задача российского внешнеполитического и военно-политического руководства – определить и документально закрепить сферы ведения политических акторов (отдельных государств, их содружеств и объединений, в первую очередь, НАТО – в военных вопросах и ЕС – в вопросах использования базы Шпицберген), ограничив для последних область компетенции.

Активная совместная работа стран-членов Арктического совета по всестороннему научному изучению потенциалов региона станет фундаментальной базой легитимного международно-правового закрепления арктических секторов за суверенными государствами. Совместные проекты финансовых структур и топливно-энергетических компаний стран в экономическом и технологическом освоении Арктики приведут к взаимовыгодному партнёрству, прибыль от которого необходимо вкладывать в развитие региона, поддержку уникальной экосистемы Арктики, сохранение культуры коренных

народов и подготовку профессиональных специалистов для дальнейшего освоения потенциала и богатств, которые хранит Арктический регион. Согласованные действия политических акторов в этом направлении снимут конфликтный потенциал повестки дня и укрепят пока только формирующийся благоприятный информационный климат в Арктике.

**Политика освоения новых территорий. Опыт России.
Позднякова Т.Н.**

Студент.

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет политологии, Москва, Россия
E-mail: valo1205@yandex.ru*

Россия со времен своего возникновения постоянно осваивала всё новые и новые территории, тем самым, расширяя границы государства. Исторически сформировавшееся в 14-15х веках ядро государства не имело четких естественных рубежей. Часто российские владения соприкасались с практически неосвоенными землями с незначительным коренным населением. К середине 17ого столетия присоединение новых земель приобрело интенсивный и устойчивый характер.

Как же Россия осваивала новые труднодоступные территории: была ли это экспансия, насильственное присоединение земель, или мирная колонизация, прежде всего земледельческое освоение и хозяйственное вовлечение в оборот новых территорий. В реальности эти процессы тесно переплетены между собой. Ещё большую взаимосвязь между ними обуславливает интеграционная политика государства, направленная на скорейшую ассимиляцию новых территорий с "основным" историческим ядром государства. Особый интерес вызывают причины, заставлявшие русский народ, обладавший просторной сравнительно со своей численностью территорией, осваивать все новые и новые труднодоступные земли, раскидываясь при этом мелкими и большей частью малолюдными поселками. Немаловажную роль сыграл геополитический фактор. Правительство стремилось обеспечить прочность границ государства. Присоединение территорий, распространение влияния России на огромные пространства укрепляло авторитет самодержавия, увеличивало имеющиеся в его распоряжении материальные возможности, улучшало военно-стратегическое положение России. Хочу отметить, что присоединение всё новых и новых пространств чаще всего было отнюдь не инициативой правительства. Государство шло вслед за первопроходцами (братья Строгановы, Ермак), оказывая им защиту, помощь, предоставляя льготы и т.д. А после того, как первоначальное освоение земель произошло, государство, решая проблемы безопасности своих границ, продолжает начатый процесс, руководствуясь уже экономическими соображениями или политической целесообразностью.

Присоединяя территории и осваивая их, русский народ адаптировал приобретенное социальное пространство как бы «под себя». происходила адаптация существующих социальных институтов: перевод этих социальных институций из разряда «этнокультурное» в разряд «государственное». Такой принцип освоения условно можно назвать гомогенным, то есть создающим однородное имперское пространство.

Так присоединялись территории Сибири и Дальнего Востока. Но к примеру, та же Финляндия, Польша, Прибалтика были присоединены как особые территории, подчиненные имперскому принципу управления. Это были своеобразные политические автономии на территории Российской империи. Такой тип освоения, можно назвать гетерогенным - создающим разнородное социальное пространство. Гетерогенное присоединение земель - это не столько освоение, сколько подчинение имперскому управлению. Таким образом, мы видим, что освоение труднодоступных территорий как расселение формирует государственную территорию Российской империи. А присоединение территорий методом подчинения имперскому управлению есть формирование территории власти (формальная колонизация).

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. А этнический фактор в свою очередь оказал весомое влияние на деятельность правительства в отношении периферии. Национальные традиции, особенности заставляли центр идти на уступки окраинам. Но, не смотря на все послабления, само соотношение властных ресурсов и полномочий центр - периферия было несопоставимо. Правительство искало опору в национальной элите, именно через неё транслировалась часть полномочий на местный уровень. Этим же можно и объяснить льготы, данные окраинным территориям, по сравнению с внутренними губерниями. Так, например, "своя" финансовая система существовала в Финляндии, новые налоги могли быть введены только с согласия местного сейма. Для другой западной окраины - Польши - конституция 1815 г. гарантировала самостоятельность в области финансов. В Сибири, правительство России было так же осторожно, хоть и менее уступчиво. На первых порах народы Сибири были обложены данью в пользу государства, ничем не отличавшейся от крестьянского тягла. Такими мерами правительство старалось всячески интегрировать окраинные территории в основное историческое ядро государства. Административно-территориальное устройство окраинных территорий было обусловлено в большой степени географическим фактором. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими, к примеру, были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах.

Следует отметить, что, несмотря на желание всё большей и большей централизации правительство понимало, что сконцентрировать всю власть в одних руках не удастся и более того это будет губительным для взаимоотношений центр-периферия. Ранее я упоминала, что властью центр делился с так называемой национальной элитой, которая и стояла во главе окраинных регионов. Только к 19 веку можно говорить о существенной интеграции так называемых окраинных территорий в общероссийское пространство. На это в значительной мере повлияло развитие средств связи и системы коммуникаций в целом. Географический и этнический факторы перестают играть столь важную роль. Теперь важнейшим стимулом политической консолидации империи стало развитие общей хозяйственной и социокультурной деятельности для русских и аборигенов. А политически консолидированное общество в свою очередь предотвращает сепаратизм отдельных территорий.

Список использованной литературы:

1. М.К.Любавский (1996) Обзор истории русской колонизации М,МУ
2. Н.А. Дьякова, М.А. Чепелкин (1995) Границы России в 17-20х веках. М, Сампо
3. Л. М. Горюшкин о роли государства в хозяйственном освоении Сибири во второй половине XIX - начале XX века (2007),Новосибирск, РИПЭЛ,

ОТНОШЕНИЯ «БОЛЬШИХ ИГРОКОВ» ВОКРУГ РЕСУРСОВ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Пугачева Е.П.

студентка гуманитарного факультета

Саратовского Государственного Социально-Экономического Университета, Саратов, Россия

Liska696@yandex.ru

Постоянный рост на углеводородное сырье и нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке заставляет промышленно развитые страны искать альтернативные источники энергоресурсов. С распадом СССР ранее закрытый Каспийский регион стал доступен для иностранных государств, где развернулась конкуренция между государствами и нефтяными корпорациями за освоение и транспортировку каспийских энергоресурсов на мировые рынки.

Целью данной работы является уяснение характера взаимоотношений таких важных стратегических игроков в Каспийском регионе как Россия, Китай, США и Европейский Союз. Для этого необходимо рассмотреть их позиции и цели, и только на основании этого можно сделать вывод о характере взаимодействия этих стран, вскрыть проблемы их взаимодействия.

Сложившаяся ситуация в Каспийском регионе характеризуется тем, что интересы региональных и внерегиональных государств тесным образом переплетаются как в энергетической области, так и в сфере международной безопасности. Это в полной мере относится к России, США, Китаю и Европейскому Союзу, которые оказались в числе ведущих игроков. Современные геополитические реалии показывают, что эти акторы мировой политики, с одной стороны, ищут пути налаживания сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе со сторонами региона, в том числе в энергетической сфере и в интересах принятия мер по устранению угрозы международного терроризма. С другой – в той или иной форме ведут «большую игру», определяемую национальными геополитическими и геоэкономическими интересами.

Главным игроком в Большой Каспийской игре, несомненно, являются США. Их политика одновременно направлена на «выдавливание» России из региона и усиление в нем своего влияния. В этой связи противовесом США выступает Китай, заинтересованный в сотрудничестве с Россией, и в определенной мере ЕС, который также не хочет допустить безраздельного доминирования США на Каспии. Просматривается перспектива скорого создания противовеса политике США в составе ЕС, КНР и России.

Один из важнейших элементов стратегии США в Каспийском регионе - создание новой архитектуры трубопроводов. Причем желательным условием выдвигалось то, чтобы новые маршруты не проходили по российской и иранской территориям. По мнению Вашингтона, Турция должна служить воротами для выхода каспийской нефти на западные рынки. В этой связи основная ставка делается на нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, который продвигается США наиболее последовательно, а также Тенгиз-Новороссийск «Каспийского трубопроводного консорциума»; разрабатывается проект строительства газопровода Баку-Эрзурум для экспорта газа с азербайджанского шельфа Каспия в Турцию.

В свою очередь газопровод «Голубой поток» относят к числу уникальных газотранспортных сооружений, не имеющих аналогов в мире. Весь процесс реализации «Голубого потока» сопровождался противодействием США. Проекты «Южный поток» и «Северный поток» являются очередным реальным шагом в реализации стратегии России по диверсификации маршрутов поставок российского природного газа. Осуществление данных проектов направлено на укрепление энергетической безопасности Европы. Расширение ЕС и продолжающийся интеграционный процесс внутри этой организации подталкивает к обеспечению альтернативных путей для поставок нефти и газа на рынки стран Евросоюза. Стоит отметить, что Россия приступила к реализации проекта строительства «Бургас-Александрополис» в обход турецких проливов. Данный трубопровод будет первым транспортным коридором, проходящим по территории ЕС и регулируемый Россией.

Все же стремление ЕС снизить свою газовую зависимость от поставок российского «голубого топлива» и его транзита через Россию заставляет европейцев искать альтернативных экспортеров газа и маршруты в обход территории России. Очевидно, что некоторые проекты нефте- и газопроводов на Каспии мотивированы исключительно политическими целями, а не экономической целесообразностью. Так, в вопросе маршрутов транспортировки нефти ЕС никогда не настаивал на обязательном строительстве трубопроводов в обход российской территории. Европейские страны приветствовали строительство основного экспортного трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан только как возможность разгрузить Черноморские проливы и оказать дополнительную поддержку турецкой экономике. В отличие от США Брюссель признает законность интересов Москвы в регионе и готов признать особую роль России, особенно в сфере безопасности, торгово-экономических связей и энергетики. Гораздо больше беспокойства у Европы вызывает стратегия Китая, которая способна в перспективе спровоцировать российско-китайское соперничество в регионе.

Что касается Китая, то он принимает политику различных межгосударственных энергетических организаций и придерживается курса на импорт энергоносителей разными путями. Это соответствует потребностям и безопасности китайской энергетики и соответствует интересам стран-экспортеров. В то же время Китай проводит весьма активную политику в сфере укрепления сотрудничества со странами Центральной Азии и особенно с Казахстаном. В декабре 2005 г. было завершено строительство трубопровода из Казахстана в Китай, который должен стать прочным основанием для взаимовыгодного партнерства этих стран на более широком пространстве Евразийского региона. Сдержанная позиция Пекина на Каспии, возможно, объясняется признанием этого региона как зоны естественных интересов России, с которой Китай стремится поддерживать отношения, необходимые для решения более важных стратегических задач на мировом уровне.

Объективное доминирование на Каспии России в силу ее выгодного географического положения и наличия у нее развитой системы трубопроводов заставляет Вашингтон рассматривать ее в качестве главного источника угроз американским интересам в регионе. Китай рассматривается как главный геополитический и, возможно, глобальный оппонент США в XXI веке.

Для разрешения проблем, возникающих вокруг Каспийского моря, ординарными политико-дипломатическими средствами потребуется немало доброй воли, усилий и времени. Однако сегодня нельзя исключать возникновения различного рода конфликтов. Хотя сегодня геостратегические проблемы Каспия рассматриваются исключительно как технические и финансово-экономические вопросы эксплуатации нефтегазовых ресурсов региона, в ближайшей перспективе они могут оказывать значимое воздействие на развитие военно-политической ситуации в этом регионе.

Литература

1. Кушкумбаев С.В. (2000) Геополитика транспортных коммуникаций в Каспийском

регионе // Национальная и региональная безопасность центральноазиатских стран в бассейне Каспийского моря. - Алматы, С. 73.

2. Мальгин А.В. (2002) Политика ЕС в отношении европейских стран СНГ // Европейский Союз и европейские страны СНГ / Отв. редактор М.М. Наринский. М: МГИМО. С.43-88.

3. Независимая газета (2002) 23 марта.

4. www.gazprom.ru (Официальный сайт Газпрома).

5. www.caspian.ru («Газета СНГ»).

Принципы стратегии непрямого противодействия в обеспечении национальной безопасности России

Семченков Андрей Сергеевич

кандидат политических наук, доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: andsem@mail.ru

Переход России к инновационному пути социально-экономического развития в контексте текущей глобальной конкуренции и геополитической борьбы предъявляет особые требования к обеспечению безопасности страны и, в частности, к ее национальной стратегии. Императивы развития и внешние условия его реализации вступают в противоречие друг с другом, разрешение которого исследователям видится в отказе от прямых действий в отношении оппонентов и конкурентов России и переходу к такой линии поведения на международной арене, которая позволит нейтрализовать возможную агрессию против РФ и избежать ее вовлечения в военные конфликты любого масштаба. В этой связи в отечественной мысли были предложены такие варианты этой стратегии, как «нелобовые (непрямые) действия» (Э.Г. Кочетов) и «отход» (А.П. Девятков). Суть обоих замыслов заключается в использовании «стратегической паузы» и принятии существующих правил игры в мировой экономической и политической системах, отказе от конфронтации с другими центрами силы, решении международных противоречий экономическими методами. В одном случае это могут быть геоэкономические модели связывания потенциального противника системой реализации экономических проектов (товар-программ) и формирование на данной основе интернационализированных воспроизводственных ядер – самоподдерживающихся в финансовом плане международных экономических «цепочек» и стратегия «нависания» над ними. В другом – игнорирование противостояния сверхдержавы и претендентов на мировое лидерство с затягиваем в страну передовых технологий добычи и переработки сырья, заманиванием международной технической помощи, уклонением от растраты сил на борьбу, сохранением ресурсного потенциала России. Соглашаясь с многими из приведенных положений, отметим, что наряду с этими нейтрализующими военные угрозы и «закрывающими» «окна» внешней уязвимости мерами необходимо определить и набор действий по обеспечению внутренней безопасности. К их числу следует отнести противодействие экстремизму, международной и внутренней террористической деятельности, дезорганизации сетей оппозиционных неправительственных организаций. Обобщая систему мер стратегии непрямого противодействия угрозам безопасности России, отметим, что основными задачами, которые предполагается решить, являются обеспечение внутренней стабильности и целостности, военный нейтралитет и парирование внешней агрессии против нашей страны. Принципами стратегии служат: минимизация направлений противоборства с оппонентами и конкурентами путем

создания асимметричных угроз; превентивная нейтрализация рисков безопасности страны до их перерастания в угрозы и опасности; активное задействование невоенных и непрямых действий; достижение широкого консенсуса политических групп, этнических, конфессиональных общин в стране относительно проводимого курса национальной модернизации; использование прямых действий в нейтрализации внутренних угроз; адекватное применение тактики доминирования и балансирования при нейтрализации сепаратизма и радикальной оппозиции.

Литература

1. Девятов А.П. (2007) Практическое китаеведение. Базовый учебник. М.
2. Кочетов Э.Г. (1999) Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства): Учебник М.

Государство и идеология в условиях глобализации

Стативка А.К.

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: a.k.stativka@gmail.com

Процессы глобализации и транснационализации, характеризующие современное развитие системы международных отношений, ставят вопрос о пересмотре роли государства как основного внешнеполитического субъекта. В данной связи понятие идеологии также подвергается переосмыслению. Так, концепция «конца идеологии» как итога окончания процесса идеологического противостояния в рамках биполярной системы, полностью исключала идеологию из списка факторов мировой политики.

Наряду с этим, в дискуссии о проблеме идеологии в структуре современных мировых процессов присутствует точка зрения о доминировании неолиберальной идеологии в качестве идейного обоснования процессов глобализации. Наиболее яркое выражение она находит у так называемых антиглобалистов.

Определенным синтезом первых двух подходов к данной проблеме является определение специфической идеологии глобализации – глобализма. В данном случае идеология глобализации предстает как некий набор постулатов, идей и ценностей, претендующих на всеобщность по отношению к мировому устройству и унификационный характер. Она укореняется либо в массовом сознании (при этом сохраняется возможность ее частичной трансформации под воздействием национальных особенностей отдельного общества), либо в сознании элиты.

Общим для данных концепций служит то, что в результате глобализационных процессов государство фактически утрачивает свою идеологическую функцию. В данном случае разница здесь заключается лишь в оценках процессов и последствий деидеологизации.

Наряду с этим, в современной научной литературе отмечается во многом конфликтный характер современной мировой политики, одной из основ которого служит культурный фактор. Однако конфликт культур во многом определяется конфликтом идей, заложенных в этих культурах. В данном случае это является характерным не только для того же исламского мира, но и для Запада.

В свете вышесказанного следует отметить, что проблема деидеологизации во

многим рассматривается под влиянием крушения биполярной системы, существование которой было отмечено идеологическим противостоянием. Таким образом, распад данной системы подразумевал исчезновение идеологического конфликта либо в форме победы либеральной идеологии над коммунистической, либо в форме исчезновения самого феномена идеологии в международных отношениях. В данном случае главной характеристикой идеологии служит, прежде всего, претензия на доминирование в мировом масштабе.

Альтернативным в этом представляется определение роли идеологии в мировом политическом процессе через категорию «интерес». Применительно к российской проблематике в данном контексте является актуальным вопрос о роли идеологии во внешней политике государства в плане артикуляции национальных интересов.

Ряд авторов отмечает, что внешняя политика России после распада Советского Союза строилась на основе либеральной теории международных отношений. Отрицание концепции реализма, ключевой категорией которого является понятие «национальный интерес», было обусловлено не только отрицанием опыта СССР, но и перениманием западной идеологии. В этих условиях любое идеологическое обоснование внешней политики государства заранее находилось под угрозой как внешней, так и внутренней критики как возвращение к имперским амбициям и принципам великодержавности и мессианства.

Исходя из внешнеполитических аспектов идеологии в политической истории России, можно выявить ряд задач, стоящих перед Российской Федерацией:

1. Выявление места России в современной системе международных отношений. Стоит отметить, что противоречивое отношение к прошлому историческому опыту может вызывать отрицательную реакцию на данный процесс со стороны как субъектов мировой политики, так и общества, в основном, за счет обвинения государства в возвращении к имперским амбициям. Вместе с тем, стоит отметить, что в обществе на данный момент доминирует положительный взгляд на укрепление Россией своих международных позиций за счет более активной внешней политики (См.: Левада-центр. Оценки деятельности президента // <http://www.levada.ru/ocenki.html>.)

2. Формирование оценки современного состояния системы международных отношений, выявление проблемных точек развития мировой политической системы и предложение мер по их устранению. Безусловно, ключевым моментом здесь должно являться провозглашение готовности к международному сотрудничеству в условиях многовекторности российской внешней политики. В данном контексте наибольшую опасность представляет формирование негативного отношения к отдельным государствам или сложившейся системе международных отношений в целом в духе мифологии всемирного заговора против России, распространенной в XVIII веке, или антикапиталистической пропаганды в СССР.

Литература:

1. Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии (Тезисы) // Полис. 1997, № 3.
2. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000.
3. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005.
4. Стиглиц Д.Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
5. Тузиков А.Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая // Полис. 2002, № 5.
6. Утар Ф. Альтернативы неолиберальной модели // Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения» / Под ред. А.В. Бузгалина. М., 2003.
7. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990, № 3.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. №1.

Новые измерения власти и влияния в мировой политике: концепт «smart power»**Столетов О.В.⁸***Студент**Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,**факультет политологии, Москва, Россия**E-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru*

В условиях постепенного движения мировой политической системы в направлении «постоднопольярного мира» важное прикладное значение получают исследования, направленные на поиск новых концептуальных основ международной политики. Возникает необходимость изучения новых источников, ресурсов и инструментов международного влияния.

Значительный интерес в зарубежном и отечественном политологическом сообществе привлек к себе недавно введенный в рамках совместного доклада Дж. С. Ная и Р. Армитиджа для Центра стратегических и международных исследований США политико-международный концепт «разумная сила» («smart power»). Несмотря на новизну, содержательные характеристики данного понятия не вышли за рамки уже ставших классическими категорий «мягкой силы» (soft power) и «жесткой силы» («hard power»).

Однако, политологический конструкт «smart power» отличается гибкостью и может быть востребован для исследования целого спектра «нетрадиционных» силовых и властных основ влияния государств, которые сегодня приобретают все большую актуальность.

В этой трактовке «smart power» можно представить как комплексный теоретико-прикладной концепт, охватывающий ряд мироуправленческих инструментальных стратегий и механизмов, предоставляющих государствам возможности по воздействию на знание и мнение избранных целевых аудиторий - акторов мирополитического процесса. В результате «разумная сила» позволяет формировать у последних определенные образы, представления и позиции в международном измерении, задавать тон международному политологическому и политическому дискурсу.

В качестве таких целевых аудиторий могут выступать политические круги, политологические сообщества тех или иных государств, региональное либо мировое общественное мнение и т.д.

К инструментальным компонентам «smart power» мы относим информационно-интеллектуальный потенциал и совокупный инновационный потенциал государства.

Под информационно-интеллектуальным потенциалом воздействия понимаются возможности государства по проведению целенаправленной и планомерной работы по конструированию у целевых аудиторий определенных восприятий и представлений относительно тех или иных явлений международной жизни и мирополитических процессов. Данная форма влияния вызывает либо гипертрофированную концентрацию внимания, либо, наоборот, ослабление интереса к этим феноменам и способствует их последующему устойчивому видению и оценке под определенным углом зрения. Данные сконструированные представления отличают научная обоснованность и публичная значимость, которые позволяют воздействовать на поведение государств.

⁸ Автор выражает признательность доценту кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова, к.п.н. Чихареву И.А. за помощь в подготовке тезисов.

Инновационный потенциал рассматривается с идейно-концептуальной и производственно-технологической сторон. В рамках «smart power» технологические инновации важны, в первую очередь, с точки зрения их целевого позиционирования.

Под идейно-концептуальными инновациями мы понимаем продукты деятельности концептуально-идеологической работы «фабрик мысли», занимающихся вопросами международной и мирополитической проблематики, в различных государствах. Ими создается концептуально-идеологический фундамент, приобретающий прикладной характер для внутренней и внешней политики данного государства. Полученный концептуально-идеологический контент включается в разного рода государственные доктрины, доклады, выступления и речи политических лидеров, программы политических партий, а также работы политологов-международников. Он также может использоваться при заключении международных соглашений, принятии программных документов, подписании деклараций, резолюций, то есть активно внедряться международное правовое поле.

Данные технологии активно используются применительно к реалиям внешнеполитической деятельности государств, осуществляющих конструирование и пропаганду собственного международного статуса.

В рамках исследования значительное место следует уделить Китаю, который, несмотря на ряд трудностей, совершил серьезный рывок в направлении развития «smart power» на своей национальной почве.

В качестве результата концептуально-идеологической работы «мозговых трестов» КНР за последние двадцать лет можно выделить целый ряд стратегически важных международно-политических концепций. К ним относятся концепция «нового международного порядка», концепция многополярности, концепция «пекинского консенсуса», концепция «мирного возвышения» Китая, концепция «гармоничного общества и гармоничного мира». Мироуправленческий смысл данного спектра концепций заключается в том, что КНР за относительно небольшой период времени серьезно изменила отношение целевых аудиторий развитых и развивающихся стран к себе и утвердила себя как «ответственную развивающуюся великую державу» (фуцзэжэньди фачжаньчжун даго).

В рамках технологических инноваций КНР позиционирует себя как недавняя страна «третьего мира», «прорвавшаяся» в космос и создающая собственную спутниковую навигационную систему Beidou (Compass). Китай конструирует имидж активного борца за улучшение негативной экологической ситуации внутри страны, связанной с загрязнением воздуха и опустыниванием территорий. КНР демонстрирует эффективность своих операций по предотвращению разрушительных последствий различных природных катаклизмов.

Используя дискурсивные, дипломатические и иные механизмы «smart power», Китай успешно конструирует ролевую идентичность страны, с одной стороны, стабилизирующей военно-политическую ситуацию в АТР, а, с другой стороны, воплощающей основную локомотив региональной, а в перспективе мировой экономики.

Основные выводы исследования сводятся к тому, что появление концепта «smart power» отражает объективный поворот в изучении мировой политики, связанный с тем, что конструктивистская парадигма, находящая все больше примеров в политической практике, становится важнейшим источником прикладных мирополитических стратегий и методологической базой их исследования. Итак, исследуя концепт «smart power», не следует полностью отказываться от его трактовки, предложенной Дж. С. Наем, тем не менее, следует обогатить его более глубоким, отражающим изменившиеся мирополитические реалии содержанием.

Литература

1. Борох О., Ломанова А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra №6. 2007 г. - <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>

2. Armitage R.L., Nye Jo. S. CSIS Commission on smart power. A smarter. More secure America. - http://www.csis.org/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf

Организация Договора о коллективной безопасности: новый этап развития

Талибов Мамед Низамович

Студент

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет политологии, Москва, Россия*

E-mail: demam.888@gmail.com

В современном мире все более возрастает роль международных организаций в сфере коллективной безопасности, все более актуальными становятся проблемы защиты интересов граждан и мирных жителей стран постсоветского пространства, которые требуют многостороннего, структурного подхода для их решения. В постперестроечный период, после окончания «Холодной войны» и конфронтации США-СССР, на постсоветском пространстве образовался «вакуум», который на протяжении почти двух десятилетий пытались заполнить различные военно-политические организации. В условиях развития мирового финансового кризиса, активного действия террористических организаций особую роль играют межгосударственные связи, но еще большую роль играют взаимодействие и сотрудничество международных организаций - таких, как ОДКБ, ЕврАзЭС, НАТО и др.

Развивающаяся система ОДКБ позволяет России и другим государствам в данном регионе совместно координировать собственные силы и организованно решать существующие проблемы. В Центрально-Азиатском регионе и на Ближнем Востоке приобретает все более высокую значимость ОДКБ, с которой все активней сотрудничают международные организации, заинтересованные в обеспечении особо важных для Центрально-Азиатского региона энергетической безопасности, безопасности гидротехнических сооружений и иных стратегически важных объектов, воздушного пространства и транспортных систем, в ликвидации и предупреждении последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Недавно представители ОДКБ и ЕврАзЭС (26.02.09) обсудили перечень возможных направлений сотрудничества и полноценного взаимодействия в различных областях Центрально-Азиатского и Ближневосточного региона. В данном документе обговариваются вопросы защиты экономических, политических и других интересов государств, входящих в организации, где особое внимание обращают на вопросы военно-экономического сотрудничества государств, входящих в организации, на сферу межпарламентского сотрудничества, на координацию деятельности по постконфликтному обустройству Афганистана.

Представители государств-членов ОДКБ формируют новые структуры ОДКБ. Создание нового объединения стран СНГ в рамках ОДКБ, а именно Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), которое в обозримом будущем имеет все шансы превратиться в мощный военно-политический блок, является одним из примеров такого направления. Коллективные силы оперативного реагирования - это союз государств-единомышленников, эффективные связи между которыми налаживались и развивались на протяжении нескольких веков. Данный проект при его успешном исполнении фактически означает создание очень сильного по оснащенности и военно-технической подготовке, многофункционального блока, который смог бы адекватно реагировать на любые военно-политические вызовы. Основными обязанностями КСОР, по сути, являются противодействие, прежде всего, военным, политическим и иным видам

вторжения во внутри- и внешнеполитические процессы, не соответствующим нормам международного права. Так одними из первоочередных задач перед данной организацией стоят проблемы возможного противодействия пограничным и военным конфликтам, пресечение деятельности экстремистских и террористических группировок, особо опасных криминальных структур, контрабандистов и иных видов организованной преступности. Предполагается, что данная организация будет обладать силами, которые по мощи, качеству и потенциалу сопоставимы с организованными силами иных военно-политических блоков.

Так же приняты решения по вопросам транзита через воздушное пространство стран-членов ОДКБ для нужд Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане, а также переговорного процесса с представителями НАТО и США об организационно-технических аспектах оформления транзитных перевозок через территорию названных стран. Хотелось бы сказать, что последовательная работа и слаженная система управления ОДКБ все эффективнее проявляет себя в политических процессах, которые протекают в зоне ответственности государств-членов ОДКБ. ОДКБ была и останется гарантом территориальной целостности и суверенитета государств-членов, невмешательства иных государств и организаций во внутренние дела, а также влияния на внешнеполитический курс государств-членов со стороны иных государств, ТНК, военно-политических блоков и других организаций. По сути ОДКБ переходит от формального уровня воздействия на международные процессы, к более практическим, а в обозримом будущем намечается не только участие в глобальных политических процессах, но и активное влияние на развитие международных отношений. Предлагая новую систему отношений и взаимопомощи государствам-членам международной организации, ОДКБ будет играть роль альтернативы в области коллективной безопасности. Если проект создания КСОР будет реализован в обозримом будущем, то это позволит государствам-участникам КСОР повысить свое влияние на международные отношения как в частном порядке, так, и, в общем, выражая общие интересы и цели. Согласование протокола о механизмах оказания военно-технической помощи государствам-членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии, возвратит прежнее лидирующее положение Российской Федерации как в ОДКБ и СНГ, так и в Центрально- и Среднеазиатском регионах, а при правильном подходе, то возможно и во всем мире.

Литература

1. ВМУ серия 12 (полит. науки) Соловьев А.В., Чаевич А.В. "Глобализация, интеграция и национальная безопасность Российской Федерации" стр. 16-31 М.: изд-во Московский университет. №5 2005
2. 2004-2005: новые подходы к международной безопасности/ [рук. авт. коллектива А.А.Пикаев; под ред. А.Г.Арбатова].Изд-во "Наука".М.2007
3. <http://www.odkb.gov.ru/start/index.htm> (Официальное интернет-представительство Организации ОДКБ)
4. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=256818> (Телепортал Вести.Ru)

Формирование позитивного образа государства как задача государственной информационной политики

Федякин Алексей Владимирович

доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mvp@philos.msu.ru

Динамика и направленность общественно-политических процессов последнего времени, разворачивающихся на всех уровнях, будь то локальный, национальный, региональный или глобальный, с наглядно очевидностью свидетельствуют о том, что на смену традиционной политической реальности, так или иначе связанной с материальными благами, преимущественно двухмерным и дихотомическим восприятием сферы политического, приходит реальность символическая, в которой «образы правят миром». Прежние принципы формирования и механизмы реализации политического курса государства в различных областях жизни общества уступают место новым парадигмам и технологиям, эффективность которых определяется уже не столько экономическими, силовыми и т.п. факторами, сколько ресурсом эмоционально-психологического воздействия, содержащимся в них образным «зарядом», способностью сформировать нужное восприятие или скорректировать сложившееся ранее впечатление у соответствующего референтного лица, будь то отдельный лидер или политик, либо группы лиц, будь то члены национальных правительств, элитарные слои, социум в целом.

Констатируя существенное влияние информационной составляющей на современную политическую сферу и анализируя возможные последствия увеличения в ней символического компонента, американские политологи вводят особый критерий оценки успешности внешней политики государства. Этот критерий, во многом совпадая с категориями рекламы и пиара, предполагает создание позитивного морального и культурного имиджа для привлечения к реализации собственных политических интересов как можно большей потенциальной аудитории. В частности, как полагает Дж. Най, построение внешней политики с учетом в том числе и этих соображений – действительно ключ к успеху в информационную эру.

Особую остроту данный вопрос приобретает в контексте задач по формированию концептуальных оснований и выработке эффективных механизмов реализации государственной информационной политики – совокупности мероприятий специально уполномоченных органов государства в информационной сфере, являющейся одной из наиболее значимых в настоящее время сфер жизни социума, которая имеет как внутренние, так и внешнеполитические измерения. В условиях необычайно динамичного и крайне противоречивого развития данных измерений, касающихся всего мира в целом и отдельных национальных сообществ в частности, поиск оптимального сочетания государственного регулирования информационной сферы при сохранении основ экономической и творческой самостоятельности тех или иных видов СМИ, нахождение гармоничного баланса между корпоративными и общенациональными интересами становятся особо важными задачами информационной политики государства. Их практическое решение при ставших уже традиционно непростыми, а нередко весьма напряженными – постоянно или периодически – взаимоотношениях власти и масс-медиа в подавляющем большинстве развитых стран мира делает востребованным комплексные подходы, учитывающие как зарубежный позитивный опыт, так и собственные традиции и специфику.

В частности, необходимо четкое обозначение интересов государства в информационной сфере, так или иначе связанных, прежде всего, с обеспечением национальной безопасности, сохранением суверенитета и территориальной целостности страны, что невозможно в том числе без формирования ее позитивного образа. Здесь может быть задействован любой инструментарий, не вступающий в противоречие с фундаментальными гражданскими правами и свободами, а также с нормами международного и национального законодательства.

Кроме того, необходимо учреждение широкой сети общественных масс-медиа общенационального, регионального и муниципального уровней, способных осуществлять информационное обеспечение различных субъектов, удовлетворять

информационные потребности тех или иных социальных слоев и групп. Это особенно важно для сохранения здоровой экономически и политически конкурентной среды в условиях, с одной стороны, довольно суровых рыночных реалий, с другой стороны, наличия у государства как субъекта политики специфических возможностей не только участия, но и регулирования всех сфер жизни социума.

Литература

1. Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. М.: Наука, 2008. С. 5.
2. *Nye J.S. Soft power. The means to success in world politics.* N.Y.: Public Affairs, 2004.

Особенности административно-территориального деления Российской Федерации Фелицына Екатерина Александровна

Студент

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия*

E-mail: katya-felitsina@mail.ru

Административно-территориальное деление России во многом наследует особенности и проблемы административно-территориального устройства СССР, но также за годы своего существования приобрело ряд характерных особенностей и недостатков.

Российская Федерация относится к асимметричному типу федерации. А это означает, что субъекты не равны как по размерам, так по уровню экономического развития и по принципу образования: территориальному, национальному или смешанному.

Сложносоставные субъекты – это исключительная особенность Российской Федерации. Сложносоставные субъекты, возникающие при слиянии сильного и слабого субъекта, зачастую являются источником конфликтов и неповиновения государственных органов более слабых субъектов решениям государственных органов сложносоставного субъекта.

По последнему состоянию конституции РФ наша страна состоит из 83 субъектов. Это число субъектов слишком велико, чтобы было легко осуществлять управление ими, но и укрупнение субъектов несёт свои проблемы.

Российские федеральные округа – в своём роде уникальные образования в мире. Они не являются административно-территориальными единицами, так как в них отсутствуют законодательство и органы власти; но в то же время их руководители входят в совет безопасности при президенте. Поскольку федеральные округа группируют субъекты федерации, то проблема федеральных округов актуальна при исследовании административно-территориального деления России. Округа в своём существовании имеют ряд затруднений. Деление на округа не совпадает ни с десятью географическими регионами России, ни с четырнадцатью экономическими районами, ни с шестью существующими военными округами, ни с принципом симметричного деления страны.

Литература

1. Гаджиев К. С. Политическая наука: Учебное пособие. – 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1995. С. 231-239
2. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998, № 1.
3. Михайлов Р.В. Этапы становления новых федеративных отношений в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1998, № 1. С. 24-32.
4. Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М.: НОРМА, 2001
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М.: Юридическая литература, 1993.

Территория государства: политико-правовой анализ

Цицулаев Рамзан Лемаевич

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: regpol@mail.ru

В соответствии с существующим политико-правовым режимом вся территория Земли подразделяется на следующие категории: 1) территории государств – территории, находящиеся в пределах государственных границ каждого отдельного государства, на которые распространяется полная и исключительная власть этих государств; 2) территории с международным режимом – территории, которые не входят в состав государственной территории: водное пространство за пределами исключительных экономических зон прибрежных государств, международный район морского дна – морское дно и его недра за пределами исключительных экономических зон и континентального шельфа прибрежных государств, воздушное пространство за пределами государственных территорий, Антарктика, космическое пространство, Луна и другие небесные тела. На этой части территории, находящейся в общем пользовании государств, действуют общепризнанные принципы и нормы международного права; 3) территории со смешанным режимом – территории, на которых действуют одновременно и нормы международного права, и нормы национального законодательства прибрежных государств; 4) территории с особым международным режимом (демилитаризованные и нейтрализованные зоны и зоны мира). В состав этих территорий могут входить территории всех категорий одновременно: архипелаг Шпицберген, Аланские острова, Додеканезские острова, остров Пантеллерия, Панамский и Суэцкий каналы[1].

Государство не может существовать без территории, хотя размеры ее, необходимые для существования государства, могут быть весьма незначительными, примером чего служит Ватикан, республика Сан-Марино, княжество Лихтенштейн.

Говоря об определенной территории государства, Я. Броунли считает, что налицо должно быть достаточно стабильное политическое сообщество, контролирующее определенную пространственную сферу. Из опыта прошлого ясно, что не требуется наличия точнейшим образом установленных границ, а важно наличие эффективно обосновавшегося политического сообщества. Так, в 1913 г. ряд государств признал Албанию, несмотря на отсутствие точно определенных границ; а Израиль был принят в ООН, несмотря на разногласия по вопросу об его границах.

Членство в ООН вообще не зависит от размеров государства. Уже с первых дней существования ООН в члены этой организации принимались весьма небольшие государства, такие, например, как Коста-Рика, Люксембург, Барбадос, Мальта, Бутан, Монако[2].

Составными частями территории государства являются пространства и приравненные к ним объекты: во-первых, земля и ее недра (сухопутная территория); во-вторых, реки, озера, искусственные водохранилища, а также морские внутренние и территориальные воды, омывающие территорию данного государства (водная территория); в-третьих, атмосфера, или воздушное пространство над сухопутной и водной территорией (воздушная территория); в-четвертых, объекты, приравненные к территории государства (морские и воздушные суда, космические корабли и станции, действующие под флагом государства, другие принадлежащие государству объекты).

Список литературы:

1. *Бабурин С.Н.* Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 1997. С. 34-39.
2. *Броунли Я.* Международное право. М.: Прогресс, 1997. С. 125.

Либерально-демократическая партия России в Государственной Думе I-V созывов: участие и роль в законотворческом процессе

Чинкова Е.К.

Аспирантка исторического факультета

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: chinkova@gmail.com

В этом году старейшая партия Российской Федерации отмечает свое двадцатилетие. За эти годы ЛДПР не только пережила многих своих конкурентов, но успешно держится на плаву и активно участвует в политической жизни страны. Первыми занявшие государственно-патриотическую нишу либерал-демократы стали уже неотъемлемой частью современной партийной системы и всех составов Госдумы. А харизматичный лидер партии, безусловно, войдет в историю как бессменный локомотив и генератор идей ЛДПР.

13 декабря 1989 г. инициативная группа объявила о создании Либерально-демократической партии Советского Союза (с 1992 г. – ЛДПР). Название партии было утверждено в период большой популярности идей либерализма и демократии: с тех пор многое переменялось, но отказываться от узнаваемой аббревиатуры партийцы уже не стали. На сегодняшний день ЛДПР имеет свои организации во всех регионах России, раз в четыре года уверенно преодолевает повышающиеся избирательные пороги в парламент и искусно маневрирует между действиями властей и настроениями населения.

Громкий успех ЛДПР на парламентских выборах 1993 года (партия получила рекордные 22,79% голосов) вызвал широкий резонанс, как в самой России, так и за рубежом. Историография ЛДПР появляется уже в 1994-95 годах: российские исследователи изучают феномен Жириновского и причины его победы, а западноевропейские публицисты сразу записывают партию в фашисты. В ответ политик разъясняет, что более спокойный имидж не завоевал бы сердца избирателей: «Если бы я держался как благожелательный интеллектуал, коим я в действительности и являюсь, за меня бы не проголосовали».

В парламенте фракция ЛДПР быстро прославилась своей способностью к компромиссам, несмотря на изначальную жесткую позицию. Так было и при принятии бюджета, и при утверждении очередного премьер-министра, и при несостоявшемся импичменте – сам Жириновский объяснял это желанием спасти страну от очередных катаклизмов.

Одной из первых инициатив депутатов ЛДПР, которой они не перестают гордиться и сегодня, стала поддержка ГКЧП и объявление политической и экономической амнистии, под которую попали все арестованные участники событий 1993 года. Вторым ключевым моментом стала война в Чечне: проведенный истфаком и факультетом ВМиК МГУ контент-анализ стенограмм показал, что общий объем выступлений Жириновского по чеченской проблеме составили 47% от выступлений всех лидеров, вместе взятых. Депутаты от ЛДПР сразу же заверили Кремль в своей безоговорочной поддержке, неоднократно выезжали в Чечню и призывали Думу помочь в урегулировании конфликта.

При В.Путине в стране стала выстраиваться вертикаль власти, начались преобразования, многие из которых в свое время предлагала именно ЛДПР. Партия изначально выступала за государственное устройство России на принципах губернского административно-территориального деления (процесс активно идет: Красноярский, Пермский край, Иркутская области и др.); за новую форму назначения губернаторов и выборы в Госдуму по партийным спискам. Первыми о переходе на рыночные цены при экспорте энергоносителей начали говорить также либерал-демократы. Сегодня все инициативы партии посвящены борьбе с глобальным финансовым кризисом. Требуя отставки финансового блока правительства, ЛДПР предлагает радикальную антикризисную программу: в ближайшие два года нужно снизить для населения и промышленности тарифы на электрическую и тепловую энергию - компенсацией станут поставки газа в Белоруссию и Украину по новым ценам; в рамках нацпроекта по доступному жилью земельные участки под строительство выделять безвозмездно; снизить ставку НДС до 5% (это гарантирует экономический рост и снижение себестоимости отечественной продукции); жесткий контроль за выделяемыми банкам бюджетными средствами; возбуждение дел в отношении монополистов, торгующих продукцией соцзначения (нефтепродуктами, продуктами питания) и оказывающих услуги населению (транспорт, ЖКХ).

Либерал-демократы уверяют: в стране по-прежнему работают команда КПСС и экономическая модель Гайдара, поэтому вытащить Россию из кризиса по силам только оппозиции.

Литература

1. Жириновский В.В. (1998) Азбука управления экономикой. М.: ЛДПР.
2. Жириновский В.В. (2001) Другая Россия. Выступления в ГД II созыва. М.: ЛДПР.
3. Жириновский В.В. (2005) 15 лет ЛДПР. М.: ЛДПР.
4. Верховский А.М. (1996) Политический экстремизм в России. М.: Изд-во института экспериментальной социологии.
5. Куликова И.С. (1994) Феномен Жириновского. М.: Райт.
6. Брюно Патрик (1995) Беседы начистоту. М.: ЛДПР.
7. Hirscher G.L.K. (1994) Schirinowskij und die LDPR – Gefahren fuer die Deutsche und internationale Politik. Muenchen: Hanns-Seidel-Stiftung. Akad. für Politik u. Zeitgeschehen.
8. Frazer Graham (1994) Absolute Zhirinovskiy : a transparent view of the distinguished Russian statesman. New York: Penguin books.
9. www.ldpr.ru (Либерально-демократическая партия России).
10. www.duma.gov.ru (Государственная Дума Российской Федерации).

Динамика демократизации: к проблеме масштаба исследования.**Чихарев И.А.***Доцент, кандидат политических наук*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия*E-mail: IChikharev@yandex.ru*

Ритмы демократического процесса традиционно изучаются на уровне национальных государств. Несмотря на несомненный прогресс в изучении транснациональных и международных условий демократических транзитов, до сих пор демократизация рассматривается главным образом как переход стран современного мира к демократическим режимам. Однако можно рассмотреть проблемы демократизации в ином масштабе – *мирополитическом* (Хабермас, 2003, Шмиттер, 2004, Archibugi D., 2004). Здесь демократизация определяется как становление многостороннего подхода к принятию решений на международном уровне, расширение участия в формировании мировой политики, в глобальном управлении. Важно установить взаимосвязь между процессами, происходящими на этом уровне, и динамикой демократизации отдельных государств. Базовой концепцией, рассматривающей связь между обозначенными уровнями, является теория демократического мира. Она предполагает, что демократический процесс в мирополитическом масштабе обусловлен совокупными характеристиками отдельных демократических режимов. Перенос демократических правил игры из внутриполитической сферы в международную определяет мирный характер взаимодействия между государствами и демократизирует, как считается, мировую политику в целом. Представляется, однако, продуктивным рассмотреть обратную связь – влияние демократизации процесса принятия глобально значимых решений на политическое развитие отдельных государств.

Статистическая закономерность роста количества демократий подтверждается данными Freedom House (FH). По оценкам этой организации, опубликованным в январе 2009 года, в 2008 г. в мире насчитывалось 89 свободных стран (46%). При этом несвободными оказались только 42 страны (22%). С 70-х гг., по данным FH, количество свободных стран увеличилось почти вдвое.

Демократическая волна достигает своего пика к началу 2000-х гг. Далее наблюдается стагнация мирового демократического развития. Можно предположить, что названные контртенденции скорее ведут к «откату» демократического процесса. Аналитики FH отмечают, что 2008 год отмечен «отступлением свободы», причем впервые за последние 15 лет снижение уровня свободы в мире наблюдается три года подряд. Ключевым является вопрос о том, последует ли «откат» демократической волны или же рост количества демократий возобновится.

Выделяется ряд общих, то есть не определяемых национально-государственным своеобразием, факторов, действие которых прослеживается во всех процессах т.н. «третьей волны» демократизации в 70-е-90-е гг. XX в. (Мельвиль, 2001):

1) распространенное в современном мире нормативное отношение к демократии как к декларируемому идеалу и цели общественно-политических преобразований;

2) растущая в мировой среде притягательность (за исключением мусульманских стран и коммунистических анклавов) демократических моделей в качестве результата широких культурных влияний западного цивилизационного типа и обусловленная этим делегитимизация авторитаризма как модели национального развития;

3) реально происходящее во многих странах расширение прав и свобод, строительство более или менее эффективных демократических институтов;

4) четко проявившаяся в 80-е-90-е гг. XX в. экономическая несостоятельность авторитаризма, особенно как инструмента социально-экономической модернизации;

5) образование специфического международного контекста, который благоприятен для стимулирования и поддержки перехода от авторитаризма к более демократическим формам правления.

Вопреки этим условиям, в современном мире все более заметны противоположные тенденции:

1) дискредитация либерализма и демократии как основ общественно-политического развития в результате политических и экономических кризисов в транзитных государствах в 90-е гг.;

2) обострение межцивилизационных противоречий в 2000-е годы, вызывающее отторжение у незападных цивилизаций основных атрибутов западной цивилизации, включая демократические модели;

3) существенное ограничение прав и свобод в ряде стран, включая западные демократии (в качестве реакции на терроризм и проблему иммигрантов) (исламский экстремизм, по оценкам ФН, влияет не только на режимы стран Ближнего Востока и Северной Африки, но и на западные страны, где становится иногда неоправданным поводом для введения чрезвычайного законодательства, пыток и политических репрессий).

4) экономический рост в ряде государств, признаваемых авторитарными (в качестве одного из важнейших трендов, определяющих замедление процессов демократизации, эксперты Freedom House называют возрождение прагматичных, рыночно ориентированных и богатых ресурсами «диктатур» – в частности, Китая и России).

5) формирование неблагоприятного международного контекста для развития демократии – односторонней политики США по распространению демократии, неэффективной и вызывающей обратную реакцию.

Однако если рассматривать демократизацию нелинейно, то есть не экстраполируя логику демократического процесса конца XX столетия на век XXI, можно прийти к иному выводу. В основу дальнейшей демократизации могут быть положены принципиально иные условия:

1) Учет культурно-цивилизационной специфики политического развития незападных стран, которая заставляет иначе оценивать состояние демократии в этих странах (в соответствии с внутренней логикой их трансформаций, а не с точки зрения сугубо западных представлений о демократии).

2) Учет обстоятельств экономического развития «несвободных» стран.

3) Снятие международной напряженности вокруг проблематики демократизации незападных стран, отказ от навязывания демократических моделей.

4) Демократизация процесса принятия решений на международном уровне, отказ от односторонних действий или подмены решений ООН действиями организаций ограниченного формата (ЕС, НАТО).

Литература

1. Мельвиль А.Ю. (2005) Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика. Отв. ред. Торкунов А.В.

2. Хабермас Ю. (2003) Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос, №4-5.
3. Шмиттер Ф. (2004) Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос, №2.
4. Archibugi D. (2004) Cosmopolitan Democracy and its Critics: A Review // *European Journal of International Relations*, vol.10, № 3, September.
5. <http://www.freedomhouse.org>

Энергетическая безопасность

Чурякова Аделя Ильмировна

Студент

*Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультета
политологии, Москва, Россия*

E-mail: adelyamt@yandex.ru

Энергетическая безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности России. Обеспечение национальной безопасности – одна из основных задач энергетической политики. Энергетическая безопасность – это состояние защищённости страны, её граждан, общества, государства, экономики от угроз надёжному топливу - и энергообеспечению. Эти угрозы определяются как внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, так и собственно состоянием и функционированием энергетического сектора страны.

Топливо-энергетический комплекс России – один из наиболее устойчиво работающих производственных комплексов российской экономики, влияющий на состояние и перспективы ее развития определяющим образом. На его долю приходится не менее 1/4 объема промышленного производства России, 1/3 доходов консолидированного и около половины доходов федерального бюджета, экспорта и валютных поступлений.

Наша страна - это уникальное место концентрации топливно-энергетических ресурсов. Россия занимает 1 место в мире по запасам газа (26,3% мировых запасов), 1 место по объемам ежегодной добычи (22,9% мировой добычи) и обеспечивает 20,2% мировой торговли природным газом. Кроме того, благодаря наличию уникальной газотранспортной системы Россия играет важную роль в обеспечении транзита центральноазиатского газа в Европу и страны СНГ. Вместе с тем, в странах-потребителях российского природного газа растет недовольство зависимостью от российских поставок, что приводит к политизации многих вопросов развития газовой отрасли и международного сотрудничества в этой сфере. Россия занимает 7 место в мире по запасам нефти (6,6% мировых запасов), 2 место по объемам ежегодной добычи (12,0% мировой добычи) и обеспечивает 10,6% мировой торговли нефтью. По запасам углей - 2 место в мире (17,3% мировых запасов), 6 место по объемам ежегодной добычи (4,7% мировой добычи) и обеспечивает 15,2% мировой торговли углем. Россия занимает 4 место в мире по объемам выработки электроэнергии.

Сегодня весь мир и наша страна столкнулись с новыми серьезными вызовами в связи с политизацией проблем, связанных с энергоресурсами. Так, в начале 2007 года в Сенат США был внесен законопроект «Акт об энергетической дипломатии и безопасности», в котором отмечалось, что страны – экспортеры нефти резко увеличили свои доходы за счет возросших глобальных цен, что усилило возможности ряда этих государств действовать в манере, угрожающей глобальной безопасности. Выступая в Сенате уже в 2008 году, госсекретарь США объявила о планах назначить специального

представителя по энергетическим вопросам для изучения возможности использования нефти и газа в политических целях, подчеркнув, что это важная часть дипломатии и в некоторых регионах мира энергетическая политика во многом определяет дипломатию. Нельзя не упомянуть и о шагах Соединенных Штатов Америки, направленных на диверсификацию маршрутов транспортировки нефти и газа из Средней Азии в обход России, – достаточно вспомнить относительно недавний визит Кондолизы Райс в Казахстан. Это также попытки помешать участию наших партнеров, в частности Греции, в таких стратегически важных проектах с участием России, как «Южный поток» и Бургас–Александрополис.

Обеспечение энергобезопасности, как выяснилось благодаря анализу информации, становится задачей первостепенной важности для страны, особенно в условиях глобального экономического кризиса, который в первую очередь отразился на мировых ценах на нефть.

Согласно Энергетической стратегии на период до 2020 года для обеспечения энергетической безопасности, Россия должна решить 2 проблемы: осуществить модернизацию технологической базы ТЭК и изменить структуры потребления и размещения производства ресурсов, т.е. предусмотрено увеличение потребления атомной и гидроэнергии, угольной продукции и использования возобновляемых источников.

Энергетический фактор непосредственно влияет на наши отношения с более чем с 80 странами. В 2006 году Российская Федерация официально председательствовала в «Группе восьми». Основной темой по нашей инициативе была глобальная энергетическая безопасность. По итогам российского председательства в «Восьмерке» была одобрена совместная политическая декларация по энергобезопасности. Впервые в мировой практике удалось выработать комплексный концептуальный документ, ориентированный на глобальную энергетическую безопасность, который учитывает интересы как стран-потребителей, так и производителей энергоресурсов, а также дает четкое определение понятию глобальной энергобезопасности, т.е. это обеспечение эффективного, надежного и экологически безопасного энергоснабжения по ценам, отражающим фундаментальные принципы рыночной экономики.

Основные действия обеспечения глобальной энергетической безопасности: поощрение мер по переходу к энергосберегающему стилю жизни, развитию новых экологически безопасных видов энергии будущего; совместные действия по предотвращению и разрешению энергетических конфликтов; коллективная ответственность мировых держав за обеспечение устойчивого доступа всех жителей планеты к жизненно важным источникам энергообеспечения; поддержка международных организаций в сфере энергетики (Международное энергетическое агентство, Международный Энергетический Форум, профильные организации ООН, Организация стран-экспортеров нефти, Форум стран-экспортеров газа).

Таким образом, проблема глобальной энергетической безопасности является весьма актуальной и представляет собой перспективное направление для аналитического исследования. Она не является глубоко разработанной, если судить по открытым ресурсам сети Интернет. В основном она затронута в профильных изданиях, но не в периодической печати. В Энергетической стратегии отмечено, что Россия придерживается принципа открытости своей энергетической политики. В первую очередь, это должна быть открытость и информация для граждан, ведь именно мы являемся, в конечном счете, потребителями энергии. Россия богата ресурсами, но в то же время удивительно энергорасточительная страна: у нас на один доллар ВВП в 5–6 раз больше энергозатрат первичных невозобновляемых ресурсов. Степень владения энергоресурсами напрямую связана с энергетической безопасностью страны. Глобальная энергетическая безопасность зависит не только от игроков на мировой энергетической арене, но и в отдельности от каждого отдельно взятого человека.

Литература

1. Справочно-аналитического обзора «ТЭК России. 2000-2007 гг.», М., ИД «Энергия», 2007. С. 10-11
2. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года/ www.minpromtorg.ru (Министерство промышленности и торговли РФ)
3. Глобальная энергетическая безопасность/ ИД «Центр устойчивого энергетического развития», М., 2007. С.17.
4. Энергетическая дипломатия России// Энергополис. М.,2009. №16-17
5. Энергетика//№1, №2/ www.energogazeta.ru

Расширение свободного пространства Интернета: проблемы и пути их решения

Ядрышников Е.В.

Аспирант

МГУ им. М.В.Ломоносова, факультет политологии, г. Москва, Россия

media@inethics.com

В современном мире уже нельзя представить себе жизнь без Интернета: мы работаем, общаемся и узнаем много нового через Интернет. По последним данным, в Рунете уже около 35 миллионов пользователей, а во всем мире уже более миллиарда. Мировая политика более пристально теперь относится к сети Интернет, так как это элемент гражданского общества и международное средство связи.

Согласно посланию Федеральному собранию Президента РФ Дмитрия Медведева от 5 ноября 2008 года, одной из генеральных линий политики является расширение и повсеместное распространение Интернета и цифрового телевидения как способов связи, неподконтрольных чиновникам. Общение через Всемирную Сеть должно стать основным каналом информации и гарантией соблюдения демократических свобод и Конституции в целом.

В частности, Дмитрий Медведев заявил: «Свобода слова должна быть обеспечена технологическими новациями. Опыт показал, что уговаривать чиновников «оставить в покое» СМИ практически бесполезно. Нужно не уговаривать, а как можно активнее расширять свободное пространство Интернета и цифрового телевидения. Никакой чиновник не сможет препятствовать дискуссиям в Интернете или цензурировать сразу тысячу каналов. Уверен, что названные мной меры будут способствовать повышению качества народного представительства, более полному учёту интересов людей. Укрепят доверие граждан к власти и солидарность общества».

Интернет, как саморегулирующаяся система, должен стать областью, где соблюдаются немногие неписанные законы поведения, в т.ч. этический кодекс цифровой эры.

В связи с этим автор статьи создал в 2006 году инициативную группу по разработке этического кодекса сети Интернет Inethics, которая призывает к сотрудничеству и диалогу все силы, которые заинтересованы в том, чтобы Сеть, оставаясь свободной для доступа, не перестала быть безопасной, и служила на благо людей, всех вместе и любого по отдельности, что невозможно без выработки внедрения в массовое сознание этики цифровой эры.

В Интернете существует ряд проблем этического характера: это нарушение авторских прав, наличие агрессивного, разрозненного и разнородного контента, детская зависимость от Интернета, вирусы в сети.

Разрозненный контент - это когда пользователь заходит на веб-сайт одной тематики, а видит перед собой информацию или рекламу по противоположно

диаметральной тематике. Это мешает не только посетителю в поиске информации, но и снижает репутацию веб-сайта и общее восприятие Интернета.

В сети можно найти ряд примеров, когда пользователи перестают доверять известным сайтам, возмущаясь всплывающими рекламными окнами на весь экран, аморальной рекламой и неграмотно размещённой информацией. Сокращение числа пользователей не приносит пользы как веб-ресурсу, так и всему Интернету. Это является и важным с этической точки зрения. Если будет порядок на Интернет-ресурсах, всемирная глобальная сеть будет адекватно восприниматься всеми, кто заходит в Интернет, и вопросы этики в Интернете будут меньше волновать общественность.

Необходимы меры по сокращению разрозненного контента на веб-сайтах, иначе скоро Интернет будет восприниматься как жёлтая пресса. В частности, на сайте проекта Этического кодекса Интернета www.inethics.com предлагается ввести «горячую линию», на которую пользователи смогут посылать информацию о различных веб-сайтах с разрозненным контентом.

Тема нарушения авторских прав в Интернете является злободневной и как никогда актуальной. В сети распространились случаи сайтов-двойников, сайтов для повышения собственного рейтинга за счет чужих популярных материалов, «мусорные сайты» с разрозненным контентом, которые полностью копируют популярные материалы, но абсолютно не связаны с тематикой сайта.

Никто не собирается ограничивать пользователей, но действовать надо в рамках этических норм, которые есть в Интернете, не нарушая при этом законодательство и права авторов текста. Мы призываем специалистов по этой теме объединиться с целью создания Совета по авторскому праву в Интернете, а авторов текстов - к диалогу и совместному разрешению вопросов авторского права в Интернете. Как говорит одно из положений Этического кодекса, плагиат недопустим».

На электронный адрес группы Inethics приходят жалобы от администраторов, авторов текстов и обычных пользователей. Круг проблем достаточно широк. Если постараться их сгруппировать, то можно назвать следующие группы проблем: «нарушение авторских и смежных прав», «наличие неэтичной информации в сети», «свободный доступ лиц любого возраста к информации, которая в обычной повседневной жизни для этих лиц является недоступной».

Пользователи зачастую могут быть раздражены фактом нарушения авторских прав, разрозненного контента, вирусов в сети. Чтобы этого не было, различные организации и государственные институты проводят конференции и реализуют проекты, направленные на разрешение данных проблем.

К вопросу о единице анализа политической науки: “большие пространства” и “большие длительности”

Якубин Алексей Леонидович

аспирант

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

E-mail: randaltor@ukr.net

В XIX веке большинство социальных исследователей эксплицитно или имплицитно выбирали Государство, как базовый объект для своего изучения. Экономисты говорили о политэкономии, исследователи политики - о нации-государстве, социологи – об обществе в пределах политических (государственных) границах, а историки – писали политическую историю государства, от его

предполагаемых истоков и до современности. Статистики собирали данные, имеющие первичное отношение к государству и его функционированию. (Даже само слово “статистика” произошло от слова “государство” (по-английски – state, по-немецки – staat).

Отражая общую склонность науки девятнадцатого века к редукции, исследователи политики рассматривали большие объекты как простое (механическое) собрание меньших объектов и т.д. До таких пределов, что политические исследователи, приступая к изучению “большого современного мира”, имели тенденцию на методологическом уровне рассматривать его просто как межгосударственную структуру, которую единственно возможно анализировать как политическую историю взаимосвязей между государствами, также как автоматически суммированными/сравнимыми друг с другом могут быть различные государственные статистики.

Этот методологический уклон непрерывно доминировал в мире политической науки вплоть до последних дней. В широко распространенных дискуссиях вокруг “глобализации”, которые начались в конце 1980-х годов, их общей предпосылкой было то, что в них мы говорим о чем-то абсолютно новом, о том, что впервые поставило под вопрос превосходство Государства, как единого субъекта социально-политического действия, и по этой причине как методологического объекта анализа политической науки. В этих дебатах было мало или не было вовсе попытки анализа во временном контексте процесса, описанного под заголовком “глобализация”. Наиболее важным следствием интеллектуального открытия “глобализации” могло бы быть (но, к сожалению, пока не стало) обновление понимания реальных характеристик и временных границ наших социально-политических моделей соучастия и включения в мир, в котором мы живем [См.: 3].

Очевидно, что границы, внутри которых мы жили, последние пять веков (будучи включенными в то пространство государствоцентричных системных взаимосвязей, которые очень условно можно объединить под общим понятием “Европа”) не были очерчены исключительно государственным суверенитетом. Государства имели возможность конституировать только одну институциональную структуру, которая сдерживала и определяла наши индивидуальные и коллективные альтернативы социального характера (и то не всегда успешно). Ни наши экономические нужды и активность, ни наши политические взгляды, ни наши модели культурной идентичности и суждения о мире не были ограничены пределами Государства. Скорее, они были ограничены нашим собственным выбором/существованием внутри структур всего “большого пространства” (тут под этим словосочетанием мы имеем ввиду феномен, идентичный с пониманием А.Г. Франком и Б.К. Гиллсом *мир-системы* “как иерархии комплексов центр-периферии (и отдаленных зон) внутри мировой системы” [1, 5], но без их исключительно эконоцентричных предпосылок), предполагая достижение наших целей не только в существующем государственном контексте, но и в институциях, которые могут быть как локальное Государства, так и разделенными его границами, которые, к тому же, в действительности могут иметь тенденцию к изменению под воздействием различных факторов.

Посему, вопросы конкретной социальной политики есть вопросами, в которых принятие решений на государственном уровне может сыграть важную роль, но на них также влияют “внешние” группы, ищущие возможности реализации с их помощью своих собственных интересов и достижения своих целей. Действительно, возможность использовать Государство против других институциональных структур есть одним из основных способов, которыми различные социально-политические группы располагают диспропорционально. Наша лояльность есть всегда множественной и приоритеты, которые мы имеем, связаны с тем, что будет работать лучше для нас в каждый конкретный момент времени. Тем более, что “...мы постоянно должны корректировать

наши жизни, наши мысли и даже эмоции, в связи с одновременным сосуществованием внутри различных типов порядка в соответствии с различными правилами, их устанавливающих. Если бы мы использовали не скорректированные, не ограничивающие правила ... небольших групп и объединений ... или наших собственных семей... как наши инстинкты и чувства часто велят нам делать всюду и всегда, мы бы разрушили всякий существующий порядок, и – наоборот, то же касается “внешних” не корпоративных норм...”[2, 18].

Таким образом, очевидно, что транс-границная “реальность”, о которой так много дискутировалось в последнее время, есть постоянная составляющая существующего мира.

Одним из идеологических допущений современного мира был также феномен устойчивых изменений, долго рассматриваемый как исключительно позитивно направленный. Мы часто называем его “прогрессом”. То, что современный мир постоянно изменяется, или эволюционирует, есть, несомненно, правдой. Но мы не можем оценивать что есть на самом деле “новым”, без понимания структурных длительностей, без понимания того что не есть “новым”, но просто проявляется непохожей формой. Вот почему очень сомнительно анализировать теперешние политические изменения без анализа контекста *больших длительностей* (“*longue durie*”) в Броделевском смысле. Только тогда мы сможем различать постоянную форму изменений, и только тогда станет возможным оценивать важность каждого момента политических изменений, когда то, что есть определяющим структурным элементом само по себе, поддается трансформации.

Литература

1. Frank A. G., Gills B. K. (2000) The five thousand year world system in theory and praxis // World-system history: the social science of long-term change / Ed. by Denmark R. A. London: Routledge.
2. Hayek, F. (1988) The Fatal Conceit. Chicago: University of Chicago Press.
3. Social Science and Social Policy: From National Dilemmas to Global Opportunities (2005) / Eds. by Richard E. Lee, William J. Martin, Heinz R. Sonntag, Peter J. Taylor, Immanuel Wallerstein and Michel Wieviorka. Paris: UNESCO.

Lessons that Russia can learn from the Denmark’s experience in preventing corruption.

Morozova Nadezhda Alexandrovna

Student

State University- Higher School of Economics, Psychology Department, Moscow, Russia

E-mail: mona2013@yandex.ru

Nowadays the problem of corruption in Russia is still one of the most discussible issues. Results of the annual studies that are conducted by Transparency International show that Russia during a long period of time has one of the highest rate of corruption and in 2007 has been ranked only 143 place out of 180 countries there corruption has been investigated.

At the same time Denmark is a country that dominate the top scorers in the Corruption Perceptions Index since the first ranking provided by Transparency International. Hence, in the frames of this paper we carry out a theoretical study of the most important grounds and measures that afford Denmark to be a country with one of the lowest rate of corruption in order to find out factors that can allow Russia to improve the effectiveness of prevention and fight against corruption.

First of all it is necessary to mention the main difference between corruption in Russia and Denmark. Thus, according to the Transparency International reports, while in general the

most affected by corruption spheres and institutions are political parties, parliaments/legislature and police, in Denmark the most corrupted are business groups and private sector. It affords us to suggest that corruption in Denmark in comparison with other countries like Russia does not so institutionalized. For instance, political sphere in Denmark is affected by corruption on 11-30%, while in Russia on 51-70%. Moreover, in 2007 only 1% of Denmark's citizens paid bribery in all of its forms, while in Russia this figure account to 11-30%.

In the frames of our study we have allocated a number of factors that afford Denmark to prevent corruption effectively. They are economic, cultural, political and legal.

Considering *economic factors* it is necessary to underline comparatively flexible regulation of economic relations in Denmark, because of the fact that stricter regulation provides more opportunities for corruption and bribery and it leads to the situation when "insider" enterprises are protected against intensive competition from new start-up businesses. High social guaranties in Denmark play also an important role in preventing corruption in the country. The study results also show that there is a negative correlation between country's involvement in global economics and the rate of corruption. Therefore, we should mention the role of small and medium business Denmark's economics which forms more than a half of the overall turnover of Denmark's enterprises and about 40% of its export.

Many experts are confident that Denmark has strong *cultural grounds* for lower rate of corruption. Research results prove positive correlations among power distance, masculinity, uncertainty avoidance and rate of perceived corruption. In this sense Denmark refer to countries with low power distance while in Russia this index is one of highest in the world. It was also found that countries with high rate of social silence (i.e. oriented on relationships) are more corrupted. Thus, Denmark refer to the countries there social relations are more valuable than relationships. One of the most important roles here plays Protestantism, because this moral is built on everyone's responsibility for the general law.

The most substantial *political factor* that is connected with the lower rate of corruption is a high level of democracy. Different data sources show that Denmark has one of the highest levels of democracy. High transparency in politics and media also allow Denmark to fight against political corruption effectively.

From our point of view the most important *legal grounds* for low corruption rate in Denmark is a wider set of laws that regulate anticorruption behaviour at different levels. Moreover, despite the low rate of corruption in the country a substantial number of organizations (not only governmental) in Denmark take significant measures in order to prevent corruption.

On of the biggest action that Denmark has undertaken to switch anticorruption measures from macro- to microlevel was an institutional reform. The main goals of this reform was explanation, simplification and bringing to the notice of citizens existing rules and procedures. As a result it has stimulated the decrease in the scale of decisions that are made by particular officials and the increase in the general transparency in the country.

Denmark has also undertake significant changes in the rules of officials' recruitment, promotion and dismissal that has made these schemes more transparent and magnify the importance of officials' work assessment. According to these improvements companies should also make assessable data which were the source of promotion its explanation.

Our research has shown that Denmark is actively preventing corruption in its country. From one side Denmark supports and reinforces economic, political, cultural and legal factors that afford to be more effective in preventing corruption. On the other side the goal to lower the rate of corruption has integrated pattern and involve all institutions. Moreover, corruption is considered in Denmark in the both levels: macro and micro. This measure opens the problem of corruption open for all social groups and organizations.

Although Denmark has a quite flexible regulation of corruption, this country can effectively prevent corruption through active involvement of civil society institutions and elaborated legal structure.

To sum up, Russia can learn from Denmark's experience in preventing corruption a number of significant lessons. Firstly, it is necessary to underline integrated approach to the decision of the corruption problem when as much institutions and organizations as possible are involved. Secondly, we should also point out a creation of a wider set of measures that can be used in fighting against corruption and provision of broad information about laws and rules that citizens can use in their everyday life. Thirdly, flexible approach to the corruption and its sources determining, when not only criminal sanctions against corruption can be undertaken but also another instruments of anticorruption behaviour regulation are useful.

Denmark's experience also show the necessity to develop small and medium business, increase their contribution to the overall economics, improve of democracy institutions and concentrate on the basic cultural components that can fruitful in preventing corruption.

References

1. Alas R. (2006) Ethics in countries with different cultural dimensions. *Journal of Business Ethics*. Vol. 69, pp.237-247
2. Bernardi R.A., Witek M.B., Melton M.R. (2009) A four-country study of the associations between bribery and unethical actions. *Journal of Business Ethics*. Vol. 84, pp. 389-403
3. Corruption Perceptions Index// www.transparency.org
4. Corruption – the World's Big C// <http://www.policypointers.org/Page/View/3791>
5. Danida Action Plan to Fight Corruption// <http://www.amg.um.dk/en/menu/PoliciesAndStrategies/AntiCorruption/>
6. Denmark: Phase 2. Report on the application of the convention on combating bribery of foreign public officials in international business transactions and the 1997 recommendation on combating bribery in international business transactions// <http://www.oecd.org/>
7. International anti-corruption standards// http://www.oecd.org/pages/0,3417,en_36595778_36595926_1_1_1_1_1,00.html
8. Jing R., Graham J.L. (2007) Values versus regulations: how culture plays its role? *Journal of Business Ethics*. Vol.80, pp.69-85
9. Lindgreen A. (2004) Corruption and unethical behavior: report on a set of Danish guidelines. *Journal of Business Ethics*.pp.31-39
10. Pujas V., Rhodes M. (2006) A clash of cultures? Corruption and the ethics of administration in Western Europe. *Administration in Western Europe*, p. 688-702
11. Sanyal R. (2005) Determinants of bribery in international business: the cultural and economic factors. *Journal of business ethics*.pp. Vol.59, pp.139-145
12. Как бороться с коррупцией// <http://www.hakamada.ru/1323/Radio/1556.html>

Подсекция «Истории социально-политических учений»**Православное учение о генезисе форм государственного устройства*****Вовченко Б.В.****Аспирант факультета политологии**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии Москва, Россия**E-mail: bigbobby@yandex.ru*

В современном социальном учении Русской православной церкви, изложенном в «*Основах социальной концепции РПЦ*» (ОСК), происхождение государства является прямым следствием грехопадения Адама, т.к. его отступление от Бога принесло в мир «грехи и пороки, нуждавшиеся в общественном противодействии» (ОСК, III.2). «Государство как необходимый элемент жизни в испорченном грехом мире, где личность и общество нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха, благословляется Богом. В то же время необходимость государства вытекает непосредственно из воли Божией о первозданном Адаме, но из последствий грехопадения и из согласия действий по ограничению господства греха в мире с Его волей» (III.2). Как видно, обретение свободы Церковью в постсоветский период привело к отходу от традиционной позиции сакрализации государственного института, а это, по мнению профессора А.А. Красикова, большой шаг вперед в развитии идеи церковной самостоятельности.

Однако многовековое наследие не могло не отразиться на взглядах разработчиков «*Основ*»: тезис «государство – следствие грехопадения» не помешал им составить иерархию форм правления. В основе данной иерархии лежит утверждение, что «форма и методы правления во многом обуславливаются духовным и нравственным состоянием общества» (III.7). Таким образом, ее элементы расположены по принципу упадка нравственной составляющей в социуме, т.е. читателю представлено развернутое учение о генезисе форм государственного устройства как этапах богоотступничества. Итак, предлагаемая иерархия включает в свой состав три элемента:

1. судейство;
2. монархия;
3. современная демократия.

В эпоху Судей, описанной в Ветхом Завете в Книге Судей, существовала единственная в истории подлинная теократия, то есть богоправление. Бог правил Израилем через первосвященников, пророков и судей. «Для ветхозаветного народа Законодателем был Сам Бог, давший правила, которые регламентировали не только собственно религиозную, но и общественную жизнь (Исх. 20-23)» (III.2). Власть, установленная Богом, действовала не через принуждение, а силой авторитета, который сообщался Божественной санкцией. Чтобы такая власть действительно осуществлялась, вера в обществе должна быть весьма сильной. Таким образом, в этот период не было необходимости в государстве, т.к. основная функция данного института видится разработчикам «*Основ*» в принуждении и ограничении (III.3). Но в то же время не отрицается, что государство начинает постепенно складываться как раз в эпоху Судей (III.1).

О его окончательном появлении можно говорить в так называемый период Царств. В это время происходит переход от судейства к монархии, который обусловлен удалением

общества от послушания Богу как устроителю мирских дел. Данный переход свидетельствовал об ослаблении веры, отчего и возникла потребность заменить Царя Незримого царем видимым. Израильтяне захотели иметь земного повелителя вследствие умножения грехов и беззакония, вследствие удаления от послушания Богу как своему единственному Царю. Господь принял выбор богоизбранного народа и в то же время выразил сожаление об этом выборе: «И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними... Итак послушай голоса их; только представь им права царя, который будет царствовать над ними» (1 Цар. 8. 7, 9). Как видно, данная форма правления по-прежнему остается богоданной, т.к. также санкционирована Богом через пророка Самуила, но при этом имеет весомое отличие от судейства. Заключается оно в том, что для своей реализации монархия использует уже не столько духовный авторитет, сколько принуждение, т.е. государственный аппарат. Таким образом, как отмечает Е. Холмогоров, читателю предлагается теория происхождения государства в результате упадка теократии.

И, наконец, о современных демократиях в концепции говорится, что они «не ищут божественной санкции власти. Они представляют из себя форму власти в секулярном обществе, предполагающую право каждого дееспособного гражданина на волеизъявление посредством выборов» (III.7). Из сказанного можно сделать вывод, что демократия не является богоустановленной формой власти. Так как современные демократии следуют в иерархии форм власти следом за монархией, то это означает, что переход между ними также произошел из-за дальнейшего ослабления веры и упадка нравственного уровня общества. Однако из этого утверждения отнюдь не следует, что демократия – наихудшая форма правления. Ведь смена судейства произошла с помощью волеизъявления израильтян, т.е. вполне демократическим путем. Впоследствии желание народа иметь земного царя была одобрена Богом как высшим правителем. «Таким образом, возникновение земного государства должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устроить свою общественную жизнь исходя из их свободного волеизъявления, с тем, чтобы таковое устройство, являющееся ответом на искаженную грехом земную реальность, помогало избежать еще большего греха через противодействие ему средствами мирской власти» (III.1). Так появляется новый элемент в православной теории происхождения государства: государство является плодом народовластия, а это позволяет говорить о попытках «демократизации» социального учения РПЦ.

Литература.

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.
2. «Круглый стол» «Основы социальной концепции РПЦ» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2001. № 2 (26).
3. Холмогоров Е. Застенчивая иерократия. Заметки на полях «Основ социальной концепции РПЦ» // Отечественные записки. М., 2001. № 1.
4. Цыпин В., протоиерей. Курс церковного права. Клин, 2004.

Политическая теория Кеннета Уолца

Сетов Никита Романович

Студент

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия
E-mail: exorcist_sky@mail.ru*

Рассмотрение и анализ теории политического неореализма в наши дни приобретает все более важную роль как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Касательно первого аспекта, следует отметить, что после распада Советского Союза и коренной перестройки системы международных отношений неореализм оказался на «задворках» исследовательских интересов, чего нельзя сказать о других теориях международных отношений (неореализм предполагает невозможность мирного сосуществования государств на международной арене, в отличие от других теорий). К началу XXI века, после достижения определенной стабильности в международных отношениях в отношениях, прежде всего, между бывшими сверхдержавами, интерес к «силовой политике» в теоретическом смысле этого понятия стал возрастать – причиной тому стали, например, попытки расширения военно-политического блока НАТО в восточном направлении, то есть сценарии слияния с ним Украины и Грузии. Также к таким попыткам можно отнести переговоры США с Польшей и Чехией по вопросам размещения на территории последних элементов систем противоракетной обороны ПРО. В этой работе будут рассмотрены основные аспекты теории основоположника этого направления, Кеннета Уолца, изложенные в работе «*Man, the State and War: a Theoretical Analysis*».

Кеннет Нил Уолц (Kenneth Neal Waltz) родился в 1924 году. В настоящее время работает в Университете Колумбии в Нью-Йорке (Columbia University in the City of New York). Помимо основной работы в вышеуказанном университете, он также является заслуженным профессором политических наук Калифорнийского Университета (University of California, Berkeley). В прошлом Кеннет Уолц был президентом Американской Ассоциации Политических Наук и членом Американской Академии Наук и Искусств. В 1957 году он защитил докторскую диссертацию в Университете Колумбии. Кеннет Уолц по праву считается одним из самых выдающихся исследователей международных отношений, которые живы до сих пор. И, безусловно, Уолц является одним из основателей неореализма в теории международных отношений, также известного как структурный реализм.

Разрабатывая методологию для исследования международно-политических реалий, Уолц пришел к выводу, что наиболее разумно было бы использовать системный подход. При этом главную роль Уолц отводил понятию структуры, которая представляет собой «распределение возможностей (принуждений и ограничений), которые система вменяет своим элементам-государствам».

Уолц всегда отвергал идею о том, что войны можно избежать; по его мнению, международной системе присуща склонность к войне, которая возникает из-за полярности этой системы. В своей работе «*Man, the State and War: A Theoretical Analysis*» он пишет: «Международная система сокрушила либеральные и социалистические надежды на то, что установление легитимных режимов положит конец войнам». Склонность к войне, по Уолцу, свойство системы, а полярность – структурная характеристика.

Для того чтобы рассмотреть основные аспекты становления и развития политической теории Кеннета Уолца, необходимо дать краткий анализ его основной работы «*Man, the State and War: A Theoretical Analysis*». В этой книге Уолц выделяет три уровня анализа международных отношений: индивид, государство и международная система.

В первой главе своей работы, которая называется «Международный конфликт и поведение человека», ученый рассматривает первый уровень анализа соответственно. По его мнению, все основные причины войны являются следствием человеческой природы и поведения. Он пишет: «Войны есть результат эгоизма, неправильно направленных импульсов агрессии, глупости». Остальные факторы войн Уолц характеризует как второстепенные и связывает их появление с развитием первостепенных причин. Исследователь отвергает все проекты изменения человеческой природы, потому что

почти невозможно найти людей, которые старались бы подавить свою злобу. Единственный путь для контроля этой злобы и индивидуальных желаний Уолц видит в изменении социально-политических институтов государства, которые, в отличие от человеческой природы, возможно изменить. Что же касается степени воздействия социально-политических институтов государства на поведение индивида, то в этом вопросе позиция Уолца довольно жесткая: «Для контролирования ненасытных людей необходимо большее воздействие, чем проповедь».

Вторая глава книги посвящена следующему уровню анализа, а именно, уровню государства. Она носит название «Международный конфликт и внутренняя структура государства». В этой главе Уолц обращает внимание читателя на тот факт, что большинство исследователей склонны рассматривать действия государств как следствие действий людей, живущих в государстве. Безусловно, это верно. Но, по мнению Уолца, поведение людей и действия государства не всегда совпадают.

Большую часть второй главы Уолц уделяет критике либеральных концепций, аргументируя свою позицию тем, что государственное устройство и политический режим государства не являются определяющим фактором влияния на внешнюю политику и стратегию действия на международной арене. Он пишет: «Действия государств, или, более точно, действия людей для государств, создают содержание международных отношений. Но международная политическая среда больше соотносится с путями поведения государств».

Третья глава работы носит название «Международный конфликт и международная анархия». В мире существует множество независимых государств, которые обладают независимыми интересами и амбициями. В этом мире отсутствует система международных законов, которую бы признавали все без исключения государства. Эти два фактора Уолц считает основными причинами возникновения межгосударственных конфликтов, иногда перерастающих в войны. И в рамках этих конфликтов государство может рассчитывать только на свои собственные силы. По мнению ученого, государство начинает использовать силу в тот момент, когда осознает, что мирное существование не всегда является самой привлекательной целью. В связи с этим тезисом, Уолц приводит следующий аргумент: «Поскольку каждая держава – сама себе высший судья, постольку любая страна в любое время может применить силу для проведения собственной политики, из-за этого другие страны вынуждены быть постоянно готовы ответить на силу силой или же заплатить за свое спокойствие».

В заключение, следует отметить неоспоримый вклад Уолца в развитие теории международных отношений и политической науки. Он заложил основные постулаты неореализма, теории, которая действительно актуальна для анализа международных отношений в наше время, ведь проблема угроз для общества и государства до сих пор не разрешена.

Теория государственного суверенитета Жана Бодена и современность

Соловьева Дарья Алексеевна

студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: amtone4ka@ya.ru

Имя Жана Бодена стоит в одном ряду с именами величайших мыслителей эпохи Возрождения – Николо Макиавелли, Эразма Роттердамского, Томаса Мора, Томазо Кампанеллы и других современников. В России его работы не получили широкого распространения и мало изучены. Многие из них не переведены на русский язык. За

рубежом творчество Ж. Бодена хорошо исследовано в связи с его приоритетом в рассмотрении проблемы государственного суверенитета. Самыми известными произведениями Ж. Бодена являются «Шесть книг о Республике» и «Легкий метод постижения истории», в которых он излагает свои мысли об историческом развитии человечества и государства. Сочинения Бодена неоднократно переиздавались, были переведены на итальянский, испанский, немецкий и английский языки. Произведение «Шесть книг о Республике» первоначально было написано на французском языке, а потом переведено им самим на латынь. Некоторые авторы (например, Ж.-Ф. де ла Арп) сравнивали этот трактат с «Духом законов» Ш. Монтескье.

Работы французского политического теоретика заняли достойное место в ряду выдающихся произведений о политике. Они оказали влияние на развитие политической мысли Европы. В произведении «Шесть книг о Республике» («Six livres de la République») Боден говорит вовсе не о республиканской форме правления, как может показаться из названия. Боден употребил слово «République» в том смысле, в каком оно использовалось в древнем Риме. Дословно римское «Res publica» означает «общественное дело» или «государство». Атрибутами государства, с точки зрения Ж. Бодена, является сильная власть, способная сплотить в единое целое всех членов общества.

Боден утверждает, что суверенитет является абсолютной и постоянной властью, трактуемой римлянами как величие (достоинство)... означающее высшую власть повелевать. Здесь автор восходит к средневековому латинскому слову *superanus*, производному от классического латинского *superus* «наивысший, превосходный»

Государство, не обладающее суверенитетом, не в силах связать, объединить людей, так как все законы, исходящие из ведомств этого государства, не являются обязательными для граждан. Под суверенитетом Боден понимает абсолютную власть в лице государства, которая выражается в издании законов без согласия подданных. Такое понимание суверенитета вполне соответствовало духу эпохи.

В последней трети XVI столетия Франция стала ареной кровопролитной войны католиков и протестантов, последствия которой ставили под угрозу само существование государства. В попытках сохранить государство выдвигались различные проекты государственного устройства, способного сплотить население. Радикальные варианты решения проблемы Никколо Макиавелли и Томаса Мора не могли быть осуществлены в реальной жизни. Ж. Бодену удалось найти «золотую середину», которая могла стать идеологией государства, способного защищать свои интересы, стоящие выше религиозных и политических распрей. Объективными границами абсолютизма, по убеждению Бодена, являются этические нормы, законы природы и божественные законы, непререкаемые даже для монарха. В его лице верховная власть должна следовать этим ограничениям, в противном же случае, монархия становится тиранией.

Литература

1. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) под ред. Брагиной Л.М., М., 1985 г.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Спб., 1996 г.

Политический дискурс В.В. Розанова как феномен отечественной социально-политической мысли XIX-XX вв.

Сорокопудова Ольга Евгеньевна

студент

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: olga-srkdvd@mail.ru

Так сложилось, что на протяжении XX века русская культура и представления о ней складывались «вне Розанова». Наша литература и философская мысль стали много беднее без этого мыслителя, преданного долговому забвению и только начавшего издаваться у нас, наряду с такими мыслителями как П.Флоренский, С.Булгаков, Н.Бердяев, Вл. Соловьев, К.Леонтьев, А.Хомяков.

В.В. Розанов вошел в русскую жизнь как один из самых противоречивых и антиномичных людей своего времени. Всю жизнь он колебался между противоположными, даже взаимоисключающими точками зрения на интересующие его проблемы: христианская религия, иудаизм и еврейский вопрос, проблемы семьи и пола, судьба русских и России. На страницах его произведений мы встречаем множество различных, часто парадоксальных суждений по актуальным проблемам общественной и политической жизни.

Однако именно политическое наследие мыслителя в настоящее время остается далеко не полностью разработанным. В отличие от философских вопросов понимания или метафизического отношения писателя к вопросам семьи и пола, политические идеи В.В. Розанова не получили серьезного исследовательского анализа и систематизации.

И не смотря на то, что в последнее время интерес к фигуре В.В. Розанова заметно возрос (публикуются и переиздаются его произведения, проводилась конференция, посвященная анализу его философского наследия, и т.д.), однако, как политический мыслитель он практически не рассматривается. Вместе с тем совершенно не определено место В.В. Розанова именно в системе политических наук, а именно его значение для истории политических идей России.

Поэтому изучая творчество В.В. Розанова, представленное совокупностью публицистических, литературно-критических, религиозных и других работ, мы делаем акцент на рассмотрении политических идей мыслителя, его оценки тех или иных политических феноменов, мировоззренческих установках и отношении к современным ему политическим реалиям.

Целью нашей работы является характеристика В.В. Розанова как политического мыслителя с точки зрения определения его места и роли в истории политических идей России конца XIX- первой четверти XX вв.

В нашем исследовании мы доказываем следующие положения:

- политические идеи В.В. Розанова составляют органическое целое с его философской и общемировоззренческой позицией, и во многом их специфичность обусловлена глубоко религиозным восприятием мира автором;

- не смотря на то, что В.В. Розанов является религиозным мыслителем, в его творчестве можно выделить самобытные политические идеи: суждения о государстве, революции, причинах и истоках терроризма, отношения к таким идейно-политическим феноменам как монархия, демократия, либерализм, социализм;

- специфический характер политического наследия мыслителя обусловлен не только личностным, биографическим фактором (о чем писали многие исследователи его творчества), но и в большой степени идейно-теоретическим и культурно-историческим контекстом развития России XIX – XX вв.;

- значение В.В. Розанова для истории политической мысли России в целом было недооценено, и отношение к нему исследователей было и остается неоднозначным до сих пор. Однако, на наш взгляд, политическое творчество писателя представляет собой нетривиальную трактовку привычных понятий и позволяет шире взглянуть на предметное поле истории политической мысли вообще.

Литература

1. Гулыга А.В. (2006) Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия.
2. Николюкин А.Н. (2001) М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ.
3. Розанов В.В. (1994) Мимолётное. М.: Республика.
4. Розанов В.В. Опавшие листья. (2004) М.: ООО «Издательство АСТ».
5. Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. (1996) Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. Николюкина А.Н. – М.: Республика.
6. Сохряков Ю.И.(2000) Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв., М.: Наследие.

Подсекция «*Политического менеджмента и связей с общественностью*»**Регулирование современной лоббистской деятельности***Адуховский Глеб Янович**Аспирант**Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова, факультет
государственного управления, Москва, Россия
e-mail: glebunidze@bk.ru*

Всегда интересно исследовать те явления и процессы, имеющие политико-правовой характер, которые вызывают неоднозначную оценку в обществе - начиная от уровня простого обывателя и заканчивая политиками, учеными-правоведами, юристами-практиками. Причем тем интереснее, чем яростнее споры сторон, противоречивее их оценки, которые зачастую обосновываются категоричными высказываниями в подтверждение иногда излишне принципиальных позиций. К такому явлению можно обоснованно отнести лоббизм, который, сопутствуя развитию демократических институтов государственности, стал неотъемлемым элементом эффективного осуществления правовой политики и претворения в жизнь тех юридических механизмов, которые создают основу самой правовой жизни в целом.

Наиболее объективным определением термина "лоббизм" я считаю юридическое. Оно представляется мне оптимальным в качестве отправной точки для понимания. В рамках юридического подхода мы получаем чёткую и одновременно комплексную дефиницию, не абсолютизируя какую-либо одну сторону лоббизма, но подразумевая их все.

Таким образом, юридический подход задаёт познавательную модель (матрицу), из отдельных фрагментов которой можно выстраивать целый спектр уже прикладных моделей понимания. В рамках юридического подхода, "лоббизмом" будет называться многоплановое взаимодействие (участие) граждан, групп граждан, общественных объединений, организаций, предприятий или отдельных лиц, специализирующихся на лоббистской деятельности, других субъектов правоотношений, с органами государственной власти, с целью оказания влияния на принятие необходимых им (или их доверителям) единичных решений (законодательных актов, административных, политических и иных официальных решений) и (или) для постоянного отстаивания своих (или доверителей) интересов.

Правовые способы лоббизма в Государственной Думе близки к технологиям public relations (PR). Фактически, используя различные методы внушения, лоббист пытается создать то или иное впечатление у депутатов по поводу рассматриваемого законопроекта. Заручившись поддержкой заинтересованных депутатов, опытный лоббист, начинает планомерно воздействовать на тех депутатов, которые еще не определились по рассматриваемому вопросу (а таких всегда большинство).

Эффективная реализация правовой политики в государстве опосредует практически все сферы юридической действительности, поэтому лоббизм, как комплексный политико-правовой институт, нуждается именно во всестороннем, концептуальном регулировании, расставляющим правильные приоритеты, вырабатывающим надлежащие и оптимальные юридические конструкции и, главное, использующем разнообразный и действенный набор правовых средств на пути достижения указанных приоритетов. Правильно расставленные акценты в механизме правового регулирования лоббизма в правотворческом, правоприменительном и правоинтерпретационном процессах, составляющих основу, костяк современной

российской правовой политики, помогут вычлениить все то позитивное, что может дать лоббизм нашему обществу, государству.

Сегодня мы видим, что в России предпринимаются попытки легализовать лоббистскую деятельность. Существующие законопроекты так или иначе пытаются прописать правила игры по этому вопросу. Но, когда бы ни был принят закон о лоббизме, тем не менее, мы уже сейчас можем констатировать, что благодаря наличию института средств массовой информации, лоббистская деятельность на протяжении последних лет действительно приобрела, по крайней мере, очевидный для третьих лиц характер. И очень часто усилия лоббистов нацелены на то, чтобы, прежде всего, привлечь внимание к проблеме не столько какого-то должностного лица, сколько внимание СМИ. С чем это связано? На мой взгляд, это связано с тем, что в рамках формальной процедуры принятия решений вероятность, что будет выбран необходимый для корпорации вариант, существует и она достаточно высокая. Но формальная процедура всегда позволяет государству принимать то решение, которое оно считает нужным, исходя из собственных интересов.

Современная правовая доктрина нуждается в гораздо большем числе альтернативных вариантов регулирования лоббистской деятельности, воплощенных в различные законопроекты, что позволит выбрать действительно оптимальный способ воздействия на рассматриваемое явление.

Гражданское общество может и должно быть содержательнее власти. И хотя пока этого не наблюдается, но если лоббизм в России выйдет-таки из теневой (или полутеневой) сферы - то он с необходимостью придёт к концепции GPA "governmental and public affairs" ("отношения с органами власти и общественностью") Необходимость этого подхода будет пропорциональна усилению в России роли общественного мнения.

Литература

1. Толстых П.А. Практика лоббизма в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. 2006 г
2. Толстых П.А. Закат Государственной думы
3. Бинецкий А.Э. Лоббизм в современно мире. 2004 г
4. Соловьев А.И. Политические коммуникации. М., 2004.
5. Соловьев В.Р. Путин. Путеводитель для равнодушных. 2008 г
6. Любимов А.П. История лоббизма в России. Либеральная миссия.2005 г
7. Толстых П.А практикум по лоббизму в России 2007 г

Роль структурирования коммуникации в выборе избирателя

Ветров Филипп Алексеевич

Студент

Череповецкий государственный университет,

Гуманитарный институт, Череповец, Россия

E-mail: vetrov_phillip@mail.ru

Приложение классических моделей электорального поведения (социологической, социально-психологической, рационального выбора) к современной российской действительности является проблематичным по ряду причин, в том числе а) излишняя

теоретичность моделей, следствием чего является малая эффективность их практического использования в коммуникационных кампаниях; б) отсутствие полноценной политической социализации у большинства нынешних избирателей; в) иной по сравнению с западными обществами характер социальных расколов; г) наличие патерналистских установок у населения, нехарактерных для запада при голосовании, что в итоге ослабляет способность рационального выбора. Основным недостатком классических моделей электорального поведения с точки зрения их использования в практике политического PR заключается в отсутствии внимания к механизмам принятия избирателем электорального решения, поиску, обработке, применения информации, необходимой для выбора.

В российской действительности существует относительно небольшое количество исследований, основанных на когнитивном подходе к электоральному поведению. Это придает актуальность нашей работе, с одной стороны, и заставляет нас обратиться к опыту западных исследователей, с другой. Когнитивная модель рассматривает процесс поиска и отбора информации, выделяет установки и стереотипы, способные повлиять на восприятие и анализ информации избирателем, делает акцент на механизмах, запускающих таким образом принятие решения, что позволяет с более высокой вероятностью делать прогноз электорального выбора, а также выявлять скрытые тенденции в политическом дискурсе. Основным же практическим достоинством когнитивной модели считаем возможность ее эффективного использования при построении коммуникативной кампании на выборах любого уровня.

Проведенное исследование показало, что отнесение избирателя к тому или иному типу по доминирующему у него методу поиска информации, необходимого информационного контекста, принятия решения, приоритетным электоральным стимулам, мотивации выбора, является определяющим в формировании эффективной коммуникации с избирателем.

Литература

1. Breslauer G. (1992) In defense of sovietology // Post-soviet affairs. Guilford, Vol. 8, № 3.
2. Richard R. Lau, David P. Redlawsk (2006) How Voters Decide: Four Strategies of Voter Decision Making, and Their Consequences*, March 13.
3. Гимпельсон В., Чугров С. (1995) Модели электорального поведения российских регионов // Мировая экономика и междунар. отношения. М., №4.
4. Пушкарева Г.В. (2003) Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели//Полис, № 3.
5. Шевченко Ю.Д. (2000) Поведение избирателей в России: основные проблемы.// Политическая наука. Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. М.

«Газовый конфликт» начала 2009 года и имидж России.

Михайленко Татьяна Александровна.

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет государственного управления, Москва, Россия.*

E-mail: glaffred@mail.ru

В настоящее время проблема имиджа государства является одной из центральных тем обсуждений международного сообщества. Существующий имидж страны начинает накладывать все более значительный отпечаток на характер ее взаимодействия с другими государствами и возможность реализации геополитических целей. Участие стран в международных столкновениях неизбежно перерастает в информационную войну, победа в которой подчас играет более весомую роль, чем результаты решения конфликта. Ярким примером данного факта является газовое столкновение между Россией и Украиной в начале 2009 года и имиджевые последствия этой проблемы.

«Газовый конфликт», разразившийся между Россией и Украиной в начале 2009 года, имел огромный отклик в осуждениях мирового сообщества, в том числе в СМИ. Действия России были описываются крайне неоднозначно. В рамках международных обсуждений и в СМИ страна характеризуется как:

- политический интриган и шантажист, цель которого – помешать сближению Украины и ЕС, а также дестабилизировать украинскую политическую элиту;
- империалистское государство, стремящееся укрепить механизмы влияния на постсоветском пространстве;
- ненадежный деловой партнер, поставивший под угрозу энергетическую безопасность Европы;
- жертва воровства и неисполнения договорных обязательств со стороны Украины.

Достигнутое соглашение по итогам конфликта воспринято также неоднозначно. С одной стороны, Россия характеризуется как инициатор урегулирования проблемы, что помогло стабилизировать энергетическое положение Украины и Европы. С другой - Россию называют неумелым переговорщиком, в итоге подписавшим соглашение, не выгодное в долгосрочной перспективе ни для одной из сторон.

Таким образом, «газовый конфликт» удалось разрешить, по крайней мере до будущего года. Однако в ходе столкновения Россия приобрела несколько достаточно устойчивых, в основном негативных образов, которые, несомненно, будут влиять на дальнейшую внешнеполитическую жизнь государства.

Анализ материалов в СМИ и комментариев политиков и экспертов позволяет сделать однозначный вывод о том, что Россия понесла серьезный репутационный ущерб в результате «газового конфликта», имидж страны значительно ухудшился. Самое очевидное – Россия лишилась статуса надежного поставщика энергоресурсов. В результате в Европе активизировались переговоры о нахождении альтернативных источников энергии. Данная ситуация может уже в течение ближайших лет лишить Россию существенной доли европейского газового рынка.

Кроме того, общий уровень доверия к России в связи с конфликтом значительно упал. Несомненно, это повлияет на статус России как международного актора и ход международных переговоров с участием страны.

Первые результаты опросов свидетельствуют о том, что «газовый конфликт» повлиял и на имидж России в среде гражданского населения разных стран. Ситуация оказала в основном негативное влияние. Наиболее негативно воспринимают Россию опять же жители государств, где Россия имеет наименьшие рейтинговые позиции. Значительно ухудшилось отношение к России со стороны граждан Украины.

Однако положительным является тот факт, что, в отличие от многих других международных конфликтов, в данном случае России удалось достаточно профессионально организовать информационное сопровождение ситуации. Был задействован мощный политический ресурс, проведен ряд переговоров на высшем уровне, большинство журналистов своевременно получили информацию о конфликте и необходимые комментарии. Значительную часть информационной работы взяла на себя

профессиональная пресс-служба компании «Газпром», но так или иначе, в области информационного сопровождения России на этот раз выступила достойно.

На международном информационном поле легко прослеживается закономерность: чем хуже имидж России в том или ином государстве, тем больше негативных отзывов и публикаций отмечено по поводу «газового конфликта». Прежде всего, это относится к британо-американскому лагерю, Прибалтике, Чехии и Польше. Тревожным сигналом является значительное количество негативных отзывов в немецких СМИ.

Важно отметить, что «газовый конфликт» Россия-Украина сопровождался интенсивными дискуссиями о репутационных потерях сторон и их роли в формировании дальнейшей геополитической расстановки сил. В данном обсуждении, в частности, приняли участие не только серьезные деловые и узкоспециализированные издания, но и массовые, общеинформационные СМИ. Данный факт свидетельствует о возрастании значимости в международной политике имиджа государства, причем существующего не только в кругах высшей политической элиты, но и в гражданской среде.

Литература.

1. Гаджиев К.С. (2007) Геополитические горизонты России. Контурь нового миропорядка. М.: Экономика.
2. Галумов Э.А. (2003) Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия.
3. Панарин И. Н. (2006) Информационная война, PR и мировая политика. М.: Телеком.
4. <http://inosmi.ru> (портал «Иностранные СМИ»).
5. <http://www.prime-tass.ru> (информационное агентство «Прайм-Тасс»).
6. <http://rian.ru> (информационное агентство «РИА Новости»).

Лоббизм: теория и Российская практика

Мошкова Н.Н.

Студент

*Ульяновский государственный технический университет,
экономико-математический факультет, Ульяновск, Россия*

E-mail: nataha-8907@list.ru

Сегодня тема лоббизма приобретает особую актуальность в свете попыток администрации по-новому выстроить свои взаимоотношения с элитами и олигархическими группировками, создать такие политические механизмы, которые ставили бы их хотя бы в относительно равное положение перед властью и препятствовали получению одними группами заведомых преимуществ перед другими.

Актуальность темы исследования связана с широко распространенным в российском обществе и публичном дискурсе негативным отношением к феномену лоббизма. Если на уровне федерального центра во все большей мере используются институциональные технологии продвижения групповых интересов во власти: создаются различные отраслевые и общественные объединения, организовываются компании в СМИ, то в субъектах РФ наблюдается иная картина - доминирование отрицательных характеристик в отношении лоббизма.

Цель исследования – рассмотреть формы и развитие лоббизма в региональных аспектах в зависимости от приближенности к центру.

Лоббизм, безусловно, представляет собой важный механизм принятия взвешенных государственных решений на основе согласования различных позиций и интересов. Наступило время и у нас вывести "теневой" отечественный лоббизм "на свет",

превратить его в полноценный политический институт, каковым он, к примеру, является в США и Западной Европе, где в органах власти представлены не только мощные корпоративные структуры, но и интересы различных сегментов общества.

Сравнивая российскую систему лоббизма с американской, необходимо сделать акцент на законодательном аспекте. В Америке действует поправка к конституции, предусматривающая право каждого гражданина или организации доводить свои жалобы и пожелания до избранных органов, что создает основу для формирования и эффективного функционирования лоббистского рынка. В России же государство не признает официально такого явления, как лоббизм. Возможно, именно по этой причине экономический и политический лоббизм в России остается неурегулированным и зачастую носит нелегальный характер.

Лоббизм жестко связан с политической властью. Можно вывести такую закономерность: лоббизма больше, как правило, там, где больше реальной власти. Иными словами, лоббизм - своего рода признак власти, ее специфическая «отметина». И наоборот, он не будет проявляться там, где власть отсутствует или где она выступает лишь в качестве номинальной силы.

В работе представлен анализ исследований, проведенных в центральном федеральном округе в 2008 году центром по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти. Изучена и представлена на графиках специфика продвижения интересов бизнес структур по областям центрального федерального округа. Работа включает в себя широкий спектр практических моментов рассмотрения лоббистской деятельности как эффективного института продвижения групповых интересов в органах власти.

Особенности трансформации политической системы России на современном этапе

Степанченко Владимир Анатольевич

Аспирант

Учреждение Российской академии наук Институт социально-политических исследований, Отдел социальных показателей и индикаторов развития российского общества

E-mail: vladimirstep@yandex.ru

В конце 2008 года в России завершилось формирование малопартийной системы: из 15 партий, зарегистрированных на начало года, к декабрю осталось лишь 6. В ближайшее время регистрацию должна получить и новая либеральная партия «Правое дело». В Послании Федеральному собранию Президент пообещал некую либерализацию партийной системы. В частности, снижается минимальная численность партий; отменен избирательный залог, необходимый для регистрации на выборах; думским партиям будет предоставлен доступ к государственным СМИ; партиям, набравшим 5-7% голосов на выборах, гарантированы 1-2 депутатских мандата. В связи с этим перед нами очередной этап трансформации политической системы России, который даёт возможность предположить три сценария функционирования политической системы в будущем.

Суть первого сценария состоит в формировании системы с двумя доминирующими политическими партиями («Единая Россия», «Справедливая Россия»). К достоинствам двухпартийного сценария можно отнести предсказуемость. Однако выборы депутатов Государственной думы в декабре 2008 года показали, что любые заявки на создание «второй партии власти» встречают сильное сопротивление у деятелей правящей политической организации.

Второй возможный сценарий – это возврат к однопартийной политической системе. Такая возможность не исключается, если в России обострятся противоречия в элите или

следствием экономического кризиса станет катастрофическое падение уровня жизни большинства населения.

Третий, как нам представляется, самый вероятный сценарий, – это постепенное перерастание партийной системы в систему ограниченного плюрализма, степень свободы в которой определяет Кремль. Отчасти это подтверждается резким сокращением числа политических партий после думских выборов 2008 года. При такой системе российским партиям будет сложно эволюционировать и бороться не только со своим низким уровнем развития, но и за институциональную силу парламента. К тому же не стоит забывать, что часть экспертов считают, что в последние годы партийная конкуренция сдерживалась законодательно. Хотя можно признать, что попытка создания либерального проекта «Право дело» является реакцией власти на снижение демократичности избирательных кампаний. Однако это свидетельствует о плачевном положении гражданского общества, которое оказалось не в состоянии сформулировать и институционализировать либеральные идеи в новый проект правой партии, что выглядит неестественно, когда в политической повестке дня вновь возник вопрос модернизации России.

Но создание прокремлевской демократической партии неизбежно изменит всю структуру партийной системы, которая будет выглядеть несколько сложнее, чем классическая двух- или трехпартийная модель. Пока же можно утверждать, что к следующим думским выборам (декабрь 2011 года) число партий не изменится, по крайней мере, в сторону увеличения. Со сложностями столкнутся непарламентские партии, поскольку отменяется избирательный залог, который давал возможность некоторым партиям («Патриоты России», «Яблоко») принять участие в региональных выборах. Как свидетельствуют региональные выборы, так называемая парламентская льгота даёт думским партиям огромное преимущество. Отмена же избирательного залога лишает непарламентские партии хоть каких-либо шансов принять участие в региональных выборах.

Литература

1. Демократия: развитие российской модели (2008)/Под общей редакции проф. Юргенса И.Ю. М.: Экон-Информ.
2. Локосов В.В. (2006) Российское сообщество: трансформация целей, интересов, ценностей. М.: РИЦ ИСПИ РАН.
3. www.vibory.ru (Независимый институт выборов).
4. www.kremlin.ru (Президент России).

Региональная молодежная политика как фактор повышения электоральной активности молодежи (на примере Омской области)

Щепёткин Алексей Владимирович⁹

Аспирант

Омская гуманитарная академия, кафедра управления и права, г. Омск, Россия

E-mail: alexey.schepuotkin@gmail.com

Одной из актуальнейших проблем современного российского общества является невысокая социальная и политическая активность российской молодежи. При этом для дальнейшего развития демократии и гражданского общества в России необходимо, чтобы все слои населения принимали активное участие в жизни нашей страны. Именно

⁹ Автор выражает признательность д. пол. н., профессору Волоху О.В. за помощь в подготовке тезисов.

поэтому в настоящее время актуальным является изучение вопросов электоральной активности молодежи и факторов ее повышения.

Результаты последних избирательных компаний по Омской области (выборы депутатов Государственной Думы, выборы Президента Российской Федерации) показали, что в Омской области значительно повысилась электоральная активность молодежи. По данным Избирательной комиссии по Омской области доля проголосовавшей молодежи из числа всех проголосовавших на выборах депутатов Государственной Думы (2007 г.) увеличилась по сравнению с предыдущими выборами депутатов Государственной Думы (2003 г.) на 17% (34,75% до 51,51%). Доля же молодых избирателей до 30 лет на выборах Президента Российской Федерации вообще беспрецедентная – 63,94%. На наш взгляд, основная причина таких значительных изменений в электоральном поведении молодежи в Омской области – комплексная, системная, многосторонняя и активная молодежная политика, реализуемая в последнее время в Омской области. В связи с этим, а также для того чтобы проиллюстрировать основной тезис данной работы, мы провели анализ мер и проектов, реализуемых в 2005-2008 гг. в Омской области в сфере молодежной политики, которые, на наш взгляд, способствовали значительному повышению электоральной активности молодежи. В данной работе представлены наиболее интересные и эффективные проекты.

Начиная с 2005 г. в Омской области реализуется проект «Школа молодого политика». За это время сертификаты выпускников «Школы молодого политика» получили более 150 молодых человек. Программа «Школа молодого политика» основана на комплексном подходе к созданию лидеров молодежных общественных и политических объединений, которые, являясь лидерами общественного мнения, в свою очередь способны активно влиять на политическую и электоральную активность молодежи. Эффективность данной программы представлена результатами анкетирования выпускников «Школы молодого политика», проведенного нами в 2008 г. Исследование показало, что результат обучения в Школе молодого политика – это возникновение потребности в активном выражении гражданской позиции, в самореализации себя в общественно-политической сфере (76%), повышение интереса к вопросам, связанным с развитием Омской области и в целом РФ (62%) а развитие возможностей для удовлетворения этих потребностей (47%), а также карьерный рост в органах государственной власти и общественных организациях (33%). С другой стороны, эти молодые люди, несомненно, являются лидерами общественного мнения в молодежной среде. Они способны транслировать эти новые ценности, потребности, образцы поведения другим людям. То есть, они косвенно, на своем примере, могут влиять на большое количество молодых людей, побуждая их к проявлению большей гражданской, социальной, политической активности. В этом случае включается в работу феномен «моды», который в первую очередь характеризует молодежную субкультуру.

Другим успешным проектом является Молодежная секция Совета при Губернаторе Омской области по реализации приоритетных национальных проектов. Это общественный орган, обеспечивающий участие молодежи в выработке и осуществлении государственной политики Омской области в сфере реализации приоритетных национальных проектов. В состав секции входят лица в возрасте 19-30 лет, в том числе студенты и аспиранты высших учебных заведений Омской области, молодые учителя школ и преподаватели ВУЗов, лидеры молодежных общественных организаций. Эти молодые люди также являются лидерами общественного мнения в среде молодежи. Их работа в секции и активное освещение в региональных СМИ реализуемых ими проектов являются своеобразной «рекламой» того, что в Омской области каждый молодой человек может принимать активное участие в развитии нашего региона, что, в свою очередь, возможно, способствует повышению у молодежи интереса к социальной, политической жизни Омской области и России в целом.

Также в Омском регионе в течение 2007 – 2008 гг. молодежными общественными организациями систематически проводились разного рода ролевые игры для молодежи в возрасте как от 14 до 18 лет, так и старше 18 лет, направленные на повышение политической грамотности, знакомство с основами избирательного законодательства, повышение электоральной активности молодежи, формирование потребности в активном участии в избирательном процессе, заинтересовать их этим. Необходимо заметить, что молодые люди действительно проявляли интерес, когда им предлагали самостоятельно разработать программу политической партии или проектировать избирательную кампанию. В этом случае молодые люди получают возможность посмотреть на избирательный процесс «изнутри», почувствовать себя его участниками, получают социальный поведенческий опыт участия в выборном процессе.

В течение двух последних избирательных компаний (выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации 2007 г., выборы Президента Российской Федерации 2008 г.) Избирательной комиссией Омской области совместно с молодежными общественными организациями реализовывался конкурс «Будущее выбираю сам». Это конкурс среди образовательных учреждений на самую высокую активность студентов в день голосования на выборах. В декабре 2007 г. в данном проекте участвовало всего 11 учебных заведений, и студенческая явка, по результатам данного конкурса, составила 33%. В марте 2008 г. участие приняли 58 учебных заведений, и явка студентов составила 43%. В основе данного проекта лежит механизм соревновательности, который формирует дополнительный мотив участия студентов в выборах. Необходимо отметить, что успешная реализация данного проекта невозможна была бы без совместной слаженной работы избирательной комиссии, администрации учебных заведений и молодежных общественных организаций.

Выводы

1. Меры, предпринимаемые для повышения электоральной активности молодежи, должны носить во многом косвенный характер, и быть направленными преимущественно на повышение интереса к жизни города, региона, страны в целом, к избирательному процессу, повышение правовой культуры и гражданской активности молодых, молодежь следует заинтересовать и мотивировать.
2. При планировании мер, направленных на повышение электоральной активности молодежи, необходимо учитывать специфику данной возрастной группы. Для повышения активности молодежи также представляется полезным активное использование и формирование лидеров мнений из молодежной среды.
3. Электоральную активность следует прививать на самых ранних стадиях процесса социализации, для этого молодежи следует показывать, что участие в избирательном процессе – это не обязанность, а потребность каждого гражданина нашей страны.
4. Меры, предпринимаемые для повышения электоральной активности молодежи, должны быть комплексными и разнонаправленными, а также должны объединять в себе усилия различных социальных институтов (органы власти, избирательные комиссии, учебные заведения, молодежные общественные организации и т.д.)

Подсекция «*Экономической политики современных государств*»**Взаимоотношения государства и рынка в современном мире*****Кармишин Илья Сергеевич****Аспирант**Государственный университет – Высшая школа экономики,**факультет политологии, Москва, Россия**E-mail: karmishin@gmail.com*

Многообразие современных форм участия государства в конструировании и регулировании экономических процессов, типов отношений между государством и экономическими агентами базируется на длительном историческом развитии научной мысли и апробировании различных подходов на практике. Общим трендом в контексте трансформации понимания места государства в формировании ткани экономических отношений является рост звучания тезиса (и интенсификация его практической реализации) о важнейшем значении государственного участия в этом процессе.

Однако в отличие от традиционного подхода, основанного на анализе степени участия государства в регулировании рыночных процессов, осознание обоюдного влияния сторон - конституирования государством рынка и участия рынка в формулировании политики и её реализации структурами политической власти – предполагает рассмотрение качественного элемента как принципиального при оценке взаимодействия государства и рынка. В условиях практически повсеместного участия государства в регулировании экономических процессов и, соответственно, выстраивания отношений с участниками рынка, ключевым становится характер таких отношений и их влияние на экономическое развитие.

Количественное соотношение государственного и рыночного секторов отходит на второй план, и ключевым вопросом для анализа становится «характер способов интеграции двух типов структур и двух типов институционализированных правил [Радаев, с. 4.]».

Сегодня легитимность осуществления властных полномочий частными акторами часто обеспечивается через рыночные механизмы конкуренции. Однако определение посредством демократических и судебных процедур спектра властных функций, которые могут быть делегированы частным акторам (а, следовательно, предоставлены рыночной конкуренции), находится в компетенции государства. Именно эта сфера полномочий государства является принципиальной, поскольку действия акторов, которым были делегированы какие-либо функции, не могут быть легитимизированы непосредственно через рыночную конкуренцию как таковую; это возможно только через демократические и судебные практики государства.

Государство обеспечивает конституционную основу, в пределах которой возможна дискуссия относительно передачи тех или иных функций частному сектору. И лишь после принципиального одобрения государством дальнейшей приватизации представители частного сектора могут ожидать социального одобрения, необходимого для передачи властных функций.

С учетом данных факторов можно говорить о расширении влияния государства в современных условиях денационализации структур политической власти при видоизменении своей сути от монополиста к менеджеру политической власти. Соответственно, государство по-прежнему несет конечную ответственность за все акты политической власти.

Наиболее показательным примером первостепенной роли государства в обеспечении экономического развития является государство развития [Development State], осуществляющее политику во имя экономического развития. В целом вмешательство государства развития воплощает три главных компонента. Во-первых, прямая собственность и контроль промышленного производства имеют вторичное значение по сравнению с процессом создания экономической инфраструктуры посредством образования, обучения, и исследований. Во-вторых, государство выполняет ключевые функции в обеспечении взаимоотношений труда и менеджмента. В-третьих, оно берет на себя ведущую роль в создании конкурентных преимуществ. В рамках деятельности по созданию условий для экономического роста государство, воздерживаясь от прямого управления, координирует и во многом выстраивает рыночные процессы.

Развитием положений о государстве развития стал концепт «встроенной автономии» (embedded autonomy), предполагающей 1) дистанцирование государственной власти и аппарата от групп интересов; 2) выстраивание сетей, связей в структуре рынка. Соблюдение этих условий рассматривается в качестве ключа к успешному вмешательству государства в конструирование рыночных процессов.

В то время как встроенность позволяет государству получать информацию и мобилизовать ресурсы, автономия гарантирует сохранение фокуса государства именно на целях развития. В отличие от теории государства развития, отличительной особенностью тезиса о «встроенной автономии» является понимание социальной и культурной встроенности как ключевого фактора в формировании различий способности государства поддерживать автономность.

Таким образом, в контексте тезиса о встроенной автономии одной из центральных характеристик государства развития является выстраивание отношений государства с участниками общественных отношений в режиме, определяемым первой из сторон. Это, в свою очередь, возможно при условии неразвитости гражданского общества, жёсткого мониторинга со стороны авторитарного государства при одновременной неинституционализированности организаций общественного движения и дефиците транснациональных сетей. Государственный аппарат базируется на крайне жесткой иерархически организованной включенности и служит в качестве средства мониторинга общественных настроений и реализации правительственной экономической политики при игнорировании сигналов от широких общественных слоев.

Однако изменение условий на мировой арене меняет и роль государства развития. Новые режимы правления на транснациональном уровне сужают «пространство развития» для государств, в которых имеют место успешные формы индустриальной политики. Транснациональные структуры снижают способность институциональных инноваций, требуемых для успешного социального развития. Глобальные институты в нынешнем виде являются серьезным препятствием к институциональным инновациям на национальном уровне. Соответственно, эти факторы также ставят вопрос о возможности государства развития в условиях глобализации.

Учитывая изменение условий функционирования государств, в том числе, государств развития и смену фокусов в исследованиях роли государств в современном мире и характера их взаимоотношений с экономическими агентами, актуальной задачей является поиск новых моделей поведения государств и формулирование альтернативных объяснений динамичного развития ряда экономик.

Литература

В.В.Радаев. Экономическая социология-2. Лекция по теме 11. Государственное регулирование хозяйства.

Evans Peter. (1995) *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Evans P., Rauch J.E. (1999) Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of “Weberian” State Structures on Economic Growth // *American Sociological Review*. Vol. 64. No. 5. P. 748–765.

Johnson, Chalmers. (1982) *M.I.T.I. and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-1975*, Stanford, Cal., Stanford University Press. p.196.

Polanyi Karl. (1957) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston, MA: Beacon Press.

Малый и средний бизнес как один из основных аспектов поддержания социально-экономической стабильности.

Куликов Валентин Игоревич

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

философский факультет, Москва, Россия

E-mail: v.i.kulikov@mail.ru

Говоря о возможности сектора малого и среднего предпринимательства в сфере расширения занятости, государственные органы большинства западных стран считают их поддержку одним из основных приоритетных направлений своей социальной и экономической политики. Различные бюджетные программы и работа специально образованных институтов направлены как на стимулирование образования новых предприятий, так и на организацию всевозможных систем профессионального обучения и подготовки.

Развитие производства предприятий малого бизнеса создает все необходимые условия для оздоровления экономики, так как формируются конкурентные отношения, увеличивается потребительский сектор, создаются дополнительные рабочие места, структурная перестройка идет активнее. Кроме того, развитие малого и среднего предпринимательства ведет к наполнению рынка товарами и услугами, повышению экспортного потенциала, оптимальному использованию местных сырьевых ресурсов.

Все малые и средние предприятия делятся на две группы.

- К первой группе относятся предприятия, так или иначе связанные с крупной промышленностью. Эти малые и средние предприятия остаются юридически независимыми, так как работают по контракту с крупными. Этой группе предприятий свойственны следующие черты: специализация на производстве узкого круга деталей и узлов; существенно снижаются затраты на производство, что позволяет крупному бизнесу оптимизировать свою ресурсную базу; гибкость производства способствует быстрой переналадке, смене моделей. Наконец, в условиях научно-технического прогресса малые и средние предприятия функционируют с одной стороны, в роли экспериментаторов для крупных фирм, а с другой – как фирмы, которые обслуживают товары, созданные предприятиями крупной промышленности.

- Ко второй группе можно отнести малые и средние предприятия, непосредственно конкурирующие на рынке с предприятиями крупного бизнеса и друг с другом. Предпосылками для достаточно быстрого развития предприятий этого сектора могут способствовать: способность быстро реагировать на требования рынка и удовлетворять спрос, возникающий на различные товары и услуги; стартовый капитал существенно меньше, что позволяет легче маневрировать по сравнению с более крупными фирмами; стремление заполнить сферы, которые по тем или иным причинам не выгодны крупным фирмам; и наконец, стоимостная политика крупных предприятий, диктующих рынку достаточно высокие цены.

Что дает малый бизнес отдельному человеку? Социальная и экономическая роль малого предпринимательства состоит в праве граждан на свободное использование своего имущества и собственных способностей для осуществления предпринимательской деятельности. Для отдельного человека, малый бизнес - это:

- занятость и доходы;
- возможность лучше контролировать свое будущее;
- возможность в гораздо большей мере объединить в одно целое работу и личную жизнь;
- возможность самореализоваться, проявить свои способности и таланты.

Такие потенциальные возможности малого и среднего бизнеса заставляют уделять серьезное внимание его развитию.

Литература

1. Горфинкель В.Я., Швандар В.А. Малый бизнес. М., 2007
2. Касьянов А.В. Малый бизнес. М., 2005
3. Лапушта М.Г. Малое предпринимательство: Учебник. М., 2004
4. Налоговый Кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая (с изменениями и дополнениями на 1 января 2009 г.). М., 2009
5. Российский статистический ежегодник. 2006. Росстат. М., 2008
6. Интернет-версия системы КонсультантПлюс: <http://www.consultant.ru/online/>
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru/>
8. Официальный сайт Министерства экономического развития: <http://www.economy.gov.ru/>

Метафорические образы экономики

Николаев Илья Викторович

студент

Южный Федеральный университет, факультет социологии и политологии, г.Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: nikolaev_polit@mail.ru

Метафора как языковое явление занимает значительное место в процессе осмысления окружающего мира, в том числе и экономики. Однако наряду с позитивной функцией упрощения сложных сообщений метафора может выполнять и негативные. Так, она участвует в конструировании реальности, что дает возможности манипуляции со стороны тех, кто может создавать и транслировать метафоры.

«Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» (Лакофф, Джонсон). Метафоричность выражения не сводится к механическому переносу понятий. Так, концептуальная метафора создает концепт – словесное понятие, включающее в себя представление коммуникатора о предмете. Устоявшиеся метафоры фиксируют представления, делая проблематичным их изменение в соответствии с динамикой развития означаемого предмета. «Концептуальные метафоры не только конституируют систему понятий человека, но и участвуют в формировании его ценностной системы» (Опарина, 2002). В этом свойстве метафоры заключается ее конструирующий потенциал.

Необходимо развести «мертвые» и только формирующиеся метафоры публичного дискурса. «Мертвые» метафоры уже сформировались и стали общеупотребимыми. Они не вызывают активных мыслительных процессов интерпретации, а создают четкие ассоциации. Применение мертвых метафор осуществляется неосознанно и представляет собой приложение готовых штампов мышления к реальности. Например, метафора

политического пространства как рынка. Существует общемировая тенденция взаимного переноса образов из экономики в политику и наоборот. Учитывая, что демократия в общественном мнении не мыслится без рыночной экономики, комплекс экономико-политических метафор («политический рынок», «политическая конкуренция», «кредит доверия», «голосовать рублем», «суверенитет потребителя» и др.) служит цели легитимации существования как политического режима, так и экономической системы, т.е. выполняет идеологические функции.

Существуют также устоявшиеся метафоры, основанные на пространственных и перцептивных свойствах предмета. В публичном экономическом дискурсе к таким можно причислить «высокий/низкий валютный курс», «жесткая/гибкая экономическая политика», «взлет/падение цен». Такие метафоры М. Осборн причисляет к архетипичным, среди которых метафоры, отсылающие реципиента к свойствам природы, философским антагонизмам (добро и зло, свет и тьма), образам движения (путь, вектор) и другим универсальным для любой культуры явлениям. Осборн формулирует 6 законов функционирования и использования архетипичных метафор в сфере политической коммуникации (Osborn, 1967, p 116-117). Архетипичные метафоры более частотны, чем новые, только формирующиеся (1 постулат). Их употребление зачастую остается незамеченным самим коммуникатором. Мы не задумываемся над словами, «выводя из тени» свои доходы или становясь на «путь экономических реформ». Архетипичные метафоры универсальны для всех поколений и культур (2). Они не подвластны влиянию политической ситуации и не изменяются во времени. Такие метафоры закреплены в общечеловеческом опыте, о чем Осборн говорит в 3 законе. На формирование архетипичных метафор ушел не один век развития социума, поэтому и их искоренение практически невозможно. Архетипичные метафоры затрагивают глубинные, базовые мотивации людей (4 закон), создавая импульсы к действию. Так метафора движения может выступать побуждением к нему. Классическим примером в этом случае будет «ускорение» времен «перестройки», которое служило идеологическим мобилизационным инструментом. К тому же, термин «перестройка» также является проявлением традиционного метафорического образа создания нового (общества, государства, экономической системы), особенно популярного в период критической нестабильности в обществе. 5 закон Осборна: архетипичные метафоры оказывают тотальное действие, влияют на большинство получателей информации. Такое свойство выливается в популярность таких метафор в области политических речей (6 постулат).

На ряду с устоявшимися существуют также еще не институализированные метафоры. Они новы, и только потенциально могут быть взяты в комплекс языковых средств упрощения реальности. Именно их имеет в виду Н.Д. Арутюнова, говоря, что метафора – это «победа над языком» (Арутюнова, 1987). Они преодолевают ограничивающие языковые нормы за счет поиска новых комбинаций смыслов. Такие метафоры наполняют журналистский дискурс, включаются в политические речи, бытуют в публичном дискурсе.

Так, к примеру, министр финансов России А.Кудрин в интервью телеканалу «Россия» 14 февраля 2009 года сравнил страну во время экономического кризиса с человеческим организмом, а антикризисные меры с таблеткой, упоминая при этом, что следует помнить о дозировке.

Самым эффективным институтом по продуцированию и тиражированию политических метафор является, несомненно, средства массовой информации. Так следующие примеры, принадлежащие перу Т.Канищевой, мы находим в Российской газете от 16 февраля 2009 года (Российская газета, 16.02.2009). Метафора заявлена уже в заглавии: «Восьмерка» замкнулась». Такое выражение не однозначно и заставляет читателя задуматься над содержанием статьи, а, следовательно, прочитать ее. Таким образом, метафора мобилизует и акцентирует внимание, т.е. ограничивает восприятия

целостного образа мира. В статье используются уже устоявшиеся метафоры: «суд общественности», «ответить кошельком», «войти в кризис / выйти из кризиса», «держат деньги у себя дома». Среди прочего Канищева прибегает к традиционной, но не вошедшей в повседневный обиход метафоре огня. Она пишет, что американские антикризисные меры «несколько притушили пожар, но угольки на пепелище продолжают тлеть и готовы разгореться в любой момент». Такой художественный ход помогает автору упростить экономический язык статьи, приблизить его к обывателю, придать образности.

Существование метафоры в языке, как пишут Дж. Лакофф и М. Джонсон, невозможно без наличия метафорического понятия в сознании (Лакофф, Джонсон). В тоже время метафора служит для концентрации внимания на определенном аспекте предмета. «Метафорическое понятие может мешать сосредоточиться на других аспектах этого понятия, несовместимых с соответствующей метафорой» (Лакофф, Джонсон). Поэтому справедливо говорить о конструирующих функциях метафоры, о том, что с ее помощью индивид и общество могут прийти к заблуждению и неадекватно реагировать на реалии окружающей действительности, в частности, на функционирование экономики и события экономического кризиса.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. (1987) Аномалии и язык // Вопросы языкознания. № 3.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Доступно: <http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>
3. Канищева Т. «Восьмерка» замкнулась // Российская газета - Центральный выпуск №4849 от 16 февраля 2009 г.
4. Опарина Е.О. (2002) Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука. № 3.
5. Osborn, M. (1967) Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family. In Quarterly Journal of Speech, Vol. 53

Стратегическое планирование и экономические реалии

Портыко Д.Б.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: dima1999@bk.ru

На протяжении всего периода современного развития России, руководство страны сталкивалось с проблемой реализации стратегического планирования. Об этом свидетельствует разработка множества программ по планированию и прогнозированию в постсоветское время. Значение реализации этих программ особенно возрастает в связи с огромными экономическими и социальными проблемами в России, которые предстоит решить стране в ближайшей перспективе: обеспечение устойчивого экономического роста и повышение уровня жизни населения. В главном документе, наметившем перспективы развития страны - Концепции инновационного развития страны-2020 содержится пошаговый план действий (Госсовет 08.02.08).

Как показал анализ исторического опыта стратегического планирования в СССР, других странах и современной России, в его основе лежат разные концептуальные подходы. Наиболее распространенным теоретическим подходом к определению стратегического плана является формулирование долгосрочных целей развития с использованием макроэкономических показателей при отсутствии необходимого согласования целей с объемом и структурой требующихся для их достижения ресурсов.

Таким образом, под стратегическим планированием понимают некоторые (желаемые) прогнозируемые состояния развития национальной экономики (отраслей, регионов) в среднесрочном и долгосрочном периодах. На самом деле прогноз состояния должен быть результатом расчета плана (траектории) наилучшего использования национальных ресурсов сейчас для максимального ускорения движения в желаемом направлении. Именно этот подход был реализован в СССР период индустриализации, во время войны и в восстановительный период. Далее в ходе реформирования экономики план все более превращался в прожектерство.

Переход Российской Федерацией в конце 1991 г. к рыночной экономике знаменовал отказ от стратегического планирования одновременно с распадом. В 90-х годах планирование развития национальной экономики было заменено эконометрическим прогнозированием. В российской практике периода рыночных трансформаций термин «планирование» долгое время почти не употреблялся в документах и программно-аналитических проработках, что стало при реализации реформ поспешной реакцией российской элиты на выдвинутую задачу – перейти к исключительно рыночным методам регулирования экономических процессов. Государственное планирование было полностью вытеснено категорией прогнозирования. Категория планирования использовалась только при составлении государственного бюджета.

Необходимость выхода российского производства, теряющего конкурентоспособность, на инновационный путь развития отражена в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Впервые за все постсоветские годы государство решилось взять стратегическую инициативу в свои руки и широко стало применять терминологию стратегического планирования в обосновании своих действий. Но в концепции лишь формулируются долгосрочные цели, и отсутствует механизм итеративного согласования декларируемых задач с требующимися для их реализации ресурсами. Внедрение механизма стратегического планирования эффективного использования национальных ресурсов становится важнейшей задачей нашей страны для сохранения ее суверенитета и движения вперед.

Литература

1. Ведута Е.Н. «Стратегия и экономическая политика государства», Москва: Академический проект, 2003
2. Ведута И.И. «Социально-эффективная экономика», Москва: РЭА, 1999
3. Логвинов С.А. «Макроэкономическое стратегическое планирование», Москва: Инфра-М, 2001
4. Кокошин А.А. «О стратегическом планировании в политике», Москва: Комкнига, 2007
5. Федоров Н.В. «Российская экономика; стратегическое планирование социально-экономического развития», Москва: Эксмо, 2001
6. Кузык Б.Н. Прогнозирование и стратегическое планирование социально-экономического развития», Москва: Экономика, 2006
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года
8. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 мая 2004 года
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2001 года
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 декабря 1999 года

Мировой финансовый кризис: существующий прогноз и анализ в условиях хаоса**Ульянов Д.А.**

*Студент юридического факультета
Академия ФСБ России, Москва, Россия
E-mail: sicherheit@bk.ru*

Люди, как и создаваемые их практиками структуры, представляют собой в первую очередь явления социальной действительности. Подобная имманентность представляет собой причину, благодаря которой мы не обладаем достоверными знаниями механизмов, порождающих социальные явления. Наш здравый смысл в равной степени обусловлен подобными механизмами, как и иные социальные феномены. Все наши предсказания социальных, экономических или политических событий таким образом представляют собой интерполяцию будущего по набору известных нам схожих событий прошлого. Под «событием», вопреки положениям Алена Бадью, понимается любое действительное изменение социального мира; событие представляет собой нечто повседневное, массовое и обыденное, происходящее постоянно, а отнюдь не нечто редкое, уникальное, из ряда вон выходящее. Так, наиболее типичным образцом событий могут служить социальные и экономические практики, непрерывно воспроизводящиеся во времени. Исходя из этого, прогнозирование заключается не столько в предвидении событий как таковых, сколько в предвидении их свойств.

Подобное «предсказание по уподоблению» можно аналитически разложить на, как минимум, два ключевых этапа. Первый этап связан с исследованием всех известных событий интересующего нас вида в прошлом. Точнее, изучаются все события, свойства которых с некоторой точностью совпадают со свойствами тех, которые имели место в ближайшем прошлом. Например, перед нами стоит задача предсказать свойства политических событий на десятилетие вперед. Для этого надо найти в истории такое десятилетие, где свойства произошедших тогда политических событий с определенной погрешностью совпадают со свойствами случившихся в те десять лет, что предшествуют настоящему моменту. Если такое «базовое десятилетие» найдено, то допустима экстраполяция: по аналогии, свойства политических событий, имевших место в десятилетие, следующее за выбранным, могут служить основанием прогноза.

Такой этап — этап отбора — оказывается возможным постольку, поскольку социальная действительность относительно устойчива, и в ней не бывает абсолютно уникальных событий, которые нельзя было бы ни с чем сопоставить, вписать в серию других похожих событий. Это означает, что в рамках структур социальной действительности за исторически небольшой период времени воспроизводство событий, т. е. постоянство их существенных характеристик, превалирует над производством, т. е. над изменением данных характеристик. Именно то обстоятельство, что при всех вариациях различий тождество событий социальной действительности воспроизводится во времени, позволяет нам ориентироваться в ней и на протяжении всей своей жизни более или менее успешно действовать.

На втором этапе, который можно назвать собственно этапом экстраполяции, мы предсказываем свойства грядущих событий, перенося регулярности, найденные нами в прошлом, на будущие события.

Алгоритм есть конечный набор правил, определяющий последовательность действий, которая заведомо приводит к решению конкретного множества задач. Однако алгоритм предсказания по аналогии, наиболее распространенный в сегодняшнем экспертном сообществе, может давать сбои. Подобная ситуация имеет следующую

фундаментальную причину: предполагается, что свойства социальных событий изменяются со временем, как периодическая функция времени. Иными словами, фактически утверждается, что события, имевшие место в прошлом, могут случиться и в будущем, так что различия между их свойствами будут носить лишь количественный характер. Таким образом, экстраполяция производит модель со слабо учтенной динамикой. Точнее, предполагается, что свойства социальных событий изменяются со временем, как периодическая функция от времени. Если же социальные структуры теряют свою устойчивость из-за внешнего влияния или внутренних флуктуаций, то свойства событий начинают слишком быстро меняться, порождая ранее не учитываемые последствия и результаты, а прогноз терпит крах.

Следует отметить, что подобная техника «экстраполяции по аналогии» имеет и обратные последствия: любые известные нам события представляются как находящиеся в ряду постоянного, стабильного социального воспроизводства. Предположение о стабильности и устойчивости будущего заставляет нас принять утверждение о наличии и у прошлого данных свойств как неких постоянных. Результатом подобной спекуляции оказываются столь же популярные, сколь и практически малозначимые споры о соотношении «революции» и «государственного переворота», или знаменитое изречение, что «политики прошлого всегда не правы», со всеми вытекающими из него сомнительными следствиями.

Однако наличие в обществе не только механизмов социального воспроизводства, но и социального производства позволяет нам усомниться в полноте и ценности подобных методик. Хаотическое состояние связано с непредсказуемостью. Стационарная, периодическая и квазипериодическая динамика событий социальной действительности в принципе предсказуема. Хаос же всегда есть следствие аperiodического изменения свойств событий.

Таким образом, присущая современному анализу механика экстраполяции истории заведомо не в состоянии предсказать нечто качественно иное, нежели то, что уже случилось, нечто, выходящее за пределы вариаций некоторой фиксированной сущности, тогда как существенные свойства будущих событий могут не иметь аналогов в прошлом. В силу этого мы можем более или менее эффективно предсказывать лишь спады и кризисы, имеющие периодический характер.

Однако глобальный кризис, разразившийся в 2008 г., есть системный кризис, который нельзя описать, экстраполируя бывшие периодические кризисы. Именно в этом смысле нынешний кризис есть хаос, неупорядоченное и непредсказуемое становление, которое разворачивает и проявляет события, которые ранее существовали лишь в возможности.

Существующие методы анализа и прогноза не в состоянии предсказать нам фактические последствия мирового финансового кризиса. Нам представляется поток пессимистических суждений, сам по себе являющийся неотъемлемым компонентом кризиса, но не модели, рефлексирующие сегодняшнее состояние и создающие пространство для принятия практических решений. Подобные «прогнозы» так же насыщены метафорикой, как и стерильны в смысле своей эффективности и полезности.

Тем не менее, мы в состоянии понять причины и направленность мирового финансового кризиса в сегодняшних условиях. Хаос, с которым мы сегодня столкнулись, противостоит центру современной социальной действительности — американскому капитализму — и в этом его глобальное значение. Именно понимание данного факта должно служить основой модификации существующих политических и экономических практик.

Литература

1. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла. СПб., Machina, 2006.
2. Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Вопросы философии. 1997. №3.

3. Малинецкий Г.Г. Математические основы синергетики: Хаос, структуры, вычислительный эксперимент. М., 2007.
4. Николис Г. Пригожин И. Познание сложного: Введение. М., 2008.
5. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. №6.

Подсекция «*Экологической политики*»**Экологистское движение как сетевое явление политического процесса***Андрос Олег Евгеньевич**аспирант кафедры политических наук**Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, философский факультет, г.Киев, Украина**E-mail: androsland@inbox.ru*

Экологистское движение является современным "сетевым" явлением, состоящим из полностью автономных структур, имеющих зачастую разную идеологию и ставящих разные цели. Общая цель экологизма - гармонизация отношений человека и природы - распадается на ряд подзаданий в рамках действий общественных природоохранных образований. Этими задачами становятся:

- просвещение населения;
- мирное сопротивление власти капитала, спаянного с властными структурами, играющей ныне решающую роль в загрязнении и общей дестабилизации мирового окружающей среды;
- акции "прямого действия" (разрушение техники, радикальная защита животных движением зоозащитников и пр.);
- создание "альтернативных моделей общества" (коммун, экопоселений, т.н. сквотов на основе природоохранной идеологии), подающихся как пример жизни в гармонии с окружающей средой (часто такие «альтернативные поселения» становятся образцами для целых регионов);
- вооруженное сопротивление корпорациям (самый примечательный пример - "республика антиглобалистов" в штате Чиapas (Chiapas), Мексика); здесь нужно подчеркнуть, что в насильственной борьбе "альтернативных глобалистов" защита окружающей среды выступает не основной целью, а одним из важных пунктов их программы наряду с сугубо социальными требованиями;
- участие в принятии политических решений и влияние на осуществление политики на межгосударственном уровне (в рамках структур ООН и других международных организаций).

Все эти задачи призваны изменить глобальный путь человечества, перевести на новые рельсы отношения землян к среде своего обитания, изменить мир путем изменения сознания людей. Акцентирование внимания на мировоззренческих изменениях присущ всем деятелям экологистского движения, и закономерно возникает необходимость формирования четкой идеологии движения. Ведь от изменения глобального отношения к окружающей среде будет зависеть дальнейшее осуществление политики и сама жизнедеятельность современных обществ.

Довольно много черт экологистское движение переняло из технологии безлидерного сопротивления. Данная концепция была в основном сформирована в 80-х гг. XX ст. и получила распространение в контркультурных движениях, а также в движениях сопротивления левого направления. 90-е годы стали годами расцвета технологии безлидерного и сетевого сопротивления. Особенности такой активистской деятельности следующие:

- отсутствие единого координирующего центра;
- наличие общей идеологии или по крайней мере основных постулатов, на которые основывают свою деятельность члены движения;

- наличие медиа-ресурса, с помощью которого члены движения могут обмениваться идеями и отчетами о своих достижениях (по обыкновению это определенный сайт или рассылка в Интернете);

- активная деятельность в медиа-сфере. Даже наименьшее свое достижение сеть активистов имеет возможность быстро распространить в медиа-пространстве как новость.

Если брать общую классификацию подобного рода движений, то, для примера, Д.Арквилла и Д.Ронфельдт считают наиболее распространенными типами организации следующие:

1. сегментированная: "состоящая из многих разных групп, которые возрастают и умирают, разделяются и объединяются, размножаются и вступают в партнерства";

2. полицентрическая: "имеет множественное, часто временное и иногда конкурирующее руководство или центры влияния";

3. сетевая: "формирует свободно связанную, сетчатую, интегрированную сеть с множественными связями через переходы членов, одновременное членство в более чем одной организации, общую деятельность, общие взгляды, общие идеи и общих оппонентов" [3, с. 273].

Рассмотрим подробнее некоторые характеристики сетевого движения (прежде всего в контексте экологистского движения).

Полицентричность - наличие многих руководителей или руководящих центров; эти лидеры в конечном итоге не осуществляют руководство через цепь управления, в центре которого находится руководящий лидер.

Сетевое координирование. Разные группы одного движения не изолированы одна от другой. Они являются интегрированной сетью или сетчатой структурой, связанной неиерархическими социальными связями между членами движения и общими представлениями, идентичностью и общими оппонентами. Сетевая структура дает участникам возможность обмениваться информацией и идеями и координировать участие в общих акциях. Сети не имеют определенных четких границ, они расходятся и сокращаются согласно действиям групп, которые в них входят.

Внутри группы сетевого сопротивления образуются особые связи. Личные отношения связывают участников движения в разные группы через родственность, брак, дружбу, соседство и т.п. Даже если группа распадается, личные связи остаются. Один человек зачастую является членом более чем одной группы. Особенно активны в формировании сетевых связей лидеры.

Сегменты сетей экологистских движений объединяются за счет нахождения общих неприятелей и идеологии. Эти факторы дополняют друг друга и помогают в формировании культуры движения.

Следует рассматривать структуру современного экологистского движения с точки зрения концепции "сетевой организации", согласно которой среди особенностей современных общественных организаций можно отметить такие, как полицентричность, сегментированность, высокую адаптивность, наличие общей идеологии, которая подразделяется на направления согласно ее интерпретациям, большую роль личных связей. Современное экологистское движение выходит за пределы отдельных стран именно благодаря своей сетевой структуре, которая дает возможность свободно обмениваться идеями благодаря сети Интернет и координировать свои действия в глобальном масштабе.

Литература

1. Глобальні модерності. За ред. М.Фезерстоуна, С.Леша та Р.Робертсона. – К.: Ніка-центр, 2008. – 397 с.

2. Киреев О. Поваренная книга медиа-активиста. - М.: Ультра-Культура, 2006.
3. Мережі і мережні війни: Майбутнє терору, злочинності та бойових дій. / За ред. Дж. Арквіллі, Д.Ронфельдта; Пер. З англ. А.Іщенко. – К.: Вид дім «Києво-Могилянська Акад.», 2005. – 350 с.
4. Філософія політики: короткий енциклопедичний словник / Авт.-упоряд.: Андрущенко В.П. та ін. - К.: Знання України, 2002. – 670 с.

**Проблемы развития политических партий «зеленых» Великобритании и Германии:
ретроспектива и перспективы**

Бузмакова Д.С.

студент

*Пермский государственный университет, историко-политологический факультет,
Пермь, Россия*

E-mail: darya_buzmakova@mail.ru

В настоящее время изучение экологического движения является особенно актуально. Все больше говорится об экологических проблемах, о загрязнении окружающей среды, но при этом мы мало знаем о партиях «зеленых», которые занимаются их решением. Особенно активно занимаются решением экологических проблем в странах Евросоюза. Особую роль в этом процессе играют политические партии «зеленых».

Однако в течение своего существования у данных политических сил появлялись определенные проблемы, с которыми, так или иначе, сталкивались практически все партии экологической ориентации. Для анализа были взяты наиболее яркие из них, по мнению автора, это партии «зеленых» Великобритании и Германии. Изучая данные политические силы, были выделены следующие критерии для рассмотрения: особенности возникновения и институционализации, социальная база, идеологическая ориентация, отношение к власти, организационные характеристики: численность, степень централизации, степень автономии: проблема финансирования партий.

На основе анализа этих критериев были сделаны не только выводы о проблемах, существовавших на протяжении долгого времени в партиях «зеленых» Великобритании и Германии, но и о затруднениях, с которыми изучаемые случаи сталкиваются на современном этапе своего развития.

Проведенное исследование показало, что «зеленые» партии Германии и Великобритании имеют много схожих черт в политическом развитии, однако существуют определенные отличительные черты, которые обуславливаются разными политическими системами в странах анализируемых случаев.

Литература

1. Fisher J. British Political Parties. Prentice Hall., 1996.
2. Parkin S. Green Parties. Heretic books., 1988
3. Peele G. Governing the UK.1995. Pages 209-212.
4. Гинцберг Л.И. Массовые демократические движения в ФРГ и партия зеленых. М.: Наука, 1988.
5. Мироненко Т.Л. Особенности экологической политики государства (на примере США и ФРГ)// Полития. 2000. №1
6. Пятигорский, А.М. Является ли будущее "зеленых" розовым?: Утопия и демократия // Экология и жизнь 2002. № 4. С.12-15 .
7. www.gruene.de/cms/files/dokbin/145/145643.party_program_and_principles.pdf (Alliance 90/ The Greens: Party Programme and Principles)
8. www.gruene.de/cms/gruene_work/rubrik/0/189.chronik.htm (Chronik)

9. www.policy.greenparty.org.uk/mfss/ (Green Party of England and Wales: Manifesto for Sustainable Society)
10. www.greenparty.org.uk/issues/11 (Greening the Economy)
11. www.scottishgreens.org.uk/site/id/2/title/Publications.html (Introduction to the Scottish Green Party)
12. www.greenparty.org.uk/files/reports/2005/Keeping%20the%20lights%20on.pdf (Memorandum by Green Party of England and Wales)

Биосфероцентризм как ведущий принцип концепции устойчивого развития

Козьменко Э.А.

студент

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет
политологии, Москва, Россия
E-mail: just.imagination@gmail.com*

В рамках концепции устойчивого развития (sustainable development) можно выделить три основных аспекта или стороны – экологическую, экономическую и социальную [1]. Эти три стороны взаимосвязаны: экологическая определяет предельные границы выдвигаемых экономических и социальных задач, которые, в свою очередь, оказывают определенное влияние на экологию и экологическую деятельность. Устойчивое развитие оказывается недостижимым без учета возможностей экологического фундамента – поэтому любые пути развития природы и цивилизации, в основе которых лежит потребностный принцип, оказываются устаревшими моделями неустойчивого развития.

В основе экологического аспекта концепции устойчивого развития лежит биосфероцентрический принцип [2]. Биосфероцентризм, наряду с антропоцентризмом, представляет собой одну из двух ключевых составляющих концепции устойчивого развития. Биосфероцентрический принцип вносит в концепцию устойчивого развития две следующие идеи: 1) биосфера признается основой всех жизненных процессов на Земле и главным источником удовлетворения человеческих потребностей; 2) биосфера – не безграничный источник благ, поскольку имеет естественным образом обусловленные экологические пределы использования, выход за которые в экономических, социальных или каких-либо иных целях неизбежно приведет к нарушению устойчивого в долгосрочной перспективе развития человечества. Принцип биосфероцентризма носит ограничивающий характер: любые ограничения, налагаемые на эксплуатацию биосферы, являются производной от этого принципа. Совокупность подобных ограничений составляет содержание экологического аспекта устойчивого развития. Поэтому в самом общем случае понятия «биосфероцентризм» и «экологический аспект устойчивого развития» оказываются синонимами. Однако это не значит, что принцип биосфероцентризма полностью заключен в экологическом аспекте концепции. Он находит своё приложение и в двух других её сторонах. Некоторые компоненты, которые входят в состав экономического и социального аспектов устойчивого развития (например, экономические и демографические пределы роста), могут быть детерминированы границами биосфероцентрического (а не только антропоцентрического) свойства [3]. Это позволяет говорить о том, что биосфероцентризм как понятие более широкое, чем непосредственно экологическая сторона устойчивого развития. Данный факт в очередной раз указывает на тесную связь и взаимообусловленность всех трех сторон устойчивого развития.

Однако эта взаимообусловленность все же не означает полного равенства всех составляющих концепции. Экономический и социальный аспекты устойчивого развития в большей степени связаны с антропоцентризмом – признанием приоритетности удовлетворения цивилизационных потребностей. Четвертый принцип Рио-де-

Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию прямо указывает на то, что устойчивое развитие немислимо без защиты и учета природных возможностей, а последние являются его источником и «неотъемлемой частью» [4]. Экологическая (по сути – биосфероцентрическая) сторона концепции оказывается ключевой стороной устойчивого развития, поскольку именно она задает ограничения для двух остальных [5]. С другой стороны, антропоцентрический принцип не только лежит в основе экономического и социального аспектов устойчивого развития, но также оказывает влияние на экологическую сторону концепции, поскольку экологически устойчивое развитие нужно не ради его самого, но ради удовлетворения потребностей человечества.

В рамках формационного подхода для объяснения закономерностей общественного развития использовались такие понятия, как базис и надстройка. Экономический базис, связывающийся со степенью развитости в обществе производственных отношений, определял содержание социально-политической надстройки. Последняя же зависела от типа господствующих в обществе экономических отношений. В рамках концепции устойчивого развития, в качестве подобного «базиса» можно выделить ограничивающие развитие человеческой цивилизации естественно обусловленные экологические пределы роста, вне учета которых невозможно будет говорить о развитии социальной и экономической «надстройки» в долгосрочной перспективе: пирамида, в которой экономические интересы ставятся во главу угла, и происходит полное игнорирование накладываемых на социально-экономическое развитие экологических ограничений, оказывается перевернутой и, как следствие, неустойчивой. Устойчивое развитие должно заложить своеобразный «базис» – прочный экологический фундамент стабильного человеческого развития.

Концепция устойчивого развития предполагает, что будут сохранены возможности как для удовлетворения человеческих потребностей, так и для совершенствования совокупного качества жизни. Однако всё это должно происходить в формах, безопасных для окружающей человека природной среды, что в свою очередь, обеспечит возможности для удовлетворения потребностей будущих человеческих поколений [6]. В рамках концепции устойчивого развития нет столь жесткой иерархии и соподчиненности её сторон между собой (как это имеет место быть в рамках формационного подхода), причем каждая из сторон, в определенной степени, оказывает влияние на другие. Однако экологический аспект, в этом случае, выступает ведущим, поскольку более важными оказываются не потребности принципа антропоцентризма, но накладываемые на него биосфероцентризмом ограничения. В этом смысле, то самое «развитие» – «development» оказывается подчиненным (должно согласовываться) по отношению к понятию «устойчивое» – «sustainable» (оно же выступает и как «экологическое», и как «биосфероцентрическое») [7].

Таким образом, в качестве ключевой цели реализации концепции «sustainable development» можно назвать достижение наибольшего состояния гармонии триады основных аспектов устойчивого развития (экономического, социального и экологического), в котором бы экологическая составляющая играла роль регулятора и ограничителя двух других.

Литература

1. Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года. <http://www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21/>
2. Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии, 2001, № 1.
3. Pearce D., Markandya A., Barbier E. Blueprint for a Green Economy. - L.: Earthscan. Publications Ltd., 1989. - XVI, 173-186 p.
4. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Утверждена

Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. <http://www.un.org/russian/document/declarat/riodecl.htm>

5. Гирусов Э.В, Платонов Г.В. Мир в поисках концепции устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №1. 1996.

6. Василенко В.А. Экология и экономика: проблемы и поиски путей устойчивого развития. Аналит. обзор / СО РАН. ГПНТБ, ИЭиОПП. Новосибирск, 1997.

7. Данилов-Данильян В.И., К.С.Лосев, И.Е.Рейф. Перед главным вызовом цивилизации. М., 2005.

Политическая экология и экологическая политика

Потапенко Р.А.

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: potapenko.r@gmail.com

В настоящем смысле защитой природы занимается именно экологическая политика, которая в силу своего статуса «обычной» (отраслевой) политики государства из ряда таких же политик, сама политикой заниматься не может, в то время как политической экологии, в свою очередь, абсолютно нечего делать с природой, ее предмет – политика и, в известном смысле, политика политизации. Такой заход требует от нас вслед за Бруно Латуром поставить вопрос не только о соотношении природы и политики, но и примешать к ним проблемы производства научного знания, дающего пищу и (!) пример для политических действий с объектами, отрицая «классичность» и первозданность природы которых, ученые набивают оскомину, и дивятся тому, как были оставлены без внимания яростные усилия по доказыванию права этих объектов существовать в мире науки.

В сухом остатке проведенная работа призвана утвердить на своих местах понятия «экологическая политика» и «политическая экология». Неотрефлексированный статус природы, свободно в умах и речах существовавшей самостоятельно от политики, может оставаться выгодным ресурсом для политизации «защитниками природы» - но такая политтехнология, как утверждает данное исследование, не будет отныне восприниматься иначе, чем мобилизационная и иначе, чем технология.

Литература

1. Бруно Латур (2006) Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Спб.: Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге.
2. Бруно Латур (2006) Политика природы / Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре № 2(46) 2006.
3. Ефременко Д.В. (2006) Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. М.: ИНИОН РАН.
4. Никлас Луманн (2005) Экологический риск и политика // Политическая философия в Германии: Сб. ст. Изензее Й. и др. / М.: Современные тетради, 2005, стр. 237-246.

5. Философия природы сегодня (2009) М.: "Канон +" РООИ "Реабилитация".
6. Donald VanDeVeer, Christine Pierce (2003) The Environmental Ethics & Policy Book. North Carolina State University.
7. James Greenberg and Thomas K. Park (1994) Political Ecology Vol.1 / Journal of Political Ecology.
8. Paul Robbins (2004) Political ecology: a critical introduction. University of Arizona.

Подсекция «Политической регионалистики и этнополитологии»**Проблема определения политико-правового статуса полномочного представителя Президента в федеральном округе (на примере Южного федерального округа)****Антоненко Д.В.***студент**Южный федеральный университет, отделение «Регионоведение», Ростов-на Дону,
Россия**E-mail: dima.a88@rambler.ru*

В современном российском обществе огромное значение приобретает идея укрепления механизма государственной власти, которая выстраивает жесткую вертикаль отношений между федеральным центром и субъектами Российской Федерации. Особое место в этих отношениях принадлежит институту полномочного представителя Президента Российской Федерации на местах, который стал эффективным механизмом по реализации основных задач государственной политики Президента Российской Федерации.

На сегодняшний день в целом завершилось организационное оформление федеральных округов. Однако при этом сохраняется необходимость совершенствования нормативного регулирования деятельности полномочных представителей Президента в федеральном законодательстве для конкретизации места и роли рассматриваемого института в системе государственных органов, что и определяет **актуальность выбранной для исследования темы.**

Политико-правовой статус полпредов является противоречивым. С одной стороны, Конституция Российской Федерации предполагает применение главой государства координирующих полномочий и формирование федеральных органов власти. Однако при этом Президент, не входя в противоречие с действующей Конституцией РФ и другими законами, не может наделить полпредов юрисдикционными полномочиями. В результате, с одной стороны, полпреды имеют широкие возможности влиять на региональные процессы политически, но при этом не могут издавать административные распоряжения, обязательные к исполнению. Отсутствие таких юрисдикционных полномочий отчасти и предопределяет определенные проблемы, постоянно возникающие во взаимоотношениях полпредов с Правительством РФ и ведомствами, которые наделены административно-распорядительными функциями.

Другое **противоречие в статусе** полпредов является следствием двойственности конституционного статуса Президента Российской Федерации, который фактически является и главой государства, и главой исполнительной власти. Поэтому в деятельности полпредов сегодня перемешиваются два этих подхода. Полпреды пытаются, с одной стороны, - координировать, осуществлять надзор, выступать в роли посредников (политические функции), а с другой - вмешиваться в реальные хозяйственные и политические процессы в качестве административного органа (функции исполнительной власти).

Анализ деятельности полпредов на современном этапе убеждает, что они не призваны подменять органы государственного управления в субъектах Российской Федерации.

Главное в деятельности полномочных представителей - это решение задач стратегического значения, осуществление контрольных функций. Правовой и политический статус полпредов предоставляет им широкие возможности для совершенствования внутренней политики государства, для проведения линии Президента России в регионах, а значит, для оптимизации всей системы государственного управления.

Литература

1. Вагин И. С. (2003) Институт полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах // Юридическая наука и практика. Пермь.
2. Ковалев Г.С. (2004) Проблемы становления института полномочного представителя Президента РФ. www.humanities.edu.ru
3. Чертков, А. Н., Плюгина, И. В. (2006) Институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах //Право и политика, № 2.
4. www.ufo.gov.ru

Сепаратизм и национально-освободительная борьба***Грузин Александр Павлович****аспирант**Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Россия**E-mail: gs-company@mail.ru*

Сепаратизм (фр. *separatisme*, от лат. *separatus* – «отдельный») – стремление отделиться, обособиться; политико-социальное явление, основанное на движении за отделение части государства и создание нового государственного образования или за предоставление части страны автономии.

Национально-освободительное движение – массовое, общенародное движение, направленное против иностранного политического и экономического засилия в жизни той или иной страны, ликвидацию национально-колониального гнёта и эксплуатации, или за национальное равноправие в рамках отдельно взятого государства, вплоть до полного отделения и самостоятельности.

Актуальность данной темы заключается в огромной значимости изучения проблем сепаратизма и национально-освободительных движений, поскольку подобные явления порождают огромные социальные, экономические и политические проблемы, несет угрозу вооруженного противостояния, открытой конфронтации. Это приводит к человеческим жертвам, появлению беженцев, разрушению региональной хозяйственной инфраструктуры, социальных институтов, снижению эффективности территориальной власти. Очевидно, что данные процессы являются негативными и для государства в целом: нарушается механизм функционирования политической системы, падает легитимность центральной власти, общегосударственная идеология испытывает кризис.

На первый взгляд, сепаратистские тенденции объясняются дисбалансом между количеством независимых государств и числом проживающих в них этнических групп, что потенциально несет в себе зачатки дезинтеграции, связанные со стремлением этноса к обособлению, суверенному политическому и государственному контролю своей территории. Однако даже в экономически и социально развитых государствах, не имеющих на своей территории этнорегионов, проявляются признаки сепаратизма, обусловленного диспропорциями экономического развития, спецификой социокультурной среды, историческими предпосылками, характером политического управления и т.д.. Поэтому, по нашему мнению, отождествлять сепаратизм и национально-освободительную борьбу неправильно, поскольку сепаратизм, в отличие от национально-освободительной борьбы одного этноса от власти (доминирования) другого, не всегда имеет этнический подтекст.

Национально-освободительное движение и сепаратизм может принимать различные формы: 1) парламентская (законодательная) деятельность, имеющая целью создание экономических и политических основ национального суверенитета (национального равноправия); 2) культурно-просветительские акции, повышение образовательного уровня народа; 3) ненасильственные акции гражданского неповиновения; 4) вооружённая борьба.

В марксистско-ленинской фразеологии проводилось противопоставление между сепаратизмом и национально-освободительным движением. Национально-освободительное движение представлялось как положительное, прогрессивное явление, соответствующее общей направленности антиимпериалистической, антиколониальной борьбы народов (напр., движение в Восточном Пакистане, приведшее к отделению от Пакистана и образованию Бангладеш). Сепаратизм, однако, характеризовался как негативное явление, поскольку он «отвлекал» людей от антиимпериалистической борьбы в угоду узкоклассовым интересам национальной верхушки, препятствовал достижению единства сил в антиимпериалистической борьбе. Сепаратистами обычно именовались национальные движения, противостоявшие правительствам «прогрессивных», «демократических» (в марксистском понимании) государств, идущих по пути социалистического или некапиталистического развития (Биафра в Нигерии, Катанга в Конго, Нагаленд и др. в Индии, Кабинда в Анголе, Тамил Илама на Шри-Ланке и т. д.).

В новейшее время с оружием в руках право на самоопределение отстаивали уйгуры и тибетцы на территории КНР, обитатели Западного Ириана, Ачеха и Восточного Тимора в Индонезии, карены, моны, качины, аракан в Бирме/Мьянме, бенгальцы Восточного Пакистана, многочисленные движения на северо-востоке Индии, сикхи Пенджаба, белуджи и пуштуны в Пакистане, курды в Ираке, Иране и Турции, эритрейцы и сомалийцы в Эфиопии, сомалийцы в Джибути и Кении, обитатели региона Шаба в Заире, негроидное население Судана, арабская коммуна Чада и христианская коммуна Чада, туареги Мали и Нигера, обитатели Западной Сахары, Биафра в Нигерии, баски в Испании.

На постсоветском пространстве проявились сепаратистские движения в Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Абхазии, Приднестровье, а в 1996—1999 гг. — в Чечне.

Существует определённое противоречие между проведением в жизнь права народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государства, гласящим, что территория государства не может быть изменена без его согласия. Неспособность сторон найти мирное решение такого противоречия приводит к усугублению национальных конфликтов, зачастую перерастающих в военное противостояние. При этом представители центральной государственной власти обычно приводят в качестве аргумента в защиту своей позиции утверждение о приоритете принципа территориальной целостности по отношению к праву на национальное самоопределение.

Между тем, существует мнение, что принцип территориальной целостности направлен исключительно на защиту государства от внешней агрессии. Именно с этим связана его формулировка в п. 4 ст. 2 Устава ООН: «Все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединённых Наций», и в Декларации о принципах международного права: «Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны». Сторонники этого мнения указывают, что применение принципа территориальной целостности фактически подчинено осуществлению права на самоопределение - так, согласно Декларации о принципах международного права, в

действиях государств «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов». Таким образом, делается заключение, что принцип территориальной целостности неприменим к государствам, не обеспечивающим равноправие проживающих в нём народов и не допускающим свободное самоопределение таких народов.

Дать достаточно однозначный и нейтральный ответ на вопрос, чем национально-освободительное движение, борьба за осуществление «права на самоопределение» отличается от сепаратизма, не представляется возможным. Высказываемые точки зрения обычно крайне политизированны и связаны с текущей политической конъюнктурой.

Можно сказать только, что, как правило, «национально-освободительное движение» понимают как положительное, прогрессивное явление, которое поддерживают (или, по крайней мере, сочувствуют) широкие слои населения, тогда как «сепаратизм» — как бесполезное, либо отрицательное, выражаемое лишь меньшинствами.

Особенности формирования региональной политической культуры

Джанталева М.Ш.

Аспирант

Астраханский Государственный Университет
факультет социальных коммуникаций, Астрахань, Россия
E-mail: walkman.85@mail.ru

В последнее время во всем мире наблюдается повышение интереса политологов и широкого круга исследователей к проблематике, обозначаемой термином «региональная политическая культура». Особое место этот вопрос занимает в российской политической науке. Это связано, с необходимостью осмысления результатов социально-политических и экономических изменений, произошедших в России. Стало уже привычным суждение о том, что за последнее время Россия сильно изменилась, а вместе с ней во многом трансформировалось сознание и поведение российских граждан. Поэтому возникают конкретные вопросы - что именно изменилось в сознании, интересах, установках и ценностях россиян, а какие характеристики мировоззрения остались неизменными.

Политическая культура представляет собой составную часть общей культуры, которая включает в себя политико-мировоззренческие ценности и представления людей о политике, власти, стиль поведения и участия в политических событиях, а также накопленный политический опыт. Изучение мира политики убеждает в том, что политический процесс при всех присущих ему случайностях, неожиданных поворотах событий, многовариантности и альтернативности возникающих ситуаций, подчиняется внутренним законам, которые не могут быть выведены непосредственно ни из экономики, ни из психологии. Теперь уже очевидно, что исследования в области политической культуры помогают глубже понять закономерности этого процесса, особенности политического сознания и поведения наций и социальных групп, пути и пределы эволюции политики государства и партий. Поэтому для становления нового политического строя Российской Федерации крайне необходимо знать характеристики уже сложившихся региональных политических культур. От характера ценностей и уровня развития

политической культуры зависят темпы и характер политических преобразований, особенности политического процесса, развитие других сфер общественно-политической жизни. Политическая культура оказывает большое влияние на формирование политических институтов, темпы развития экономики страны, определяет характер взаимосвязи государства и общества. К настоящему времени во многих странах опубликовано большое количество книг и статей по проблемам политической культуры. И, тем не менее, пока можно говорить только о начальной фазе ее исследования. Для отечественной политической науки данная проблема является относительно новой категорией, изучена она недостаточно полно, поэтому исследования в области политической культуры страны и ее регионов весьма актуальны и необходимы.

Региональные политические исследования в последнее десятилетие стали одним из самых интересных направлений в современной политической науке и носят междисциплинарный характер. Регион, как система, подобен государству в целом, поэтому все противоречия и проблемы государства переносятся с разной степенью напряженности и выявленноеTM на регион. Перспективным направлением в политологии стали региональные политико-культурные исследования. Актуальность такого направления для России трудно переоценить. Существенное политическое разнообразие субъектов федерации, усилившееся в постсоветский период, делает анализ региональных политических культур весьма перспективным, так как политическая культура отражает процесс перехода от политической психологии населения к его действиям.

Термин «регион» в современной науке и общественно-политической публицистике предстает чрезвычайно гибким понятием. Он может означать: природно-климатическую зону, географическую территорию, единицу административно-территориального деления; межгосударственную территорию, выступающую сферой приложения усилий ряда стран; хозяйственный или хозяйственно-экологический район, историко-культурную местность и т. д. Подобная многозначность не удивительна, так как выделение конкретного региона специалистами разных отраслей знаний осуществляется в рамках своих предметных областей с применением разных критериев. Критерии регионального деления могут быть географическими, и с этой точки зрения выделяются страны или районы, состоящие из нескольких стран-соседей. «Регион - это комплекс, состоящий из земли, воздуха, флоры и фауны и человеческого населения, которые могут рассматриваться в их особых отношениях друг с другом и которые составляют вместе определенную и характерную часть поверхности Земли».

Процесс регионализации, характерный для мирового сообщества в целом, затронул и Российскую Федерацию. Идет совершенствование социально-экономической структуры регионов, профессионализация местного управления, развиваются экономические связи, в том числе появляются и международные контакты регионов разных стран. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в перспективе в России регионализация будет шириться и углубляться в связи с процессом становления местного самоуправления и утверждением экономической, политической и т. д. самостоятельности регионов. Все это вызывает повышенный научно-исследовательский интерес к региональной проблематике в разных науках, результатом которого являются многочисленные публикации с существенным разбросом мнений по одним и тем же процессам, а для обозначения одних и тех же явлений используются различные определения.

Литература

1. Ачкасов В. А., Бабаев С. А. «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000;
2. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М., 2000;
3. Пивоваров Ю. С. Политическая культура пореформенной России. М., 1994; Баталов Э. Я. Советская политическая культура//Общественные науки и современность. 1994.
4. Ахиезер А. С. Социально-культурные проблемы развития России/РАН. ИНИОН. М., 1992;
5. Моисеев Н. Россия на рубеже двух столетий//Российская Федерация. 1997. № 2.;
6. Бирюков Н., Сергеев В. Демократия и соборность: представительная власть в традиционной российской и советской политической культуре// Общественные науки и современность. 1995. № 6.

Человек в системе этнических отношений

Заблоцкая Татьяна Алексеевна

Студентка

Южный федеральный университет, факультет социологии и политологии,

Ростов-на-Дону, Россия

[*lisa279@rambler.ru*](mailto:lisa279@rambler.ru)

На сегодняшний день актуальны проблемы этнических различий и самоидентификации. Потому что Россия и многие другие евроазиатские страны вмещают в себя множество различных культур, религий и этносов. Понятие этноса зачастую трактуется с точки зрения исторического подхода. Но существует и другое объяснение, показывающее самого человека в системе этнических отношений. Наиболее четко прослеживаются факты самокатегоризации и идентификации с группой со стороны ее членов в формулировке Т. Стефаненко: «С позиции психолога можно определить этнос как устойчивую в своем существовании группу людей, осознающий себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие».

Вот почему в процессе идентификации играют огромную роль субъективные факторы. Ведь человек, несмотря на схожесть языков, культуры и территории, сам решает к какому этносу себя отнести. При формировании определенных мнений по поводу других этносов влияет стереотипическое сознание. То есть существуют определенные стереотипы, согласно [Липпману](#), это принятые в исторической общности образцы восприятия, фильтрации, интерпретации информации, основанные на опыте. На основе них возникает боязнь разных этносов к восприятию друг друга, которая ведет к появлению следующих проблем:

1. Появление экономической конкуренции. Особенно подчеркиваются роль конкуренции между группами рабочих за дефицитные рабочие места. Люди, имеющие работу (особенно те, кто занимает низшие должности), чувствуют угрозу со стороны тех, кто ее ищет. Когда последние являются членами других этнических групп, может возникнуть или усилиться враждебность.

2. Боязнь других норм, культуры, установок, традиций из-за непонимания или же недостатка информации.

3. Недостаток общения с другими этносами и как следствие непонимание их. Физические или культурные различия между двумя группами могут стать "признаками" господства и подчинения - черный цвет кожи стал символом рабства в американском рабовладельческом обществе. На этом различии основывается идеология "природного превосходства".

4. Сохранение образа «Мы» и «Они». Особая важность этой темы для каждого человека, вероятно, связана с тем, что принадлежность к той или иной нации является универсальной характеристикой, свойственной всем людям без исключения. Формирование чувства причастности к некоему «мы» неразрывно связано, или даже является следствием появления концепции «чужие».

5. Национализация сознания, невосприимчивость другой расы или этноса. Происходит восприятие представителей других народностей не только как «чужих», но как «врагов».

6. Локальность размышлений. Сравнение у людей разных национальностей идет не вообще, скажем, русских и армян, русских и татар, русских и евреев, а русских и татар в Татарстане, или русских, армян и евреев, например, в Москве, т.е. в обозримой локальности.

7. Боязнь роста потребностей «Чужого» этноса, в связи с этим страх, что ущемятся свои интересы. Конфликтность здесь связана с тем, что доминирующая в высокостатусных слоях группа должна "потесниться". Вместе с тем, у той национальности, которая продвигается в эти слои, растут потребности. "Чем больше имеем, тем больше хотим",

8. Территориальные притязания внутри республик, исходящие из того, что люди данной народности проживают на смежных территориях.

9. Неправильная государственная политика. Возникают случаи, когда государство не только не стремится предотвратить дискриминацию, но во многих случаях само становится виновником грубых нарушений; среди государственных чиновников, политиков, и в обществе в целом все чаще открыто высказываются представления о возможности и даже желательности ставить права и возможности людей в зависимости от их этнической принадлежности.

По моему мнению, возможные следующие пути решения:

1. Пропаганда образцов межнационального общения через средства массовой информации
2. Образование способно разрушить межэтнические границы
3. Правильная государственная политика по отношению к этносам.
4. Устранение «спорных ситуаций» в законах и соблюдение их.
5. Пропаганда своей культуры, но при этом не отрицание другой, чтобы «чужой» этнос мог приспособиться и знал устои, правила и нормы по которым живут на это территории

Важно, что человеку помогают сформировать мнение о другом народе и этносе не только какой-то один фактор, а их совокупность. Можно найти много объективных и субъективных факторов, влияющих на межэтническую напряженность, а также пути их разрешения. Политика в отношении этносов может меняться, в зависимости от обстоятельств. На мой взгляд, невозможно в один момент изменить стереотипы, складывающиеся долгое время, но путь их преодоления заложен в этих начальных методах.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1996.

2. Римаренко Ю., Степанов Э. Конфликтология межэтнических отношений // Социально-политический журнал. 1999. № 3-4.
3. Прусаускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Полис.- 1997. № 2
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Послесл. Н. Я. Бромлей. Изд. 2-е доп. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 440 с.
5. Чернобровкин И.П., Гуреев А., Коротец И.Д. Этноконфликтология/М.:Изд. Март, 2007
6. Дмитриев А.В. Этнический конфликт :теория и практика.-М.,1998.

Этапы формирования муниципальной элиты в России

Заможных Е.А.

Аспирант

*Ставропольский государственный университет,
кафедра социальной философии и этнологии, Ставрополь, Россия
E-mail: Elena-003@yandex.ru*

Эволюция местного самоуправления в России связана с развитием федерализма и предоставлением субъектам Федерации широких и разнообразных полномочий. Общероссийское политическое развитие играло главную роль в процессе становления местной политики. По мнению автора, выделение этапов формирования муниципальной элиты следует проводить в соответствии с реформированием института местного самоуправления в России, опираясь на законодательные акты. Представляется возможным выделить следующие этапы:

1. Этап формирования муниципальной элиты современной России.

В Советском Союзе исполкомы подчинялись соответствующим советам и вышестоящим исполкомам, вся советская система замыкалась на аппарат КПСС. В масштабах СССР говорить о политической автономии на муниципальном уровне можно только как о латентной и потенциальной. Демократическая реформация конца 1980-х — начала 1990-х годов привела к наполнению старых институтов новым содержанием. Первым законодательным актом на пути к становлению современной системы местного самоуправления был сделан с принятием Закона «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» в апреле 1990 г. В нем были закреплены правовые гарантии того, что местные власти будут самостоятельными, независимыми и будут избираться населением. Одним из важнейших положений, касающееся становления муниципальной элиты стало требование, что не только представительные органы, но и главы местного самоуправления должны избираться демократическим путем. Закон включил местную администрацию в систему местного самоуправления, предусматривая разграничение функций между представительными и исполнительными органами. Местный Совет определялся как орган власти, а местная администрация - как орган управления. В условиях формирования российской политики влияние муниципальной элиты на политический процесс возрастало.

2. Этап «муниципальной революции».

В 1993 году последовал ряд указов Президента РФ Б.Н. Ельцина, существенно меняющих концепцию местного самоуправления в России. Эволюционное развитие института местного самоуправления было прервано. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в России» № 154 от 28 августа 1995 г. впервые создал основы для функционирования автономных институтов местного самоуправления и наделил муниципальную элиту широкими полномочиями. На территориях муниципальных образований проявилась тенденция формирования специфической политической системы. Ее основой стала муниципальная элита, сосредоточенная в администрациях и управляющая представительным органом и

органами территориального общественного самоуправления, располагающая зависимыми СМИ, патронирующая местные партийные организации и контролирующая ход избирательных кампаний.

3. Этап «муниципальной контрреволюции».

Новый период формирования муниципальной элиты был предопределен реализацией ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131 от 6 октября 2003 г. Закон призван обеспечить административный контроль федеральных и региональных властей над муниципальной элитой, исходя из представлений о местном самоуправлении как административном (а не политическом) институте. Новый ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» и практика шагов его реализации, наряду с другими мерами федеральной власти, свидетельствуют о наступлении в России «муниципальной контрреволюции». Эти меры политики в сфере местного самоуправления ориентированы на то, чтобы переложить на муниципалитеты ответственность за решение вопросов местного значения и части государственных обязанностей (прежде всего – в социальной сфере), вместо создания условий для решения реальных проблем муниципальных образований. Подобно последствиям «муниципальной революции», равновесие частичных реформ, достигнутое в ходе «муниципальной контрреволюции» благодаря отказу от автономии местного самоуправления в пользу контроля над ним, вероятно, также будет неустойчивым и неэффективным.

Таким образом, процесс формирования муниципальной элиты в современной России обусловлен общероссийским политическим развитием. Важным фактором реформирования системы местного самоуправления, который повлиял на формирование муниципальной элиты, стало противостояние союзных и российских руководящих органов, распад СССР и в дальнейшем противостояние между Президентом России и Верховным Советом РСФСР. На этапе «муниципальной революции» муниципальная элита городов смогла достичь определенного уровня политической автономии на фоне дефицита экономической автономии. Укрепление позиций муниципальной элиты наглядно проявилось в ходе выборов глав местного самоуправления в середине 90-х гг.: получив вотум народного доверия, глава местной администрации приобретал независимый от вышестоящей власти статус. Вектором развития «муниципальной контрреволюции» стало намерение федеральных властей обеспечить экономическую самостоятельность органов местного самоуправления за счет снижения уровня их политической автономии.

Основным итогом муниципальной реформы на сегодня можно считать процесс четкого разграничения полномочий между всеми властными субъектами, что в свою очередь приведет к распределению зон ответственности между уровнями власти. В то же время нельзя не отметить и такую важную тенденцию реформирования, как существенное влияние федерального центра на местное самоуправление. В стратегическом плане центр руководствуется логикой строительства вертикали власти, в которой свое место отводится и муниципалитетам.

Литература

1. Балмасова А.А. (2007) Российские институты самоуправления: исторический очерк // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – №1. – С.451-453.
2. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. (2008) Реформа местной власти в городах России, 1991-2006. – СПб.: Норма, 2008.
3. Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – №16. – Ст.267.
4. Мартынов М.Ю. (2003) Местное самоуправление в политической системе России. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2003.

5. Петрова Е.В. (2000) Страсти вокруг местной власти // Муниципальная власть. – 2000. - №1. – С. 17-23.
6. Федеральный закон от 28.08.1995 г. №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.08.1995. - №35. – Ст. 3506.
7. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – М., 2007.
8. Холопов В.А. (2007) Государство и местное самоуправление: основные аспекты стратегического взаимодействия. – Рязань, Ассоциация органов ГОС г. Рязани, 2007.

Конфессиональный фактор в политике современного Ливана

Напольских Дмитрий Олегович

Студент

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, философский факультет, Казань, Россия
E-mail: dnapolskih@gmail.com

Важность религиозного фактора для современного мира сложно переоценить. Зачастую именно противостояние по религиозному (конфессиональному) признаку приводит к серьезным противоречиям и даже вооруженным конфликтам.

Особенно часто конфликты возникают в регионах, где проживают люди разного вероисповедания и отсутствует опыт (и часто желание) мирного разрешения возникающих противоречий.

Одним из таких регионов является Ближний Восток, а наибольшего накала межконфессиональные конфликты достигают в Ливане.

Максимальное значение конфессиональный фактор приобрёл после получения Ливаном независимости. Данное событие было официально оформлено 9 ноября 1943 г., когда большая часть статей Конституции страны, относящиеся к правам державы-мандатария (Франция) и Лиги наций (Часть V Конституции «Постановления, касающиеся державы-мандатария и Лиги Наций») были отменены конституционным законом. В 1944 к правительству Ливана перешли все государственные функции.

Конфессиональный принцип формирования органов власти был закреплён двояко: конституционно (в статье 95 Конституции 1926 г.) и устно в Национальном пакте 1943 г.. Соглашение устанавливало определённую пропорцию представительства в органах власти различных религиозных общин. Наиболее важный пост – пост президента с широкими конституционными полномочиями отдавался самой крупной христианской общине – маронитам, пост премьер-министра – суннитам, пост председателя парламента – шиитам, посты заместителя премьер-министра и председателя парламента – православным.

Соответствующее разделение постов между общинами было установлено на всех уровнях всех ветвей власти. На разделение по религиозному признаку отчасти влиял и территориальный фактор. В правительстве должны были быть представлены все области Ливанской республики.

Как правило, религиозно-территориальное разделение министерских постов в правительстве носило следующий характер: 3 суннита, 3 маронита, 2 православных, 2 католика, 2 шиита, 2 друза. При этом 3 министра представляли Северный Ливан, 4 – Горный Ливан, 2 – Бекаа, 3 – Бейрут и 2 Южный Ливан.

Соотношение количества членов Палаты депутатов изначально было закреплено как 6 к 5 в пользу христиан (на основе переписи 1932 г., по которой соотношение христиан-мусульман составило 52% на 48%). Данное соотношение было определено французскими властями, которые опирались при управлении страной на христиан-

маронитов и были заинтересованы в сохранении власти христиан. Общая численность Парламента изменялась, но соотношение сохранялось до 1976 г..

С 1960 г. состав парламента обновлялся 4 раза. При этом в его составе обязательно присутствовали 54 христианина (30 маронитов, 11 православных, 6 греко-католиков, 4 армяно-григорианина, 1 армяно-католик, 1 протестант и 1 представитель иных христианских конфессий) и 45 мусульман (20 суннитов, 19 шиитов и 6 друзов).

Данная модель построения органов государственной власти была эффективной (и, пожалуй, единственно возможной в условиях Ливана в то время) до тех пор, пока соотношение численности общин не стало изменяться, достигнув к началу 1970-х годов соотношения 60 к 40 в пользу мусульман. При этом крупнейшей мусульманской общиной стали шииты, достигнув численности в 40% от всего населения.

Христиане-марониты были заинтересованы в сохранении доминирования в системе власти. Борьба шиитов за равное участие в управлении государством (наряду с иными факторами) привела Ливан к Гражданской войне (1975-1990).

Нестабильность в стране привела также к неоднократным внешним вторжениям со стороны Израиля и Сирии. Важнейшим последствием Гражданской войны стало полное разрушение экономики страны.

Ситуацию в стране спасло посредничество Лиги арабских государств. Сторонам удалось выработать Хартию национального согласия Ливана.

Хартия предусматривает постепенный отход от конфессиональной системы. Её положения нашли отражение в конституционном законе 21 октября 1990 г.. В новой редакции преамбулы Конституции особо отмечается, что «основной национальной задачей является отмена конфессиональной системы».

Но на данный момент изменились лишь квоты, предусмотренные для каждой из религиозных общин. В настоящее время Парламент состоит из 128 депутатов. В него входят 64 мусульманина (27 суннитов, 27 шиитов, 8 друзов и 2 алавиты) и 64 христианина (34 маронита, 14 греческих православных, 8 греческих католиков, 5 армянских православных, 1 армянский апостольский, 1 протестант, а также еще 1 по усмотрению).

Также по реформе были урезаны полномочия президента-маронита. Из страны с сильной президентской властью Ливан превратился, по сути, в парламентскую республику со слабым президентом, избираемым Палатой депутатов. Все решения, которые принимает президент, должны быть согласованы с председателем правительства, без подписи которого недействительны законы, промульжированные президентом. Хотя президент остаётся Верховным главнокомандующим, но вооруженные силы страны подчиняются уже Совету министров. Только решение о назначении премьер-министра принимается президентом по согласованию с председателем парламента.

Данная реформа помогла шиитам сравняться по представительству с суннитами, которое, однако, по-прежнему не соответствует численности данной общины. Составляя 40% населения, шииты получили менее четверти мест в парламенте. Мусульмане в целом также остаются ущемлёнными в представительстве относительно христиан. 60% населения, исповедующие ислам, представлены лишь половиной депутатов в законодательном органе страны.

Это недовольство используют радикальные группировки и лидеры, в первую очередь движение «Хезболла», которое возглавляет шейх Сеид Хасан Насралла.

Непропорциональность представительства общин во власти остаётся одной из главных причин дестабилизации обстановки в стране и регионе.

Специфика этноконфессиональных конфликтов в Средней Азии.**Просина А.Г.***студент**Сыктывкарский государственный университет, гуманитарный факультет**Сыктывкар, Россия**E-mail: AnnaProsina@mail.ru*

В конце 1980-х - начале 90-х гг. резко обострились проблемы межнациональных отношений, что явилось одной из причин распада СССР. Ряд исследователей отмечают, что предпосылки обострения межнациональных отношений заложены в идеологии советского общества. Проявлявшиеся в течение десятилетий однобокое развитие экономики, равнодушие к национальному своеобразию, насильственное переселение целых народов из мест их традиционного проживания, необоснованные обвинения в национализме и репрессии, обрушившиеся на руководящих работников республик, религиозных деятелей, применение административных методов борьбы с религией нанесли большой ущерб национальным чувствам народов Средней Азии, создали питательную среду для этнического и конфессионального экстремизма.

В 1988 - 1991 гг. наблюдался особенно бурный рост национального самосознания народов, хотя этот процесс проходил неоднозначно и противоречиво. Успехи и неудачи в этой области во многом связаны с уровнем и характером религиозности. Это на практике проявлялось в том, что этническое самосознание получило форму конфессионального (религиозного) самосознания. Процесс сужения сферы религии, свойственный всему СССР, породил чувство национального "ущемления", ощущения забвения культурного наследия, игнорирования этнических особенностей региона. Религия автоматически объявлялась пережитком прошлого, а все без исключения явления религиозной жизни оценивались с позиций классовой борьбы. Надежды на переосмысление отношения государства к религии, религиозным организациям и верующим мусульмане связывали с перестройкой, которая развернулась с апреля 1985 г. Поддержав политику перестройки с самого начала, мусульманские религиозные деятели и рядовые верующие надеялись, что предусмотренная ею демократизация всех сторон общественной жизни расширит права и свободы граждан, в том числе и свободу совести.

Но перестройка государственно-церковных отношений началась не в 1985 г., а в 1988 г., причем на первых порах эти перемены коснулись в основном лишь православной церкви. В связи с этим мусульманские религиозные деятели (Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф) достаточно смело стали указывать на имевшие место нарушения прав верующих, на противозаконные препятствия, возводившиеся должностными лицами в целях искусственного ограничения деятельности религиозных организаций.

В эти годы широкое распространение получило фундаменталистское движение в среде мусульман различных регионов Средней Азии, выступающее под флагом борьбы за "чистоту ислама". Движение это неоднородно. Одни его сторонники стоят лишь за сохранение "чистого ислама", понимая под этим избавление мусульманской религии от несвойственных первоначальному исламу обрядов и ритуалов.

Другая часть фундаменталистов призывает к превращению законов шариата в нормы права, обязательных для всего населения, а в конечном счете – к созданию исламского государства. Поставленным целям соответствуют и методы их деятельности, носящие откровенно экстремистский характер. Превращение ислама в политическую идеологию в итоге привело к разобщению гражданского общества и противостоянию граждан как по конфессиональному так и межтерриториальному признаку.

Националистические устремления больших групп людей, остро проявившиеся в те годы в Узбекистане, да и в других районах Средней Азии, были направлены далеко не

только против представителей тех народов, чьей традиционной религией является христианство (межнациональный конфликт между узбеками и турками-месхетинцами, столкновения в Ошской области в Киргизии летом 1990 г..).

События конца 1980-х - начала 1990-х гг. убедительно продемонстрировали, что религиозный фактор может способствовать как процессам консолидации, так и процессам дезинтеграции, противопоставлению одних групп населения другим. Национализм и религиозный экстремизм вели не только к противостоянию людей разных национальностей. Они оборачивались злейшими врагами процесса национального возрождения: ослабляли экономический и культурный потенциал республик, наносили огромный урон подготовке национальных кадров, развитию национальной культуры. Наконец, они привели даже к противопоставлению одной части нации другой (классический пример - Таджикистан).

Таким образом, конец 1980-х и начало 1990-х гг. характеризуется небывалой после первой половины 1920-х гг. активностью мусульманских религиозных организаций. В данном случае речь идет о начавшемся процессе религиозного возрождения.

Литература:

1. Абазов Р.Ф. (1995) Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах. // Политические исследования. 1995. № 3.
2. Ланда Р. Г. (2005) Политический ислам: предварительные итоги. М.: 2005.
3. Максименко В. (1999) Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламисты. М.: 1999.
4. Малашенко А.В. (1996) Исламское возрождение, увиденное, но нецененное // Азия и Африка сегодня. 1996. № 9.
5. Малашенко А. В. Политический ислам: мирное сосуществование или глобальное противостояние? // www.carnegie.ru
6. Марданов Р. (1997) Этноконфессиональные конфликты в регионах распространения ислама: причины и особенности // <http://www.analitika.org/article.php?story=20050517025748154>

Урегулирование межгосударственных политических конфликтов на примере китайско-индийского территориального спора по вопросу о принадлежности Тибета.

Хайбуллина Л.Р.

Студентка

*Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина,
философский факультет, Казань, Россия*

E-mail: lilouve@yandex.ru

Одним из важнейших регионов, где переплетается целый ряд проблем геополитического, экономического, военного, межнационального характера, является регион Юго-Восточной Азии, который изначально является достаточно конфликтным по своей природе.

До недавнего времени Китай находился в тени мировых держав, однако сейчас он играет одну из определяющих ролей как активный субъект политических процессов. Благодаря своей внешней политике, Китай является одной из ведущих мировых держав, в полной мере влияющих на решение глобальных и региональных проблем.

Внешняя политика КНР отличается агрессивностью: это государство вовлечено в большое количество конфликтов, в основе которых лежат территориальные притязания этого государства. Китайско-индийский территориальный спор по вопросу о принадлежности Тибета представляет наибольший интерес. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что конфликт Китая и Индии имеет глубокие исторические корни. В 1949 году Тибет был оккупирован войсками Народно-освободительной армии Китая, хотя юридически и фактически в это время ТАР можно считать независимым государством. Китайское правительство провозгласило свое право на «владение» Тибетом, ссылаясь на отношения монголов или маньчжуров с тибетскими ламами, хотя до полной оккупации Тибета в 1951 доказательств китайского господства не существует. Это свидетельствует о том, что, в сущности, Тибет не был зависим от Китая, являясь суверенным государством. Более того, в территориально-пограничном споре этих государств по вопросу о принадлежности Тибета до сих пор не расставлены все точки над «i», что доказывают массовые беспорядки в Тибете 2008 г.

Анализ официальной и неофициальной позиций Китая и Индии по тибетскому вопросу позволяет сделать вывод о том, что он затрагивает суверенитет и территориальную целостность Китая, а также оказывает существенное влияние на национальную безопасность Индии. Отсутствие согласия между странами по проблеме статуса Тибета негативно воздействует на двусторонние отношения между этими государствами. До тех пор, пока тибетский вопрос не будет разрешен, он будет вносить существенные затруднения в переговоры по урегулированию территориально-пограничного спора. В этих условиях китайское руководство придерживается строго определенной точки зрения по данной проблеме, в то время как в Индии существуют противоречивые взгляды на Тибет и его роль в урегулировании китайско-индийских пограничных разногласий. Конечно, был принят ряд мер по улучшению отношений между КНР и Индией (заключение соглашений 1993 и 1996 гг., подписание в 2003 г. «Декларации о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве»). Однако нельзя считать эти документы мерами по созданию атмосферы доверия между странами; они лишь сформировали политическую и правовую основу для дальнейших мер по решению территориального спора, развитию двусторонних межгосударственных отношений (встречи на высшем уровне, взаимные визиты глав государств и т.д.), служили своего рода гарантом стабильности в регионе Юго-Восточной Азии.

Возможные варианты развития отношений между Китайской Народной Республикой и Индией в дальнейшем будут зависеть не только от объективных факторов, но и от меры осознания важности этих отношений правящими кругами и общественностью двух государств. Для Китая это означает нецелесообразность агрессивных устремлений в отношении Индии и Тибетского Автономного Района, для Индии – невозможность существования нескольких точек зрения по вопросу о дальнейшей судьбе Тибета. Главная задача в данном случае состоит в выработке адекватной и дифференцированной внешней политики обоих государств. «Дифференцированная внешняя политика» вовсе не означает, что какой-то из участников заслуживает больше уважения; она означает, что каждый из участников требует к себе особого отношения.

Литература

1. Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. - М.: «Международные отношения», 1990. - С. 335.
2. Ван Ли-сюн Сицзан: аршии шицзи Чжунго дэ жуаньлэй // Тибет: Слабое ребро Китая в 21 веке // Чжаньлюэ юй гуаньли 1999 г. № 1. - стр. 45.;
3. Ван Чши-мин Цьеньси Иньду куаюэ «хэ мьеньлань» дэ бэйцзин // Краткий анализ подоплеки перехода Индией «ядерного порога» // Гоцзи чжэнчжи 1998 г. № 10. - С. 86.
4. Журнал международного права и международных отношений 2005 г. № 4.
5. Иванов И. С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. - М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. - С. 323.

6. Китай в мировой политике. – М.: МГИМО; «РОССПЭН», 2001. – С.448.
7. Китайская Народная Республика в 1991 г. Политика, экономика, культура. - М.: «Восточная литература», 1994. - С. 181, 253.
8. Китайская Народная Республика в 1997 г. Политика, экономика, культура. - М.: РАН Института Дальнего Востока 1999. – С. 166.
9. Педин А.В. О некоторых моментах политики Китая в Южной и Юго-Западной Азии/ конец 80-х начало 90-х Информационный бюллетень 1992 г. № 6 Часть II. - М.: РАН ИДВ. - С. 165.
10. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Под ред. А.Д. Богатурова. Том третий. События. 1945-2003. - М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. – С. 130-131, 184, 248-249.
11. Степанов, Е.Д. Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949-1994) Информационные материалы. Выпуск 1. М., ИДВ РАН. 1996. – С. 88, 94-95.
12. Цзин Хуй Чжун Инь дундуань бьеньцзе чжэньсян // Правда о восточном участке китайско-индийской границы // Чжунго вайцзяо 1988г. № 1. - С. 317-318, 343.
13. Чжао Вэй-вэнь Нанья синши дэ хуйгу юй чжаньван // Воспоминания и обзор ситуации в Южной Азии // Сяндай гоцзи гуаньси 1992 г. № 4. - С. 35-36.
14. Chamling cheer for silk route success // The Telegraph. 2003. 25 June. – P. 26.
15. Jetly, N. India-China relations, 1947—1977. New Delhi: Radiant Publications, 1979. – P. 18.
16. Kadianm, R. Tibet, India and China: Critical choices, uncertain future. New Delhi: Vision Books, 1999. – P. 10.
17. Levine, S. I. China in Asia: the People’s Republic of China as a Regional Power // China’s foreign relations in the 1980s / Ed. by H. Harding. New Haven; London: Yale University Press, 1984. – P. 133.
18. Sadhu, B. Unresolved conflict: China and India. New Delhi: Radiant Publications, 1988. – P.89, 186.
19. Sumit Ganguly The Sino-Indian Border Talks, 1981-89: a view from New Delhi Asian Survey. Vol. XXIX № 12, December 1989. - P. 356.

Подсекция «*Политической коммуникативистики*»**Политическая символика как средство коммуникации***Багинский Андрей Владиславович**аспирант**Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,**философский факультет, Киев, Украина**E-mail: baginski@volicable.com*

В современной ситуации общественного кризиса особенно важным является восстановление созданных общими усилиями смысловых значений политической коммуникации. Данные смысловые значения содержатся в политических символах – знаковых посредниках, которые функционируют в процессе обмена информацией между институтами публичной власти и населением.

Символы существуют как неотъемлемый атрибут политики. Главной особенностью символов представляется бесконечное количество их внутренних смыслов, реализованных в ограниченных внешних проявлениях знака. Это способствует тому, что символ передаёт информацию мгновенно, минуя все преграды для её критического осмысления реципиентами. Исходя из этого, нужно подчеркнуть, что политические символы - мощный ретранслятор в дискурсивных практиках власти и общества.

Политическую символику можно определить как образную знаковую структуру, которая содержит сообщение, влияющее на мысли, эмоции, поведение человека относительно политики. Политическая символика регулирует не только обмен информацией между политическими институтами и населением, но и конструирует коммуникацию внутри самих политических элит. А.И.Соловьёв подчёркивает, что в силу доминирования в политике групповых акторов, их установки создают устойчивые образцы и нормы оборота символов, которые как будто программируют властно-значимые коммуникации, закрепляют методы «делового» общения в этой сфере (Соловьёв, 2004).

В исследованиях на данную тему преобладает подход к изучению политической символики, который можно охарактеризовать как технологический. Особенности функционирования символов в политической сфере рассматривается через понятие «символическая политика», понимаемая как особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов (Поцелуев, 1999).

Сторонники данного подхода интерпретируют политическую символику как амбивалентный инструмент в борьбе за политическую власть и в процессе её реализации. Так, например, утверждается, что причиной успеха технологии Оранжевой революции стало применение комбинированного использования разнообразных символических форм: визуальной (фирменный стиль политической символики), музыкальной (постоянный рок-концерт) и риторической (политические заявления) (Родькин, 2005).

Политическая символика может не только способствовать коммуникации власти и общества, но и усиливать асимметрию политических отношений. Данная тенденция особенно чётко прослеживается в странах, которые находятся на этапе становления основных политических институтов.

Ярким примером здесь могут послужить государства постсоветского пространства, ставшие объектом влияния глобальных информационных сетей. Неудивительно, что среди настроений рядовых избирателей таких обществ преобладает растерянность перед возрастающими смыслами агрессивной политической символики, отображающей борьбу за власть. Например, частые употребления во время избирательных кампаний слов «народ», «демократия», «закон» приводят к окончательному стиранию значимости этих символов для людей.

Тут необходимо подчеркнуть, что поскольку символы имеют ключевые значения, которые практически не поддаются изменениям в конкретной культуре, технологии их использования в политике не являются неограниченными. Только символика, сконструированная на основе последовательных и непротиворечивых смыслов, заложенных в культуре определённой страны, может консолидировать власть и общество.

Ключевые значения символов сформированы много веков назад и единицы их смысла неизбежно воспроизводятся в коммуникации. Соответственно, в политической символике может акцентироваться подсознательный страх и благоговение перед властью, как это, например, выражается в культе вождя в тоталитарных государствах. Но, также, в политических символах может быть зафиксирован и естественный протест человека против власти как формы насилия над ним, что происходит во время демократических манифестаций.

Тем не менее, основная роль символов в политике содержится в их возможностях создавать консенсус в политическом дискурсе. Это особенно актуально для процесса демократической консолидации обществ, пребывающих на стадии трансформации политических институтов. Конкуренция, характерная для демократических режимов, проявляется и в соревновательном публичном использовании символов. В результате процесса коммуникации с избирателями доминирует тот политик, который наиболее эффективно приобретает и использует символический капитал. Основа символического капитала - вера в порядочность и компетентность политика. В демократических странах данный капитал постоянно проверяется и оценивается такими политическими ритуалами, как выборы и публичные манифестации.

Только продуманное, внутренне непротиворечивое моделирование политической символики может создать необходимый потенциал для развития демократических институтов и консолидации общества. Нужно развивать культурный подход к изучению политической символики, в рамках которого понятие «символическая политика» уточняется понятием «культурно-символическая политика». Как утверждает Д.А.Мисюров, культурно-символическая политика – это процесс создания и материализации культурных символических моделей, включающий культивирование доверия и взаимопонимания, обучения и воспитания, исходя из критерия истинности для максимальных мирных общественных достижений (Мисюров, 2008).

Поддерживая общий пафос данного определения, важно отметить, что культурный подход к исследованию политической символики должен учитывать не только культурную непрерывность, но и ситуацию социально-экономического кризиса, когда люди всё меньше принимают решения на основе предыдущего негативного опыта. Обращаясь к культуре, население восстанавливает утраченные во время кризиса, смысловые значения социального поведения, а политические элиты укрепляют собственную легитимность.

Таким образом, упорядочивание практик прошлого и моделирование будущего артикулируется в политической символике, связующем звене в коммуникациях политической элиты и избирателей.

Литература

1. Мисюров Д.А. (2008) Символы о символах: Начала культурно-символической политики. – М.: ЛКИ.
2. Поцелуев С.П. (1999) Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. - № 5.
3. Родькин П.Е. (2007) Оранжевая визуальная революция. Фирменные стили против символических систем. Эскалация дизайна и эскалация власти. – М.: “ЛУЧ”.
4. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии: Материалы дискуссии / А.И. Соловьёв, О.Ю. Малинова, О.В. Гаман-Голутвина, М.В.Ильин, С.Н.Пшизова (2004) // Полис. - № 4.

«Единая Россия» в пространстве политических коммуникаций

Богданов А.В.

Студент пятого курса юридического факультета

*Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского, Саратов,
Россия*

E-mail: selectedman@yandex.ru

В сегодняшней России существует целый ряд проблем, которые обретают новую остроту, а их исследование – особую актуальность, что позволяет заглянуть в будущее, а также осмыслить век прошедший.

В этой связи особый интерес представляет собой функционирование партии «Единая Россия» в политическом пространстве современной России. «Единая Россия» представляет собой политическую партию, наиболее удачно выстроившую отношения не только с избирателями, но и со своими конкурентами. В настоящее время эта партия имеет большинство мест высшего представительного собрания, а значит, непосредственно формирует государственную политику России.

Как научный, так и практический интерес представляет собой анализ технологий политических коммуникаций, используемых партией «ЕР» в процессе борьбы за политическую власть, особенно в сравнении с анализом структурно-организационной основы партии «КПСС».

Цель исследования состоит в том, чтобы осуществить анализ методов и способов политической коммуникации партии «Единая Россия», с помощью которых она воздействует на избирателей, позиционирует себя относительно других партий, а также выявить закономерности развития «перекачки» идеологических и организационно-структурных основ из партии «КПСС» в партию «Единая Россия».

По результатам исследования установлено, что Президентом РФ через партию «Единая Россия» идет формирование идеологии в современной России, принципов партийного строительства и политической системы. Анализ показал, что - прослеживается определенная параллель между «Единой Россией» и «КПСС» в идеологическом и структурно-организационном плане. Партией «ЕР» используются те же методы и принципы строительства основы государства – идеологии и партийной системы, которые использовались «КПСС» во времена СССР. Данный подход адаптируется к реалиям нашего времени и обуславливается ролью российского государства в международных отношениях. Структурно-смысловое содержание адаптационного подхода заключается в преодолении сложившегося в 1990-е годы идеологического вакуума, и наполнении старых идеологических форм новым содержанием.

Российское общество в его современном состоянии становится все более способным решать серьезные мировоззренческие, политические, хозяйственные и культурные задачи, во многом благодаря опыту, накопленному в период функционирования партии «КПСС».

Партия «ЕР» пусть отчасти и искусственно, но поднимает роль политических партий в современной политической системе. Она взяла на себя роль Партии Русской цивилизации, которая противостоит губельной для России западной цивилизации с ее «правами человека» и отрицанием «прав народа».

Результаты исследования, позволяют понять и перспективы развития сегодняшней России. Россия сможет существовать, как самостоятельное государство, но при обновленном, измененном советском строе. Это предполагает заимствование тех принципов, которые являются эффективными и помогут при достижении поставленных целей. И не означает, что эти принципы всегда будут гуманными, с точки зрения нравственности, но они будут всегда результативными, с точки зрения политики.

Конечно, сегодня в России нет «революционной ситуации» в классическом ее понимании. В действительности же революция уже идет, но она проходит в непривычной для нас форме – в форме идеологической борьбы.

Борьба идет в двух направлениях: теоретическом и практическом.

Особое место в теоретической борьбе занимает разработка основ экономики XXI века, нового взгляда на цели развития народного хозяйства. Руководство страны четко определяет экономику в ее «ксенофоновско-аристотелевом» духе, то есть в соответствии с достижениями научной мысли и религии.

Поэтому схему развития, которую выстраивает партия во главе с президентом, можно представить следующим образом: «человек – производство – более совершенный человек». И этот принцип, о котором постоянно говорит наше руководство страны, высказывал еще Владимир Ильич : «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя». Поэтому новые критерии прогресса экономики включают в себя показатели продолжительности жизни людей, уровня экологической безопасности и так далее.

Практическая же борьба заключается в большей «советизации» всей нашей жизни. Эта «советизация» уже идет во многих направлениях, но не все ее замечают, так как проходит она без особого шума.

В современной России формой взаимодействия между обществом и государством стали общественные палаты, как на федеральном уровне, при ГД РФ, так и на региональном уровне, при законодательных собраниях, а на местах - общественные приемные «Путина». Создание палат и приемных осуществляется непосредственно с инициативы партии «ЕР» и ее лидера В.В.Путина. Здесь можно проследить некую аналогию с советами которые в свое время создавались при коммунистическом режиме партией «КПСС». Они осуществляют общественный и государственный контроль за работой органов власти и самой партии, и несут в себе функции политического просвещения и юридического консультирования.

При проведении модернизации современной России, учитывается психологическая компонента российского народа, суть которой состоит в том, что в сознании нашего народа борются два начала: первое - это воздействие сильной личности, стоящей во главе государства, на народ, который не в силах этому воздействию противостоять - патерналистское начало, которое уже вбито на подсознательном уровне; второе - это память о режимах и положении народа, когда при таких «реформах» осуществлялось угнетение народа, а механизмы принятия решения, явно носили авторитарный характер. Это и определяет менталитет российского народа. Именно баланс этих двух, по сути противоречащих и взаимоисключающих начал, есть путь к спокойствию и созиданию в государстве российском.

В заключении – постсоветская социальная система неизбежно обладает целым рядом черт и принципов, связанных с советской системой. Современное руководство страны заимствует наиболее эффективные и конструктивные принципы из советского периода, адаптируя их к российским условиям. При этом очевидна преемственность исторической судьбы в построении государства, в формировании нового политического режима, в преемственности политического менталитета российского народа и его влияние на политические процессы современной России.

Литература

1. Викторова Л.(2008) Путин пошел в народ // www.kp.ru
2. Дугин А.Г. (2007) Евразийство: от философии к политике // www.ng.ru
3. Семенова Ю. (2007) «Уроки февраля» // *Общественное мнение*, №3 (90).
4. Стенограмма выступления председателя партии Путина В.(2008) // www.edinros.ru
5. Полный текст выступления президента Медведева Д.А. с посланием Федеральному Собранию РФ (2008) // www.kremlin.ru

Эффективность политической коммуникации на телевидении.

Бойко А.И.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, Москва, Россия.

E-mail: pr.bojko@mail.ru

Понятийный, функциональный аппарат политической коммуникации, как особого типа информационно-коммуникационного обмена, позволяет говорить о том, что особенность функционирования политической коммуникации основана на принципе: «отправитель- сообщение- переработчик- адресат политической информации». Следовательно, при оценке эффективности данного феномена необходим учет всех составляющих политической коммуникационной структуры во взаимосвязи с возможными ограничениями политического коммуникационного воздействия: контроль СМИ со стороны властных структур, возможность отсутствия механизма обратной связи и др.

Политическую коммуникацию на телевидении необходимо рассматривать комплексно, с учетом типологии видов данного явления: политической телерекламы, общественно-политических, новостных программ их особенностей и специфики коммуникационного воздействия.

Телевидение является эффективным средством воздействия на аудиторию, что обуславливается следующими факторами: возможностью охвата широких общественных масс, доступностью, эффективностью и простотой восприятия происходящего на экране, множеством рекламных раздражителей (изображение, цвет, печатный и устный текст). Также необходимо отметить основные экономические преимущества размещения политической рекламы на ТВ: самая низкая стоимость контакта в пересчете на 1% населения, высокие рейтинги среди целевой аудитории, что дает возможность точечного воздействия на зрителей. Резервы повышения эффективности политической коммуникации на телевидении необходимо связывать не только с использованием приемов и механизмов коммуникационного воздействия, но и с телевизионным контекстом, с оптимальным расположением агитационных блоков в соответствии с конкретными программами.

Проблемы политической коммуникационной деятельности, эффективности ее оценки изучают много наук - от теории массовой коммуникации до социопсихолингвистики. Однако теоретически взвешенных, надежных способов оценки эффективности политической коммуникации на телевидении еще не создано.

Анализ видов эффективности политической коммуникации на телевидении позволяет говорить об экономической и коммуникационной эффективности, как об элементах матрицы политической коммуникации. При этом можно выделить основные критерии коммуникационной эффективности политической телерекламы и выстроить их иерархию (информативный, когнитивный, поведенческий).

Исследования эффективности политической телерекламы проводятся по следующим направлениям: анализ эффективности самого агитационного продукта, коммуникационной и экономической, анализ знаковой структуры, эффектов психологического влияния и количественных характеристик охватываемых аудиторий.

Для повышения эффективности политической коммуникации на телевидении необходимо использовать полный комплекс подходов к оценке ее эффективности. Первоначальные тестирования агитационного материала, использование количественных и качественных методов оценки эффективности, регулярный мониторинг телеэфира, в комплексе, способствуют максимально точной оценке и усилению эффективности воздействия комплекса политической коммуникации на избирателей.

Литература

1. Березин В.М. "Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия." М.: РИП-холдинг, 2003.
2. Гасаненко Н.А. "Как оценить эффективность рекламной кампании" // Маркетинговые исследования: Сб. ст. по теории и практике маркетинговых исследований. – Харьков: Студцентр, 2001.
1. Гончаров М. "Риторика политической коммуникации." /Сборник научных трудов / Под ред. Ю.П. Буданцева и др, – М.: МГИМО, 1991.
2. Гермогенова Л. "Эффективная реклама в России. Практика и рекомендации", М., РусПартнерЛТД, 1999.
3. Грачев М. "Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития" М.: Прометей, 2004.
4. Грушин "Эффективность работы массовой информации и пропаганды: понятия и проблемы измерения". М.,2000
5. Егорова-Гантман, К. Плешакова. "Политическая реклама". М, Николо М, 1999.
6. Жюльен Ф. "Трактат об эффективности" / Пер. с фр. Крушняка Б. – М.: Университетская книга, 1999.
7. Конецкая В.П. "Социология коммуникации." – М.: Наука, 1997.
8. Кутлалиев А., Попов А. "Эффективность рекламы" М., «Эксмо», 2006.
9. Латынов В.В. "Политическая коммуникация" / Политическая энциклопедия: В 2 т., М.: Мысль, 1999.
10. Матвеева Л., Анисеева Т.Я., Молчанова Ю.В. "Психология телевизионной коммуникации." – М.: РИП-холдинг, 2002;
11. Мельник Г.С. "Mass-Media: психологические процессы и эффекты."- СПб, 1996; "Речевое воздействие в сфере массовых коммуникаций" ред. Ф.М.Березин, Е.Ф. Тарасов.- М.: Наука, 1990.
12. Мицкевич Э., Файерстоун Ч. "Телевидение и выборы" М., 1993.
13. Назаров М.М, Папантиму М.А. "Знаковая структура телевизионной политической рекламы"

14. Почепцов Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2003
15. Ромат Е.В. “К вопросу об оценке эффективности рекламы” // Маркетинговые исследования: Сб. ст. по теории и практике маркетинговых исследований / Под общ. ред. Е.В. Ромата. – Харьков: Студцентр, 2001.
16. Сиссорс Дж. З., Р.Б.Бэрон “Рекламное МЕДИА планирование”, Санкт-Петербург, ИД "Питер". 2004 г.
17. Смирнова О. “Оценка эффективности рекламной кампании”, М, Макс Пресс, 2005.
18. “Партии и выборы: хрестоматия. В 2 ч.” / Отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина. – М., 2004.
19. Bettinghaus E.P. “Persuasive communication.” — N.Y. etc., 1968
20. DeFleur M. “Theories of Mass Communication”. – New York, 1970.
21. Diamon Edvin, Stephen Bates “The SPOT. The rise of political advertising on television”. Cambridge (Mass.); London: The MIT press, Cop. 1984
22. Lasswell H. “The Structure and Function of Communication in Society” // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971

Роль и особенности развития молодежных общественно-политических движений как канала политической коммуникации в современной России.

Красноперова П.А.

Студентка

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина,

Факультет журналистики и социологии, Казань, Россия

E-mail: Polina.05@list.ru

В течение многих лет молодежь считалась и являлась наименее политически активной частью населения. Это касалось как собственного участия в политической жизни (членства в партиях, электоральной активности, которая возрастает от более молодых групп к более старшим, достигая максимума среди пенсионеров), так и просто интереса к политике: среди зрителей новостных и аналитических программ телевидения молодежь составляет ничтожную часть. Однако за последние несколько лет быть политизированным стало модно. Молодёжные движения и объединения стали расти как грибы после дождя, заполнили вакуум реальной политической жизни. Их деятельность сопровождают эффектные «уличные» методы – митинги, демонстрации, шествия, пикеты; сами эти движения порою очень неуклюже смотрятся, но их нельзя не заметить. Они существуют не только на страницах газет и в думских коридорах - они на улице. Сейчас на этом поле действует сразу несколько сил самой различной политической ориентации, современное общественное движение вариативно по направленности деятельности, разнообразно по формам и механизмам реализуемых программ и проектов.

Следуя формуле американского политолога Г. Лассуэла, ставшей классикой коммуникативистики, мы попытались рассмотреть молодежные общественно-политические движения как одну из составляющих данной схемы, а именно, как канал политической коммуникации. Однако ответ на не менее важные вопросы в этой графической схеме: что несут эти новые массовые образования, возникшие стихийно или созданные по инициативе и поддержке администрации, кому, а главное насколько эффективен процесс политической коммуникации – в современной России неоднозначен и противоречив. В основе нашего исследования – статистические показатели общественного мнения на предмет узнаваемости молодежных организаций, аналитические отчеты и репортажи о проводимых акциях, нашедшие свое отражение в средствах массовой информации, нормативно-правовая база самих движений.

По итогам анализа мы выяснили, что молодёжные движения, несмотря на количественный рост за последние 8 лет и разнообразие идеологической направленности, позиционируются как охранительные и, в противовес оранжистским и ультранационалистическим движениям, стоят на защите Государства Российского от революций и потрясений. Они осуществляют приоритетную деятельность по реализации «государственного заказа», организации и движения служат одним из эффективных инструментов воспитания и контроля молодого поколения, что резко увеличивает количество «искусственных», конъюнктурных организаций, создаваемых «сверху» (государственной властью) или «со стороны» (экстремистскими организациями, зарубежными фондами, коммерческими структурами).

Литература

1. Г.Г. Почепцов. Теория коммуникации — М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер» — 2001. — 656 с.
2. <http://nashi.su/> (официальный сайт молодежного движения «Наши»)
3. <http://rumol.ru/> (официальный сайт молодежного движения «Россия Молодая»)
4. www.levada.ru (официальный сайт аналитического центра Юрия Левады)
5. wciom.ru (Всероссийский центр изучения общественного мнения)

Интернет-блоги как средство политической коммуникации: опыт США и России

Новикова С.А.

студент

*Пермский государственный университет, историко-политологический факультет,
Пермь, Россия*

E-mail: svetlnovikova@yandex.ru

В связи с распространением интернет-технологий в современном мире сопряженным с сужением, формализацией традиционных каналов политической коммуникации, а в частности, СМИ, блоги становятся все более популярным и удобным средством коммуникации.

Интернет зачастую рассматривается в качестве одного из важных факторов глобализации, облегчающий доступ людей к информации и тем самым стирающего межрегиональные различия.

Важная функция и черта Интернета – отражение реального пространства в информационном, при этом мы можем констатировать существование страновых, языковых и даже региональных сегментов Интернета, существующих достаточно обособленно – в наших условиях это Рунет – русскоязычный сегмент сети.

Общественно-политическая актуальность исследования состоит в том, что блогосфера и социальные сети, являясь доступными и распространенными, включают в себя рядовых граждан современных обществ, а, значит, являются своеобразным «барометром» общественных отношений.

Цель данной работы – объяснить, как меняется роль блогов и социальных сетей в политико-коммуникационном процессе в зависимости от типа политического порядка, рассмотрев два кейса – Россию и США.

Под политической коммуникацией мы имеем ввиду обмен политической информацией между субъектами политического процесса через посредство общей системы символов, в данном случае – Интернета.

Блог - (от англ. blog, web log — сетевой журнал) - сетевой дневник, который ведется на специальных сайтах, предоставляющих возможности быстрого добавления записей, комментирования, составление списка друзей и т.д., преимущественно используются для самовыражения, также в деловых, корпоративных, рекламных и политических целях.

Исследователи феномена массовой коммуникации П.Лазарсфельд и Р.Мертон выделяли 3 основные функции политической коммуникации в контексте социального действия и провоцируемых средствами коммуникации массовых вкусов, которые мы постарались спроецировать на блогосферу:

- присвоения статуса общественным проблемам, личностям, организациям и общественным движениям; (блогосфера дает информационные поводы, продвигает проблемы на общественную и медийную повестку дня)
- укрепления социальных норм (действия блоггеров, особенно координированные приводят к пересмотру социальных конвенций)
- наркотизации социума (в блогосфере рождаются и активно продвигаются мифы и слухи, прим. «Миф о деноминации»).

Соединенные штаты Америки являются родиной самого феномена, технологии блогов, этим обусловлен выбор страны как исходного кейса.

Политическая блогосфера в США носит в большей степени информационную и рекруитивную функции – информирования и привлечения сторонников.

С теоретической точки зрения, блоги имеют крайне мало возможностей для оказания влияния на политику, на общественные процессы, по сравнению с государственными, партийными структурами, традиционными СМИ, бизнес-элитами.

Блоггеры не располагают административными, финансовыми ресурсами, необходимыми для этого.

Однако если копнуть глубже, можно обнаружить более широкие перспективы: главное преимущество блогов – широкая информативность, зачастую они содержат и разрабатывают информацию, которая ускользает от внимания традиционных СМИ, не пренебрегая деталями, непроверенной информацией.

Некоторые блоггеры занимают высокие посты и владеют инсайдерской информацией, не стесняясь обсуждать ее в блоге и сообществах.

Именно оперативность и большой объем выдаваемой информации дают почву для исследования.

Мы провели анализ использования блогов в американских избирательных кампаниях 2004 и 2008 годов, соотношение их с традиционными СМИ, роль в журналистских расследованиях.

Мы предположили, что блоги начинают активно использоваться как средство политической коммуникации (политизироваться) в условиях недоступности иных каналов коммуникации, традиционных СМИ, что и обуславливает различия.

Блоги в современной России являются наиболее свободной частью Интернет-сообщества - в силу «зачищенности» политического пространства в России и подконтрольности СМИ многие гражданские активисты видят в блогах иной способ конвенционального политического участия.

Однако в политической коммуникации они важны как канал, не требующий серьезных ресурсов и подвергающийся редактированию со стороны самих его участников, поскольку включают в себя наиболее интеллектуально-мыслящую и активную часть общества – журналистов, гражданских и медиаактивистов, политиков, технологов, включая молодое поколение, в то время как традиционные СМИ сильно контролируются со стороны государства и направлены на массовую аудиторию.

Члены гражданского общества используют блогосферу для мобилизации активистов, которые поддерживают разнородные идеологические течения, включая либеральную оппозицию и националистов.

На эмпирическом материале мы проанализировали особенности и роль блогов в обеих странах и пришли к выводу о том, что одним из факторов популярности и влияния блогов является доступность или недоступность иных каналов политического участия.

Таким образом, можно констатировать степень активности блогов в зависимости от степени цензурирования и контроля СМИ и общественных процессов.

Литература:

1. Farrell H., Drezner D.W. The power and politics of blogs // Springer Science+Business Media, Sept 12 2007.
2. Rainie, L., Fox, S., & Fallows, D. Blogs gain a small foothold. Pew Internet & American Life Project, Washington, DC, January 2003.
3. Интернет и интерактивные электронные медиа: Сборник исследований Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий. – М.: Издательство МГУ, 2007.
4. Лазарфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие [электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/hrest_pr/01.aspx .
5. Скобл Р., Израэл Ш. Разговор дороже денег. Как блоггинг меняет общение бизнеса и потребителей. – СПб.: Питер, 2007.
6. Чернышов Ю. Использование интернет-блогов в политической борьбе [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/studies/2007/chrnshv.html>.
7. Юсуповский А. Политика и блогосфера: особенности русского виртуального Гайд-парка [электронный ресурс] //Режим доступа: <http://zonakz.net/articles/17339>.

Социальная реклама как инструмент политической коммуникации в России

Соколова К.А.

Студент

*Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, факультет
социально-политических наук, Ярославль, Россия*

E-mail: kseniasokolova@bk.ru

В современном мире социальная реклама является популярной формой информационного взаимодействия общества и субъектов, заинтересованных в оказании влияния на общественное мнение. Предметом данного информационного взаимодействия являются социальные ценности, а точнее отношение общества к этим социальным ценностям. Целью заказчиков социальной рекламы, является привлечение внимания членов общества к некой социальной проблеме, формирование определенного отношения к ней и мобилизация индивидуальной и коллективной активности на устранение данной проблемы. В самом обобщенном виде можно сказать, что социальная реклама призвана информировать и воспитывать общество с целью профилактики и устранения социальных проблем.

Субъекты политики (государство, органы местного самоуправления и политические организации) являются наиболее крупными заказчиками социальной рекламы в России.

В качестве инструмента политической коммуникации социальная реклама помогает политическим субъектам установить обратную связь с обществом, вступить в диалог по обсуждению социально значимых вопросов. Субъект политики при помощи социальной рекламы выносит на обсуждение определенную тему, реакция общества на данное

сообщение, возможные изменения общественного сознания вследствие его восприятия, влияют на дальнейшую практическую деятельность политических акторов. Формируя выгодное политическому актору общественное мнение о некоей проблеме, социальная реклама подготавливает почву для проведения в жизнь определенной политики. Таким образом, социальная реклама делает процесс политической коммуникации практически ориентированным.

Используя социальную рекламу как инструмент политической коммуникации, субъекты политики стремятся донести до общественного сознания социально значимую информацию, которая, во-первых, создает определенный образ некоей социальной проблемы, а во-вторых, создает образ субъекта политики, как активного борца с этой проблемой. То есть социальная реклама помогает политическим субъектам не только в профилактике и борьбе с «социальным злом», но и в формировании своего благоприятного имиджа в глазах членов общества.

В отличие от государственной рекламы, объектом внимания которой выступает власть как таковая, ее символы и институты, социальная реклама является более универсальным средством политической коммуникации, так как позволяет решать намного более сложный перечень задач: практическое решение социальных проблем, формирование благоприятного образа власти в глазах общества, создание новых социально значимых ценностей.

В современной России процесс коммуникации субъектов политики с обществом посредством социальной рекламы нельзя назвать эффективным. В большинстве случаев эта социальная реклама остается либо незамеченной, либо вызывает негативные чувства в обществе. Это происходит вследствие того, что создатели и заказчики социальной рекламы игнорируют важные условия ее эффективности. Главным из таких условий является степень актуальности темы, которая выбирается для рекламного сообщения. К примеру, эффективность социальной рекламы по борьбе с домашним насилием будет совершенно разной, в США и в России. В России в общественном сознании сложился стереотип, что эта проблема является сугубо семейной, фактически закрытой для обсуждения. Российская общественность старается ее замалчивать, в то время как американская – открыто заявляет протест. В США социальная реклама по борьбе с домашним насилием имеет все шансы быть эффективной, а в России, скорее всего, останется незамеченной, именно ввиду нежелания общества бороться с данной проблемой. Социальная реклама должна соответствовать определенному заказу общества на решение социальных проблем, его приоритетам. В случае если социальная реклама, выполненная по заказу субъектов политики, не отвечает данному требованию, она воспринимается российским обществом как элемент политической пропаганды, что подрывает авторитет социальной рекламы в общественном сознании.

Согласно результатам проведенного исследования главной темой социальной рекламы в России сегодня должны стать социальные и экономические проблемы, вызванные кризисными явлениями в экономике. В период мирового финансового кризиса в обществе усиливаются такие настроения как неуверенность в завтрашнем дне, в собственных силах, отсутствие надежды на лучшее. Все эти психологические барьеры мешают обществу преодолевать сложности экономического и социального характера. В условиях кризиса социальная реклама может стать одним из инструментов коммуникации, с помощью которого субъекты политики могут помочь обществу адаптироваться к новым жизненным реалиям, упрочить чувство социальной защищенности. Например, в США после террористических актов 11 сентября 2001 г. справиться с чувством страха, вновь почувствовать себя в безопасности ньюйоркцам помогла рекламная компания «Нью-Йорк – чудо, стань его частью», а в периоды Первой мировой войны, войн в Корее и Вьетнаме с помощью социальной рекламы американское правительство объясняло населению цели участия США в этих войнах, мобилизовало нацию для победы и увеличивало число добровольцев в армии.

Литература

Источники:

1. Рекомендации "круглого стола" на тему: "О совершенствовании законодательного регулирования социальной рекламы"//www.ohrana-zdorovja.ru
2. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»// Российская газета, 15 марта 2006 г.

Литература:

1. Волкова Е. Социальная реклама на примерах рекламы государственных институтов// www.socreklama.ru
2. Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов, Сер.: Политология. – 1999. – № 1
3. Евтеева О. Социальная реклама государственного сектора//www.socreklama.ru
4. Колотий И.А. Особенности развития государственных коммуникаций в России//www.cccp-online.ru
5. Коробков Д.А. Роль и место государственной рекламы в системе государственных коммуникаций//www.cccp-online.ru
6. Курочкина Е. Социальная реклама//www.socreklama.ru
7. Малаканова О.А. Политическая коммуникация // Политическая социология и современная российская политика : сб. учеб. материалов. - СПб. : Европейский ун-т С.-Петербур., 2000.
8. Можаяев А.В. Возможные варианты взаимодействия органов государственной власти РФ, рекламных агентств и СМИ// www.cccp-online.ru
9. Николайшвили Г. Государство и социальная реклама//www.socreklama.ru
10. Николайшвили Г. Социальная реклама как технология влияния в публичной политике//www.socreklama.ru
11. Савельева О.О. Введение в социальную рекламу с двумя приложениями – М.: «РИП-холдинг», 2006. – 168 с.
12. Шапорева Т.Н. Социальная реклама в социальном маркетинге//www.socreklama.ru

Подсекция «Математических методов политического анализа прогнозирования»**Метод наименьших квадратов в исследовании политических феноменов***Ахметова Т.Р.**Студент**Казанский государственный университет им.В. И. Ульянова-Ленина,**философский факультет, Казань, Россия**E-mail: talinochka@inbox.ru*

Исследование и исчисление величин политических феноменов уже давно зарекомендовало себя в зарубежной политологической практике, однако на арене российской политологии такие методы работы исследователей до сих пор остаются наименьшим образом изученными. Преимущество математического инструментария в применении к политическому анализу состоит в его точной результативности, наглядности, возможности объединить и решить большое количество задач, используя нетрудоёмкую и эффективную обработку целого массива связанных между собой данных.

Помимо широко распространённых и апробированных в социологии методов математической статистики в политологическом исследовании возможно использование методов математического анализа, направленных, прежде всего, не на обработку большого объёма данных, а на качественное их рассмотрение и оценку. Среди последних выделяют методы аппарата алгебраических и дифференциальных уравнений, интегрирования, построения функций, метод наименьших квадратов, методы и средства «нефизического» происхождения – теория игр, моделирование на ЭВМ, информационно-логические системы, «неколичественные разделы» математики и прочие. Изучив пределы и непрерывности, возможность выстраивания и применения производной функции в математике несложно перенести данные методики в политический анализ.

Метод наименьших квадратов методологически основан на функции нескольких переменных. Учитывая многогранность любого политического феномена это становится особенно важным, так как данный метод даёт возможность иллюстрировать любое понятие или сложившуюся политическую ситуацию, подвергнувшуюся исследованию, с помощью графика в n -мерном пространстве. Для простоты вычисления и исследования в целом, используется две или три переменные. Это становится возможным благодаря несложным математическим действиям вычисления одной переменной через другую, уже известную или неизвестную, отражённую в формуле, составленной исследователем. В качестве «точек» или значений переменных возможно использование данных экспертных опросов, сведённых в одну форму благодаря, например, методу Дельфи.

При случае даже большой неоднородности экспертного мнения по тому или иному вопросу, на графике, отображающем политическую ситуацию или развитие феномена во временном пространстве, возможно построить наиболее близкую к ломаной прямую. При чем наиболее близкой будет считаться та, для которой сумма квадратов отклонений будет наименьшей. Это и будет итоговый график, отражающий развитие политического феномена во времени (если использовать данную единицу как одну из осей), и, следовательно, дающую основание исследователю не только анализировать состояние феномена на настоящем этапе, но и прогнозировать его динамическое развитие в будущем, то есть, заниматься прогнозированием.

Именно метод наименьшего квадрата может наиболее близко оценить сложный путь многофакторного течения политической ситуации из-за «сглаживания» и усреднения графика, что дает исследователю возможность оценить наиболее важные тенденции в жизни политического феномена.

Метод наименьших квадратов, как и любой другой математический метод, возможно ограничить в рамки программного обеспечения. Такие программы позволят исследователям в сфере политического анализа рассматривать более сложные, чем двумерные функции и задействовать при этом меньшее количество ресурсов. Стоит отметить, однако, что при таком условии увеличивается и количество факторов, на которые обращает внимание аналитик, что существенно обогащает исследование как таковое.

Наибольшее распространение и разработку получили математические методы в трудах американских ученых-политологов. Касательно сфер политологии, в рамках исследования которых наиболее часто используются заимствованные из математики методы, то это, чаще всего, являются отрасли этнополитологии, конфликтологии и исследования предвыборной борьбы, а так же смежные с социологией сферы.

Безусловно, применение такого рода инструментария имеет свои ограничения, ведь не любой политический феномен или процесс возможно формализовать подобным образом. Кроме того, в любой гуманитаристкой науке, в частности и политологии, часто бывает необходимо учитывать наличие большого числа субъективных факторов, которые не поддаются исчислению. Еще одним существенным препятствием для исследователя может стать недостаточное количество информации для проведения полноценного и адекватного анализа.

Необходимо отметить, что междисциплинарный инструментарий, к коим, несомненно, относится и упомянутая нами методология, существенно расширяет спектр традиционных политических подходов, ориентированных на изучение качественных характеристик различных политических явлений, повысить точность прогнозных оценок.

Литература

1. Ахременко А.С. (2006) Политический анализ и прогнозирование. М.: Гардарики.
2. Курникова Е.Л., Тарлецкая Л.В. (2008) Основы статистики. М.: МГИМО-Университет.
3. Сочнева В.А. (2007) Краткий конспект лекций по математике с элементами теории вероятностей и математической статистики. Казань: Каз.гос.ун-т.
4. Боришполец К.П. (2005) Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс.
5. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. (1997) Политология. Методы исследования: пер.с.англ.А.К.Соколова. М.: Весь мир.
6. Панарин А.С. (2003) Политология. М.: Проспект

Моделирование в политической науке: системно-динамический подход

Шкапина Марина Игоревна

Студент

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет политологии, Москва, Россия*

E-mail: philosophyforever@rambler.ru

Моделирование представляет собой один из перспективных и обладающих хорошей объяснительной способностью методов анализа сложных систем, к которым без сомнения относится и политическая система. В широком понимании модель представляет собой упрощённый образ объекта, отражающий наиболее значимые для исследования свойства объекта. Таким образом, моделирование применительно к сложным системам можно определить как процесс изучения свойств реально существующего объекта с целью выявления связей между его элементами,

взаимовлияния различных компонентов как включённых в объект, так и воздействующих на него извне, и создания в результате модели, пригодной для дальнейшего анализа.

В политической науке инструмент моделирования оказывается незаменимым при решении задач проведения эксперимента, ведь в реальных условиях эксперимент в социально-политических процессах оказывается невыполнимым, хотя бы вследствие невозможности создать и контролировать условия его протекания. Формализованное же представление цели некоторого объекта позволяет описать способ его поведения при изменении параметров. Моделирование способно решить задачу не только управления системой, но и охарактеризовать специфические процессы, ей присущие. Последнее как раз должно лечь в основу исследования системы политической.

Изъясняясь в терминах системной теории Д. Истона, на данном этапе развития политической науки моделировать возможно процессы на «входе» и «выходе», т.е. поддающиеся непосредственному наблюдению. Исходя из полученных результатов, теоретически, сконструированные модели могут служить ключом к пониманию процессов, «таящихся» в «чёрном ящике», таким образом, должно быть получено знание о полном цикле процессов в политической системе.

Критики количественных методов часто приводят аргументы, что формализация сложившихся качественных представлений об общественных явлениях далеко не всегда осуществима, а значит, полученная модель окажется либо неверной, либо неточной, либо применение моделирования окажется и вовсе невозможным. Однако это не так. Структура общественной системы, взаимодействие её элементов, распределение ресурсов – всё это, в принципе, может быть описано на строгом формализованном языке. Более того, подобный процесс формализации уточнит или сделает излишним множество расплывчатых понятий, более чётко и наглядно отразит структуру объекта, создаст основу для дальнейшего углубления содержательной стороны исследования.

Например, возможно предположить, что экономические показатели (такие как инфляция, ВВП на душу населения, доходы граждан) существенным образом влияют на поддержку населением правительства и проводимой политики. Эти показатели, в свою очередь, влияют на результаты выборов и политическую активность населения. Последствия выборов существенным образом могут повлиять на расстановку сил во власти. А проводимая вновь избранным руководством страны политика заново формирует экономические показатели, отношение населения к власти и т.д. Круг замыкается. Система продолжает функционировать.

Дабы точнее уяснить какие именно показатели влияют на характер изменений, происходящих в системе, и как эти изменения совершаются, необходимо рассмотреть исследуемый объект не в одномоментном срезе (то есть в некий определённый момент её жизненного цикла), а провести наблюдения с учётом немаловажного фактора времени. Именно на него делается главный акцент в системно-динамическом подходе (*system dynamics*), предложенном в середине 1950-х годов профессором Массачусетского университета Дж. Форрестером. Базисом системной динамики является также придание огромного значения не только отдельным компонентам сложной системы, а в большей степени структуре этой системы (взаимосвязи, взаимодействия элементов), которая во многом определяет поведение последней. Утверждается, что свойства целого не могут быть объяснены только лишь на основе свойств отдельных частей. Важно, каким образом части влияют друг на друга. В связи с этим вводятся понятия обратной связи (*feedback*), запасов и потоков (*stock and flow*). Обратная связь представляет собой процесс влияния результата жизнедеятельности системы (выходного сигнала) на её дальнейшее функционирование, т.е. поданный входной сигнал имеет функциональную зависимость от выходного. Данный феномен существенным образом влияет на поведение системы, появляется возможность её контролировать. Запасы и потоки взаимосвязаны; запасы есть некоторые постоянные величины, имеющие определённые

значения в конкретные моменты времени. Потоки обычно измеряются через определённые промежутки времени, они количественно изменяют запасы с течением времени. Данные понятия можно ассоциировать с запасами ресурсов (финансовых, человеческих и т.д.) и изменениями их во времени. Если рассматривать область политики как взаимодействие по распределению ресурсов, то данные концепты могут иметь весьма значительный объяснительный потенциал.

Динамическим системам приписывается свойство детерминированности: зная состояние системы в начальный момент времени, возможно предсказать варианты её дальнейшего поведения. Имитирование поведения системы по определённому набору альтернативных сценариев с помощью её модели позволяет протестировать различные варианты развития событий, рассмотреть проведение будущей политики и всевозможные решения, их влияние на состояние системы в будущем.

Литература

1. Истон Д. (1997) Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли в 5 т. Т.2. М.: Мысль.
2. Моделирование социальных процессов (1970) Отв. ред.: Э.П. Андреев, Ю.Н. Гаврилец. М.: «Наука».
3. Плотинский Ю.М. (2001) Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Логос.
4. Форрестер Д. (1971) Индустриальная динамика. М.: Прогресс.
5. Erikson R.S., MacKuen M.B., Stimson J.A. (2000) A system model of American macro politics
polmeth.wustl.edu/retrieve.php?id=170
6. Gharajedaghi J. (2004) Systems methodology: A holistic language of interaction and design Seeing Through Chaos and Understanding Complexities
<http://www.acasa.upenn.edu/JGsystems.pdf>
7. <http://www.decisiondynamics.com/default.asp?cmd=SystemDynamics>
8. <http://www.egr.msu.edu/classes/be230/chapter3.pdf>

Подсекция «Коммуникативных и информационных технологий в политических науках»**Пресс-службы органов власти, как инструмент воздействия на СМИ в интересах национальной безопасности современной России***Грач Д.Е.**аспирант**Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,**Факультет политологии, Москва, Россия**E-mail: denigrach@yandex.ru*

Одним из наиболее серьезных инструментов политического влияния на СМИ должны, по определению, быть пресс-службы государственных органов власти или некие другие PR-структуры (Public Relation) в их составе. В классическом понимании работы СМИ, их субъектного и функционального наполнения, функции PR-подразделений государственных структур ограничиваются информированием общества об их деятельности. Однако, технический прогресс, постоянно предоставляет СМИ, структурам по большей части коммерческим, восприимчивым к «ноу-хау», новые возможности для получения, анализа и распространения информации (с каждым днем становящейся все более влиятельным фактором социально-политических процессов), и осуществления обратной связи с потребителем информации в режиме реального времени. СМИ становятся все более самостоятельными и независимыми, как в экономическом, так и в политическом аспекте.

С другой стороны, государственные структуры не могут своевременно реагировать на растущее влияние СМИ. В технологическом аспекте это затруднено тем, что любое оборудование или программное обеспечение должно пройти большое количество проверок и иметь целый ряд сертификатов и лицензий, прежде чем начнется его использование в госструктурах. Правовые ограничения работы СМИ (не считая закона «О государственной тайне») либо применимы к отдельным случаям, несущим открытую, прямую угрозу национальной безопасности (например, распространение в эфире информации о расположении позиций спецназа во время проведения антитеррористической операции), либо не применимы вовсе, как технически, так и юридически (неопределенность, расплывчатость понятий, использованных в законах).

Именно по этому пресс-службы органов государственной власти должны стать основным политическим инструментом защиты интересов национальной безопасности РФ в информационном пространстве. Они должны стать более мобильными, более оснащенными как в техническом смысле, так и в кадровом. Должно расширяться их функциональное наполнение. Помимо информирования общества о работе органов власти, на их PR службы должны быть возложены функции постоянного мониторинга и анализа текущей работы СМИ и, что еще важнее, динамики их работы за периоды времени (чтобы выявить степень лояльности медиа-структур и отдельных журналистов к государству а так же их технологических возможностей и степени лояльности к «противнику»). Необходимо проведение разовых и очередных мероприятий (круглых столов, конференций и семинаров м т.д.) с участием представителей СМИ, общественно-политических организаций и коммерческих структур. Не менее важным элементом работы пресс-служб должна стать политика информационной спекуляции, благодаря которой возможно как наладить со СМИ взаимовыгодное сотрудничество, так и упреждать появление информации не являющейся секретной, при этом несущей угрозу национальной безопасности, а так же грамотно опровергать уже вышедшую в эфир (печать, на сайт) информацию и свести на нет ее эффект.

Литература

1. Закон РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 "О государственной тайне" (с изменениями от 6 октября 1997 г.)
2. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-I "О средствах массовой информации" (с изменениями от 13 января, 6 июня, 19 июля, 27 декабря 1995 г., 2 марта 1998 г., 20 июня, 5 августа 2000 г., 4 августа 2001 г., 21 марта, 25 июля 2002 г., 4 июля, 8 декабря 2003 г., 29 июня, 22 августа, 2 ноября 2004 г., 21 июля 2005 г.)
3. Н. Луман. Реальность массмедиа. М. Праксис. 2005
4. И.И Засурский. СМИ и власть. Россия девяностых. М. 2002
5. Г.Г. Почепцов. Связи с общественностью в политике и государственном управлении. М. 2001

Информационно-коммуникативная деятельность Минобороны России в ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии

Забузов О.Н.

*Преподаватель кафедры зарубежной военной информации, канд. полит. наук
Военный университет, Москва, Россия
E-mail: zabuzov@mail.ru*

События в ночь с 7 на 8 августа 2008 года в Ю. Осетии изменили не только отношения между двумя народами, отношения в целом регионе, но и мире тоже. Грузинское политическое и военное руководство, используя информационный занавес открытия летних Олимпийских игр в Китае попыталось решить «проблему» Ю. Осетии военным способом.

На начальном этапе слабость позиций и действий России в инфопространстве предопределила такой результат, что еще до начала боевых действий общественное мнение стран Европы и США было готово признать Россию агрессором. Заметим также, что высшие политические деятели ряда зарубежных стран фактически оказывали всяческую поддержку руководству Грузии, в том числе и информационную.

Следует отметить и оценку событий на Кавказе общественностью отдельных стран. Сегодня, когда телевидение, Интернет и СМИ стали действительно «массово доступны», значительная часть населения развитых стран мира – в основном в возрасте до 35–45 лет – всецело зависят от них и именно на их основе формируют свое мнение и отношение к тем или иным событиям. Это общеизвестный факт, за которым, впрочем, кроется факт иной, незаметный: эти люди составляют основной «костяк» избирателей в таких странах и принадлежат к тем, кто принимает или готовит основные решения. Последние же принимаются как раз на основе полученной информации и сформированного отношения к тем или иным событиям. Например, после ввода дополнительного контингента российских войск в зону конфликта интернет-сайты и всевозможные «блоги» буквально «взорвались» возмущенными сообщениями, осуждавшими «агрессию имперской тоталитарной России против маленькой свободолюбивой Грузии», которая-де не просто восстанавливает свою территориальную целостность, а еще и защищает южные рубежи РФ от «террористов и бандитов». Причем такие слова подавались не только от имени россиян, живущих за границей, но и от имени наших граждан, проживающих на территории России (об иностранных же авторах и говорить не приходится).

Были ли это реальные авторы или же умело законспирированные «солдаты» информационной войны, определить достаточно сложно. Но почему у них на поводу пошли те отечественные СМИ, материалы которых в ходе «пятидневной войны» носили откровенно или почти откровенно антироссийскую направленность? А таких оказалось немало, в основном этим «грешили» он-лайн СМИ, имеющие впрочем, намного большую доступность, а потому оказывающие больший информационный эффект, чем их более старшие печатные «собратья».

Стоит задаться вопросом, что было сделано, Министерством обороны, как одним из главных участников миротворческой операции? Проведенный автором анализ публикаций на официальном сайте Минобороны – www.mil.ru, показал следующую картину. Апогей присутствия информационных материалов о ходе вооруженного конфликта в Ю. Осетии на сайте Минобороны мы можем наблюдать 9 августа, это и понятно, нормальная информационная динамика, отражающая развитие событий (см. рис.). Но, потом почему-то пошел явный спад. Хотя при таком достаточно успешном развитии военных действия, информационный поток должен нарастать. Отдельно стоит назвать 17 и 24 августа, здесь явные провалы, при простой работе с календарем, становится ясно, что эти дни были воскресными. Война войной, а обед по расписанию.

В целом же вооруженный конфликт показал, что в начальный период боевых действий, наблюдался явный провал в информационной деятельности со стороны России. Минобороны, непосредственно организовавший эту операцию, проявило себя далеко неактивно.

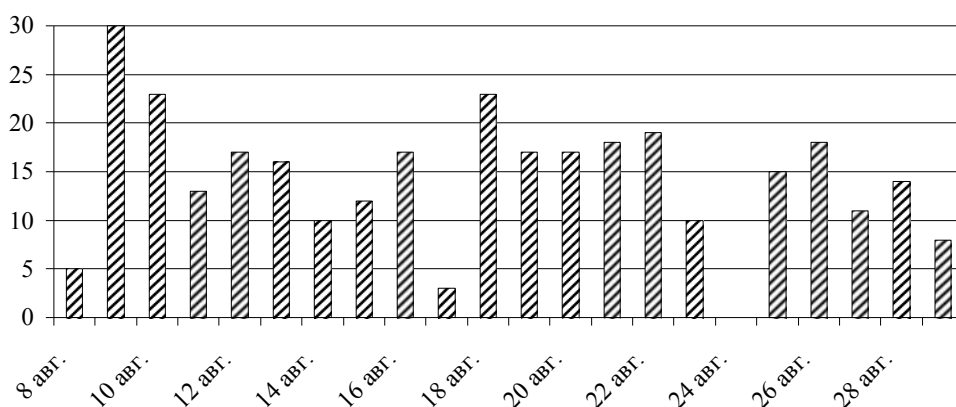

Рис. Динамика размещения информационных материалов о ситуации в Ю. Осетии на сайте Минобороны России (www.mil.ru)

Этому можно найти несколько обоснований. Или в Минобороны вообще не знали о готовящемся вторжении, и структуры органов информационного обеспечения Вооруженных Сил долго «раскачивались». Либо же имелась информация о планах грузинского руководства, а Минобороны пустило все на самотек, как обычно, не придав этому должного значения. Вооруженный конфликт еще раз показал, что без должного информационного обеспечения своих действий органами государственной власти, или, в нашем случае, Минобороны России, достичь успеха за короткий срок почти невозможно. Благо то, что для России вооруженный конфликт скоротечным и победоносным. В противном случае информационная машина, запущенная Саакашвили, при явной поддержке со стороны ведущих мировых держав могла бы серьезно ухудшить имидж России в глазах мировой общественности и отдельных иностранных граждан.

Отметим, что относительный успех по освещению вооруженного конфликта в Ю. Осетии внутри информационного пространства России руководство страны и Минобороны имело. Успех по разъяснению сложившейся ситуации зарубежной

общественности может быть признан лишь отчасти. Хотя отдельные островки успеха в зарубежном информационном пространстве были. В частности испанские блогеры во многом были на стороне России.

А вообще-то, для того чтобы успешно действовать в информационном пространстве, необходимо осознавать, что без должного информационного обеспечения своих действий успеха не видать. Вооруженный конфликт в Ю. Осетии еще раз тому подтверждение. Без развития информационных структур в МО РФ, без осознания важности их функционирования, поддержки среди населения, как внутри страны, так и за пределами будет достичь достаточно тяжело.

Литература

1. Посол США на Украине обвинил Россию в агрессии против Грузии и похвалил Ющенко с Тимошенко // <http://www.nr2.ru/crimea/192653.html>.
2. Щербаков В. Спецпропаганда отсиделась в кустах. Минобороны проиграло информационную войну // Независимое военное обозрение. – 2008. – 22 августа.
3. Яковлева А. Население «мобилизовалось» вокруг власти // Независимая газета. – 2008. – 19 августа.
4. www.mil.ru (Министерство обороны Российской Федерации).

Информационная составляющая политической борьбы в современной России

Куаови Джойс Фиделевна

студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет
глобальных процессов, Москва, Россия*

E-mail: alpha_beta_gaga@mail.ru

Целью данной работы является анализ того, как с переходом России от тоталитарного режима к строительству демократической государственности изменился характер российского информационного политического пространства, а также информационно-коммуникационных технологий, применяемых в рамках этого пространства и за ними.

На сегодняшний день информационные технологии представляют собой не просто условие или инструмент для осуществления деятельности в сферах экономики, культуры или кибербезопасности. Это ещё и средство, благодаря которому можно повысить эффективность государственного управления, местного самоуправления и непосредственно дальнейшего развития демократии в России (Петрунин, 2004). Таким образом, речь идёт как о федеральном уровне (выборы в Государственную Думу Российской Федерации), так и об уровне региональном (губернаторские выборы в субъектах Российской Федерации).

Сегодня избирательная кампания представляет собой состязание технологий воздействия на общественное сознание и мнение, которые становятся главной «мишенью» для средств массовой информации, когда те используются как инструмент политического маркетинга (Мараховская, 2001).

Палитра таких технологий становится всё богаче. Сложно говорить уже только о конвенциональных и неконвенциональных методах. Необходимо выделять «полутона» в политических технологиях.

Выбор технологий становится всё шире: дискредитация противника, применение приёмов, изучаемых в рамках так называемой румологии, различные психологические методы манипулирования сознанием избирателей, осуществление качественного политического «пиара» и имиджмейкинга и многие другие методы и средства.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в течение последних двух десятилетий информационная составляющая являлась неотъемлемой частью политической борьбы в России. Более того, политические процессы в современной России можно смело называть зависимыми от их коммуникационного и информационного содержания, а также от природы и строения информационно-политической сферы общественной жизни. Это, в свою очередь, нередко приводит к вынужденным изменениям в существующем избирательном законодательстве. Примером может послужить отмена выборности глав субъектов Российской Федерации, одной из причин которой является негативная сторона информационной составляющей политической борьбы.

Литература

1. Байханов И. (2008) Электоральное поведение и исторические традиции // «Журнал о выборах», № 6, с.25-27.
2. Балытников В. (1995) Четвёртая власть: правовое регулирование // ОНС, №6.
3. Белкин С.В., Воронин В.В., Устименко С.В. (1999) Интернет и власть // Власть, №9, с.21-25.
4. Большаков С.В., Головин А.Г. (2007) Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации. М.: РЦОИТ, Издательство «Весь Мир».
5. Большаков С.В. (2002) Избирательные информационные правоотношения // Право и власть, №2, с.100-106.
6. Веденеев Ю.А. (2001) Средства массовой информации и избирательный процесс // Журнал о выборах, №2, с.36-39.
7. Вешняков А.А. (2002) Пресса - важнейшая часть избирательной системы России // Журналист, №8, с.8-11.
8. Евстафьев В., Лисовский С. (1999) Политические коммуникации в период избирательной кампании // Дайджест-маркетинг, №1, с.85-90.
9. Иванченко А.В., Любарев А.Е. (2007) Российские выборы от перестройки до современной демократии. М.: Аспект Пресс.
10. Макаревич Э. (1998) Противоречие между технологиями «Паблик Рилейшнз», демократией и свободой личности // Диалог, № 8, с.10-18.
11. Мараховская М. (2001) Разноцветный PR избирательных кампаний // Сообщение, №12, с.48-51.
12. Михалюк В. (2000) Стратегия работы со СМИ в ходе избирательной кампании // Политический маркетинг, №9, с.24-29.
13. Морозова Е. (1995) Технология избирательной кампании // Власть, №10, с. 26-30.
14. Петрунин Ю.Ю. и др. (2004) Политические коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Соловьева А.И. М.: Аспект Пресс, 2004.
15. Пугачёв В.П., Соловьев А.И. (2006) Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс.
16. Раскин А.В. (2001) СМИ и региональные выборы в России. Роль и значение информации во время предвыборной кампании // Информационное общество, №3, с.59-61.
17. Романенко О.В. (2002) Косвенное финансирование избирательных кампаний политических партий в России // Право и власть, №3, с.60-69.
18. Сергеев В.М. (1997) «Необратимость перемен»: реальность или метафора // Полис, №1.
19. Силин А. (1997) Российский парадокс // Свободная мысль, №5.
20. Федеральный закон Российской Федерации «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». М.: Ось-89, 2007.

21. Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации". М.: Омега-Л, 2008.
22. Щербинина Н.Г. (2000) Эффективные избирательные технологии в ситуации реального выбора: региональный опыт // Дайджест-маркетинг, №1.
23. Bonfils P. (1994) La jurisprudence du Conseil constitutionnel relative a la communication des collectivites locales elus et candidats: Lors des elections legislatives des 21 et 28 mars 1993 // Medias pouvoirs, №35.
24. Lecomte P. (1994) Strategies de pouvoir mediatiques // Medias pouvoirs, №35.
25. intra1.1tv.ru/owa/intra/ELECTION.info_page_elec?ARHIV=1 (Архив информации о выборах).
26. wciom.ru (Всероссийский центр изучения общественного мнения).
27. www.cikrf.ru (Центральная избирательная комиссия Российской Федерации).
28. www.inion.ru/index.php (Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук).

Сеть Интернет как информационно-коммуникационный канал взаимодействия с электоратом

Латышева Олеся Викторовна

Студент

Тульский государственный университет, гуманитарный факультет, Россия, г. Тула

E-mail: latolesya@yandex.ru

Изменения, происходящие в современном российском обществе, связанные, прежде всего, с преобразованиями в политической сфере, повлекли за собой необходимость развития новых информационных технологий. Одной из таких технологий выступает сеть Интернет.

Из узкоспециализированной компьютерной среды Интернет превратился в мощное информационное пространство, которое затрагивает в той или иной степени жизнь каждого из нас. Современный человек в среднем тратит треть своего свободного времени на глобальную паутину. Как в современной России, так и в мире в целом, наблюдается рост числа интернет-пользователей среди населения. В свою очередь, увеличение интернет-аудитории обусловило привлечение к глобальной сети внимания со стороны государственной власти, политических партий и лидеров, что позволило Интернету стать атрибутом политической жизни.

Активное вовлечение глобальной паутины в политику является и следствием того, что традиционные средства политической коммуникации уже не обеспечивают должного уровня электоральной активности среди населения. В то время как сеть Интернет позволяет расширить масштабы и формы взаимодействия субъектов политики в виртуальном пространстве. Арсенал политических возможностей сети весьма разнообразен: от проведения информационно-политических акций, агитации до организации официальных голосований на выборах в органы власти. Использование Интернета в избирательных кампаниях, в отличие от применения традиционных СМИ, обладает рядом преимуществ. Интернет доступен круглосуточно. Также Интернет открыт для передачи любой информации, которая необходима кандидату, что позволяет сочетать возможности прямой и косвенной политической рекламы.

В ходе современных предвыборных кампаний Интернет предстает их активным участником – посредством сайтов политических лидеров, блогов и интернет-конференций. Коммуникационные возможности сайта достаточно обширны, так как

он позволяет размещать помимо информационных материалов агитационные ролики и листовки. Тем самым реализуется главное назначение сайта политического лидера – рекламная активность, круглосуточная трансляция информации о деятельности кандидата. Характерной особенностью блогов является создание ощущения непосредственного диалога с политическим деятелем, а интернет-конференция выполняет функции фокус-группы.

При этом основными интернет-технологиями, применяемыми в политике, в нашей стране являются сайты и блоги политиков и политических партий. Подобное объясняется тем, что сайт совмещает в себе возможности печатных и телевизионных СМИ, его создание финансово менее затратно, нежели издание журнала или газеты. Но следует учитывать тот факт, что постоянная поддержка интернет-представительства на должном уровне, то есть в качестве способного оказывать влияние на избирателей, требует совершенной технической базы и регулярных обновлений информации. В силу же того, что большинство политических ресурсов активизируются накануне выборов, многие сайты политических лидеров имеют непродолжительный срок жизни – так, официальный сайт кандидата на пост Президента РФ Д. Медведева закончил свое существование 7 марта 2008 года в 19.20. Интересен тот факт, что наиболее популярным политиком в сети, как и в российской действительности, остается В.В. Путин. В Интернете можно встретить множество домашних страниц, созданных как в поддержку деятельности премьер-министра, так и с целью выразить критическое к нему отношение. Сторонники Путина нередко ограничиваются публикацией фотографии и биографии экс-президента. Из таких интернет-проектов можно отметить сайт «Владимир Путин» (putin1.nm.ru). Противники же Путина более оригинальны: например, на сайте «Дутый Пу» (obmanuli.narod.ru) он был изображен в виде надутого шарика.

Что же касается русскоязычной блогосферы, то следует отметить следующую ее отличительную черту: уже на начальном этапе своего развития в нашей стране интернет-дневники носили общественно-политическую направленность. Сегмент блогосферы довольно быстро пополнился именами российских политиков: В. Алкснис ([v_alksnis](http://v_alksnis.ru)), Н. Белых ([belyh](http://belyh.ru)), Г. Каспаров ([kasparov_ru](http://kasparov.ru)), Б. Немцов ([b_nemtsovs](http://b_nemtsovs.ru)), на blogs.mail.ru был открыт журнал В Жириновского, в рамках официального сайта «Единой России» запущена социальная сеть «Берлога» (togeth.er.ru) и видеоблог Д.Медведева. Как правило, блоги в избирательной кампании большинством политических деятелей используются для привлечения сторонников и их мобилизация, пропандирования и обкатки определенных идей, для контрпропаганды.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что потеря традиционными типами политической коммуникации роли ведущего инструмента связи с избирателями в ходе предвыборной борьбы повлекла за собой необходимость изменения наметившейся тенденции к отчуждению граждан от политической жизни общества и привела к формированию нового типа информационно-коммуникационного канала взаимодействия с электоратом – интернет-технологий.

Литература

1. Иванов, Д.Г. Политический PR в Интернете: российские реалии [Текст] / Д.Г. Иванов// Интернет-маркетинг. – 2002. - №4. – С. 6-14.
- 2.Сметанин М. Борис Немцов – первый политик в российском интернете Русский журнал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.russ.ru/netcult/history/htm/>. Свободный доступ. – Заголовок с экрана, язык русский.
- 3.Сметанин, М. Виртуальное партстроительство. Русский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.russ.ru/netcult/history/htm/>. Свободный доступ. – Заголовок с экрана, язык русский.

4. Сметанин, М. Интернет-проекты «Союза правых сил» на выборах в Государственную Думу. Русский журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/netcult/history/htm/>. Свободный доступ. – Заголовок с экрана, язык русский.

Информационно-коммуникационные технологии в политическом менеджменте (на примере реализации программа «Электронная Тюменская область»)

Мозжегоров С.В.

Студент

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail: sergiys@inbox.ru

В России сравнительно недавно произошло осознание важности применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в политическом менеджменте. Как показывает практика, комплексное использование ИКТ трансформирует систему государственного управления, выдвигает новые требования к политическим институтам.

Реализуемая программа информатизации имеет как федеральное, так и региональное измерение. Принята Федеральная целевая программа «**Электронная Россия**» (2002 – 2010 гг.). Актуализация вопросов информационно-коммуникационного развития на региональном уровне связана с принятием федеральным Правительством **Концепции региональной информатизации** (2007 г.). Выявились регионы-лидеры в реализации программ информатизации, сумевшие прежде других осознать значимость развития информационно-коммуникационных технологий.

Тюменская область явилась динамично развивающимся регионом в информационной сфере. Областным Правительством принята целевая программа «**Основные направления развития информатизации в Тюменской области (Электронная Тюменская область)**» (2005 – 2010 гг.). Следует отметить особую роль Тюменской области в реализации программы информатизации, позиционирование региона как пилотного субъекта Федерации в данном направлении развития, модельного и образцового для других регионов. Разработку и реализацию программы осуществляет Департамент стратегического развития Тюменской области.

Целью программы региональной информатизации является создание информационной поддержки деятельности органов власти, повышение эффективности работы органов власти, качественное улучшение взаимодействия с населением. На основе анализа областной программы информатизации мы попытались выявить технологические моменты её реализации и влияния на систему государственного управления.

Принципиальное значение приобретают вопросы **модернизации государственного управления**. Информатизация влияет на всю систему управления, создавая *информационную инфраструктуру*. Создается Единая сеть передачи данных, которая на локальном уровне связывает органы государственной власти с социальными и общественными институтами (поликлиника, социальные учреждения, ВУЗ, библиотека и т.д.). Подключение к единым компьютерным сетям органов государственной власти и управления разного уровня. Таким образом, вертикальная система властных отношений преобразуется в горизонтальное взаимодействие государственных структур в рамках сетевой организации. В то же время управленческий процесс виртуализируется, перемещается из реального в сетевое пространство.

Следующим аспектом информатизации является создание *базовых отраслевых и информационных систем* способствующих более эффективной работе органов исполнительной власти с населением. Информационная система подразумевает создание

Регистра населения и Социального паспорта жителя, включающего в себя персонифицированные показатели населения региона, а также Баз Данных отдельных ведомств и учреждений (БД здравоохранения, БД образования, БД ЖКХ и т.д.). Унифицируется процесс взаимодействия между органами государственной власти и социальными институтами.

Третий важный аспект информатизации связан с созданием форм интерактивного взаимодействия органов государственной власти и населения (модель так называемого “Электронное правительство”). Реализация программы позволит обеспечить новый уровень предоставления государственных услуг для населения региона. В рамках создания электронного правительства будут решены вопросы обеспечения доступности для населения информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Кроме того, между органами власти и гражданином осуществляется адресное взаимодействие на основе административных регламентов, т.о. отношения государственных структур и институтов гражданского общества демократизируются. Данный аспект информатизации приобретает особое значение в условиях современных российских реалий.

Хотелось бы отметить, что информационные технологии являются инструментом совершенствования государственного управления. Эффективное использование информационных технологий обязано изменить как систему управления, так и управленческий процесс, сделав его направленным на нужды и потребности населения, преодолеть существующий сегодня бюрократизм системы. Таким образом, проектирование информационных систем должно сопровождаться совершенствованием организационной структуры управления, а также повышением уровня информационной открытости органов власти и доступности информационных ресурсов населению региона.

Литература

При написании тезисов в качестве источников были использованы документальные материалы с сайтов:

1. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ

<http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents>;

2. Сервер органов исполнительной власти Тюменской области

<http://www.admtumen.ru>.